

НА ГРАНИ ДОВЕРИЯ

16+

Марина Ледовская

Annotation

Со времени последних событий, описанных в романах "Я тебе посылаю любовь" и "Крылья в багаже", прошло семь лет. У Николая и Надежды Фертовских растёт дочь. Вадим Зорин преподаёт в университете, время от времени встречаясь со своими студентами в неформальной обстановке. Одна из студенток ему особенно по душе. Жизнь идёт своим чередом. Однако её привычный уклад нарушает внезапный приезд из Америки сына Николая. Вот тут и всплывают наружу тайны, связанные с прошлым, среди которых фамильный раритет с наложенным на него проклятьем. В события, произошедшие в доме Фертовского-старшего, так или иначе, оказываются вовлечёнными все члены семьи. Потеря доверия, боль разочарований, жизненные уроки — через всё это пройдут герои книги. Однако они сумеют сохранить честь, искренность и, конечно же, любовь.

- [Марина Ледовская](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

Марина Ледовская

На грани доверия. Книга третья

Глава 1

*"Почему вы рассуждаете о жизни,
вместо того чтобы ощущать её?"*

Э. М. Ремарк

Виктория стояла у окна, провожала взглядом проезжающие автомобили. Начало сентября выдалось тёплым и солнечным — настоящее «бабье лето». Но настроение со вчерашнего вечера ничуть не улучшилось — опять неудача. Запереться бы дома, забиться в угол и там прореветься, так она делала каждый месяц. Но вчера позвонила Надя и попросила посидеть с Сашкой. Сама Надя вынуждена была съездить по делу куда-то на окраину города, а Николя ещё не вернулся со съёмки.

Виктория с Сашей сначала перебрали все коробки с игрушками, затем шкатулки со всевозможными девчачьими драгоценностями в виде заколок, колечек и браслетиков. Следующим этапом стали прятки: тут, конечно, Александра, как главная жительница квартиры, преуспела больше, да и прятаться ей было сподручнее.

После того, как прятки основательно надоели, решили обе поесть гречневой каши с молоком, которую им оставила Надя. Саша изрекла, что каша — вкусная и полезная, хотя съела ровно половину содержимого тарелки. Она вообще плохо ела. Ну и вследствие этого в свои шесть лет была худенькой, с длинными руками и ногами, и, скорей всего, вырастет высокой и тонкой — в породу Фертовских. Саша и лицом была похожа на отца — темноглазая, для ребенка взгляд слишком серьёзный, прямой носик, впалые щёки, волосы волнистые и чёрные.

— Давай играть в театр, крёстная? — предложила Саша после трапезы. Вика, зарывшись в подушки, вознамерилась было посидеть на мягком диване, но поняла, что от очередной игры не отвертеться.

— В театр? — удивилась она.

Вместо пояснения Саша принесла две игрушки, надеваемые на руку, задёрнула шторы возле балкона. На руке Виктории оказалась сова, она чинно поклонилась своему другу бурундучку, которым управляла Саша. Началось представление. Сова будила бурундучка, который никак не хотел утром вставать, она его уговаривала, обещала, что они возьмут коньки, пойдут на каток, речка уже замёрзла. Шестилетняя Саша легко и фантазийно включилась в игру крёстной, она изображала бурундука, отвечала тоненьким капризным голоском, спорила с мудрой совой. Вика так увлеклась игрой, что забыла о своём плохом настроении, о вчерашних переживаниях, боль отступила. Всё же её крестница была замечательной девочкой, общительной, доброй, не требовала к себе повышенного внимания. Хотя её баловали все, начиная от отца, заканчивая бабушкой, дедом Володей. Вот уж кому доставалась львиная доля любви Саши. Когда она родилась, то никак не могли прийти к согласию, касаясь имени ребёнка. Николай решил уступить Наде, а она ему. Опять ничего не решили.

— Вы можете и дальше никак не называть мою внучку, — вмешался Фертовский-старший, — я её нареку Александрой, Сашенькой, — твёрдо сказал он. Почему-то на сей раз никто спорить не стал. Так в семье появилась Александра Николаевна Фертовская, любимица деда, которого и она обожала. Сызмальства, заведя его, она бежала с криками «Дедуля!», обнимала за колени и искренне радовалась. А сердце бабушки таяло. Он вообще очень изменился, ещё с тех пор, как в его жизни появилась Мария, а потом и внучка. Иногда Николаю просто не верилось в происходящее. Неужели на отца так повлияла любовь? Но ведь это только в романах так бывает, когда чувство способно радикально изменить человека, поколебать его принципы, взгляды, характер, наконец. Ко всему прочему, отец был далеко не молод, а с возрастом постоянство образа жизни, мыслей, привычки необходимы, они залог здоровья своего рода. Однако Фертовский-старший изменился, и реальность это доказывала. Он не оставил своей преподавательской деятельности, но студенты теперь куда с большим энтузиазмом шли на его лекции, не тряслись перед экзаменами, а женская часть аудитории с удовольствием отмечала его доброту, улыбку и даже изменившийся стиль в одежде. Он носил джинсы, пиджаки с водолазками. Смотрелся явно моложе своих лет. И часто ловил на себе восторженные взгляды. Но в сердце жила лишь

любимая жена. Вопреки негласным правилам их союз считался настоящим мезальянсом: разница в возрасте, положении, жизненный опыт. Но Маша обладала от природы невероятным чутьем, женской мудростью, зная, где промолчать и уступить, а где и отстоять свою точку зрения. Она во многом не разделяла интересов своих сверстниц, казалась старше их, любила читать, анализировать, не боялась ошибиться. Как-то Николай сказал о своей жене, что одно из качеств, которое наиболее его восхищают в ней, — это умение жалеть, сочувствовать. Фертовский-старший заметил эти качества и в своей супруге.

Теперь, внимательнее приглядываясь к своей невестке, он стал замечать, что у Нади и Маши много общего. Наконец пришло прозрение того, что нашел в своей жене его сын. Владимир Григорьевич с невероятным для себя удовольствием открыл то, как ему приятно наблюдать за этим двумя женщинами, когда они общаются. Маше нравилось наносить визиты в дом его сына, это приносило много положительных эмоций. Фертовский-старший отдавал себе отчет в том, что он не молод, а время идёт. Поэтому по переезду Маши в его дом тут же сделал ей предложение. Она без раздумий согласилась. Маша по-настоящему полюбила Владимира Григорьевича, полюбила тепло и сердечно. Она почувствовала его душу, ту боль, какую много лет он носил в себе. Маша пообещала сделать всё возможное, чтобы муж был с ней счастлив. Во многом благодаря увещеваниям Нади, семья самой Маши смирилась с этим необычным браком. А Николай был рад, что отец женился. Вот так все переплелось, но уладилось самым чудесным образом. А появление на свет Сашеньки ещё больше сплотило семьи.

— Мама приехала! — воскликнула девочка, заслышав, как открывается входная дверь. Саша сорвалась с места, побежала в коридор. Послышалось звонкое чмокание, затем проверка маминой сумки, вдруг там, ну совершенно случайно, окажется мармелад?

Когда Надя уложила дочь спать, они с Викой отправились на кухню.

— Как вела себя Саша? Не капризничала? — спросила Надежда, усаживаясь напротив подруги.

— Нет, что ты! Это золотой ребёнок, — улыбнулась Вика, — просто счастье.

— Это счастье иногда бывает неугомонным и непослушным, — заметила Надежда.

— У неё глаза Николя, — сказала Вика.

— Да, — согласилась Надя, — она вообще в породе Фертовских, вырастет аристократка, не иначе.

Виктория кивнула. Ссутулившись, сидела на стуле, очки съехали на кончик носа. В следующий момент она вообще их сняла и бросила на стол, закрыла лицо руками.

— Ну что ты, — Надежда подошла к подруге, обняла её за плечи.

— Опять мимо, — тихо сказала Вика.

— Все ещё будет, милая, поверь мне.

— Я всё меньше и меньше в это верю, Надя, — горько вздохнула Виктория, — мы в браке семь лет, оба здоровы, мы соблюдаем все предписания, мы стараемся, а результат одинаков, то есть никакого. Это, наверное, наказание.

— Ну, перестань, — Надя погладила её шелковистые, рассыпанные по плечам, волосы, — давай я сварю тебе свой волшебный кофе, хочешь?

— А твой кофе может исполнять желания? — Вика подняла голову.

— Увы, но он может утешать и ещё давать надежду. Ведь это кофе Надежды, — она достала медную турку, банку с зёрнами кофе и две маленьких чашки.

— Хорошо, кофе так кофе, — согласилась Виктория. — А помнишь, когда Сашка родилась, а ты себя плохо чувствовала, я зачастила к вам? Зорин тогда всё подшучивал надо мной, что лучшей няни и сиделки не найти. И когда он станет дряхлым и беспомощным, я буду за ним ухаживать.

— Вадим очень хороший, — улыбнулась Надя, стала разливать кофе по чашкам, — а знаешь, что самое главное?

— Что? — спросила Виктория.

— Он тебя любит.

Глава 2

Вика лежала на диване и непрерывно переключала программы телевизора. Вадим ввалился в дом мокрый, грязный шумный. Он вернулся из Беяниново, по дороге автомобиль заглох, пошел дождь,

пока Зорин ковырялся в машине, вымок до нитки. Перед самым домом позвонил декан университета, разговаривали на повышенных тонах, Вадим забыл где-то расписаться. Поэтому в дом вошёл в эмоциях, рюкзак бросил у входа, когда снимал ботинки, уронил телефон, выругался.

— Госпожа Зорина, — крикнул он после некоторой паузы, зная, что жена уже дома, но встречать почему-то не вышла, — приехал супруг — злой и голодный. Хотелось бы внимания хоть немного. Виктория!

Она вышла в коридор.

— Что ты разорался, Зорин? — сложила руки на груди.

— Я, между прочим, приехал, — Вадим пнул свои грязные ботинки.

— Я, между прочим, вижу и слышу, — вздохнула Виктория.

— Хочу возмущаться, мыться и есть, — не сбавляя громкости голоса, сообщил Вадим, прошел в ванную-комнату, высунулся из-за двери, — могла бы и поцеловать любимого мужа.

— Угу, — ответила Вика и направилась в кухню.

Вадим мылся долго и с удовольствием, тело жадно впитывало горячую воду, согревалось, избавляясь от негативных ощущений. Зорин, побрякивая, бодро растерся полотенцем, надел всё чистое и сухое. Вошел в кухню, хотел было обнять жену, но та отстранилась.

— Мда-а-а, — протянул Зорин и плюхнулся на стул, подвинул к себе тарелку с разогретым ужином. Виктория направилась к выходу из кухни, но Вадим успел схватить ее за руку. — Я не хочу есть один, — сказал он резко, но Вика к своему несчастью не почувствовала, насколько разозлился муж. Она всё ещё пребывала в подавленном состоянии и больше всего на свете сейчас желала остаться в одиночестве.

— У меня нет аппетита, — выдала она.

— Меня это мало волнует, — не меняя тона, отозвался Вадим, — я не люблю есть один. Сядь! — приказал он.

— Зорин, ты не в своём университете, и я тебе не студентка, — она опять сделала попытку уйти.

— Я сказал, чтобы ты находилась здесь, — голос Вадима стал глухим.

— Почему?

— Что почему? — он посмотрел на жену с холодной яростью.

— Почему ты так ведёшь себя? Неужели ты не видишь, что мне плохо? — она ощутила, как к горлу подкатил ком.

— Тебе плохо каждый месяц в одно и то же время. Ты изводишь и себя, и меня, — процедил Зорин.

— Тебе легко говорить, ты не страдаешь так, как я. Почему всё так сложно с тобой, Зорин? Мне иногда кажется — ты даже рад, что у нас нет детей. Нас вроде как ничего не связывает, — она заплакала. По щекам ручейками побежали слёзы.

— Дура! — зло изрек Вадим и стукнул по столу так, что тарелка подпрыгнула, вилка с грохотом отлетела на другой конец. Схватил жену за запястье, больно сжав, притянул к себе. — Ты пила? — его обожгла догадка. Только не это! — Не смей пить! — заорал он так, что, казалось, затряслись стены. Виктория испугалась по-настоящему. Она и правда, выпила сегодня, но немного, думала, что поможет, однако тоска накатила с новой силой. — Какая дура! — он схватил её и потащил в ванную. Сопротивляться было бесполезно, хватка у Зорина железная. Он затолкал жену под душ прямо в одежде. Вода хлынула холодная, агрессивная, халат моментально прилип к телу, волосы облепили лицо.

— Я больше не буду-у-у, — завывала Вика. Вадим выключил воду, резко дернул мокрые завязки халата.

— Снимай всё с себя, вот полотенце — вытрись, — хмуро сказал он и ушёл. Всхлипывая и икая, Виктория долго стягивала с себя мокрое бельё, затем вытиралась, кожа уже согрелась, и стало внезапно легче. Холодный душ вкупе с неожиданной яростью Зорина отрезвил её и вывел из депрессии. Даже обижаться не хотелось.

Зорин, раскинувшись на кровати, спал — ноги и руки в стороны, громко сопел. Виктория села на краешек кровати, сжалась в комок. Зачем наговорила мужу глупостей? Обвинила его. Ведь понятно же, что и он переживает. Она легла рядом, обняла его. Сон навалился почти сразу.

Зорин проснулся среди ночи — затекла рука. Обнаружил на ней спящую жену. Осторожно вытащил из-под неё руку, потряс, разгоняя кровь. Нестерпимо хотелось курить. Вот ведь полгода назад бросил, а теперь опять потянуло, внезапно и так сильно, что он даже облизал

губы. Где-то были сигареты, подаренные Николя, ему привезли с Кубы. На пачке нарисована танцующая Кармен.

Вадим бесшумно покинул спальню и направился на поиски пачки сигарет.

— Ну и крепкие, — он затянулся в открытую форточку. То ли уже отвык, то ли и, правда, сигареты были крепкими, но в голове приятно зашумело. С улицы веяло осенней ночной прохладой. Горели жёлтые фонари. Вадим почувствовал у ног что-то мягкое. Кошка проснулась и решила составить ему компанию, заодно попросила поесть — вдруг повезёт? Она стала тереться о босые ноги Вадима, клала на них голову и ласково урчала, хвостом виляла как пушистой метёлкой. Зорин усмехнулся, насыпал кошке корму, та немедленно захрустела.

Вадим докурил, уселся прямо на пол рядом с кошкой. Муся вопросительно мяукнула на такое соседство. Вадим стал её гладить. Как-то так получилось, что он никогда не задумывался об отцовстве. С первой женой об этом разговоров не велось, да и было бы смешно упоминать о детях. Творчески-богемная личность подобных тем не понимала. Юлия пребывала в мире своих фантазий, поиска вдохновения, новых впечатлений. Она снисходила до земного лишь в минуты потребности утолить голод, сон. Поразительно, чем она увлекла Вадима? Неземное существо? — Зорин горько усмехнулся. О покойных плохо не говорят, но почему-то хорошее никак не хотело вспоминаться. Вика со всеми её заморочками, неровным характером, самая что ни на есть земная женщина, желающая любить и быть любимой, иметь семью, детей, теперь была куда ближе. Хотя вот с детьми что-то не получалось, да. А ведь они оба здоровы. Как жена сказала: почему с тобой всё так сложно, Зорин? Эти слова отозвались в сердце какой-то особой болью, потому что он и так долгое время считал себя неудачником, каким-то слишком сложным, искал в жизни всё чего-то необычного, в жизни, в женщинах. Потом одним махом изменил всё: взял в долг часть денег у отца, часть в кредит — прыгнул в неизвестность как в омут с головой. Странное дело, но не проиграл, не обанкротился. Начатое дело пошло в гору, нашлись помощники. Потом череда перемен в личной жизни. И вот его женой стала Виктория Корецкая. И опять он сделал резкий шаг, но не пожалел об этом.

Первые месяцы после свадьбы он оба от счастья как будто сошли с ума, забывая обо всём на свете, погружались друг в друга. Затем наступило затишье, но такое — приятное, похожее на негу, истому. А потом... потом Виктория стала ждать, и чем больше ждала, тем больше отчаивалась. Последовал период хождения по врачам, консультации, успокаивающие убеждения врачей в том, что всё хорошо, просто пока не получается. Но Вика большую часть своей жизни привыкла получать желаемое либо сразу, либо быстро. А жизнь вносила свои коррективы, и такое бывает, особенно, когда чего-то очень хочешь и нервно ожидаешь, то, как правило, это не получается, либо затягивается. Наверное, в этом была тоже своя премудрость, направленная на то, чтобы заставить понять, переосмыслить, чему-то научиться.

Вадим вытянул затекшие ноги, кашлянул. Нет, всё-таки зря выкурил эту жуткую сигарету. Вот иногда скажешь или сделаешь, не подумав, а потом расхлебывай. Уже второй час, а спать не хочется. Завтра, нет, уже сегодня, вечером ехать в университет. Начался новый учебный год. Зорин вздохнул. Закончил аспирантуру, надо преподавать — вырабатывать часы. С другой стороны, он отметил про себя, что ему нравится общаться со студентами, нравятся новые лица, новые впечатления. Во всём этом ощущается полнота жизни. Жизнь, а она ведь везде, даже в кошке, что рядом.

Зорин стал наблюдать за Мусей, которая умывалась. Сначала она вылизала передние лапы, затем мордочку, особенно тщательно вылизывая себя за ушками. Закончила туалет чисткой боков и хвоста. Посмотрела на Вадима весьма довольная — внимание хозяина было сосредоточено полностью на ней. Может быть, Виктории просто не хватает этого самого пресловутого внимания? Зорин опять вздохнул.

Глава 3

— Я так рада, что вы часто бываете у нас, — улыбнулась Надя Маше. Они сидели в столовой. Перед этим все вместе пили чай. Затем мужчины ушли в кабинет Николая, что-то там обсуждать. Саша перемещалась туда-сюда, считая своим долгом выказывать любовь всем сразу. Она сидела на коленях у деда, гладила его за ушком, ворковала, затем убежала в столовую, там получила от тети Маши

конфету, затем ускакала в детскую кормить плюшевого кита, когда-то подаренного крёстной.

— И мы рады бывать у вас, Надюша, — отозвалась Маша, — дом, где все счастливы. Где есть вот такой славный ребёнок, как Сашулька. Володя в ней души не чает. Надеюсь, что он также будет любить и своего будущего ребёнка, — она замолчала.

— Ты хочешь сказать... — глаза Нади округлились.

— Нет-нет, пока я ничего не хочу сказать, — торопливо отозвалась Маша. Поставила локти на стол, на скрещённые пальцы примостила подбородок, — я о другом, порой мне кажется, что нельзя быть такой счастливой. Я и не думала, что когда-нибудь мне встретится такой, как Володя. Я смотрю на него, и иногда мне становится страшно.

— Почему? — удивилась Надя.

— Потому что я не знаю, смогу ли я жить без него. Что будет со мной, когда его не станет? Ведь я даю себе отчёт в том, что он намного старше меня.

— Ох, Машенька, — Надежда обняла её за плечи, — да не думай ты об этом. Старше, младше, кто знает — кому сколько отведено? Возраст, социум — условности, правила общества, которые нередко нарушаются, ну и, слава Богу! Важнее другое.

— Что же?

— Чтобы человек был твой, — ответила Надя, — найти своего человека: мужа, друзей, среди родных тоже бывает свой человек. Вот тогда ощущаешь жизнь в лучших её проявлениях.

— Да-да, верно, — согласилась Маша.

— Как же я люблю эту девочку! — воскликнул Владимир Григорьевич, усадил внучку себе на колени и защекотал её. Саша захихикала, вырвалась из объятий деда, побежала и спряталась за креслом отца. Через пару секунд выглянула.

— Дедуленька, — ее тёмные круглые как две вишенки глаза заблестели, — давай играть в «съедобное-несъедобное»?

— Давай, — охотно согласился он, — только ты мне напomini правила.

Саша шустро сбегала в детскую за мячом, объяснила деду правила игры и бросила мяч первой.

Как же она смеялась, когда дедушка, не успев сориентироваться, ловил мяч. За время игры он «съел» люстру, стол, кресло. А сама Саша успела «съесть» набор вилок и резиновые сапожки. Ей очень нравилось играть с дедушкой, тот никогда не отказывался принимать участие во всех её фантазиях, умел разговаривать за злобного Тум-Тумыча, весёлых лошадок, шустрого зайца. А ещё он умел шутить так, что Саша непрестанно хихикала. После таких игр она счастливая, быстро засыпала.

— Простите, — в дверях появилась Надежда, — Саше пора ложиться спать, — мягко напомнила она.

— Но, мамочка, — расстроено возразила девочка, они с дедом только-только разыгрались, а ещё планировали в детской построить башню.

— Александра, — покачала головой Надя. Дочь прижалась к деду, сердито сдвинула брови — ну точь-в-точь так делал её отец, когда был чем-то недоволен.

— Дедуленька, ты же в семье самый главный, — вдруг выдала Саша, — значит, ты можешь сказать маме, что нам нельзя ложиться спать — мы не достроили башню. Да?

Владимир Григорьевич переглянулся с сыном, тот усмехнулся.

— Понимаешь, принцесса, — дедушка обнял её за плечи, — я — самый главный у себя в семье. У себя на работе я тоже очень главный, там я могу своих студентов ругать, даже ставить им двойки, если они заслужили, конечно. А вот к тебе я прихожу в гости, я здесь не живу, здесь живут твои папа и мама, они тебе роднее всех на земле, правильно? Ты их любишь, так?

— Да, — согласно кивнула Саша, всё ещё прижимая мячик к себе.

— Поэтому именно здесь они самые главные, и мы с тобой должны их слушаться.

— Но ведь мой папа — твой сынок, — резонно заметила девочка, — значит, он должен слушаться тебя.

Владимир Григорьевич с трудом спрятал улыбку.

— Сашуль, твой папа уже давно меня не слушается.

— Почему?

— Потому что он вырос, — дед шутливо тронул внучку за кончик носа, — твой папа давно уже взрослый и сам принимает решения. Но он всегда со мной советуется. А значит, он меня любит. И не хочет

расстраивать. Когда дети вырастают, чтобы показать своё уважение, они начинают советоваться.

— Дедулька, я всегда буду с тобой советоваться, — серьёзно выдала Саша и посмотрела на деда карими глазами его сына. Владимир Григорьевич прижал к себе внучку.

— Тогда давай начнем советоваться уже сейчас? — предложил он. — Я бы тебе дал совет пойти умыться, почистить зубки и ложиться спать. Это очень хороший совет от твоего любимого дедушки. — Саша радостно закивала.

— А ты расскажешь мне на ночь сказку? — тут же спросила она.

— Как здорово твой отец разрулил ситуацию, — заметила Надя, когда она после всех процедур уложила Сашу в кровать, а свёкр остался рассказывать сказки её дочери, — Саше и возразить было нечего. Ну и вопросы она порой задает! Мудра не по годам.

Николай обнял жену за талию.

— Она вся в тебя, — поцеловал её в макушку.

— Вот уж это не так, — хитро улыбнулась Надя, — Александра Николаевна — точная твоя копия — и внешне, и характером, только что девочка.

— Мм-м-м, спорить не буду, — Николя с удовольствием вдохнул запах волос жены. Был в отъезде на съёмках, соскучился. Он всегда скучал по ней, даже в самой непродолжительной разлуке. Она нужна была ему как воздух, как сама жизнь. Всегда желанна, всегда любима. Годы их совместной жизни нисколько не ослабили его чувств к жене, напротив, утвердили в правильности когда-то сделанного выбора, привязали ещё больше. — Может быть, сегодня ночью в спальне посоветуемся о чём-нибудь эдаком? — мягко шепнул Николай жене на ушко.

— А лиса не стала есть колобка, — Владимир Григорьевич поправил одеяло внучке.

— Не стала? — сонно пробормотала Саша.

— Нет, — подтвердил он, — она пожалела колобка, уж больно хорошо он пел на её носу. Так колобок вернулся к бабушке и дедушке. Он понял, что любит их.

— Я тоже тебя люблю, деда, — сказала Саша и уснула.

— И я тебя люблю, принцесса, — еле слышно ответил он и тихонько вышел из детской.

— Уснула? — Николай ждал отца в гостиной. — Пап, что с тобой? — он подскочил к отцу.

— Да голова что-то закружилась, — Владимир Григорьевич тяжело повалился в кресло, — ничего, сейчас пройдёт, — он прикрыл глаза, выдохнул. На лбу выступили капельки пота.

— Отец, как часто с тобой такое бывает? — Николай внимательно смотрел на него.

— Головокружения? — переспросил Фертовский-старший. — Ничего страшного. Это просто усталость.

— Но учебный год только начался, — заметил Николай.

— Верно, и мне надо втянуться, я же как студент, — пошутил Владимир Григорьевич.

— Как давно ты был у врача? Пап, давай я позвоню Казимиру Львовичу?

— Сынок, ты напрасно беспокоишься и явно преувеличиваешь. У меня есть только одна проблема.

— Какая?

— Возраст! А жена у меня молодая. Вот поэтому мне болеть никак нельзя.

— Вот поэтому мы и сходим на приём, обследуемся. Мы с тобой посоветовались сейчас и решили, да?

Глава 4

Вадим дочитал лекцию, повесил рюкзак на плечо. Конспекты хотя и носил с собой, но давно уже не доставал их на лекциях, не надобилось, помнил всё наизусть, благо память не подводила.

— Вот это сюрприз! — воскликнул он, заметив в коридоре университета двух своих бывших студенток. Они смущенно улыбались. Мира и Таисья. Когда-то Зорин преподавал у них микроэкономику. Способные девчонки, умницы, старательные.

— Здравствуйте, Вадим Георгиевич, — зашебетали обе, — мы забежали вас провести. Как дела?

— Всё хорошо, уверенно движемся вперед, — в ответ улыбнулся он, — как ваши дела?

— О, у нас столько интересного!

— В таком случае нам бы надо пересечься и пообщаться? — предложил Зорин.

В прошлом учебном году они уже встречались в кафе под названием «Метро», туда ходили многие. Зорин вообще имел привычку встречаться и общаться со своими студентами. Он являл собой пример довольно-таки демократичного преподавателя, однако дистанцию между собой и ними всё равно держал, никогда не переходя на «ты».

— Да-да, хорошо бы встретиться, — подтвердила раздумывавшаяся Мира.

— Так, в четверг у меня три пары, — прикинул Вадим, — сможете подъехать в кафе в половине пятого?

— Сможем, — ответила за обеих Таисья и дёрнула подругу за руку — пора. Девушки попрощались и поспешили на занятия. Зорин пошёл к автостоянке.

В группу, где учились Мира и Таисья, он пришёл впервые полтора года назад. Вечернее отделение, вторая пара. Прозвенел звонок, Зорин вошел в аудиторию. В этой группе у него были только семинары.

Вадим подошел к столу преподавателя, рюкзак бросил на край. Повернулся к всё ещё шумевшей аудитории — в основном девушки, парней всего пятеро. Доску старательно мыла худенькая девица, повернулась к Зорину, пару секунд смотрела на него оценивающе, затем явно озадачилась: на нём была кожаная куртка, потёртые джинсы, волосы «ёжиком», в ухе маленькая серьга-кольцо.

— Тишина, звонок уже был, — строго обратился к аудитории Зорин, все притихли.

— А вы будете преподавать у нас микроэкономику? — спросила худышка, она всё ещё стояла у доски, в руках — кусок поролона.

— Да, я буду преподавать у вас микроэкономику, — подтвердил Вадим.

— Всегда? — уточнила девица.

Зорин подошел к ней ближе и заметил на её носу конопушки, много конопушек, хотя девушка не была рыжей.

— Что значит — всегда? — сдерживая улыбку, уточнил он. — Всю жизнь что ли?

Группа дружно захохотала. Худышка стушевалась.

— Я имела в виду — весь семестр? — пояснила она.

— Да, весь семестр, — подтвердил Вадим, — пожалуй, начнём, — он посмотрел на список группы, отодвинул его. — Я не собираюсь отмечать присутствующих. Кому нужны знания, тот будет ходить. Всё очень просто. Вы взрослые люди, решаете сами.

Вадим прошел вдоль кафедры туда-сюда, остановился, окинул взглядом аудиторию, глаза студентов внимательно следили за ним. Он уже привык к такого рода вниманию. Привык и к особому вниманию студентов.

— Я вам не завидую, — изрёк он и опять обвел взглядом группу, — вы попали к одному из самых ужасных преподавателей.

— Что же вы так о себе? — спросила одна из девиц с «ярким боевым раскрасом». Такие, как правило, уверены в своей неотразимости.

— Это не я, так обо мне говорят, — спокойно отозвался Зорин, — мне очень трудно сдать зачёт. Хотите вместо него написать контрольную? Уверяю вас, результат будет ещё хуже.

Группа возмущённо зашумела. Вадим усмехнулся. Поверили! Это хорошо, значит, примут во внимание и будут заниматься, по крайней мере, многие из них.

Он начал семинар, потратил на введение в предмет минут пятьдесят, затем, посмотрев на часы, решил, что отпустит студентов пораньше, на сегодня вполне достаточно. Они радостно загалдели.

— Да, вот ещё что, — остановил шум Зорин, — убедительно прошу не ходить ко мне на лекции, у вас есть свой преподаватель по теории. К нему и ходите.

— Простите, пожалуйста, — услышал он возле себя, когда почти все студенты дружно покинули аудиторию. Вадим отряхивал свои джинсы от мела, — я далеко живу, мне надо успевать на последний автобус, поэтому буду вынуждена уходить с вашей пары на 15 минут пораньше, можно? Это пока не поменяли расписание, обещают скоро изменить.

Он сначала растерянно кивнул, думая о чём-то своём. Затем посмотрел на студентку, которая его просила, на несколько секунд задержал на ней свой взгляд.

— Хорошо, уходите, — разрешил Зорин, а в голове промелькнуло «какие у нее выразительные черты лица. Красота особенная,

нестандартная».

Таисья и Мира вышли из аудитории. Они дружили с первого курса, с самых первых дней, как познакомились. Мира тогда вошла в большую лекционную аудиторию и во втором ряду увидела худенькую, особо не приметную девушку — русые волосы убраны в жидкий хвост, уши оттопырены, а глаза — большие, близко посажены и озорные, на носу весёлые конопушки.

— Здравствуйте, — Мира подошла к ней, — здесь будет лекция по истории?

— Здравствуйте, — отозвалась худышка, — да, здесь. Давайте знакомиться?

Мира почему-то тогда не запомнила ее имя, и какое-то время ей было неловко от этого. Хотя новая знакомая Мире очень понравилась. Так они стали дружить, несмотря на то, что внешне были полной противоположностью друг другу: худенькая русоволосая Таисья, неброская, сдержанная на эмоции, и Мира — яркая брюнетка с пышными формами, эмоциональная, живая. Но обе умные, охотие до знаний, эрудированные. И ведь тогда именно сдержанная Таисья убедила порывистую Миру пойти на лекцию к Зорину, хотя он и запретил.

Таисья узнала расписание его ближайшей лекции, и они с Мирой направились в аудиторию. Более того, опять же Тая уговорила подругу сесть поближе — на третий ряд, хотя можно было сесть где угодно и остаться незамеченными преподавателем.

В то занятие Зорин резво вошел в аудиторию, спустился к кафедре, снял куртку, рюкзак, взял маркер.

— Добрый вечер! Начнём? — произнес деловито. — На чём мы остановились? — обвел взглядом аудиторию. Вдруг брови взметнулись вверх, глаза округлились. Он узнал и худышку, так насмешившую его у доски, и ту, которая отпрашивалась и понравилась ему. Всё-таки пришли к нему на лекцию — обе! Хотя он категорически запретил это делать. Ай-да молодцы!

— Так, а что вы здесь делаете? — со всей строгостью, на которую был способен, спросил он. — Я же просил не приходить ко мне на лекции. Зачем вы пришли?

Все студенты аудитории уставились на девушек, человек шестьдесят, не меньше. Худышка покраснела, а её подруга, несколько

не смутившись, поставила локти на парту и четко изрекла:

— Мы пришли слушать вас, мы пришли учиться.

Зорину понравился такой ответ. В следующий момент он пожал плечами, что примерно означало «ладно, оставайтесь, что с вами поделать?»

В течение лекции он несколько раз обращался именно к ним, давая понять, что выделяет их из общей массы.

На следующей неделе при входе в университет Зорин заметил ту яркую брюнетку, ещё не запомнил ее имени, однако был так рад её видеть, что поздоровался первым, одарив столь тёплой улыбкой, что она даже растерялась. Это его позабавило.

На вторую лекцию они опять пришли обе, но сели уже на задние ряды. И сегодня, казалось, преподаватель не замечает их. Вроде бы и хорошо, нет всеобщего внимания, сиди и слушай лекцию. Тем более что Зорин рассказывал очень интересно, разбавляя материал юмором, конкретными примерами и случаями.

Прозвенел звонок, Тая и Мира поднялись со своих мест и заторопились к выходу.

— Нас сегодня не заметили, — стараясь скрыть разочарование, резюмировала Таисья.

— Верно, — протянула Мира, обернулась — преподавателя со всех сторон окружили студенты.

— Пойдем, — Тая потянула подругу за рукав.

Они не пришли и трети длины коридора, как услышали за спиной:

— Милые дамы, — это обращение заставило их застыть на месте, — мне, конечно, невероятно приятно, что вы ходите на мои лекции, но, честное слово, я не вижу в этом смысла.

Глава 5

Конечно же, он заметил их почти сразу, как вошел в аудиторию. Сегодня они устроились на последнем ряду, сидели там — много записывали, внимательно слушали. А потом, после звонка с лекции, довольно быстро скрылись из виду. Зорин торопливо извинился перед забросавшими его вопросами студентами и направился к выходу.

— Так в чём же смысл? — переспросил он.

— А смысл здесь большой, — охотно отозвалась та, что ему особенно понравилась. Что-то такое в ней было нетривиальное,

помимо внешности, отличающее её от других студенток. — Зачёт мы сдаем именно вам, следовательно, теоретический материал должен исходить непосредственно тоже от вас. Так не будет несостыковок. Тем более ваши лекции наиинтереснейшим образом раскрывают материал, это правда.

Её подруга кивнула в знак согласия.

— Ну, хорошо, я понял, — Зорин улыбнулся, он услышал всё, что хотел, и даже больше.

Так потекли дни за днями, Мира и Таисья, теперь Зорин запомнил их имена, исправно ходили и на его лекции, и на семинары. Ему импонировала их активность в учебе, искренний интерес к предмету. У Таисьи оказался математический склад ума, она прекрасно делала анализ и щёлкала задачки сходу. Мира же ко всему подходила и рассуждала творчески. Зорин при всех называл их «милые девочки», «мои светочи».

На одной из последних лекций после звонка Мира и Тая решились подойти к нему. Мира перед этим целое воскресенье пыхтела над сложнейшей задачей по его предмету и теперь, не дожидаясь семинара, торопилась продемонстрировать итоги своего ударного труда. Как только Вадим заметил, что его любимицы спускаются к кафедре, он одобрительно заулыбался.

— Вадим Георгиевич, — обратилась Мира, — у нас к вам дело.

— Как хорошо, что вы подошли, — радостно отозвался он, — я и сам хотел вас позвать, — он на секунду отвёл взгляд и вдруг смутился, — хотел позвать, а вот зачем? — потер висок, — надо же какая оказия — не помню...

— У нас есть решение задачи прошлой лекции, — пришла ему на помощь Мира, Таисья открыла экран планшета, — посмотрите? Решение верное?

Вадим быстро просмотрел:

— Кто выбрал этот метод? — удивлённо произнес он. — Прodelана такая работа, и путь найден оптимальный, — в его голосе слышалось восхищение.

— Метод выбрала я, — пояснила Мира, — мне показалось, что сюда подходит именно он.

— Умница! — Вадим ещё раз просмотрел решение, повернул голову к Мире и внезапно опять покраснел — от смущения. Сам не понял, как это получилось. Мира стояла слишком близко, в её глазах плескалось веселье, неужели она заметила и догадалась? О чём? Он и сам не мог понять, о чём. Но эта студентка умела удивлять, а ещё в ней ощущалось что-то знакомо-приятное, но забытое, что-то из прошлого. Нет, раньше Миру он точно не знал. Однако, ощущение исходящей от неё теплоты, всякий раз казалось знакомым.

— Я, наверное, сегодня не оправдал ваших ожиданий? — спросил Зорин, пытаясь выпутаться из неловкой ситуации, засуетился, — скучно было на лекции?

— Нет, что вы?! — в один голос воскликнули девушки, — у вас такого не бывает, всегда интересно и познавательно.

— Да? Спасибо, так приятно это слышать, — сказал он, — ну, всё? — опять смутился. «Когда же они уйдут? Так выдал себя, покраснел как мальчишка. Только этого не хватало. Всё-таки преподаватель».

— Всё, — Мира словно подслушала его мысли, опять посмотрела, едва скрывая усмешку, — до свидания!

За день до контрольной Мира особенно тщательно готовилась — решала задачи, разбирала ошибки. Мысль о том, что она может плохо написать контрольную, основательно портила настроение. Нельзя разочаровывать Вадима Георгиевича.

В день контрольной Зорин уже сидел в аудитории и ждал группу, лицо непроницаемо.

— Все собрались? Начнём, — обвел всех взглядом, — вы должны сегодня писать контрольную, — он сделал паузу, именно в этот момент Мира случайно с грохотом уронила на пол сумку.

— Ну, так вот, прошу прощения, но я не успел подготовить задачи, — продолжил он, — поэтому контрольной не будет. Я поставлю всем зачёт «автоматом».

Тишина была такой, что, казалось, слышно дыхание каждого сидящего. Боясь поверить в услышанное, все замерли.

— Это шутка? — наконец спросила Таисья, её как старосту группы, это вопрос волновал больше всех.

— Нет, я говорю вполне серьёзно. Я же объяснил, — терпеливо ответил Зорин. Он позволил себе насладиться эффектом от великолепно сыгранной сцены.

— Я убью его, — тихо сказала Мира, она не сводила с преподавателя глаз, если бы могла, прожгла б в нём дырку.

— Тс-с-с! Он слышал тебя, — шикнула на подругу Таисья.

Вадим поднялся с места, с трудом сдерживая улыбку, прошел вдоль кафедры.

— Я ещё раз прошу прощения. Особенно у тех, кто готовился. Вполне естественно, что им обидно. Но ... так уж вышло. Или кто-то недоволен? — посмотрел на Миру. — Лично вы довольны?

— Лично я — да! — выпалила Мира. Щеки её горели от возмущения, в тон своего ответа она постаралась вложить максимум сарказма.

Как же Зорину это понравилось! Он прямо физически ощутил удовольствие. Ну что за девица такая? Цепляет и всё тут. Надо, конечно, в дальнейшем останавливать себя. Мира просто студентка, каких тысячи. Они проходят через него большими потоками. Ещё с самого начала он дал себе установку: никаких увлечений, никаких романов со студентками, он не ловелас и никогда им не был. Тем более, сейчас женат. Достаточно того, что брак в его жизни не первый, но то, что последний — это точно. Викторину он любит. Но почему так хочется поддразнивать Миру? Так трудно удерживать себя от этого.

— Если все удовлетворены, — Вадим не мог себе отказать в иронии и ещё раз многозначительно посмотрел на Миру, — давайте свои зачётки.

— У некоторых нет зачёток, не готовы были к такому повороту, — опять вставила реплику Мира.

— В таком случае придёте ко мне на лекцию, — сказал Зорин, повернулся к Мире и Таисье, — не волнуйтесь, вам обеим я бы всё равно поставил «автоматом». Вы же мои умницы. А теперь все свободны, — он хлопнул в ладоши, — кто с зачётками — ко мне, остальные принесёте старосте, она меня найдет.

Таисья кивнула.

— Кстати, Мира, ты тоже можешь мне завтра отдать свою зачётку, и тогда тебе не надо будет приезжать, — сказала она подруге.

— Нет уж, спасибо, — Мира сделала круглые глаза, — я сама привезу свою зачётку, — произнесла по слогам, что-то давая понять Таисье.

Вадим с интересом наблюдал за этой мимической сценкой.

— Мы придём вместе, хорошо, Вадим Георгиевич? — уточнила Тая.

— Я буду вас ждать, — изрёк он, — буду ждать двоих.

Через полчаса Зорин вышел из университета. К своему удивлению возле университетской парковки обнаружил Миру и Таисью. Они хрустели чипсами, оживленно разговаривали и посматривали на дорогу, скорее всего, кого-то ждали. Вадиму вдруг захотелось подойти к ним и поговорить просто так, в более непринуждённой обстановке. Он посмотрел на часы: дома ещё не ждут, Виктория знает, что у него сегодня итоговая контрольная. А ведь он собирался дать задачи студентам, но перед самой парой передумал. Захотелось закрутить интригу и посмотреть на реакцию, интересно же — живой материал. И не ошибся, Мира больше всех оправдала его ожидания. Да, девица, кажется, сама не понимает, насколько хороша.

Глава 6

— Вадим Георгиевич, — как только он подошёл, Мира встала напротив, сложила руки на груди, смотрела прямо ему в глаза. Ух, какой взгляд! Огонь! — по вашей милости я теперь вынуждена болтаться здесь. За мной приедут только через час, а предупредить я не могу, — девушка довольно смело высказала претензии.

— Ах, простите меня ещё раз. Поверьте, я понимаю вашу досаду. Вы готовились, а я поставил вас в один ряд с двоечниками. Но, правда, я не ожидал такой бурной реакции, — Зорин в знак раскаяния прижал руку к груди.

— Да, пожалуй, эмоций было многовато, — согласилась Мира.

— Я заметил. Если желаете, я могу остаться с вами. Мы продолжим обсуждение, — предложил он неожиданно сам для себя. Хотя, почему неожиданно? Он ведь подошёл к ним непросто так, по крайней мере, не только для того, чтобы ещё раз попрощаться.

— Нет уж, мы не станем вас задерживать, — сказала Мира. Вот таких слов от студенток Зорин не ожидал. Он как-то не взял в расчёт,

что ему могут отказать. — Поезжайте домой, Вадим Георгиевич, — слегка прищурившись, добавила она.

— Хорошо. До свидания, — он вздохнул. Ничего не оставалось, как уйти. Напоследок обернулся, — так я жду вас во вторник с зачётками. Обоих жду, с нетерпением.

Получилось так, что во вторник Мира задержалась, Таисья пошла без неё. Они встретились уже в коридоре.

— Я тебе звонила. Что случилось? — спросила Тая, она уже поставила зачёт у Зорина.

— Да так, проблемы, — отмахнулась Мира, — ты была уже там? — она показала на дверь аудитории.

— Была, Вадим Георгиевич любезен как всегда, улыбка у него просто чудо, — Тая при этих словах сама расцвела. — Да, про тебя спрашивал.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнула Мира, — пойду.

Они попрощались, Мира открыла дверь в аудиторию. Зорин сидел у кафедры, вокруг человек двадцать, не меньше, что-то обсуждали, смеялись, он расписывался в зачётках. Поднял голову и увидел спускающуюся Миру.

— Вопросов больше нет? — громко спросил он, — так, маркетинологи, расходимся. Всем успехов! — замахал руками, мягко вытуривая студентов. Около него осталось человек пять. Мира на негнущихся ногах спустилась к кафедре, она сама не понимала, почему так нервничает. Может, потому что видела Вадим Георгиевича в последний раз?

— Здрасти, — выдавила она сдавленно и протянула ему зачётку.

— Здравствуйте, Мира. Знаете ли, я спрашивал о вас у Таисьи, — признался Зорин. Растерянность Миры передалась и ему, — вас не было, — он сделал паузу, — а природа не терпит пустоты.

Мира подняла на него глаза и ещё больше смутилась. Вадим кашлянул, придвинул себе зачётку Миры, размашисто расписался. Мира взяла зачётку и пошла, потом обернулась.

— До свидания, — промямлила она, будто что-то вспомнив.

— До свидания, — ответил Зорин, внимательно смотрел ей вслед.

— Вадим Георгиевич, — она словно очнулась.

— Да, Мира, что-то случилось? — участливо спросил он. Она быстро вернулась к кафедре, краска бросилась в лицо.

— Я хочу сказать, что мне очень нравилось ходить на ваши лекции и семинары, — затараторила девушка, — я получала колоссальное удовольствие от учёбы, думаю, что впервые в жизни, — она перевела дыхание, — вы преподаватель от Бога.

— Спасибо, тронут до глубины души, — глаза его засветились, — мне бы больше таких студентов, как вы и ваша замечательная подруга. Так приятно, когда твой труд ценится, — Зорин поднялся со своего места, они с Мирой встали друг напротив друга.

«Какой же он высокий», — промелькнуло в голове у Миры, а вслух она сказала:

— И мне приятно. Так что, если захотите продолжить общение... — тут она осеклась, с ужасом поняв, что её занесло. Могла бы иначе произнести фразу, а получилось на редкость коряво, ещё нахально. Но вопреки её страхам Зорин понял всё правильно.

— Это должен быть шаг с вашей стороны, — хитро улыбаясь, сказал он.

— Как это? — Мира вытаращила глаза.

— Вы же знаете: я общаюсь со своими студентами и в неформальной обстановке. Так что если захотите меня найти, прошу на кафедру, там узнаете мое расписание. Вам скажут, когда я бываю в университете.

— Хорошо, — радостно кивнула Мира, — теперь точно — до свидания! — она покраснела как зрелый томат.

— До свидания, — засмеялся Зорин.

Лёгкой счастливой походкой Мира направилась к лестнице.

— Желаю удачи! — вдруг услышала вслед, обернулась.

— Спасибо, Вадим Георгиевич!

Встретились они в конце летней сессии. Мира и Таисья ждали Зорина возле аудитории, он принимал зачёт. День выдался замечательным, было особенно не жарко, солнце выглядывало из-за облаков. Университет постепенно пустел. Студенты бойкими стайками покидали аудитории, зачётная сессия подходила к концу, скоро экзамены.

Зорин с Мирой и Таисьей отправился в кафе — идти было минут двадцать. Сначала он хмурился, о чём-то думал, молчал. Но девушки принялись задавать ему вопросы, сами рассказывали, подшучивали. Постепенно он разговорился, расслабился. Когда удобно устроились в кафе, был уже в отличном настроении и шутил в ответ. Рассказал, что сам родом из Санкт-Петербурга, очень любит этот город и при малейшей возможности старается туда поехать. Мира и Тая восхищённо слушали его рассказы о северной столице. Что Вадим Георгиевич с родителями жил в центре, дружил с мальчиком из настоящей аристократической семьи. Изначально его матушка была против, но потом смирилась. Ребята ходили в школу с английским уклоном.

— О, тогда вы должны знать английский в совершенстве? — воскликнула Мира.

— А вот и нет. Говорить на этом жутком языке толком я так и не научился, зато легко перевожу с листа. Есть несколько моих переводов британских исследователей микроэкономических показателей ряда стран Европы, а также статьи на тему предмета, который я преподаю. Они выложены в сеть, если желаете, можете прочесть.

— Конечно, желаем, — с энтузиазмом отозвалась Мира. Зорин улыбнулся.

— Мне вспоминается случай, когда родители категорически не хотели отпускать меня на концерт любимой группы «Пинк Флойд» из-за того, что у меня завтра сдача экзамена по русскому языку, — стал рассказывать он, когда официантка принесла заказ, — устный русский я сдал на «пять», а диктант на «тройку».

— Не может быть, — не поверила Мира.

— Может-может, — усмехнулся Вадим, — у меня правила русского языка иногда идут вразрез с письменными текстами. Когда я пишу, то не всегда их применяю, хотя прекрасно знаю.

— У меня то же самое, — скромно заметила Таисья. Она больше помалкивала, внимательно слушала своих собеседников и от души смеялась, видя, как её подруга и преподаватель состязаются в остроумии. Мира была явно на подъёме. Щёки ее горели, тёмные волосы распушились. Она увлеченно рассказывала о своей работе. Вадим Георгиевич задавал вопросы, ему было интересно. Таисья вообще заметила, что ему интересны люди, истории, подробности.

Интерес этот искренен и подкупает. К тому же Зорин ещё и интеллигентен. А ещё у него необычная манера смотреть прямо в глаза, серьёзно, пристально, а потом вдруг улыбнуться так, что лицо его вмиг преобразается, и собеседнику становится легко, даже солнечно от его улыбки. А Мира вообще готова в нём раствориться.

Таисья ещё раз внимательно посмотрела на подругу. Надо бы потом поговорить с ней, предостеречь. Нельзя в него влюбляться, он женат, на руке поблескивает кольцо. Да и про свою жену упомянул, кажется, Викторией зовут. Сказал, что ему очень повезло в личной жизни.

Тая бросила взгляд на часы, Зорин это заметил.

— Ох, как быстро летит время, — тоже глянув на часы, сказал он, — нам пора. Так, — опередил попытки девушек достать кошельки, — раз и навсегда незыблемое правило: за женщин всегда плачу я.

Глава 7

Когда вышли из кафе, у Зорина зазвонил телефон. Он взял трубку и отошёл в сторону. Говорил долго.

— Женщины-женщины, — закончив говорить по телефону, улыбнулся, — потеряли меня — и жена, и мама. Успокоил, что всё в порядке — еду домой. Нам всем в метро? Кому куда?

— Мне в Кузьминки, — ответила Таисья.

— А мне на Таганку, там пересадка, — сообщила Мира.

— Так, с Мирой мне ехать, а Таисья нас быстро покинет, — резюмировал Зорин, Тая грустно кивнула, — зато вам до университета близко, очень удобно, — утешил её. Они все вошли в метро. — Как хорошо, девчонки, что вы меня вытащили в кафе, я расслабился, отдохнул, — Вадим попеременно подал обеим руку на эскалаторе, — я надеюсь, это у нас войдёт в традицию — так встречаться в кафе и общаться?

Обе радостно закивали.

— А если быть откровенным, то я вообще-то человек домашний, приедешь домой, книжечку читаешь. И совсем не болтлив, это я сегодня что-то разговорился, а так я — мягкий и молчаливый.

Мира и Таисья переглянулись и рассмеялись. Вскоре Таисья попрощалась, вышла на своей станции. А Мира и Зорин сели, благо в

вагоне было много свободных мест. Мира почувствовала тепло его сильного плеча — они сидели близко друг к другу. Почувствовала и затрепетала. Хорошо, что Вадим Георгиевич ни о чём не догадывался, он принялся рассказывать о своей поездке в Париж, где был несколько раз. Сказал, что поставил перед собой задачу посмотреть «Мону Лизу» в Лувре. Долго всматривался в портрет, пытаясь понять загадку этого образа, его магию, но ничего не увидел, кроме своей глуповатой физиономии, которая отражалась в стекле — картина-то застеклена. Рассказывал он ещё и ещё, не заметили, как подъехали в остановке Миры.

— Ваша Таганка, — сказал Зорин и, как истинный джентльмен, поднялся с места и проводил Миру до дверей.

— Спасибо вам за общение! — улыбнулась девушка. — Надеюсь, мы ещё увидимся.

— Безусловно! — подтвердил Зорин. — И вам спасибо, я тоже получил много радости от нашего общения.

— В таком случае до сентября?

— Да, до сентября.

Мира махнула рукой в знак прощания и выпорхнула из вагона. Зорин посмотрел ей вслед, осталось весьма приятное послевкусие.

Вспомнив всё это сейчас, он улыбнулся, наконец, завёл автомобиль и поехал домой. Виктория уже звонила.

— Ты сегодня выглядишь очень довольным, — заметила она, когда Вадим сел ужинать, устроилась напротив и наблюдала, как муж ест с завидным аппетитом.

— Ну, меня в сентябре всегда вдохновляет учебный год, — отозвался Вадим, отламывая хлеб, он всегда так делал — не откусывал, а отламывал маленькие кусочки, — пока нервы не потрепаны, пока студенты не проявляют лень или нахальство.

— Зорин, я раньше и представить себе не могла, что ты станешь преподавать, — Вика поднялась, поставила чайник.

— Почему? — жуя, поинтересовался Вадим, — по-моему, я серьёзный и солидный дядька, — он смешно надул щёки.

— Чай наливать? — поправляя очки, усмехнулась Виктория.

— Наливать, — кивнул Вадим, откинулся на спинку стула, — спасибо, милая, всё очень вкусно.

— Я старалась, — отозвалась Вика, поставила на стол чашку с дымящимся чаем, муж любил, чтобы было очень горячо.

— А себе? Ну, уж дудки, — возмутился Вадим, — хочу пить чай с халвой и Викторией, — пошутил он. Вика возражать не стала, хватит ссор на эту тему. Живет с Вадимом семь лет, в браке научилась многому, начиная от кулинарного мастерства и заканчивая компромиссами, умением прощать и подстраиваться. Научилась ли? Вика задумалась. Страсть, которая её захватила в первое время их романа, с годами прошла, но на смену ей пришли привязанность, в хорошем смысле привычка, жизнь с понятием «мы». А всё-таки Виктории иногда казалось, что Зорин просто ей уступил, что он так и не проникся той силой любви, которую она хотела бы получить от него. Однажды Вика даже поделилась этой мыслью с Надей. Услышав такое, та очень удивилась. Они сидели на детской площадке, где Саша ловко лазила по лесенкам, а потом арендовала верёвочные качели и не слезала с них, время от времени призывая взрослых оценить масштаб ее раскачиваний.

— Почему ты решила, что Вадим тебя не любит? Что-то случилось? — тревожно спросила Надя. Сама она давно не видела Зорина, Вика в основном приезжала без него. Вадим частенько был занят, к бизнесу прибавилась сначала аспирантура, потом преподавательская деятельность. С Николя они периодически созванивались, Наде всегда передавались приветы.

— Да ничего не случилось, — поморщилась Виктория, — я не сказала, что он меня не любит. Скорее, не так, любить по-настоящему.

— А что в твоём понятии — любить по-настоящему? — задала вопрос Надя, наблюдая за дочерью. Та остановила качели и стала закручиваться в них вокруг оси.

— Хотела бы я тебе объяснить, да слов не подберу, — выдохнула Вика, сняла очки, стала крутить их в руках, — на самом деле, мы живём как многие супружеские пары — иногда ссоримся, устаём, не всегда понимаем друг друга, но пытаемся понять. Миримся, уступаем, причем не стану лукавить, Зорин идёт мне навстречу, он первым старается погасить конфликт или загладить вину. Он терпелив и более уравновешен, чем я. По крайней мере, чтобы его вывести из себя, надо постараться.

— Так что же ещё тебе надо, Вика? — поразились Надя.

— Есть что-то такое, в глубине его души, о чём он думает, может, даже сожалеет. И это тщательно от меня скрывается.

— А ты хочешь всё знать о своём муже? До самого дна?

— А ты разве нет? — Вика прищурилась.

— Нет, — не задумываясь, ответила Надежда, — я не стремлюсь знать то, что Коля решил от меня скрыть, я не хочу проникать в его сокровенное. У него должно быть не только личное пространство, но и душевные тайны.

— Но ведь ты его жена! Ты должна держать руку на пульсе.

— На каком пульсе, Вика? — улыбнулась Надя.

— Чтобы всё контролировать. Ты никогда не задумывалась, что в то самое его личное и сокрытое от тебя пространство влезет другая женщина?

— Ну почему же, задумывалась, — кивнула Надежда, — точнее, я допускаю, что в этой жизни может произойти всё. Увы, и такое.

— И что же?

Надя вздохнула, поискала глазами дочь, та, обнявшись с какой-то девочкой, пыталась уместиться на качелях вдвоём.

— Что? Да ничего, пожалуй, — наконец, отозвалась Надежда, задумалась, — тут себя-то толком не знаешь, как поступишь, что в тот или иной момент выкинешь. А уж другой человек? Нет ни на что гарантий, Викуся. Я просто живу и благодарю Бога за такой подарок: муж, дочь. За то, что жива моя мама, хотя и часто болеет. Что у моего мужа мирные отношения с его отцом — это тоже для меня радость. Вот из таких радостей и состоит моя жизнь.

— А если Николая вдруг, — Виктория запнулась, — ну, обратит внимание на другую женщину?

— Мне будет очень больно, — тихо сказала Надя.

— Вот видишь! — воскликнула Виктория, — а это можно предотвратить.

— Нет, — покачала головой Надя, — этого не предотвратишь, даже если будет тотальный контроль. Доверять человеку всё равно надо, он не твоя собственность, он личность.

— Ещё скажи, что ты никогда не ревновала Николая, — засомневалась Вика, — при его-то внешности и профессии.

— Я и сейчас его ревную, — с улыбкой призналась Надя, — но люблю больше.

Глава 8

Николай посмотрел на часы, самолёт опаздывал всего на час, уже неплохо, если учесть, что в последнее время авиаперелеты часто сбиваются с назначенного времени. Опоздания стали нередкими, порой люди в аэропортах проводят полдня, а то и по целому. Фертовский понял, что волнуется, понял только сейчас, когда вот-вот увидит сына.

Они не встречались семь лет, он, как женился на Наде, больше в Америку не летал. Сын на известие отца о женитьбе отреагировал негативно, подросток едко высказался в адрес его жены, хотя, конечно, не видел её, и понятия не имел, кто она такая. Однако сразу не принял. В итоге с отцом произошла ссора, тот упорно защищал новую миссис Фертовская. Вилли обиделся, не звонил, на звонки не отвечал. А отец после нескольких неудачных попыток найти компромисс и понимание, просто замолчал.

Спустя год после ссоры Вилли позвонил дед и радостно-возбуждённо сообщил, что у Вилли родилась сводная сестра. Его поразили два обстоятельства: что у отца все так серьёзно — даже дочь родилась, и что дед так счастлив. Странно, что дед этому радовался. Невестка плебейка, да ещё хитрая — сумела взять в оборот отца. Ну ладно, это ещё можно как-то объяснить, а вот то, что дед её принял и полюбил? Его родной дед — сноб, каких еще сыскать, «голубая» кровь, вдруг так переменился. Он напрямую сказал об этом деду, тот не понял, даже обиделся. Вилли возмущённо рассказал обо всём матери, та пожала плечами и сказала, что её давно не интересует ни бывший муж, ни его отец. И если бы не сын, ей бы ничего о них не напоминало. Хотя зла она не держит, просто события той русской жизни теперь уже кажутся далёкими и чужими. Ну, а если отец Вилли счастлив, в конце концов, что тут плохого?

— И ты не ревнуешь? — удивился Вилли, — тебя не задевает это обстоятельство?

— Ничуть, — отозвалась она, — в другой ситуации мне было бы даже интересно посмотреть на женщину, которая сумела влюбить в себя твоего отца.

— Но ты когда-то влюбила его в себя — первой, — заметил Вилли.

— Не думаю, — покачала головой Маргарита, — скорее всего, это был протест. Вот поэтому у меня нет никакого желания снова появляться в поле зрения семейства Фертовских, да и в России тоже.

— А я бы посмотрел, — задумчиво произнёс Вилли.

— Не вижу проблем, поезжай в Россию, — предложила Маргарита, у неё зазвонил телефон, она отвлеклась и к этому разговору больше не возвращалась. А её сыну все больше хотелось отправиться в Россию. Тем более что он там давно не был, с самого детства, как увезли.

«Что ж, — подумал он, собираясь в дорогу, — есть повод помириться с отцом, посмотреть на новых родственников, да и вообще не помешает из страны исчезнуть на время».

С этими мыслями он сначала дозвонился до деда, поговорил с ним, заикнулся о своем желании приехать, на что дед отреагировал бурно и тут же согласился сообщить об этом сыну.

Николай воспринял новость сдержанно, но, видя, как отец ей рад, улыбнулся. Решили, что Володя остановится в доме у Николая, пусть познакомится с Надей, со своей сестрой, узнает их, полюбит. В конце разговора Фертовский-старший признался сыну, что время от времени созванивался с внуком, сообщал ему новости, кроме одной — что сам женился. Николай удивленно приподнял брови.

— Ты скрыл факт своей женитьбы на Маше? — переспросил он. Владимир Григорьевич поднялся с кресла, подошёл к окну.

— Скрыл, — подтвердил он, не оборачиваясь, — я, пожалуй, сам толком не знаю — зачем. Нет, это не трусость, я не боюсь огласки, не боюсь осуждения, меня не беспокоит, что подумают другие, в том числе и мой родной внук.

— Тогда что? — Николай силился понять.

— Если бы я мог, я бы спрятал Машу от всего мира, чтобы защитить её, не дать обидеть никому, даже ненароком. Она бесконечно дорога мне.

— Думаю, что мой сын это поймёт, — Николай похлопал отца по плечу.

— Надеюсь, — кивнул тот в ответ.

Вилли в аэропорту увидел отца раньше, чем тот его. Немудрено, всё-таки он изменился куда заметнее — вырос из мальчика в мужчину, отец же просто постарел. Сколько ему? Сорок пять? Не старик,

конечно, хотя виски чуть-чуть тронула седина. В остальном также подтянут, одет в легкую кожаную куртку, джинсы. Вилли оглянулся на толпу, всё чужое — люди, аэропорт, суета, вывески. Вот только язык — мама всегда заставляла его говорить на русском, учить и помнить. Дома они говорили исключительно на русском, хотя сначала это раздражало его отчима, потом тот привык. Всё остальное время своей жизни Володя был Вилли, говорил и думал на английском языке.

Николай, наконец, увидел сына и помахал ему рукой. Да уж, вымахал мальчик, ростом даже перегнал его.

— Здравствуй, папа, — чуть замедленно выговаривая фразу, сказал молодой человек.

— Здравствуй, сынок, — Николай тепло улыбнулся и обнял его. Несколько секунд держал в крепких мужских объятьях. — Как ты долетел? Рейс задержали, — сказал он, ослабил объятья и теперь внимательно вглядывался в лицо сына.

— Да, в связи с погодными условиями, — Вилли выловил свою сумку и, пресекая попытки отца взяться за его багаж, повесил на плечо. Они направились к автомобилю.

— Как ваши дела? Ваши с мамой дела? — уточнил Николай, садясь в машину.

— Всё нормально, они с отчимом отправились отдыхать на побережье, — Вилли с любопытством смотрел в окно. Всё-таки непривычно — Россия. Он почти забыл эту страну.

— Ты так и не называешь его отцом? — Николай вырулил на шоссе, встал в длинный ряд машин.

— Нет, всегда по имени, — ответил Вилли, — по-моему, как бы я его не называл, ему всё равно. Он живёт в своем мире и ему это нравится. А ещё ему нравятся мамины деньги, потому что Сэм не очень любит работать.

Николай никак не прокомментировал слова сына, внимательно смотрел на дорогу. Та жизнь тоже стала для него далёкой, многое забылось, ушло из памяти. Вот и от сына почти отвык. Тем более что Володя стал уже взрослым и чужим. Это проявилось особенно сейчас, по крайней мере, первое впечатление осталось именно таким. Его настороженный взгляд, акцент в речи, понятно, что он привык говорить на другом языке. Хорошо хоть, что Маргарита не дала ему забыть русский. Его улыбка — она тоже какая-то американская.

Хотя... Николай внимательно посмотрел на сына — скорей всего, просто отвык и всё тут. Молодой человек перехватил его взгляд, ухмыльнулся.

— Недавно по телефону я спросил grandpa, известно ли ему что-либо о моей бабушке Софии, — сказал Вилли, — раньше он на эту тему вообще не желал говорить, в лучшем случае, сменил бы тему, а сейчас отозвался спокойно: очень давно не слышал о ней. Чтобы это значило? — он приподнял брови.

— Тебя удивляет, что дед так отреагировал? — уточнил Николай.

— Именно, — Вилли, намереваясь закурить, сунул в рот сигарету, щелкнул зажигалкой, раз-два, никак не получилось её зажечь. Николай курить отказался, не хотелось. Подал сыну свою зажигалку.

— Интересная вещьца, — Вилли стал внимательно рассматривать, — дорогая, я правильно думаю?

— Не очень, — ответил Николай.

— Так что же grandpa?

— Он изменился за эти годы, — сказал Николай и посигналил почти заснувшему впереди водителю на Тойте, — стал мягче, лояльнее.

— И чем вызваны эти перемены? — удивился молодой человек.

— Скорее, кем, — мягко улыбнулся Николай, — впрочем, ты всё скоро узнаешь.

— Даже так? — Вилли выпустил струйку сигаретного дыма. — Мы сейчас к grandpa?

— Нет, устроишься у меня в доме, отдохнешь. А вечером соберётся вся семья — знакомиться.

— О'кей, — кивнул Вилли. Будем знакомиться со всеми. Да и вообще, решение поехать в Россию стало, пожалуй, самым правильным.

Пока ехали по Москве, Вилли смотрел в окно и удивлялся. Он плохо помнил столицу — увезли отсюда мальчишкой. А теперь изменился и он, и Москва тоже.

Глава 9

Прошёл дождь. Воздух после него стал влажным. Жёлтые падающие листья ветер подхватывал и перегонял с места на место. Конечно, в центре Москвы асфальт чистый, листья убирают, а вот во

дворах и переулках они остаются. Самые красивые осенью клёны, их узорчатые многоцветные листья на редкость романтичны, потому и собираются в букеты.

Из поликлиники шли пешком. Пока гуляли, Саша собрала целый букет из кленовых листьев. Затем упросила маму зайти в кафе. Они уселись за маленький квадратный столик, Саша болтала без умолку — была в приподнятом настроении.

— Сначала пюре, мороженое потом, — предупредила Надя, но Саше есть пюре вовсе не хотелось, она размазывала его по тарелке, делала «горы», затем их расплющивала и говорила, говорила обо всём, что приходило в голову. Наконец, Надя не выдержала:

— Александра Николаевна, ты забыла пословицу: когда я ем, то глух и нем, — сказала она. На что дочь нахмурилась, но пюре всё же есть принялась. Ну, вылитый папа, когда обижается! Надя усмехнулась.

Официант вовремя принёс креманку с мороженым — Саша успела доесть пюре.

— Ура! — обрадовалась девочка, схватила ложку, поднесла её ко рту, зажмурилась от удовольствия.

— Вкусно? — спросила Надя у дочери, та кивнула. — А мне дашь попробовать?

— Мамочка, я тебя не слышу, — хитро улыбнулась девочка, на щеках ямочки.

— Доченька, дай мне попробовать твоё мороженое, — громче произнесла Надя, сама едва сдерживала улыбку.

— Мамочка, ну я просто не слышу тебя, я же ем, как в пословице.

— Ах ты, проказница! — обе засмеялись. Их хорошее настроение передалось и пожилому мужчине, сидящему за соседним столиком, он пил чай и читал газету. Заметив двух весёлых соседок, сдвинул очки на кончик носа и внимательно посмотрел на них.

Вот бывает же так, когда незнакомые люди неожиданно заражают тебя хорошим настроением, просто так. Ты словно поймал их флюиды, состояние души. Это происходит тогда, когда человек счастлив. Пусть на короткий период, даже мгновения, но порой достаточно и этого, чтобы ощущение внутренней радости передалось другим.

Пожилой мужчина ещё раз посмотрел на женщину и ребёнка, мама и дочь, это понятно. Как и понятно то, что они очень любят друг

друга, что они дружны. Мужчина улыбнулся, отпил глоток чая.

Вилли проснулся от того, что ощутил на себе взгляд. Он, как только отец привёз его в свой дом, резко почувствовал, что устал с дороги. Всё-таки перелёт был очень долгим. Сославшись на накатившую сонливость, связанную с переменой часовых поясов, он отказался от обеда. И, как только голова коснулась подушки, провалился в глубокий сон. Проспал до самого вечера. Спал бы и дольше, если бы не эти тёмные пронзительные глаза.

— Ты кто? — спросил он, хотя спросонья уже догадался, кто его разбудил.

— А ты кто? И почему ты спишь? — она была сама серьёзность. Стояла перед его кроватью. Белая футболка, зеленые штанишки, волнистые темные волосы затянуты в хвост на затылке. Такая маленькая серьёзная женщина.

— Я первым спросил, — Вилли поёжился от её пристального взгляда.

— Я здесь живу, — она так представилась. Ни имени, ни чья дочь. «Я здесь живу». Чётко заявила о своих правах.

— Понятно, — Вилли ухмыльнулся. — Я приехал из далекой страны. К своему отцу. Тебе это ясно?

— Да, — она поджала губы, — скоро приедет дедулька с Машей. Будем ужинать, — она развернулась, чтобы уйти.

— С Машей? — переспросил Вилли, но девочка уже покинула комнату.

Через несколько минут появился отец.

— Володя, ты уже проснулся? Это хорошо. Одевайся, умывайся, выходи на ужин.

— Папа, кто такая Маша? — молодой человек сел на кровати.

— Маша? Откуда ты узнал про Машу? — удивился Фертовский.

— Заходила одна мисс, которая разбудила меня и упомянула о Маше. Правда, ничего не объяснила.

— Я так понимаю, тебе нанесла визит Саша? — усмехнулся Николай. Вилли тем временем стал одеваться. — Проказница, ведь предупреждал её тебя не будить и не тревожить.

— Непослушная?

— Нет, обычно как раз слушается. Саша разумная и воспитанная девочка. Но как все дети весьма любопытна. Ладно, пора к столу, там всё и узнаешь, приходи, мы тебя ждем, — с этими словами он ушёл.

Вилли умылся, посмотрел на себя в зеркало — на щеках лёгкая щетина, надо бы побриться, но нет уже времени. Ладно, сойдёт и так, перед кем тут красоваться? Перед женой его отца, которая, Вилли был почему-то уверен, ничего собой не представляла. Наверняка ещё и некрасивая. Хорошо, что девчонка на неё не похожа.

С этими мыслями Вилли вышел в коридор, резко дверь открыл и кого-то задел.

— Надо смотреть, куда идёте, — вместо извинения раздражённо выдал Вилли. В следующий момент увидел девушку, она тёрла ушибленный лоб.

— Простите, — сказала тихо и пошла дальше по коридору.

«Наверное, помощница по дому или няня девчонки», — решил молодой человек, в любом случае прислуга, а не хозяйка дома. Отцу не мешало бы купить собственный дом, а не жить в квартире, хотя комнат и предостаточно.

— Добрый вечер, — Вилли вошел в столовую, отец пояснил, как её найти.

— Володя, мальчик мой, — дед быстро подошёл к нему и заключил в крепкие объятия, затем сентиментально облобызал. Молодой человек едва заметно поморщился, не привык к такого рода проявлениям чувств. — Как же ты вырос! Стал совсем взрослым. А порода, порода-то наша, — он всматривался в лицо внука. — Как ты долетел? Всё хорошо? Успел отдохнуть?

— Да, нормально, — бесцветно ответил Вилли.

— Давай я тебя со всеми познакомлю, — вставил свое слово отец. И только тут Вилли заметил, что за столом две молодых женщины, — Надежда, — обратился его отец к тёмноволосой даме, сидевшей рядом с ним, — позволь представить тебе моего сына Володю. Наденька — моя супруга.

Она мягко улыбнулась, протянула ему руку. Вилли смотрел на неё оценивающе, не удостоил даже легкой улыбки.

— А это наша Мария, — сказал отец, Вилли перевёл на неё взгляд. Ну да, та самая девица в коридоре. Зачем только представлять

прислугу за столом? — Машенька, — отец сделал паузу, — жена твоего деда, — на эту информацию у Вилли вытянулось лицо.

— Grandpa?? — он решил, что это шутка. Дед крикнул и смутился.

— Ну да, я не говорил тебе об этом, — вынужден быть пояснить, — я женился. Маша — моя жена. Уже семь лет, — с этими словами он ласково прикоснулся к её руке, Маша с нежностью посмотрела на супруга.

Вилли был настолько поражён новостью о жене деда, что, молча, сел на предложенное отцом место.

Глава 10

Мира с Таисьей сидели в кафе, до занятий оставалось ещё полтора часа. Они ждали Вадим Георгиевича, тот задерживался. Наконец появился, вбежал в кафе, быстрыми шагами пролетел мимо студентов.

— Вадим Георгиевич, — тонким голоском позвала его Таисья. Он обернулся, повертел головой, увидел их. Сел рядом с Таисьей, перевел дух. Мира внимательно посмотрела на него: вид усталый, молчит.

— Вадим Георгиевич, — обратилась она, — у нас есть для вас скромный, но от души, подарок, — с этими словами достала из сумочки брелок-ракушку, вроде просто, но как изящно сделана — обтесана с двух сторон так, что остался один остов, похожий на сердце. Вадим поднес брелок близко к глазам.

— Забавная вещица, — наконец улыбнулся тепло, как он умел, — спасибо, мои дорогие. И откуда вы узнали, что мне нужен именно такой брелок? Правда-правда, очень нужен, — он подмигнул Таисье, та зарделась.

За кофе разговорились о том, кто и где отдыхал летом. Мира призналась, что нашла в интернете последнюю статью Зорина об экономических рисках. Стала задавать вопросы, он заметно оживился, принялся ей пояснять кое-какие тонкости. Таисья слушала с не меньшим вниманием. Всё-таки эти двое обладали удивительным умением поддержать разговор, по ходу, успевая, ещё подтрунивать друг над другом.

Зорин рассказал, как со своими двумя студентами обсуждал антикризисное управление, моменты, которые им рассказывали на

лекциях. А когда студенты на экзамене попытались высказать свои измышления, в том числе и объяснения Зорина, получили тройки. После экзамена с юмором укорили его, что он лишил их «невинности», научив мыслить нетривиально. Мира и Таисья засмеялись.

Вадиму нравилось чувство юмора и реакция обеих девушек. С ними он расслаблялся и отдыхал. Таисья больше помалкивала, но внимательно слушала, ей было всё интересно. Мира же предпочитала вести диалог, острить и умничать. Но умничала к месту. Вадим ещё раз внимательно посмотрел на неё: за лето уже успел отвыкнуть от её необыкновенных глаз, от её какой-то особой ауры. Невероятная девушка, нестандартная как внешне, так и характером.

— У вас на старших курсах будет один из сложнейших и одновременно интереснейших предметов, — Зорин отпил латте из стакана с ручкой, здесь подавали именно такой, — «Финансирование инновационной деятельности», думаю, вы попадете к Ольге Ивановне Талун. Я когда-то у неё учился. Прекрасный преподаватель, одна из лучших в ВУЗе, умна, проницательна, влиятельна как кардинал Ришелье. Рекомендую учиться у неё добросовестно, во все вникать, сдавать вовремя работы, тогда получите не только «пять» на экзамене, но и огромный багаж знаний. Если что, обращайтесь ко мне за помощью, помогу, чем смогу. Но думаю, вы и сами справитесь, вы же дотошные и зубрилки, — он усмехнулся.

— Вадим Георгиевич! — возмутились обе.

— А что такого? — пряча улыбку, спросил он, — я тоже зубрилка и ко всему прочему зануда.

Зорин опять расплатился за всех, пошутив, что когда он будет на мели, то примет помощь от своих любимых студенток. Пока шли до университета, разговорились о литературе. Кто бы сомневался, что Вадим Георгиевич ещё и начитан. Мире это особенно пришлось по душе. Перед тем, как попрощаться и разойтись по аудиториям, Таисья вдруг выдала тайну, что на следующей неделе у Миры день рождения. Зорин оживился, сказав, что они всенепременно должны встретиться и отметить это событие. Условились созвониться. Расстались, когда звонок всюю оповещал о начале занятий.

После занятий Мира и Тая спустились в метро, всю дорогу радостно щебетали, делились впечатлениями. На своей остановке

Таисья, попрощавшись с подругой, вышла. Оставшись одна, Мира достала книгу и уткнулась в неё. Напротив Миры уселись две девицы и принялись что-то шумно обсуждать.

На одной из остановок в вагон зашел молодой человек. Плюхнулся рядом с читающей Мирой. Посмотрел на неё весёлым, но слегка мутным взором. Она никак не отреагировала. Стук колёс, мерное покачивание поезда, народу мало, нет суеты и духоты. Пьяненький молодой человек закрыл глаза и стал проваливаться в сон. Голова его всё больше и больше склонялась в сторону читающей соседки. Наконец, ощутив её мягкое плечо, молодой человек пристроил голову именно на нём. На Мире была вельветовая куртка. Минут через пять молодой человек, не открывая глаз, сделал движение рукой, поправляющей и взбивающей подушку. Мягкий подплечник куртки Миры и показался ему во сне подушкой.

Мира в удивлении наблюдала за его действиями. Девицы, что были напротив — хихикали. Мира усмехнулась — пусть он спит.

Перед одной из остановок молодой человек проснулся, несколько секунд приходил в себя, скорее всего, хмель прошёл, по крайней мере, глаза стали ясными и даже округлились. Поскольку он обнаружил себя дремавшим на плече у совершенно незнакомой ему девушки, покраснел как варёный рак, резко отодвинулся.

— Простите, пожалуйста, — пряча глаза, выдавил из себя, — я уснул на вашем плече. Я немножко выпил, за руль нельзя. Пришлось спуститься в метро. А тут ваше плечо... — он запнулся, осознав, сколь нелепо звучат его объяснения.

— Ничего-ничего, лишь бы вам было удобно, — иронично отозвалась Мира.

— Простите ещё раз, — он, наконец, внимательно посмотрел на девушку, но та уже уткнулась в свою книгу. Длинные ресницы, слегка вздёрнутый нос, на шее выбившаяся из хвоста прядь вьющихся волос, таким тёмным витком. Почему-то именно этот вьющийся локон его буквально заворожил. Или хмель всё ещё не прошёл?

Молодой человек кашлянул. Девушка перевернула страницу. Надо же, читает простую бумажную книгу, не электронную. И сама вся какая-то уютная, мягкая, как и её плечо. Он опять покраснел.

— А что вы читаете? — спросил он, облизывая пересохшие губы.

— Роман, — ответила она, не поднимая глаз.

— Интересно?

— Очень. Это умная книга, — она захлопнула том, быстро убрала книгу в сумку, не давая ему возможности прочесть название. Поднялась с места и направилась к дверям вагона.

— А можно, — молодой человек замялся, — можно я вас провожу? — сказал это, сам от себя не ожидая.

— Зачем? — Мира обернулась и посмотрела на него серьёзно, даже строго.

Глава 11

Вилли лёг на кровать поверх одеяла, вытянулся, руки за голову. Спать не хотелось, выпался днём, да и мысли мешали. Огорошенный новостью о женитьбе, он за время ужина ни с кем не разговаривал, кроме грандпа — лишь однозначно отвечал на какие-то вопросы, которые тот задавал. Грандпа же, напротив, был, как никогда, оживлён, что-то рассказывал о своих студентах, шутил, ухаживал за женой, с нежностью заглядывая ей в глаза. Вот именно это больше всего и раздражало Вилли. Маша ему не понравилась, а теперь ещё и сентиментальность грандпа, которую она, скорее всего, и пробудила в нём. Что же в ней нашел грандпа? Она за весь вечер не выдала больше трёх предложений, правда, к месту, но не более. Нет, факт очевидный, что она не пара ему. Вилли даже фыркнул.

— Николенька, — Надя расчёсывала волосы у зеркала, её муж, полулежа, читал в кровати.

— Да, милая, — он поднял глаза.

— Ты заметил, как за ужином Володя смотрел на Машу? — произнесла она задумчиво.

— Как?

— Странно, вот как, — Надя обернулась к Николаю.

— Что ты имеешь в виду? — он отложил книгу в сторону. Не отмахивался сразу от слов жены, как другие мужья, зная, что Надя в силу своей натуры и профессии весьма наблюдательна.

— Сама пока не понимаю. Но мне почему-то тревожно.

— Думаешь, Маша ему понравилась? — предположил Николай, — да, она молода, привлекательна, но она жена его деда. Любящая и любимая.

— Нет, мне кажется, о симпатии нет и речи, даже наоборот, — Надя вздохнула, положила расчёску, села на кровать возле супруга, — что-то у меня разыгралась фантазия, да? — она смущённо улыбнулась. Фертовский прижал жену к себе.

— Ты же творческая личность, — чмокнул её в нос.

— А меня поцеловать? — в дверях стояла Саша.

— Вот те раз, — удивился Николай, — не далее, как час назад я уложил спать одну прелестную девочку.

— Папочка, — Саша подбежала и с размаху приземлилась ему прямо на живот, — я тебя люблю, — крепко обняла отца.

— Это вовсе не девочка, это лисица, — она пощекотал дочь, та захихикала, заёрзала, чуть не свалилась с кровати.

— Папулечка, можно я останусь с вами? — попросила Саша, заглядывая отцу в глаза, — ну пожалуйста, я буду спать тихо-тихо.

— А ты у мамы спрашивала разрешения? — пряча улыбку, спросил он.

— Мы с ней ещё не советовались, — выдала девочка.

Надя проснулась от толчка в бок. Открыла глаза, повернулась: ну так и есть — Саша спала поперёк кровати, Коля притулился где-то с краю. Надежда поднялась с кровати, подошла к окну. Москва, полночь. Столица ещё не погрузилась в сон, горят вывески, реклама, едут автомобили. Блестит влажный асфальт, вечером опять прошёл дождь. Надя любила начало осени, воздух становился особенным — густым, пахло листьями, овощами и фруктами. Наступало «бабье лето» — уютное, тёплое. Кроме того, художник по имени Осень размахисто-щедно окрашивал листья в яркие праздничные цвета. Ночи, конечно, были прохладными, но всё равно осень дивна по-своему. Московская осень.

Надя обернулась, Саша во сне сменила позу и теперь обнимала отца. Забавные такие — оба темноволосые кудрявые, Саша — маленькая копия своего отца. Копия...

Надежда задумалась. Вспомнилось первое впечатление при встрече с сыном её мужа. Такой же высокий плечистый, волосы, правда, светлее. В чертах лица вроде бы проглядывалась порода Фертовских — ямочка на подбородке, прямой нос, мимика похожа, а вот взгляд не такой, как у отца, да и глаза... Какие же у него глаза?

Серые что ли? Даже светло-серые, льдистые, словно прозрачные. Вот почему они не кажутся такими красивыми, как у Николеньки. И взгляд не добрый, словно оценивающий. Надя обхватила себя за плечи — зябко. Всё же странно он смотрел на Машу.

— Замёрзла? — муж обнял её сзади. В первую секунду она вздрогнула. Надо же, не слышала, как он проснулся и подошёл к ней.

— Немножко, — обернулась и прильнула к нему.

— Когда тебе не спится, значит, ты чем-то обеспокоена, — заключил Николай.

— Ты тоже, — улыбнулась Надя, — Коля, скажи, твой сын похож на Маргариту?

— На Маргариту? — он задумался. — Надо же, я забыл её лицо, — усмехнулся, — где-то были фотографии, не знаю, где. Да и зачем они мне? Сейчас те времена мне кажутся такой давностью, словно не были и вовсе, или будто я посмотрел кинофильм. Наверное, похож, в нём всего намешано. Да, и Володя всегда был замкнутым мальчиком.

— Тебя тоже не назовёшь открытым, — заметила Надежда.

— Это верно, — согласился Николай, — наше семейное качество. Мой сын всегда был недоверчив, отстранен, хотя за эти годы, может, и изменился. Приехал же в Россию.

— Он говорил о своих планах? Займётся чем-нибудь или будет отдыхать?

— Когда я намекнул, отозвался неопределённо. Думаю, пока решил осмотреться. У меня ощущение, что он тебе не понравился, я прав?

— Что ты, всё хорошо, — Надя поцеловала мужа, — идём спать.

Утром выглянуло солнце, забралось в комнату и игриво поскакало по подушке. Суббота. Надежда любила утро субботы. Позади рабочая неделя, усталая пятница пришла к завершению, утро субботы самое сладкое. Да ещё если солнце за окном, а твои близкие проснулись, но тебя будить не стали, дав возможность выспаться.

Надя встала в дверях кухни: картина просто идиллическая: на муже и дочери кухонные фартуки, Саша возится в миске с творогом, по всему столу рассыпана мука, в том числе и на самой Саше. Муж варит кофе.

— Доброе утро, мои дорогие! — улыбнулась Надя, потянулась. На неё посмотрели две пары карих глаз. Лучшие в мире муж и дочь, которые готовят завтрак.

— Доброе, родная, — Николай тепло улыбнулся в ответ.

— Доброе утро, мамочка, — прозвенела Саша, продолжая мешать творог руками, вымазалась ещё больше, зато всё сделает сама.

— Эта девочка отдаленно напоминает мне мою дочь, — Надежда подошла к ней, осмотрела со всех сторон, — только уж больно чумакая.

— Я делаю сырники, — с важным видом заявила Саша, — помогаю папе.

— Это папа помогает тебе, — уточнил он, — потому что Александра Николаевна у нас главная, папа лишь в помощниках ходит.

Саша налепила сырников таких кривобоких, таких разных по размеру, что хоть переделывай, но Надя не стала — пусть будут все разные, зато дело Сашиных рук. Надо лишь пожарить всю эту рукотворную красоту. По кухне поплыли чудесные запахи кофе и жареных сырников. Ну что за прекрасное утро! Надя села за стол, её даже обслужили. В чашке дымился кофе, на большом цветастом блюде горкой лежали румяные кривобокие, но такие вкусные сырники. Саша нечаянно положила в них сахара в два раза больше, чем надо.

— Доброе утро, сынок, — Николай первым увидел в дверях Вилли. Тот что-то буркнул в ответ. Просканировал обстановку своими льдистыми глазами, чуть заметно скривил губы. Ленивой походкой подошёл к столу.

— Будешь завтракать? У нас сегодня сырники. Саша делала их сама, — не без гордости сообщил Николай. Вилли посмотрел на блюдо.

— Я такое не ем, — взял со стола хлеб с сыром, уселся напротив Нади. Саша сдвинула брови и поджала губы.

— Доченька, а пойдём с тобой гулять? — Надя моментально поняла, что минута и Саша заплачет. — В парк, как я обещала?

— Налей мне кофе, папа, — Вилли самодовольно посмотрел вслед ушедшим жене его отца и её дочери.

Мира ждала в кафе, Тая позвонила и извинилась, что не сможет пораньше вырваться с работы, подъедет только к занятиям. Вадим Георгиевич обещался быть. Звонил два дня назад, поздравлял Миру с днем рождения, правда, проявился лишь к вечеру, отшутившись, что звонит последним, но надеется, что не последний в её жизни. Мира уверила — всё именно так.

За окном непогодило, к вечеру поднялся ветер, набежали тучи и тяжело зависли на небе, хотя дождя всё ещё не было. Листья, поднимаемые ветром, хаотичным ярким фейерверком кружились за стеклом. Мира задумалась, вспомнила о случае в метро, как молодой человек уснул на её плече, затем увязался провожать. Почти всю дорогу до её дома молчал, странный какой-то. Извинился, попрощался и исчез. Растворился в ночи, как сказал бы поэт.

Мира не увидела Зорина в окно, да и как он входил в кафе — тоже, поэтому вздрогнула от неожиданности, когда он поднес к её лицу розу. Огромную пурпурную.

— Ещё раз с днем рождения, Мира, — улыбнулся.

Роза, и правда, была очень большой и невероятно красивой.

— Да, чуть не забыл, — он хлопнул себя по лбу, — у меня же для вас ещё подарок, — с этими словами достал из рюкзака что-то в бумажном пакете, — думаю, вам это понравится, держите, — протянул девушке пакет. Мира заглянула внутрь — книга! Тут же достала её: «Имя розы» автор Умберто Эко. Подняла на Зорина глаза:

— Вадим Георгиевич, большое спасибо! — воскликнула радостно, — я люблю читать. Спасибо, как же вы угадали! Здорово! — глаза её засияли так, что Зорин смутился.

— Да не за что. Но я рад, что вы довольны, — он слегка покраснел. — Мира, а вы заметили, что между подарками есть связь?

— Связь? — она на секунду задумалась. — Ну, конечно, «Имя розы» и вы подарили мне розу! Ого, Вадим Георгиевич, признайтесь, что это не совпадение?

Он опять улыбнулся.

— Потрясающе! — Мира погладила добротную толстую обложку книги, затем посмотрела на розу, — как же это изысканно и я бы даже сказала — чуточку волшебно.

— Право слово, не преувеличивайте, — польщённый Зорин отпил свой кофе, — но всё равно мне приятно. Вы же не читали «Имя розы»?

— Нет-нет, — Мира рассмотрела обложку, затем полистала книгу, бумага качественная белая. Место, где была цена, закрашено маркером, девушка, заметив это, улыбнулась. Наверное, книга стоит недёшево, — с удовольствием возьмусь читать.

— Потом расскажете о своих впечатлениях, — попросил Зорин, — я прочёл её буквально за сутки, читал даже ночью. Так увлёкся, что не хотелось оставлять на завтра.

— Замечательно, — Мира с нескрываемым удовольствием смотрела на книгу, розу и Вадима Георгиевича. Какой он всё-таки удивительный, в нём и романтизм, и деловитость, и чувство юмора. Он может быть мягким, а может быть строгим и даже несдержанным, она видела, как однажды на лекции он кричал на нерадивых студентов, правда, было за что. Он тогда основательно разозлился.

— Мира, если вы, не против, я бы порекомендовал вам ещё несколько занимательных книг, — предложил Зорин, увлеченный темой и не замечающий, что Мира им любит.

— Пожалуйста, Вадим Георгиевич, порекомендуйте, — кивнула она. А сама, пока он говорил, внимательно рассматривала его лицо. Ресницы такие густые, что цвет глаз кажется темнее — почти карим, хотя на самом деле глаза зелёные. Брови широкие, нос крупный, на подбородке едва заметная ямочка, на щеках щетина. Лицо мужественное и по-своему красивое.

— Если хотите, в следующий раз я привезу вам пару-тройку книг, о которых говорил, да? — спросил он.

— Конечно, хочу! — воскликнула она. Это означало, что следующий раз обязательно будет.

— Среди мной особенно уважаемых писателей выделю Марио Варгаса Льосу, — Зорину нравилось, как эта девушка его слушает — внимательно, заинтересовано. Ей было интересно, он это видел.

Мира пришла на семинар с огромной розой. У Таисьи от удивления вытянулось лицо.

— Ого, — тихо сказала она, когда сияющая подруга села рядом, шлёпнула на парту тетрадный блок. Учёба, конечно же, не шла в голову. — Зорин подарил? — Тая разглядывала цветок.

— Да, — кивнула Мира, — ещё и книгу, — она вытащила из пакета роман, — смотри, название тоже связано с розой.

— Ух ты, — восхитилась Тая и тут же притихла — начался семинар. Мира сидела отрешённая, временами чему-то улыбалась, поглядывала на розу.

После занятий подруги резво добежали до метро, сели в последний вагон.

— Всё это, конечно, красиво — роза, книга с таким же названием, романтично, — осторожно начала Таисья, — но...

— Что «но»? — снисходительно улыбнулась Мира. Она находилась в состоянии невероятной эйфории, чтобы не говорила Тайка, ей не понять и не прочувствовать, что это такое — получить подарок от Зорина.

— Ты увлеклась, — сказала Таисья, понимая, что сейчас состоится разговор с глухим человеком. Но попытаться всё же стоит.

— Увлеклась чем? — спокойно переспросила Мира.

— Скорее, кем, — Таисья выразительно подняла брови.

— Если ты имеешь в виду Вадим Георгиевича, то ничего такого, поверь. Я не переступлю эту грань, отдавая себе отчёт в том, что происходит. У меня всё под контролем, — закивала головой.

— Хорошо если так, — с сомнением в голосе заметила Таисья, — но тебе только кажется, что чувствами можно управлять. В какой-то момент ты сама не заметишь, как что-то пойдёт не так, выйдет из-под контроля. Поэтому просто необходимо держать дистанцию.

— О, мудрейшая, слушая тебя и твои речи, я склонна подозревать о наличии горького опыта в амурных делах, — съёрничала Мира.

— Опыт тут ни при чём, — буркнула Тая, — просто я рассудительная и не поддаюсь эмоциям в такой степени, как ты, — она поднялась с места, двери поезда вот-вот откроются, — подумай над моими словами.

Мира пожала плечами, спорить и что-либо доказывать ей вовсе не хотелось. Только поссоришься, да и настроение испортишь. А оно сегодня такое хорошее, приятное чувство теплоты, кажется, заполнило тебя с головы до ног. Вадим Георгиевич... она закрыла глаза, представила себе его лицо. По телу побежали мурашки.

— Сегодня вы не читаете, — услышала над самым ухом, резко открыла глаза — вот уж неожиданная встреча, — красивая роза, — добавил он. Да-да, тот самый странный молодой человек.

Сегодня он был трезв, пристально смотрел на Миру.

— Что, сломалась машина? И вы решили опять почтить своим присутствием московский метрополитен? — съязвила она. Ещё в тот раз успела заметить его довольно дорогое пальто, начищенные до блеска ботинки, модную стрижку.

— Примерно так, — хмыкнул молодой человек, — вам идёт сарказм, продолжайте в том же духе.

— Вот ещё! — фыркнула Мира и поднялась с места. Ей скоро уже выходить, да и разговаривать с этим пижоном сидя неудобно — всё время приходится задирать голову.

— Пойдите, — он дотронулся до её локтя, Мира отшатнулась.

— Не прикасайтесь ко мне! И провожать меня на сей раз не надо, — жёстко сказала она.

— Может, тогда дадите номер вашего телефона?

— Ни за что!

Глава 13

— Тебе не кажется, что прозвучало резко? — спросил Николай, допивая кофе.

— Что ты имеешь в виду? — с самым невинным видом произнес Вилли.

— Ну, я сам в твоём возрасте отличался резкостью и бескомпромиссностью суждений, ещё и максимализм выпирал, однако с годами понял, что тактичность, доброта и мягкость помогают в жизни куда больше.

— Чем же они, интересно, помогают и кому? — молодому человеку стал быстро надоедать этот разговор, теперь отец взялся читать ему нотации и учить жизни. Достаточно того, что регулярно это делает мать.

— Тебе помогают, тебе самому. Помогают жить в этом мире гармонично с собой и с окружающими.

Вили опять посмотрел на сырники и скривил губы.

— Где ты её нашёл? — помолчав, спросил он.

— Кого? — Николай стал загружать моющую машину.

— Свою жену. Где ты с ней познакомился?

— Ну, если быть точным — в деревне, — улыбнулся Николай, — это романтическая история.

— В деревне и романтическая? — хмыкнул Вилли.

— Именно так. Представь себе, в жизни случается всякое.

— А ты изменился, отец, — покачал головой молодой человек, — изменился и очень заметно, — добавил он и понял, что ему это совсем не нравится. Какие-то семь лет назад в жизнь семейства Фертовских вошли две женщины и изменили не просто характеры мужчин, но и их мировоззрение. Причем обе женщины из другого социального слоя, куда хуже. Внешне? Красоты особой там тоже не заметно. Чем же они так покорили отца и grandpa?

— Если это так, я рад тому, что изменился, — Николай сел напротив сына. Даже взгляд у отца стал мягким. Вилли вскочил со своего места. Наваждение. Надо что-то делать. Начать с grandpa, по крайней мере, там точно всё ясно.

— Grandpa сегодня на работе? Во сколько он будет дома? — спросил Вилли, глядя на часы. — Ты подскажешь мне, как доехать до его дома? Я возьму твою машину? — закидал отца вопросами.

Через полчаса уже сиделся в автомобиль. До чего же Москва шумная, суетная, спешащая, на улицах и перекрестках заторы, как здесь выражаются «пробки». Пока Вилли ехал, успел уже два раза покурить в машине. Наконец, завернул в нужный переулок и подкатил к высотному дому. Ему сразу вспомнилась огромная квартира grandpa, отец привозил его сюда в детстве.

Фертовский-старший всегда любил внука, гордился им, пророчил ему дипломатическое будущее, но когда сын и невестка развелись, мечты и планы рухнули. Невестку ему не было жаль, а вот внук — она увезла мальчика за океан. Владимир Григорьевич не скрывал досады, но изменить ничего не мог, хотя сначала подумывал о том, чтобы надавить на Маргариту — пусть едет в Америку одна. А что? Мальчик будет жить у него, получит то образование и профессию, которая подобает положению и статусу его семьи. Но Маргарита и слушать не стала.

А потом в жизни самого Фертовского-старшего произошли перемены. Он влюбился и женился на молодой студентке. Вилли и представить себе такого не мог.

Дверь открыла экономка Елена Степановна, стала совсем старой, Вилли вспомнил и её.

— Вы ещё живы? — бестактно воскликнул он.

Она подслеповато посмотрела на него, поджала бескровные сухие губы.

— Проходите, Владимир Григорьевич будет через полчаса, он меня предупредил, — закрывая за ним дверь, холодно произнесла экономка, — гостиная — вторая дверь справа по коридору.

— Я не успел забыть, — буркнул Вилли и направился по длинному хорошо освещённому коридору.

Толкнул массивную дверь с позолоченной ручкой, вошёл. Гостиная была роскошной, впрочем, у дедушки всё по высшему классу. Жёлто-коричневых оттенков в крупную клетку обои на стенах, классически белый потолок и тёмно-коричневый ламинат, символизирующий строгость и собранность. Тёмная классическая мебель с золотистым, но сдержанным декорированием, по центру массивный круглый стол. В камине потрескивали поленья, видимо, их туда положили совсем недавно. Вилли сел в глубокое кожаное кресло, достал сигарету, похлопал себя по карману в поисках зажигалки.

— Вообще-то у нас здесь не курят, — в гостиную вошла Маша.

— У нас? — саркастичным тоном переспросил молодой человек.

— Да, в нашем доме, — пояснила она.

— Когда же этот дом стал вашим? — ухмыльнулся Вилли.

— Когда я стала женой Владимира Григорьевича, — спокойно ответила Маша. Вилли поднялся со своего места, убрал сигарету в пачку, подошёл близко к Маше.

— Это обстоятельство легко изменить, — он растянул губы в ядовитой улыбке.

Внезапно открылась дверь, и вошёл Владимир Григорьевич.

— Володя! — воскликнул он, — как я рад, что ты к нам приехал. Надеюсь, что вы с Машей найдёте общий язык и даже подружитесь, — при этих словах Вилли поморщился, но тут же выдал улыбку.

— Естественно, дедушка, всё будет, как ты хочешь.

Фертовский-старший одобрительно похлопал его по плечу.

— Ты голоден? Что-нибудь перекусишь? — спросил он, рассматривая внука с нескрываемым удовольствием. Как приятно, мальчик приехал в Россию, ему важна семья, узы, которые, слава Богу, крепнут.

— Нет, я не голоден, — ответил Вилли, покосился на Машу, которая, похоже, уходить не собиралась. Она как-то странно смотрела

на него и кусала губы. Противная привычка! — Почему у вас русских такая странная манера, как только переступаешь порог дома, сразу хотят накормить? — спросил он.

— А как же иначе? — искренне удивился Фертовский-старший. — На сытый желудок и дела лучшим образом решаются, и настроение, да и расположение к беседе. И потом, почему — у нас русских, сынок? Разве ты не русский? Твой отец и мать — оба русские.

— Ну да, ну да, — с иронией в голосе согласился Вилли.

— Это ничего, — улыбнулся Владимир Григорьевич, — ты узнаешь Россию и полюбишь. Может, всё же чайку? — он повернулся к жене. — Машенька, родная, завари-ка нам чаю? Как ты умеешь, хорошо?

— Хорошо, Володя, заварю, — отозвалась Маша и, ласково посмотрев на мужа, вышла из гостиной. Вилли проводил её взглядом.

— Ты себе и представить не можешь, как я счастлив, сынок, — признался Фертовский-старший. Он тоже смотрел вслед удаляющейся супруге, — Машенька — настоящее сокровище, правда, доставшееся мне уже на склоне лет. Кто бы мог подумать, что это случится со мной. Согласись, что в неё можно влюбиться?

Вилли помедлил с ответом. Грандпа, конечно, потерял голову, это очевидно. И даже объяснимо, в его-то возрасте, после стольких лет одиночества — молодая женщина, судя по всему хитрая и ласковая. Но зачем жениться-то было? А ведь их браку уже семь лет! Неужели за всё это время его пыл не угас, а жена ничем себя не скомпрометировала?

— Тут дело вкуса, — уклончиво ответил молодой человек, — правда, я думал, Фертовским нравятся совсем другие женщины.

— Какие? — с любопытством спросил Владимир Григорьевич. В этот момент Маша вкатила накрытый для чаепития столик. Разлила чай по тонкостенным изящным фарфоровым чашкам, пожелала приятного чаепития и покинула гостиную. На пороге обернулась и посмотрела на мужа, словно хотела что-то сказать, но передумала. Дверь закрыла за собой бесшумно. Владимир Григорьевич взял в руку чашку, вдохнул аромат чая и улыбнулся.

— Зорин, ты в курсе, что когда выходил из дома, то в замке оставил свои ключи? — Вика звонила мужу, тот уже зашёл в метро.

— Серьёзно? — Вадим покопался в рюкзаке — ключей не было.

— Ну, я, конечно, допускаю некоторую рассеянность, но с ключами, знаешь ли, уже перебор, — Виктория собиралась на встречу с Надей, — и вообще, ты почему-то сегодня уехал раньше в свой университет, а я надеялась тебя застать.

— Мне надо зайти на кафедру, — Вадим спускался по движущемся эскалатору, — и так, кое-какие дела. Прости, солнышко, с ключами. Постараюсь так не делать.

— Ладно, хорошо, — Вика нажала «отбой».

Через полчаса Зорин вошёл в кафе. Сегодня Мира и Таисья пришли вместе. Они уже заказали себе сок и потягивали его из трубочек. Завидев Зорина, обе засветились. Вадим улыбнулся в ответ. Бросил на сиденье рюкзак, с размаху плюхнулся рядом с Таисьей — как раз напротив Мира.

— Я сегодня голодный, поэтому закажу себе, — пролистал меню, — блинчики со сметаной. Во! — поднял вверх указательный палец. — Это то, что я съем с удовольствием. Мои умницы, рассказывайте, как ваши дела? Что у вас нового? Как поживает проректор со своими управленческими решениями?

Мира и Таисья переглянулись и одновременно засмеялись. У проректора, который вёл у них предмет «Управленские решения», была смешная и кажущаяся безобидной фамилия — Заичкин, а вот характер как раз у него оказался далеко не безобидным. Ровно, без эмоций, проректор по полной программе тиранил студентов. Как оказалось, не только их — Зорину тоже досталось от Заичкина. Он беспощадно раскритиковал новую методичку, которую написал Зорин, затем через неделю почему-то утвердил и подписал её. А ещё периодически ловил его на несвоевременном подписании каких-то отчётов и бумаг на кафедре. Зорин, пока ел блины, рассказывал об этом ироничным тоном. Успел вымазаться сметаной, поискал глазами на столе салфетку.

— Спасибо, ох, видела бы сейчас меня мамочка, — взял предложенную Таисьей салфетку.

— А что? — спросила Мира.

— Я же весь в сметане, — он вытер рот, пальцы, — аристократ фигов. Видите ли, Мира, — Зорин выразительно посмотрел на девушку, — я вырос в аристократическом семействе, где этикету уделялось внимание. За все «китайские» церемонии особенно радела моя мама. Ну, просто потомственное дворянство. А мой отец проще, я же получился неким миксом.

— Что ж, очень даже удачный микс, — заметила Мира.

— Вы так думаете? — усмехнулся Вадим, — спасибо, конечно, за похвалу, которая, несколько преувеличена. Но приятно же, ёлки зелёные! Девчонки, мне хорошо с вами, вот что я скажу, — он откинулся на спинку сиденья.

— И нам приятно, — Таисья отпила сок, поставила бокал на стол, — Вадим Георгиевич, а вы знаете, что Мира пишет прозу? — вдруг спросила она. Глаза Миры округлились.

— Нет, не знал, — искренне удивился Зорин, перевел взгляд на Миру, та сразу смутилась.

— И даже очень хорошую прозу, — несмотря на недвусмысленные переглядки с подругой, Таисья гнула своё.

— О, мне бы хотелось почитать, — выдал Вадим.

— Ни за какие коврижки! — тут же среагировала Мира.

— Почему-у-у? — непонимающе протянул Зорин.

— Потому что после Эко, Льосы, Оливье, Хёга, Кальвино и тому подобных авторов, после всего того, что вы, Вадим Георгиевич, прочли да и мне поведали, моя писанина хуже, чем детский лепет. Это было бы абсолютным провалом дать вам читать моё сочинительство.

— Вы уверены, что всё так плохо? — хитро прищурился Зорин.

— Как вам сказать? — Мира закатила глаза.

— В любом случае, мне хотелось бы прочесть, — совершенно серьёзно сказал он. — Что у вас — повесть, рассказ?

— Роман, — ответила за Миру Таисья. Она сегодня была в приподнято-игривом настроении. Мира не успела и рта раскрыть, как Таисья бухнула дальше, — хороший роман, читается легко. А главный герой очень напоминает вас — Вадим Георгиевич. Правда, он там француз и про профессии ювелир, но все равно похож на вас — как внешне, так и характером.

— Это правда? — удивлённо спросил Зорин. Мира молчала как партизан. Губы сжала, на щеках играл румянец.

— Правда-правда, — подтвердила за неё Таисья, — Мира написала роман, когда мы отдыхали на юге, несколько дней была прохладная и дождливая погода, вот Мира и стала сочинять. Получилось здорово.

— Я хочу почитать роман, — в лице Зорина что-то изменилось, но что — Мира никак не могла понять: то ли ему приятно, но он сдерживает эмоции, то ли вот-вот рассердится.

— Нет, — она помотала головой.

— Почему же нет?

— Я уже называла причины.

— Это не причины, это страх и отговорки, — кажется, он всё-таки сердится.

— Я не могу вам дать прочесть, — продолжала упрямиться Мира, сама смотрела на подругу — Тайка-балда всё-таки проговорила. Ну, обсуждали они на днях, как бы отреагировал Зорин — узнай он про роман, и что явился прототипом главного героя. Чтобы сказал на это, стал бы просить прочесть? Мире, конечно, хотелось узнать его мнение, но она отдавала себе отчёт в том, что ею придуманная фантазия — лишь жалкие попытки любительской работы на поприще сочинительства. А ещё — этот роман своего рода признание Зорину в любви. Герой-то там романтичный, история о любви. Нет, ему лучше не знать об этом. Ни к чему. Таисья сколько раз предупреждала, что ситуация может выйти из-под контроля, а сама проболталась о романе. Вот пойми её, сидит и улыбается во весь рот.

— Таисья, повлияйте на подругу, — Зорин слишком резко отодвинул чашку с остатками чая. Смотрел на Миру строго, даже голос стал как будто более низким. Так обычно он сердился на лекциях, когда ему мешали нерадивые студенты.

— Ну, зачем вам мой роман? — Мира понимала, что ещё немного усилий и пресса со стороны Вадим Георгиевича, и она сдаст позиции.

— Зачем? Я хочу его прочесть. Поймите, Мира, мне интересно, и тому несколько причин. В конце концов, художественную литературу пишут именно для того, чтобы её читали другие, а не для того, чтобы автор держал в столе.

— Это когда писатель-профессионал, — уточнила девушка, — я всего лишь жалкий графоман. Ремесленник, которому, по сути, занять себя нечем, как марасть бумагу.

— Я верну вам роман сразу, как прочитаю. Обещаю, — Зорин решил зайти с другого конца. — Он в электронном виде?

— Есть и на листках, — призналась Мира.

— Он у вас с собой?

— Нет, конечно.

— Жаль, безумно жаль, — он покачал головой, — Мира, у вас хороший слог, я же читал ваши университетские работы. Я уверен, что и роман у вас получился интересным.

В следующий момент у него зазвонил телефон, Зорин извинился, вышел разговаривать на улицу.

— Тайка, я тебя убью, — прошипела Мира, как только преподаватель скрылся из виду, — кто тебя дёргал за язык? Зачем ты заварила всю эту кашу?

— А что такого? — невинно отозвалась Таисья. — Ничего плохого в том, что Вадим Георгиевич прочитает твой роман, я не вижу. Наоборот, скажет своё мнение, даст оценку. Роман достоин его внимания.

— Ты, правда, не понимаешь?

— Чего я не понимаю?

— Роман своим сюжетом — это объяснение Зорину в любви!

— Да ладно, не преувеличивай, — улыбнулась Таисья, — ничего такого там нет. А быть прототипом ему польстит. Тем более что в романе он великолепен.

— Так что, Мира, сердце моё, — Зорин вернулся в кафе, — вы дадите мне почитать свой роман? Это будет поводом к следующей нашей встрече, Таисья, разве я неправ?

Глава 15

— Володя, мальчик мой, останься в России, поживи здесь, — Фертовский-старший ласково смотрел на внука.

— Посмотрим, грандпа, посмотрим, — Вилли ничего не хотелось обещать.

— Знаешь что, — Владимир Григорьевич поставил на столик пустую чашку, за время разговора выпил две чашки чая, внук лишь пригубил, — а пойдем в библиотеку, я тебе кое-что покажу?

Вилли перешагнул порог довольно просторного помещения, являющегося огромной библиотекой. Сколько же здесь было книг!

Океан собранной литературы разных направлений и тематики — стеллажи большими секциями от потолка до пола. Недалеко от входа находилась резная лестница-стремянка. В центре между книжными шкафами на стене висел небольшой плазменный телевизор.

Вилли сел в предложенное кресло. Сам же хозяин устроился за письменным столом.

— Покурим? — Фертовский-старший достал из ящика стола зелёную бархатную коробку с сигарами. — Крепкая штука, — признался он, — мне вообще-то запрещено, но я позволю себе. В кои-то веки выкурю сигару с внуком, — протянул Вилли коричневую длинную довольно увесистую сигару.

— Почему тебе нельзя, грандпа? — молодой человек её понюхал.

— Сердце пошаливает, — вдруг смущённо признался Фертовский-старший, — один инфаркт уже был. Давно. Надо бы лечь в клинику и обследоваться по полной программе. Да всё как-то некогда — работа, семья, особо нет времени, да и желания. Мы часто бываем у твоего отца, я скучаю по внучке. Она для меня как глоток свежего воздуха. Машенька и Саша — самые главные женщины в моей жизни.

При этих словах Вилли, вовремя отвернувшись от грандпа, поморщился как от зубной боли, стал искать зажигалку. Нашёл.

— Подожди, — остановил его Владимир Григорьевич, заметив зажигалку, — я тебе покажу кое-что куда интереснее, — с этими словами нажал кнопку где-то на внутренней панели стола, и секция одного из книжных шкафов стала медленно и беззвучно отодвигаться. В стене появилась довольно большая хорошо освещённая ниша, в которой за стеклянной витриной лежало множество коробочек.

Владимир Григорьевич поднялся с места, быстро пересёк зал, из кармана пиджака достал миниатюрный электронный ключик, открыл им витрину.

— Вау! — чисто по-американски воскликнул Вилли.

— Володя, я хочу тебе показать свою коллекцию зажигалок, — с этими словами он открыл одну из коробочек. Взору молодого человека предстала серебристого цвета зажигалка. Фертовский-старший взял её в руки, устроил у себя на ладони.

— Прекрасная вещь, — он даже стал говорить тише, словно громкий звук мог каким-то образом навредить зажигалке, — этой

красавице сто тридцать шесть лет! Представь себе, мой мальчик, её произвели в конце XIX века в Бирмингеме.

— Это серебро? — внимательно рассматривая раритет, спросил Вилли.

— Безусловно, 925 пробы. Серебро корпус, а сердечник из латуни. Пайка, естественно, ручная, гравировка, — он перевернул зажигалку, показывая гравировальные буквы, — выполнена гильоше-машиной. Бензиновая.

— А что означают эти буквы — D и F? — Вилли поднёс раритет к самым глазам. — Уж не Deakin & Francis?

— Именно так! — воскликнул Фертовский-старший, поражённый тем, что внук слышал эти имена. — Ты знаешь об этой марке?

— Совсем немного, — рассматривая зажигалку со всех сторон, отозвался Вилли.

— Тогда, если ты не против, я расскажу о них подробнее. История этой марки довольно обширна и пронизывает последние четыре века: год её основания пришелся на 1786, когда ювелир Бенджамин Вулфилд открыл свою мастерскую. В 1816 году к нему присоединились Мур и Чарльз Деакин, в честь которых фирма и носила название — Deakin and Moor три десятилетия подряд, начиная с 1849 года. Постепенно Мур отошёл от дел, в 1868 году Чарльз воспользовался случаем приобщить к бизнесу племянника Стивена Деакина, и сделать предприятие семейным: теперь оно именовалось Deakin and Nephew. В 1879 году в мастерскую пришёл ещё один племянник Деакина — Джон Френсис, и после отставки в 1881 года Чарльза Стивен и Джон остаются вдвоем у штурвала предприятия, которое годом позже и получило название Deakin & Francis.

В 1902 году Deakin & Francis получил статус компании с ограниченной ответственностью, в последующие годы поколения Деакин сменяли друг друга, так что и сейчас Deakin & Francis остается семейным делом: у руля марки стоит седьмое поколение — Джеймс и Генри Деакин. После обучения они с гордостью продолжили дело семейства, — с этими словами Фертовский-старший вздохнул, посмотрев на внука.

— И сколько же стоит такая вещь, примерно? — Вилли отвлёк его вопросом от невысказанных сожалений.

— Немного, на аукционе около тысячи долларов, — улыбнулся Владимир Григорьевич, — но у меня есть дороже экземпляры, есть и дешевле, зато с такой богатой историей, что, пожалуй, её стоимость не определить. Хочешь на них посмотреть?

— Еще бы! Конечно, хочу! — быстро закивал Вилли.

— Одна из самых старинных зажигалок, — Фертовский-старший открыл другую коробочку, — 1899 год, та же проба серебра, произведена всё в той же Англии, теперь уже фирмой Henry Pore. О ней я мало знаю, зато эта бензиновая красавица дороже своей соотечественницы, стоит она чуть более тысячи двухсот долларов, — он дал внуку зажигалку, чтобы тот сумел оценить красоту раритетной вещи. Довольно миниатюрная, светлого серебра, на корпусе витки с листочками, выполненные в духе старины, посередине корпуса инициалы фирмы в виде вензеля, украшенного короной. Штамп на торцевой части зажигалки — инициалы производителя и два оттиска пробирной палаты Бирмингема, удостоверяющие качество серебра — «якорь» и «лев». С противоположной стороны приварено крохотное колечко-ушко.

Вилли удовлетворенно крикнул.

Следующей при рассмотрении коллекции была зажигалка, произведённая в Швейцарии. На вид не особо интересная, медная с посебрением, потёртая. Зато, история, которую она в себе хранила, оказалась куда более захватывающей.

— Зажигалка фирмы Handy примерно 1940 года выпуска, Швейцария. Сделана из меди, а потом покрыта тонким слоем серебра — об этом говорит надпись «S.80» на механизме кремня. Там, где серебро стёрто, видна медная желтизна, — Фертовский-старший повернул зажигалку углом, — смотри, Володя.

— Да, grandpa, вижу, — молодой человек взял её в руки, — а вообще, она очень похожа на часы.

— Это ты верно подметил, — улыбнулся Владимир Григорьевич чутью и вкусу внука. — Она, и, правда, как часы — настолько идеально подогнаны все детали и настолько аккуратно всё сделано. Крышка при открывании откидывается пружинкой как новенькая, это притом, что ей больше семидесяти лет! Швейцария — одно слово. А ведь зажигалка когда-то принадлежала члену команды минного тральщика YMS-370. Корабли этой серии (Auxiliary Mine Sweeper)

были настолько малы (водоизмещение всего 270 тонн), что не имели имен — только порядковый номер. Построен был 481 корабль серии YMS, все они были идентичны по конструкции. YMS-370 был заложен 23 января 1943 года в доке компании Wheeler Shipbuilding Corp., спущен на воду в августе. Прослужил три года, был окончательно списан и распилен в 1948 году. Но успел побывать во многих азиатских странах, которые упоминаются на этой зажигалке: Филиппины, Китай, Япония, Корея... А инициалы на зажигалке — по всей вероятности имя её владельца — С.Д.Н. Но теперь уже не установить, кто он из матросов — этот С.Д.Н., — Фертовский-старший вздохнул, — удивительно, как даже в таких небольших и недорогих вещичках хранится история.

— А сколько же стоит эта зажигалка? — Вилли прищурился.

— Она совсем недорогая — всего около ста долларов. Хочешь посмотреть дороже?

— Нет, показывай всё по порядку, — возразил Вилли.

— Хорошо, смотри, — с этими словами Фертовский-старший достал очередную коробку, — американская зажигалка. Тебе она ближе. Производитель Nassau Lighter Company — год выпуска 1910, медь. Зажигалки Nassau производились в Нью-Йорке, на Nassau street, с 1910 года, хотя на патенте указан 1905 год. Это была одна из самых первых автоматических карманных зажигалок того времени, сам механизм такого принципа действия был изобретён в Австрии в 1909 году. Существовало множество вариантов отделки корпуса, от простого хромирования до серебряных и золотых корпусов. На этой зажигалке прикреплена эмблема компании Royal Arcanum — одно из старейших страховых обществ взаимной выгоды, основанное в 1877 году в Бостоне; оно существует и сегодня. Стоимость зажигалки примерно двести долларов, — он открыл следующую коробочку, — вот зажигалка 1890 года выпуска, производитель Henry W. Maybaum, сама зажигалка носит название Reliable Pocket Lamp, экземпляр уникален тем, что искра в ней производилась особой пистонной лентой с фульминатами — солями гремучей кислоты, с её помощью поджигался пропитанный бензином фитиль, само собой, что было это её до изобретения кремня.

— И что ты обо всём этом думаешь? — Надя отхлебнула остывший чай, пока рассказывала, совсем о нём забыла. Вика, напротив, пила уже вторую чашку.

— Если бы мы раньше с тобой не попадали во всякие передрыги. Вплоть до мистических. И я бы не доверяла твоей интуиции, сейчас бы отмахнулась от твоих подозрений. Но к счастью, именно твоя интуиция нас и не подводила. Интуиция и наблюдательность.

— Хорошо, что ты меня поняла, — закивала Надя, — правда, ничего мистического в приезде сына моего мужа нет. Но поверь мне, в этом молодом человеке есть что-то такое, отчего мне не по себе. Ощущение надвигающейся беды, что ли. Дай Бог, чтобы я ошибалась.

— Гм, — Виктория сняла очки, положила их на стол, — мне стало даже любопытно, захотелось посмотреть на отпрыска семейного клана аристократов Фертовских. Сколько, говоришь, ему лет?

— Кажется, двадцать два, — подумав, сказала Надежда.

— Так сопляк же ещё, — удивлённо воскликнула Вика.

— По годам — да, но по сарказму, по поведению мне он кажется куда старше и циничнее. И потом, у него такой взгляд...

— Решено, — Вика надела очки, — когда он будет дома, приглашай меня в гости, я посмотрю, что это за чудо заморское.

Вадим дочитал последний лист романа, отложил его в сторону. Поднялся с кресла, поискал сигареты. Нарушая обещание, закурил прямо в комнате, вот Виктория, когда почувствует запах, будет возмущаться. Ладно, пока её нет, можно расслабиться. Хотя какое тут расслабление, обратил внимание — когда закуривал, дрожали пальцы. Ничего себе! Неужели из-за романа, который написала Мира?!

Зорин приоткрыл окно, дым от сигареты устремился наружу, в лицо ударил прохладный осенний ветер. Опять пошёл дождь — мелкий нудный, он принёс холод. А в романе было тепло и уютно. Там плескался океан, горячее Сейшельское солнце и трепетная любовь, где главным героем был он — Вадим Зорин. Точнее, явился прототипом главного героя. Но как точно и умело Мира описала его — внешность, характер, увидела и прочувствовала в нём то, о чём могла только догадываться, ведь они не так близко знакомы. Вот тебе и девчонка.

Зорин опять потянулся за романом, пролистал его, нашёл особо понравившиеся фрагменты, улыбаясь, перечитал их. Затем спрятал

роман под бумаги в ящик тумбочки, плюхнулся на кровать, закинул ногу на ногу. Мечтательно уставился в потолок.

Вдруг в образе главной героини представилось лицо Миры, а ведь похожа — такая же темноволосая, смуглая, эмоциональная и женственная. Неужели девчонка писала её с себя? Вполне может быть. Но тогда...

Зорин даже привстал. Может быть, именно поэтому она так упорно не хотела давать ему читать роман? Он вскочил, опять схватился за сигарету, закурил. Вика точно убьёт за курение в спальне.

Сам не знал, как реагировать, что думать. Понял лишь одно — ему, действительно, приятно читать роман, хотя слог и прост, но не примитивен, кое-что стоило бы откорректировать, но так, по мелочи. В целом текст удивительно хорош, как и сюжет. В нём купаешься, как в чистом озере. А с другой стороны, в романе угадываются чувства самой Миры.

Вадим затушил сигарету, опять перед взором предстало лицо девушки, её глаза — красивые, что тут лукавить, даже очень. Взгляд то насмешливый, то строгий, то ласковый. Зорин, словно отгоняя видение, даже головой помотал. Эта девушка стала слишком часто занимать его мысли. Так нельзя. Очень опасный путь, разрушительный. Мало того, что он женат, ещё и преподаватель, а Мира — студентка. И между ними ничего не может быть, ничего.

Хорошо, что он попросил Миру разрешить ему не высказывать своё мнение о романе. Сказал это ещё перед тем, как начал читать, а теперь порадовался своей предусмотрительности. Само собой, Мире ни к чему знать, что он думает. А всё же роман тёплый и какой-то обнадёживающий, хотя и наивный.

Почему человек в какой-то момент своей жизни начинает писать? Почему чувствует такую потребность? Ведь пишут далеко не все, а за перо могут взяться в любом возрасте. Причем, речь идёт, прежде всего, о художественной литературе. Вот почему Мира взялась писать? Таисья говорила, что на юге, от скуки, но это только толчок. А началом было что-то другое. Возможно, у Миры накопился достаточный читательский опыт. Судя по её рассказам, с интересом читать она начала с самого детства. В двенадцать лет её мама застала всю в слезах — девочка только что прочла «Сестру Кэрри» Теодора Драйзера, восприняла всю боль героини, прониклась ею. Мама отобрала книгу и

долго возмущалась — кто посоветовал Мире этот роман в её возрасте? А ей никто не советовал, она читала всё, что попадалось на глаза. Читала с интересом, вникала, рассуждала, переживала за героев. Вот тогда она, наверное, и окунулась с головой в мир художественной литературы, ощутила себя её частью. На фоне всего этого в какой-то момент захотелось создать и что-то самой. Конечно, ей ещё не хватает жизненного опыта, который необходим писателю, но, как говорится, опыт — дело наживное, лишь бы не бросить начатое дело. А вообще, продолжить читать и читать — хорошую, добротную, качественную литературу. Читать, писать, наблюдать за людьми и жизнью.

Всё-таки, Мира необычная, интересная девушка, как личность, так и как внешне. Зорин опять лёг, закинул руки за голову, покачал ногой. Прикрыл веки, через полуопущенные густые ресницы посмотрел на мягкий льющийся свет ночной лампы. Воображение опять унесло его из дождливой московской осени в тёплый край, где ласкают ноги солёные волны Индийского океана, где розовеет мягкий песок, пальмы волнуются на ветру, а на тебя влюблёно смотрят шоколадные глаза юной креолки...

Вдруг почувствовал лёгкое прикосновение губ, на них ощущался запах и вкус моря. Вадим ответил на поцелуй, сначала тоже едва касаясь, а затем внезапно впился в них горячо, страстно.

— М-м-м, Зорин, ты давно так не целовал меня, — услышал рядом, резко открыл глаза — над ним склонилась Виктория, — я стала уже забывать, как мастерски ты умеешь это делать, — она улыбнулась, прильнула к нему. Вадим от неловкости момента даже покраснел. Хорошо, что жена этого не заметила и вообще ни о чём не догадалась. Более того, он с облегчением вздохнул, когда вспомнил, что вовремя спрятал роман. Супруге вовсе необязательно знать о нём.

— Сейчас я тебе напомню, — прошептал ей на ухо, сжал в крепких объятьях.

— Ты сегодня превзошёл самого себя, — Виктория лежала на груди у мужа, разомлевшая, томная. Почувствовала себя, словно в первый раз была с Зориным.

— Неужели? — перебирал её спутавшиеся волосы. Сам от себя не ожидал такой, почти животной, страсти.

— Правда, Вадимыч, — Вика поймала его руку и поцеловала ладонь.

— Мы с тобой оба забыли, что можно быть счастливыми. Нас заел быт, нерешённые проблемы, нереализованные планы. Мы не умеем отключаться, Вика, — сказал Вадим задумчиво, — а давай возьмём отпуск и махнём на море? — вдруг предложил он. Вика подняла голову, посмотрела на супруга.

— Почему тебе пришла в голову такая идея? — удивилась она.

— Просто так, — пожал плечами Вадим.

— Не могу, дорогой, работа. Да и тебя в начале учебного года никто не отпустит в отпуск.

— Это верно, — вздохнул Зорин.

Глава 17

На тот вечер занятий в университете не было, поэтому после работы уговорились с Таей и их общими друзьями встретиться на Таганке, в центре. Встречу решили отпраздновать в ресторане японской кухни. Как-то были там раз, давно, правда, но повеселились от души. Друзьями была семейная пара — Татьяна и Максим, с которыми они когда-то познакомились на южном отдыхе. Вот теперь решили повторить приятно запомнившуюся встречу.

Максим и Таня запаздывали, Таисья предложила Мире пройти внутрь ресторана и подождать друзей там, тем более что на улице уже почти час шёл мокрый снег, норовистая погода меняла свой характер по несколько раз на дню.

Девушки прошли в ресторан, свободных мест было мало и не очень удобно расположенных, но им повезло — только что освободился столик у окна, куда они и направились. Молодые официанты с азиатской внешностью, быстро разнося заказы, шустро сновали от столика к столику. Перед Мирой и Таисьей уже лежали два больших красочных меню. Обсуждая блюда, Мира уморительно комментировала названия японской кухни, Таисья смеялась. Она вообще заметила, что подруга сегодня в превосходнейшем настроении, все время шутит, острит. И даже выглядела как-то иначе — глаза горели! В иной ситуации Таисья списала бы это на влюблённость, но Мира ничем подобным не поделилась, сказала, что просто ей весело и всё.

Наконец появились Максим с Таней, издали помахали им руками. Красивая пара, хотя и разные, как внешне, так и характерами. Татьяна с типично славянской внешностью — белокурая голубоглазая, к тому же пышнотелая, капризная, несколько эксцентричная, и кареглазый темноволосый Максим с правильными чертами лица и с таким же правильным характером — мягкий, уступчивый и, что заметно сходило, преданный супруге.

Все перецеловались, уселись и активно занялись выбором блюд. Дольше всех выбирала Татьяна, то ей одно не нравилось, то другое. Таисья и Мира уже давно решили, что будут есть и пить, как Максим предложил попробовать саке, в конце концов, надо же отметить встречу. Идея пришлась по душе всем. Подплыл официант и стал быстро записывать заказ, медлила лишь одна Татьяна, потом решила сделать такой же заказ, как у мужа, тут же передумала и заказала блюдо с совершенно не выговариваемым названием. Засомневалась, потом всё же решилась. На вопрос мужа, зачем он себе заказал так много, услышала его ответ под хохот девчонок: «Ты всё равно посетишь мою тарелку и съешь оттуда половину, так хоть я не останусь голодным». Они всегда так разговаривали, причём Максим не обижался на свою жену и легко терпел её выходки, подчёркивая, что очень любит свою Танечку.

Вскоре принесли все заказанные блюда, Мира присвистнула — на столе еле уместилось гастрономическое излишество японской кухни — всё, что они заказали. Особенно в шоке была Таня. Последним официант принес глиняный кувшинчик и четыре крохотных чашки что-то вроде пиал — для саке.

— А я слышала, что его пьют горячим, — вставила Таисья, когда Максим стал разливать напиток по чашечкам.

— Не-не, — Максим помотал головой, — хороший саке пьют холодным, а плохой — тёплым. Это незыблемое правило. Так говорится потому, что при нагревании саке весь богатый аромат и вкус притупляется или вовсе исчезает. Поэтому саке низшего качества советуют подогревать, — пояснил он.

— А сколько градусов крепость напитка? — спросила Таисья, нюхая его в чашке.

— Около двадцати, но его обычно разбавляют водой до пятнадцати. Кстати в самой Японии его называют — «Нихонсю».

— Как? — переспросила Мира и засмеялась. — Забавное название. Его делают из риса, да? Как и многое в Японии.

— В общем-то, да, — закивал Максим, — сбраживается сусло на основе риса и пропаренного рисового солода. Между прочим, в его вкусе могут чувствоваться хересные тона, нотки винограда, яблок и бананов. В лучших сортах саке встречается вкус вызревшего сыра, соевого соуса и свежих грибов. В нашем саке, конечно, этого нет, но запах ничего так, — он вдохнул напиток, — вкус, надеюсь, тоже. Итак, за встречу!

Содержимое первых стопок сразу у всех разлилось теплом по телу, а тут ещё горячий суп, который заказали все, кроме Татьяны, но, как и предсказывал Максим, она тут же полезла в его тарелку пробовать.

— Как же с вами здорово! — воскликнула Мира, макая роллы в соевый соус, слишком много отправила в рот васаби, в следующий момент закашлялась и прослезилась — под весёлые комментарии друзей. — Я люблю вас всех! — она ощутила, что пьянеет, но не столько от саке, сколько от той радости, которая переполняла сердце. Зорин, всё дело в нём.

Таисья вышла из-за стола, а когда вернулась, многозначительно посмотрела на Миру. Улучшив момент, она шепнула:

— Кого я сейчас видела в ресторане, — сделала глаза круглыми.

— Кого? — Мира активно жевала.

— Вадима Георгиевича, — сообщила Тая, — и не одного, а с довольно красивой женщиной. Интересно, кто она ему?

У Миры засосало под ложечкой.

— Где? — выдавила из себя.

— Вот там, столик у лестницы на второй этаж, — показала Таисья в сторону, — наверное, недавно пришли, раньше — мы бы заметили.

Мира вытянула шею, пытаясь увидеть — тщетно. Она поднялась с места.

— Пойдёшь? — спросила Таисья.

— Куда? Что случилось? — встряла Татьяна.

— Я скоро вернусь, — Мира пошла в указанном направлении, не доходя лестницы, резко затормозила. Сердце билось так, будто вмиг стало огромным и заполнило её с головы до ног. А ещё стало сухо во рту. Мира с трудом сглотнула слюну. В следующий момент увидела

Зорина. Он и его спутница сидели за столиком у винтовой лестницы и о чём-то оживлённо разговаривали. Спутница Зорина, действительно, была очень эффектной, Мира за несколько секунд оценила всё — и модный комбинезон, и сапоги с тонким каблуком, и уложенные каштанового цвета волосы, и модные очки, которые она поправляла изящным жестом. А Зорин — он смотрел на неё, улыбаясь. В какой-то момент накрыл её руку своей, затем поднёс к губам.

Этот порыв нежности уколom отозвался в сердце Миры, не в силах оторвать взгляд, она замерла. Зорин, словно что-то почувствовав, повернул голову. Мира едва успела исчезнуть из его поля зрения.

Вернулась к друзьям потерянная. Таисья сразу это заметила. Набрала в телефоне сообщение «Видела?». Мира прочитала и вместо ответа просто кивнула.

Глава 18

С утра у Миры разболелась голова — ломило висок, даже подташнивало. Она решила прогуляться, заодно ещё раз вывести Беню — карликового чернокудрого пуделя. Бенья обладал покладистым, мягким характером, беззаветно любил домочадцев.

Пудель искренне обрадовался возможности ещё раз за утро совершить прогулку. Вышли оба из подъезда, втянули носами воздух — сыро. Дождя не было, но небо сердито хмурилось, солнца не обещая. Пудель вопросительно посмотрел на хозяйку: не передумала ли? Но Мира уже стала спускаться по ступенькам на крыльце.

Листья на клёне затрепетали от ветра. Бенья тихонько твякнул ветру в ответ. В следующий момент Мира услышала позади себя:

— Добрый день!

Она резко обернулась: «Только не это! Ну что за наказание?» Минуту назад две соседки у подъезда с любопытством наблюдали картину: из подъехавшего внушительных размеров чёрного авто вышел молодой мужчина и сразу направился к Мире.

— Кому как, — невежливо буркнула она.

— А я рад вас видеть, — искренне сказал он.

Мира, прикусив губу, молчала, наконец, ей представилась возможность, как следует рассмотреть его лицо. В метро было неудобно, то он спал на её плече, потом провожал — тоже не получилось из-за сумерек, да и не было особого желания глазеть на

явно случайного в её жизни человека. И вот теперь он стоял перед ней во всей своей красе. Симпатичный? Ну да, и холёный. Гладко выбрит, стильно подстрижен — волосы тёмно-русые густые, наверное, даже уложены. Глаза с прищуром, вроде бы карие, ощущение, что он тебя все время оценивает. Нос прямой.

— Может, наконец, познакомимся? — ровным голосом спросил он. Заметив, что девушка его рассматривает, быстро улыбнулся.

— Зачем? — к досаде Миры предатель Беня стал ластиться к этому типу.

— Чтобы обращаться друг к другу по имени, — пояснил он как само собой разумеющееся.

— А я не собираюсь к вам вообще никак обращаться. Беня, пойдём, — она потянула собачий поводок.

— Беня? — усмехнулся молодой человек, присел на корточки и принялся гладить пуделя по чёрным кудряшкам. Беня от удовольствия чуть не опрокинулся на спину.

— Да, Беня, Бенджамин.

— Славная собака, — он выпрямился и опять, как показалось Мире, посмотрел на неё оценивающе.

— Нам пора домой, — Мира к неудовольствию Бени потянула его за поводок к себе.

— Не уходите, — попросил молодой человек.

— Послушайте, что вам от меня надо? — задала вопрос, — ваше поведение, по меньшей мере, странно. Ну ладно, случайно уснули на моём плече в метро, всё бывает. Из вежливости даже проводили меня домой. Опять встретились в метро. Я дала вам понять, что мне не нужны знакомства. Но вы появились опять. Только не говорите мне, что я вам понравилась. Ни за что не поверю!

— Почему же? — он, пока девушка говорила, пристально смотрел на неё и внимательно слушал.

— Что почему? — теряя терпение, спросила Мира.

— Почему вы не можете мне понравиться? — казалось, он удивился искренне.

«Зарычать на него что ли вместо Бени?» — подумала Мира, а вслух сказала:

— Потому что так не бывает. Всё, мне, правда, пора домой, — развернулась. И тут вдруг пудель сорвался с поводка. Пара секунд и он

радостно побежал по двору догонять кошку, которая сидела у кустов.

— Стой, Бенья, стой! — закричала Мира и рванула за ним. Вместе с ней побежал и молодой человек. С его длинными ногами и спортивной фигурой он быстрее оказался возле Бени, который воспринял всё это как игру, и носился по двору кругами. Соседки у подъезда замерли с открытыми ртами.

Бенья сделал несколько кругов по двору, молодой человек за ним. В какой-то момент он почти схватил собаку за поводок, но та сделала резкий рывок в сторону и выскочила со двора. Молодой человек выругался и побежал за ним. Вконец обалдевшая от всех этих гонок и такого внезапного непослушания Бени, Мира, остановилась в конце двора, чтобы перевести дух. Послышался визг тормозов автомобиля. Не в силах сделать больше ни шагу, Мира замерла.

Прошло минут пять, а ей они показались вечностью. Мира понимала, что сознание отказывается верить в беду. Надо идти туда...

Из проулка появился молодой человек, на руках он нёс собаку. Лицо его было бледным, глаза — ну просто огромные, локоть пиджака испачкан, почему-то не хватало пары пуговиц, волосы взъерошены. Бенья на его руках не шевелился.

— Всё? — упавшим голосом спросила Мира.

— Не всё. Где тут ближайшая ветеринарная клиника?

— За углом...

Они сидели в крохотном коридоре ветеринарной больницы. Ждали и молчали. Врач женщина средних лет с мягким голосом сказала, что у собаки рана — её надо зашить, сидите, ждите.

— Спасибо вам, — Мира посмотрела на своего нового знакомого с благодарностью. Затем полезла в сумочку за влажной салфеткой, показала ему испачканный локоть пиджака, который он тут же принялся оттирать.

— Дмитрий, — закончив оттирать свой локоть, представился он.

— Меня зовут Мира, — она подняла на него глаза.

— У вас редкое имя, — заметил он.

— Да, знаю. Так меня назвал отец, — Мира вздохнула, — я его совсем не помню. Он умер, когда я была маленькой.

— Простите, — поспешно сказал Дмитрий.

— Ничего, всё нормально, — она теребила в руках пачку с салфетками. Он смотрел на её руки, — на самом деле Беня послушный пёс, — словно оправдывалась. Дмитрий закивал.

«Как он не похож на Вадима Георгиевича, — подумала Мира, поймав себя на мысли, что стала сравнивать их, — сдержанный, немногословный. Кажется, о чём-то всё время думает, оценивает. Хотя то, что уверен в себе — очевидно. Ну и ко всему прочему, он из другого социума — об этом говорит стиль его одежды, вон на руке какие часы, да и сам весь холёный. А уж про машину и говорить нечего.

Мира вздохнула. Разница в материальном достатке между ними несомненна. Она в университет-то поступила благодаря своим знаниям, своему уму и то, еле прошла по конкурсу. А если попытаться платить за учёбу, то так и останешься невеждой.

Мира опять посмотрела на своего нового знакомого — сидит тут с ней, теряет время, перед этим бегал за собакой как спринтер. Что же ему всё-таки надо? Не успела она озвучить свой вопрос, как у него в кармане зазвонил телефон. Дмитрий извинился и отошёл в сторону. Мира решила не прислушиваться, но до неё всё равно доносились обрывки фраз, кажется, на том конце провода была девушка. По крайней мере, Дмитрий перед кем-то оправдывался, причем эмоционально.

«Ого! — подумала Мира, — значит, всё-таки умеет проявлять эмоции. И много говорить — тоже. Сейчас нажмет на телефоне «отбой», подойдет, извинится, у него хватит воспитания, и поедет к своей крале её успокаивать». Мира усмехнулась. Краля, наверняка, длинноногая, жутко капризная и требовательная. А может, жена? Но у него на пальце нет кольца. Хотя, это ничего не значит.

Дмитрий что-то ещё сказал в телефон, затем с явным раздражением засунул его в задний карман джинсов, будто телефон был в чём-то виноват. Мира не сомневалась — сейчас умчится.

Он подошёл к ней, открыл рот, нахмурился и ... сел рядом.

— Что-то не так? — ироничным тоном спросила Мира.

— Почему? Всё нормально, — выдохнул он.

— И вам никуда не надо?

— Никуда, — по слогам произнёс он, — я останусь с вами.

Глава 19

— А теперь то, ради чего, собственно говоря, я привёл тебя сюда, — сказал Фертовский-старший, — вовсе не для того, чтобы хвастаться своей коллекцией, хотя не скрою, мне было приятно её показывать, тем более, тебе это явно интересно. Поэтому, — он сделал паузу...

Самый низ витрины был не прозрачным, Владимир Григорьевич выдвинул оттуда небольшой ящик, внутри которого оказался футляр. Фертовский-старший взял его в руки, открыл, как показалось Вилли, с особым чувством. В футляре лежала золотистого цвета чуть потёртая зажигалка. Вроде ничего особенного на первый взгляд в её внешнем виде не было, ну разве что в корпус встроена изящная женская статуэтка.

Вилли поднёс зажигалку близко к глазам и стал разглядывать именно женскую фигурку. Её тело было прикрыто длинной накидкой, обнажённая ножка чуть выставлена вперед. На глазах повязка, на голове корона, в тонких руках девушка держала большой рог с монетами.

— Грандпа, так это же Фортуна?! — воскликнул Вилли, узнав в статуэтке богиню удачи.

— Да, именно так, — подтвердил довольный Фертовский-старший, — богиня удачи, судьбы, благословения и богатства. Введение культа Фортуны связывалось с царём Сервием Туллием (578–534 до н. э.), ставшим, благодаря любви Фортуны, из сына рабыни царём и воздвигшим ей несколько святилищ. Фортуну почитали как "судьбу сегодняшнего дня", "данного места", "частных дел", "общественных дел", "доброй судьбы", "злой судьбы", "мужской судьбы", "милостивую" и прочее. Она изображалась на монетах почти всех римских императоров. Но поместить Фортуну на зажигалку додумалась лишь фирма Alfred Dunhill, — сказал Фертовский-старший.

— Неужели? — удивился Вилли.

— Несомненно, — подтвердил Владимир Григорьевич, — а вообще их первая зажигалка появилась в 1923 году, которой позже дали название Unique. Первые модели Unique действительно были элегантны, — как правило, они имели позолоченный или посеребренный корпус и были украшены крокодилей или страусиной

кожей. К тому моменту, когда Уайз и Гринвуд предложили фирме своё изобретение, компания уже имела достаточно известное имя и в дальнейшем закрепила за собой репутацию одной из самых изощрённых в художественном и дизайнерском оформлении зажигалок. Экземпляр, который ты видишь перед собой — тоже из серии Unique, год выпуска — 1928. Золото. Ко мне она попала несколько лет назад из частной коллекции по очень большой дружбе, но и по приличной цене, как ты понимаешь.

— Частная коллекция? — переспросил Вилли, рассматривая зажигалку со всех сторон, — grandpa, и сколько она может сейчас стоить? — он поднял глаза.

— Тебе она достанется бесплатно, — Владимир Григорьевич улыбнулся.

— То есть? — не понял Вилли.

— Коллекцию ты унаследуешь после моей смерти, в том числе и этот раритет, как само собой разумеющееся.

— А тебя когда-нибудь просили её продать?

— Да, конечно, — кивнул Фертовский-старший.

— И сколько же давали? — Вилли заметно оживился.

— Тебе это так важно знать?

— Да, мне интересно. Ведь вещь уникальна, я так понимаю, штучная, да?

— Верно, штучный прототип, — подтвердил он, задумался, — стоимость на сегодняшний день, я полагаю, составит не меньше двадцати тысяч долларов.

— Вау! — Вилли не скрывал своей радости. — И всё это ты оставишь мне, grandpa? Дедушка... — он сделал ударение на втором слоге, отчего Фертовский-старший засмеялся и обнял внука.

— Знаешь, что? — Владимир Григорьевич принял молниеносное решение, — а подарю я тебе уже сейчас кое-что из моей коллекции. Несколько подешевле, но не менее интересное. Это как гарантия моего обещания, — с этими словами он выдвинул ящик на уровне глаз и достал оттуда футляр чуть поменьше предыдущего. На чёрном потёртом бархате лежала трёхцветная зажигалка — геометрические фигуры в виде треугольников пересекались друг с другом, создавая необычный эффект трех оттенков синего.

— Ничего подобного не видел, — удивлённо признался Вилли, — что за производитель? И что за покрытие на зажигалке?

— Производитель всё тот же Alfred Dunhill, 1930 год выпуска, серебро. Наполнитель бензин. А вот покрыта эта красавица перегородчатой эмалью. Ты когда-нибудь слышал о такой?

— Нет, — помотал головой молодой человек.

— При работе в технике перегородчатой эмали на металлическую поверхность напаивают проволочку или полоски, а образовавшиеся таким образом ячейки наполняют стеклянной массой — эмалью. После обжига поверхность гладко шлифуют, в результате чего металл с эмалью образуют ровную плоскость, а металлические перемычки создают определённый узор, — стал пояснять Владимир Григорьевич, — этот способ эмалирования был особенно распространен в Японии. Металлическое основание обыкновенно бывает золотым, реже серебряным или медным. Сначала на него наплавляется глазурь, затем наносятся другие краски, после чего всё покрывается бесцветной прозрачной эмалью с глазурью в качестве защитного средства. Вот и здесь использована техника перегородчатой эмали.

— Это, правда, впечатляет, — Вилли внимательно рассматривал зажигалку.

— Вот и бери её себе, подарок от деда. На память.

— Спасибо! Ты не представляешь, как мне ну просто необходима такая вещь! — воскликнул Вилли. — Если это Dunhill, то и цена, наверное, не малая?

— Дешевле, конечно, «Фортуны», — пожал плечами Фертовский-старший.

— А если точно? — Вилли прищурился.

— Ну, зачем тебе её цена? Это же мой подарок.

— Дедушка, мне просто интересно, — Вилли обнял его за шею, — конечно же, дело не в ней, а в самом подарке. Ведь его ценность в том, что именно ты мне его подарил, ты — мой родной дед, — при этих словах молодой человек выдал такую ласковую улыбку, что Фертовский-старший растаял окончательно.

— Я точно не помню, около трёх тысяч долларов. Да, Бог с ней, — он махнул рукой, — мальчик мой, если бы ты знал, как я рад твоему приезду. Я прямо чувствую родство наших душ. Несмотря на

то, что мы с твоим отцом теперь прекрасно понимаем друг друга, и Сашенька для меня большая отрада, всё-таки Николя не разделяет, ну вот хотя бы, к примеру, таких моих увлечений. Сколько раз я пытался ему поведать о моей коллекции, рассказать подробности, то у него нет времени, то ему откровенно скучно. Он так толком и не дослушал. Всё время куда-то едет, торопится, съёмки там, здесь, ему с семьёй-то побыть некогда. Нет, я не упрекаю сына, это его жизнь, и я люблю Николя. Но мы с ним разные, всё-таки разные, — он вздохнул, — а ты меня выслушал, проявил интерес.

— Конечно, дедушка, иначе не может быть, — Вилли похлопал его по плечу. Старик и, правда, стал слишком сентиментальным.

Вилли вернулся в дом отца поздно вечером — так засиделся у деда. Мог и уехать бы раньше, но предпочёл остаться и выслушивать воспоминания о своём детстве здесь — в России, потом пошли рассказы о жизни семьи в Великобритании, дед вошёл во вкус и в своих устных мемуарах стал упоминать уже юность. Молодой человек слушал вполуха, эмоционально-чувственная часть историй его вообще не интересовала, оживился он лишь при упоминании драгоценностей своей бабушки Софии, но та не отличалась сдержанностью и разумностью и наделала глупостей. Каких конкретно — дед предпочёл не посвящать внука. Но на неё был явно обижен.

— И ты больше никогда её не видел? — спросил Вилли, выпуская колечки дыма. Они устроились в кабинете и опять курили сигары.

— Нет, не видел и ничего о ней не знаю, — Фертовский-старший стряхнул пепел.

— Она была красивой? Сохранился хоть один её снимок?

— Ни одного, — покачал головой Владимир Григорьевич, — красивая? Да, очень. Я тогда выбирал себе жену по двум критериям — происхождение и внешние данные. Сейчас, спустя время, на женщин я иначе стал смотреть. Так сказать, хоть на склоне лет поумнел, — он смущённо крикнул.

— И какой теперь твой взгляд на женщин? В чём ты поумнел? — с плохо скрываемой иронией спросил Вилли.

— Самое главное в женщине — доброта, душевность. Умение понять, пожалеть, утешить. А ещё — умение любить.

— Даже если она при этом монстр?

— Монстр? — переспросил Фертовский-старший. — Что значит монстр?

— Я не так выразился, — помотал головой Вилли, стал подбирать слова, щёлкнул пальцами, — если она простая, плебейка, крестьянка.

— Даже при этом, — твёрдо сказал его дед. И тут же добавил, — ты ещё очень молод, Володя, в силу отсутствия жизненного опыта, тех испытаний, что выпадают на долю человека, тех уроков, которые даются, ты многого не знаешь. Как жаль, что чаще всего мы их так и не усваиваем. Либо бывает слишком поздно, — он замолчал, задумался. В этой паузе Вилли внимательно смотрел на grandpa — всё-таки постарел, стал мягким, по натуре слабым, приобрел раздражающую толерантность. А ещё влюбился по самые уши — так говорят в России? И предал свои взгляды, предал себя самого.

— Дедушка, а давай-ка поужинаем? — нарочито весело предложил Вилли, — время подходящее.

— Ты прав, сынок, — улыбнулся Фертовский-старший, — я заболтался и морю тебя голодом.

Через полчаса сидели в столовой за ужином вдвоем — Маша присоединилась к ним. Она сначала отказывалась, ссылаясь на недомогание — второй день чувствовала себя неважно, но супруг упрямился — ему так хотелось, чтобы она присутствовала на ужине. Чтобы они собрались семьёй. Маша уступила мужу, согласилась. Правда, за ужином почти ничего не ела и в разговоре произнесла всего несколько слов. Вилли откровенно рассматривал её, благо grandpa ничего не замечал. Конечно, не дурна собой, просто Вилли сразу её не разглядел. Мягкие русые волосы волнами лежали на плечах. Глаза почти всё время опущены. Миловидна и даже весьма. Такая почти ангел, наверное, это и подкупило деда, растопило его сердце.

Обо всём этом думал Вилли, когда вернулся в дом к отцу. Правильно, что не остался ночевать у grandpa, надо побыть одному и всё хорошо обдумать.

Вилли улёгся на свою кровать, вытянул длинные ноги. Когда вернулся, в доме уже все спали, кроме отца. Тот, сидя в гостиной, перебирал какие-то фотографии.

— Как дела? — спросил полушёпотом. Вилли показал большой палец. — Ты голоден?

Он помотал головой и показал знаком, что хочет спать. Но на самом деле спать не хотелось. Довольно много впечатлений за один день. Опять перед глазами возникло лицо жены grandpa. Эти опущенные глаза с длинными ресницами. Она сидела за столом как аристократка — спина прямая, почти ничего не ела, приборы держала уверенно. Наверное, grandpa обучил. Интересно, насколько он страстен со своей женой?

Глава 20

Надя долго разговаривала по телефону, что-то обсуждала, смеялась. Положив трубку, подошла к мужу, обняла его за плечи. Николай работал за ноутбуком. Надежда поцеловала мужа в макушку, он улыбнулся.

— Николенька, ты очень много работаешь, — проворковала Надя ему на ухо, — ты давно не был в отпуске.

Фертовский откинулся в кресле.

— Судя по всему, ты что-то намечаешь, — прокомментировал он.

— А помнишь, — Надя прижалась к щеке мужа, — наш «медовый» месяц на Сейшелах?

— Разве это можно забыть? — Николай опять улыбнулся. — Сейшелы нас по-настоящему сблизили, позволили узнать друг друга.

— И полюбить, — добавила Надежда.

— Ну, я-то в тебя был давно влюблён, — он чмокнул жену в кончик носа.

— А я просто убедилась, что люблю тебя и всё. А помнишь таксиста-креола?

— Ещё бы! Я был готов его хорошенько поколотить. Он так сластолюбиво смотрел на тебя.

— Ничуть не менее страстно смотрела на тебя блондинка на пляже, которая рвалась попасть в нашу группу аквалангистов.

— Неужели? — пряча улыбку, удивился Николай.

— Да-да, — подтвердила Надя, — на тебя реагируют многие женщины, и красавиц среди них не мало.

— Не может быть, — он покачал головой.

— Может-может.

— Понимаешь, всё дело в том, что я люблю только одну женщину — тебя.

— И я тебя люблю, — тепло отозвалась Надежда.

— Так что же ты задумала?

— У-у-у, нельзя быть таким проницательным в отношении своей жены, — засмеялась Надя, — Николенька, родной, мне предложили путёвки на Кипр — через две недели, возьмём Сашу и, может, съездим? Всего на восемь дней, зато, сколько будет радости, сколько эмоций, а главное — мы подарим себе, пусть коротенькое, но всё же лето.

Николай задумался.

— Неожиданное предложение, — отозвался, чуть помедлив, — Надюш, я бы рад, но ко мне, к нам, приехал Володя, а мы отправимся в отпуск? Как-то не очень хорошо получается, тебе не кажется? — он внимательно посмотрел на жену. Надя сникла.

— Но это же ненадолго, всего восемь дней. А Володя всё это время может пожить у Владимира Григорьевича, так? Ну, пожалуйста, обещай, что поговоришь с сыном? Восемь дней, милый, — она прижалась к мужу.

— Поговорю, — согласился он, — Саше тоже не мешало бы съездить на море.

Вилли услышал звонок на телефоне не сразу. Когда мелодия «Чардаша» стала звучать всё громче и требовательней, он, наконец, отыскал телефон в небрежно брошенном с вечера на стуле пиджаке. Посмотрел на экран, поморщился.

— Hello, — сказал в трубку, подошёл к двери своей комнаты, намереваясь её закрыть плотнее, но отвлёкся на довольно эмоциональный возглас на том конце провода, и дверь не закрыл. Два любопытных карих глаза смотрели в щёлочку. Вилли стоял у окна спиной к двери, нервно водил пальцем по стеклу.

— Yes, yes, — молодой человек говорил исключительно на английском, разговор был явно не из приятных, он то и дело досадливо хмыкал, но трубку не бросал. По ходу разговора достал из кармана джинсов зажигалку и крутил её в руках, затем пару раз зажёл, наблюдая за ровным пламенем. В конце разговора совершенно расстроенный, не попрощавшись, бросил телефон на кровать. Тем временем обладатель пары карих глаз, оставшись незамеченным, испарился.

Вилли зло выругался — проблема никуда не исчезла. А что он думал? Что Грум не найдёт его в России? Что просто так отвяжется и даст спокойно жить? Но ведь согласился же на месячную рассрочку, а сам звонит раньше. И ещё ласково так разговаривает, миролюбиво. А сам, если что не так, не задумавшись, кишки выпустит.

— Сынок, — в дверь постучался Николай, — нам надо поговорить.

В этот момент Вилли закурил, показал отцу рукой на стул, сам сел на кровать, покосился на телефон, словно Грум мог ещё раз позвонить прямо сейчас.

— Нам предложили путёвки на Кипр через две недели, — подбирая слова, стал объяснять Николай, — так получилось, мы не планировали. Путёвки всего на восемь дней, хотелось бы, конечно, съездить всей семьёй, и тебя можно было бы взять, но взрослых путёвок всего две.

Вилли махнул рукой.

— Поверь, Кипр сейчас меня привлекает меньше всего.

— Ты чем-то расстроен? — Николай внимательно смотрел на сына — круги под глазами, бледный, взгляд какой-то затравленный.

— Нет, всё хорошо, — выдавил улыбку Вилли, — если ты задумал отдохнуть, я не против.

— Но ты же приехал ко мне, — Николай сел рядом с сыном.

— Па, я взрослый человек и со мной не надо нянчиться, — напомнил он.

— Верно, — согласился Николай, — слушай, а это же зажигалка твоего деда, — он только сейчас заметил на комодке одну из самых красивых зажигалок в коллекции отца.

— Да, грандпа мне подарил её, — о чём-то думая, пояснил Вилли.

— Славная вещица. Отец всегда подчёркивал, как она ему дорога.

— Да-да, — рассеянно подтвердил Вилли.

— Значит, отец показывал тебе свою коллекцию? Понравилось? Там ведь такие раритеты, целый экскурс в историю, — с гордостью сказал Николай.

— Странно, а грандпа говорит, что ты никогда не проявлял особого интереса к его коллекции, — заметил Вилли.

— Ну, скажем так, эта коллекция — не всё, что ты видел из его собраний. Есть кое-что, действительно, особенное, и я бы сказал, даже

конкретно причастное к истории нашего рода.

— То есть? — не понял Вилли.

— У твоего деда есть историческая ценность, весьма необычная, и это не зажигалка. Ты ничего о ней не знаешь?

— Нет, — Вилли растерянно заморгал.

— На это стоит посмотреть, поверь мне, — улыбнулся Николай.

— И что же это?

— Не знаю, надо ли забегать вперед и рассказывать? Может, твой дед сам решит поведать о семейной драгоценности и связанной с ней историей? — засомневался Николай.

— Хотя бы просто скажи, что это? А уж подробности услышу от грандпа, сделав вид, что вообще ничего не знаю о раритете, — пообещал Вилли.

— Да, в общем-то, тайны как таковой нет, я даже удивлён, что дед тебе ничего не рассказал о сабельном гарнитуре, который, передаваясь из поколения в поколение, хранится в нашей семье — пожал плечами Николай.

— Сабельный гарнитур? — Вилли удивлённо приподнял брови.

— Да, сабельный гарнитур, изящно украшенный драгоценными камнями. Там целая история и, поверь, очень интересная. А на самом клинке в виде вензеля инициалы нашего предка — две буквы А, ведь сабля ему досталась за заслуги перед Отечеством в войне 1812 года.

— Что?! — воскликнул Вилли, — но почему я никогда о нём не слышал? Ведь если эта вещь фамильная, то почему о ней не говорили в семье, когда я ещё жил в России?

— Но ты же тогда был ещё мальчиком, — пояснил Николай, — кроме того, мой отец сам долгое время не мог найти то место, куда его дед спрятал ларец с гарнитуром. Уже и не надеялся. Усилить поиски его подвигла Надя.

— Твоя жена? — Вилли нахмурился. — Она узнала о наследстве?

— Нет, дело не в этом. Просто семь лет назад Надежда, благодаря связям в архивах, раскопала кое-что из событий нашего рода. Мы узнали множество фактов, о которых и не догадывались. Именно после этого мой отец и стал искать гарнитур. Точнее, саму саблю, о гарнитуре мы узнали уже позже. Поиск увенчался успехом, были проведены многочисленные экспертизы и соответственно оценка раритета.

— И во сколько же оценили гарнитур? — Вилли от нетерпения стал переминаться с ноги на ногу.

— Что-то около полумиллиона долларов, вроде бы так, — пожал плечами Николай.

— Ого! — Вилли аж подпрыгнул, — пятьсот тысяч долларов? Хоть обижайся на grandpa, что скрыл от меня такое, показав лишь зажигалки.

— Не стоит таить на него обиду, — Николай обнял сына за плечо, — думаю, что твой дед просто не успел или же хотел «десерт» подать позже. Я уверен, ты всё скоро узнаешь.

— Надеюсь, что ты прав, — кивнул Вилли и улыбнулся.

Спустя некоторое время после разговора с отцом Вилли, насвистывая, вошёл в столовую. На высоком стуле сидела Саша, на её коленях лежала яркая детская книга, которую девочка, шевеля губами, читала. При появлении старшего сводного брата, оторвалась от своего занятия, посмотрела на него не по-детски серьёзно.

— Ты умеешь читать? — спросил Вилли.

— Умею, — она поджала губы.

— Ты маленькая дурочка, — он налил себе стакан воды, выпил его залпом. Настроение после разговора с отцом явно улучшилось. Прошёл мимо сестры, насвистывая «Ах, мой милый Августин». Уже на пороге столовой вдруг услышал за спиной:

— Грум.

Обернулся, девчонка вся была в своей книге, даже голова опущена.

«Послышалось», — подумал Вилли.

Глава 21

Сегодня в кафе Мира основательно опоздала. Зорин ждал её один, Таисья вообще не явилась, позвонила в последний момент — подъедет только к занятиям.

Зорин заказал себе латте и задумчиво пил его маленькими глотками. После того как прочитал роман Миры, они ещё не виделись. Уже тогда он подумал: может быть, и не стоит больше встречаться? Но когда девушка прислала ему сообщение, назначая встречу в их кафе,

он, не раздумывая, дал согласие. Всё-таки захотелось увидеть Миру, просто посмотреть в её глаза.

Она влетела в кафе растрёпанная, заколка на боку, клетчатый шарф небрежно обмотан вокруг шеи, его бахромчатые концы свисали. Девушка поискала глазами Зорина, увидев, махнула рукой.

«Креолка с Сейшельских островов», — подумал он и вдруг вспомнил, что именно там провели свой «медовый» месяц Николя и Надя. Удивительное совпадение, наверное, там, правда, романтическая атмосфера.

— Здравствуйте, Вадим Георгиевич, — Мира, как обычно, села напротив. Размотала шарф, сняла пальто, пригладила распушившиеся от влаги волосы и смущённо улыбнулась, заметив, что Зорин внимательно следит за её движениями. Он спохватился, отвёл взгляд.

— Как ваши дела? — протянул ей меню.

— Дела нормально. Я буду чай, горячий чай с имбирём, — Мира потерла ладонь о ладонь, зябко, — да, Вадим Георгиевич, я привезла вам книгу, — она порылась в пакете, выудила оттуда роман Марио Варгаса Льюиса, — большое спасибо, прочитала, как всегда, с интересом. У Льюиса всё-таки особый стиль. И он мне нравится. Думаю продолжить знакомство с его творчеством.

— Вот как раз кстати, — воскликнул Зорин и тоже достал из своего рюкзака книгу небольшого формата, на обложке которой красовались часы, — это мой вам подарок, Мира, уверен, пригодится.

Она взяла книгу, прочитала название — «Письма молодому романисту».

— Это вам, как молодому писателю, своего рода советы, — пояснил Вадим Георгиевич, — здесь прославленный мастер раскрывает свои профессиональные секреты. Варгас Льюиса предстает в книге блестящим и остроумным мыслителем, замечательным знатоком мировой литературы.

— Ух, как интересно, — радостно закивала девушка, — Вадим Георгиевич, как же я вам благодарна. Сколько всего я от вас получаю. Вы просвещаете меня, объясняете, прививаете вкус к хорошей литературе. Этот опыт бесценен. Если бы не вы... — она умолкла.

Зорин почувствовал, что краснеет. Засуетился, чуть не опрокинул бокал с остатками кофе. Это смутило его ещё больше. А Мира любовалась им. И опять сравнивала. Никак не получалось не

сравнивать с её недавним знакомым — Дмитрием. Несмотря на более дорогой внешний вид Дмитрия — Вадим Георгиевич одевался проще, последний во всём остальном явно выигрывал. Зорин умен, интеллигентен, с прекрасным чувством юмора, эмоциональный, он настоящий. А Дмитрий? Нет в нём того обаяния, которое присуще Зорину, той индивидуальности, шарма, которые подкупают. Спасибо ему, конечно, что помог с Беней, отнёс его в ветеринарку и даже остался ждать, а потом доставил домой. Правда, Мира не разрешила провожать её. Пуделька она донесла сама. Дмитрий, как ей показалось, попрощался с ней прохладно. Хотел ещё что-то сказать, но передумал, махнул рукой и ушёл.

Мира пожала плечами. Зачем приезжал? Чего хочет, чего добивается? Она вдруг поймала себя на мысли, что не слушает Вадима Георгиевича, так увлеклась собственными мысленными рассуждениями и сравнениями. А Зорин что-то вещал про приёмы в литературе, разные стили и способы изложения. Упомянул опять же Льосу, назвав его творцом латиноамериканского «бума», затем повёл речь о Питере Хёге, перескочил на Итало Кальвино и особенности его литературных произведений. Закончил рассуждениями о приёмах в литературе, которыми пользовался Кобо Абэ. Мира и раньше слышала об этом японском писателе, правда, не читала ни одного его романа. Вадим Георгиевич посоветовал всенепременно с ним ознакомиться. Мира опять задумалась о личности преподавателя, но он прервал её мысли:

— Вот интересными бывают приёмы даже в мелочах, которыми пользуются писатели. К примеру, косвенная речь, — он сделал паузу, посмотрел на девушку, она кивнула, — кажется, Льоса любитель вслед за прямой речью ставить действие говорящего, не относящееся к сказанным словам.

— То есть? — не поняла Мира.

— Я люблю тебя, — сказал Зорин после некоторой паузы.

Мира обомлела. Вадим Георгиевич уставился на неё немигающе.

— Я люблю тебя, — повторил он, — здесь после прямой речи следует не «сказал он», а, к примеру, «он прикоснулся к её шелковистым волосам».

— А, понятно, — выдохнула Мира, — хороший приём, его надо взять на вооружение, — она отвела взгляд, понимая, что смутилась так

странно прозвучавшим примером. Похожим на признание. Хотя, конечно, это не может быть признанием. Просто так получилось — случайно. Но его глаза — пару мгновений он смотрел на неё особенно, более чувственно, чем обычно...

Мира даже поёжилась. Кажется, Таисья права — она теряет контроль над ситуацией. И ни к чему хорошему это не приведёт. Но как трудно отказаться хотя бы изредка даже просто видеть Вадима Георгиевича. Вот если бы он сам отказал ей во встрече... переживала бы, конечно, расстроилась. Но в итоге смирилась бы. Однако и он не против их встреч, это заметно. Он оживляется, острит, много рассказывает, ему тоже хорошо.

Хотя как-то совсем недавно сказал, что любит свою жену, ввернул это в разговор. Что у них пока нет детей, но хотят оба. Всё-таки тогда в японском ресторане он был с ней, да, скорей всего.

— Какой у вас рост? — ни с того ни с сего брякнула Мира. Зорин чуть удивлённо приподнял брови.

— Метр восемьдесят пять, а что?

— Нет-нет, ничего, — неловко улыбнулась Мира, — высокий. Кажется, нам пора? — она посмотрела на часы. Всё-таки этот его пример выбил её из колеи. А сам он ничуть не смутился. Иногда такое ощущение, что Зорин играет с ней, наблюдает за реакцией.

— Вадим Георгиевич, — обратилась Мира, пока он помогал ей надеть пальто — как всегда галантно, даже шарф поправил, — могу я кое о чём вас попросить?

— Да, Мира, конечно, — достал портмоне, чтобы расплатиться, оставил купюру под блюдцем.

— Верните, пожалуйста, мой роман. Думаю, что вы его уже прочли. Как договаривались, не спрашиваю ваше мнение, но вернуть его прошу.

Зорин изменился в лице.

— Хорошо, я верну вам роман, но только не сейчас. Мира, — он нахмурился, задумался, — мне необходимо сделать его копию, — наконец, признался.

— Копию? Зачем? — не поняла Мира.

— Для себя. Я хочу, чтобы роман был у меня. Либо вы мне пришлите, пожалуйста, его электронную версию.

— Вот как? — она едва сдержала улыбку. — Но я не понимаю...

— Мира, можно я и это не буду объяснять? — спросил он с очень серьёзным выражением лица.

— Ну, хорошо, тогда не делайте копию, я оставлю этот экземпляр вам. Подарок от студентки Миры.

— Спасибо, — Зорин понял, что теперь он попал в неловкую ситуацию. Но кто бы мог подумать, что Мира попросит вернуть свой роман? А ещё досаднее — ему не захочется с ним расставаться. Этот момент он не просчитал. — Я быстро покурю? — попросил, когда они вышли из кафе.

Мира кивнула. Именно после сегодняшней встречи осталось чувство жуткой неловкости, будто Мира позволила себе больше, чем когда-либо. Тем самым по-настоящему смутила Зорина. И он будто выдал то, что тщательно скрывал.

У Зорина зазвонил телефон, он зябко поправил воротник куртки, отвернулся.

— Да, дорогая, — услышала Мира его фразу по телефону.

Глава 22

Надежда с Викторией сидели на кухне, аромат свежесваренного кофе, казалось, заполнил всё пространство, даже потянулся в коридор, создавая атмосферу особо уюта. Первые дни октября выдались на редкость холодными. «Бабьего лета» так и не дождались. Ну, может, пара-тройка деньков и была сухой и солнечной, но именно в этот год осень, вступив в свои права, слишком резко прогнала лето.

Саша попила чаю с молоком, совсем недавно дедушка Володя научил её пить чай именно с молоком, девочке это понравилось. К чаю полагалось печенье от крёстной Вики, которое Саша обгрызла со всех сторон, крошки на столе и умчалась смотреть мультфильмы.

— Ты сегодня какая-то молчаливая, задумчивая, — заметила Надя. Она с самого начала, как подруга вошла в дом, обратила внимание на отсутствие в Виктории присущей ей живости, — что-то случилось?

— Да как тебе сказать? — Вика сняла очки, бросила их на стол, потёрла пальцами глаза.

— Так и скажи, — Надя протянула ей зеркальце, — ты рассеяна, значит, есть что-то тревожащее тебя.

— Скорее, озадачивающее, — уточнила Вика.

— Рассказывай.

— Рассказывать-то особо нечего. Так, скорее, мои домыслы. Хотя, не без оснований, — Виктория подняла на подругу глаза. Надя терпеливо ждала, — дело в Зорине.

— Вадим здоров? — осторожно спросила Надя.

— Да здоровее некуда, — усмехнулась Вика, — понимаешь, в последнее время он стал со мной очень ласков.

— Что же в этом плохого? — улыбнулась Надя, долила подруге остатки кофе. — Ласковый муж — это прекрасно.

— Но только не Зорин, — быстро возразила Вика, — нет, то есть он, конечно, не грубый и не равнодушный, он заботливый, внимательный. Но не сентиментальный, не воркующий.

— Да? — усомнилась Надя. Когда-то Зорин показался ей именно сентиментальным.

— Да, — твёрдо выдала Вика, — поверь, своего мужа я знаю отлично.

Надежда отпила кофе, задумалась.

— В таком случае, что же тебя, беспокоит? Перемены в его характере? — спросила, помолчав.

— Именно, — подтвердила Вика, — и я подозреваю, что у Зорина, возможно, кто-то появился.

— Кто-то? — переспросила Надя.

— Да, другая женщина, — сказала Вика.

— Фу, какие глупости приходят тебе в голову, Виктория! — Надя даже чашку отставила. — Вадим прекрасный человек — порядочный, искренний. Да тебе несказанно повезло, что у тебя такой муж. И он тебя, любит, запомни это!

— Может быть, и любит, — Вика не стала спорить, — но это не мешает ему ещё кем-то увлечься.

— Опять глупости, — Надя от возмущения даже встала, — ты сделала этот абсурдный вывод на основании, что муж стал с тобой более ласковым?

— Он словно вину заглаживает, Надечка, — Вика надела очки, прищурила один глаз.

— Ну, знаешь, бурная фантазия — моя привилегия. Но ты решила меня превзойти. Вадим просто не способен на предательство.

— Хорошо, может, ты и права, — примирительно сказала Виктория, — а мне приятно, что ты такого высокого мнения о моём муже.

— Ты не меньше восхищаешься Николя, — хитро улыбнулась Надя, — мне это тоже приятно.

— Так Фертовский и, правда, великолепен.

— Кто тут великолепен? — в дверях появился Николай.

— Ты, кто же ещё? — отозвалась Виктория. Он подошёл к Наде, поцеловал её в губы, затем чмокнул Вику в щёку.

— Викуся, как всегда, поёт тебе панегирики, — весело пояснила Надежда.

— Да, я придерживаюсь мнения, что мужчины рода Фертовских хороши.

— Ну, Зорины ничуть не хуже, — пряча улыбку, сказал Николай. Занял место рядом с Викторией. — Надюша, сваришь мне кофе? — попросил жену. Та кивнула.

— Николя, вот скажи мне, — Вика легонько притронулась к его локтю, — вы с Надей живёте семь лет, почему чувства между вами такие же сильные, как в первое время? Это же видно сразу. Хотя у вас тот же надоедающий быт, проблемы — без них никак не обойтись, иногда просто ни на что нет настроения. А вы по-прежнему смотрите друг на друга с любовью и какой-то особой нежностью. В чём сила этой любви, в чём ваш секрет?

— Секрет счастья? — подумав, отозвался Николай, — внимание друг к другу. Часто с годами люди, живущие вместе, становятся родными. Но не редко так, что и возникает ощущение некой собственности, успокоенности, что никуда не денется моя вторая половинка. Я могу, наконец, расслабиться. Как? Командовать, поучать, авторитарно давить, требовать, упрекать, обвинять, предъявлять бесконечные претензии. Ведь, Виктория, если вслушаться в разговоры женщин или мужчин между собой, то очень часто о своём супруге или жене, кроме критики, ничего не услышишь. Скорее, будут кичиться успехами своих детей, чем жены или мужа. Гораздо реже можно услышать, что мой супруг или супруга очень хороший, что я счастливо живу, что мне повезло. А мы с Надей? Мы уважаем друг друга, стараемся понять, найти компромисс, даже пожертвовать чем-то своим. Это работа над отношениями, работа чувств, эмоций, души.

В какой-то момент мы становимся частью друг друга. И не забываем, что должны быть, обязательно должны быть маленькие удовольствия от поцелуя, доброй улыбки, сердечного комплимента, тёплых мыслей. Любви тоже нужен ежедневный хлеб, — Фертовский замолчал, затем продолжил, — я стараюсь ориентироваться на слова Иоанна Златоуста: «Жена есть пристань и важнейшее врачевство от душевного расстройства. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободой от ветров и волнения, то найдёшь в ней великое спокойствие, а если будешь возмущать и волновать её, то уготовишь сам себе опаснейшее кораблекрушение». Ну, как-то так, — улыбнулся Фертовский своей особенной лучезарной улыбкой.

Вика вздохнула. Какое же это утешение — мужская мудрость, всё-таки она есть.

У Николая зазвонил телефон, извинившись, он вышел.

— Надя, у тебя лучший в мире мужчина, — вслед ему сказала Виктория.

— И твой Вадим не хуже, не сомневайся, — твёрдо сказала Надежда. — Может, вам двоим сменить обстановку, куда-нибудь съездить, — предложила она, — но только не в Беляниново, а в незнакомое место. Набраться впечатлений, устроить себе каникулы или даже второй «медовый месяц», а почему бы нет?

— Надо же, а ведь недавно Зорин как раз заговорил об отдыхе у моря. Но мы оба пришли к выводу, что в ближайшее время ничего не получится, у него в разгаре учебный год, у меня вечные справки и отчёты. Можно, конечно, запланировать на следующий год, но до него столько ждать. А хочется сейчас, — она вздохнула, — ох, не знаю, что и делать. Поговорить с Зориным?

— Конечно, поговорить, Вика!

Глава 23

Мира смотрела в книгу, но текста не видела. Обе пары в университете всё думала о Зорине. Особенно о последней их встрече. Что-то такое изменилось в их странной преподавательско-студенческой дружбе. И Мира осознавала, что произошло это после того, как она дала Зорину прочесть свой роман. В том, что роман произвёл на него впечатление, она не сомневалась. Но вот что за всем этим последует?

— Книга, наверное, очень интересная, — услышала Мира над собой голос, — вы уже десять минут смотрите в одну точку, — она подняла голову.

— Не рада вас видеть, Дмитрий, — съязвила, досадуя, что он опять появился в поле её зрения, да ещё вырвал из раздумий о Зорине.

— Зато обо мне этого не скажешь, — отозвался молодой человек, — я рад вас видеть, Мира.

Пожилая женщина, сидевшая рядом с Мирой, поднялась с места и направилась к выходу, на освободившееся место Дмитрий не сел, предпочёл стоять, нависая над Мирой, словно давил.

— Послушайте, — начала было она.

— Как себя чувствует Бенья? — не дал ей закончить фразу Дмитрий.

— Идёт на поправку, — вынуждена была сообщить Мира — все-таки с пудельком Дмитрий ей помог.

— Это приятная новость, — едва заметно улыбнулся молодой человек.

— Да что вы говорите?! Ваша жизнь так скудна на хорошие новости, что радуется здоровье чужой собаки? — Мира решила, что от её колкостей он скорее отстанет.

— Бенья мне не чужой, я его спас, — скромно заметил Дмитрий и, наконец, сел рядом с Мирой. Она почувствовала запах его парфюма.

— За что вам большое спасибо. Но и только, — Мира громко захлопнула книгу.

— «Словарь Ламприера» — автор Лоуренс Норфолк, — вслух прочёл Дмитрий, — том увесистый, не читал.

— Меня это не удивляет, — девушка пожала плечами.

— Ну, почему же? — опять не обиделся он. — У Норфолка я не читал «Словарь Ламприера», зато удосужился продраться сквозь дебри «В обличье вепря». Занятная головоломка, — усмехнулся, заметив, как Мира удивлённо вытаращила на него глаза.

— Вы читали «В обличье вепря»? — переспросила она. — Да ну, не может быть.

— Почему не может быть? — всё ещё иронично отвечал Дмитрий.

— Ну, потому что, потому что, — Мира запнулась.

— Так почему же? — его глаза смеялись.

— Потому что тот социум, представителем которого вы являетесь, делает акцент не на интеллект и умственное развитие, а на внешний антураж, престижность той или иной марки, модели, бренда, будь то одежда, вещь, услуга. Таким как вы, свойственны пресыщение, набалованность, вследствие чего равнодушие или скука, вседозволенность. Наверняка, вы объездили много стран, везде были, всё видели.

— Не скрою, что так и есть, — подтвердил молодой человек, — я про страны, — тут же уточнил, — со всем остальным не согласен. Зависит от самого человека, его воспитания, собственного взгляда, мировоззрения, внутренних устоев, нравственности, наконец.

— А есть она в вашем социуме?

— Нравственность? Безусловно, — он отчеканил это слово. — В любой социальной среде, как вы, Мира, выразились, есть разные люди, начиная от порядочных, добрых, отзывчивых, и заканчивая негодями и отморожками. А иметь хороший автомобиль, качественную одежду, удобное жильё не так уж и плохо, поверьте.

— Ха, — в глазах Мира загорелись странные огоньки, — вот не надо только иронии по этому поводу. Я никому не завидую, и вам в том числе. Где родилась, там и живу. По мере своих возможностей и материального достатка получаю образование, развиваюсь в той степени, в которой хочу и могу. И только одного не могу понять, — она замолчала и посмотрела на Дмитрия так, что по нему мурашки пробежали. Какие глаза! Океан безбрежный...

— Чего же вы не понимаете, Мира? — спросил он тихо.

— Вы ведь ездите в метро, чтобы увидеть меня? — она всё ещё смотрела на него своими широко раскрытыми бездонными глазами.

— Да, — признался он.

— Зачем?

— Вы мне безумно интересны. Вы мне нравитесь, Мира.

— Вы полагаете, что роль Золушки — моя роль? — с нескрываемой иронией спросила она.

— Золушки? Не знаю. А вот принц из меня точно не получится, — тут же нашёлся Дмитрий, — нет во мне «голубых кровей».

Мира не удержалась от смеха. Чудной он всё-таки, не поймёшь, какой на самом деле. Вроде закрытый, скупой на эмоции. И тут же

шутит, не обижается на её сарказм.

— Мира, а давайте сделаем так: мы встретимся с вами вне метро, просто погуляем по Москве, я вам расскажу, к примеру, об одном историческом месте, которое, обещаю, расширит ваш кругозор и покажет, что быть богатым порой даже полезно, — приободрённый её смехом, предложил Дмитрий.

— Полезно? — переспросила она, всё ещё веселясь.

— Не для самого богача, а для других, — пояснил молодой человек.

— Ну, хорошо, — чуть помедлив, согласилась Мира, — мне даже интересно, что такое вы мне покажете. Только одно условие.

— Какое?

— Это будет просто встреча, а не романтическое свидание. Прогулка и рассказ, условились?

— Согласен. Какой из ближайших вечеров у вас свободен?

— Послезавтра, — Мира поднялась с места, одернула пальто, поправила шарф на шее.

— Вы сможете быть на Сухаревской в 18.00? — Дмитрий встал рядом с ней.

— Смогу, я успею с работы.

— Вы работаете?

— Станный вопрос. Конечно, да, — Мира направилась к выходу, обернулась, — до свидания, — махнула рукой и вышла из вагона.

Поднимаясь по эскалатору, всё думала о состоявшемся между ней и Дмитрием разговоре. И особенно о своём согласии встретиться. Всё-таки уступила? Хоть и поставила свои условия, а заметила, как он обрадовался, как заблестели его глаза, когда она согласилась. Даже в этом случае, зачем ей Дмитрий? Ну, разные они, и темпераментом, да и вообще. Авантюра, что сказать.

Хотя, с другой стороны, если бы не их с Таей авантюристичность, они бы никогда не общались с Зориным так, как сейчас. И ведь именно Тайка предложила ходить к нему на лекции. Зорин Вадим Георгиевич — удивительный, умный красивый, с прекрасным чувством юмора, практически идеал мужчины. Мира опять вздохнула и вышла на улицу.

На небе собрались тяжёлые тучи, обещая дождь, который начался на полпути от дома Миры. Она опять забыла взять с собой зонтик, поэтому ускорила шаг, чтобы не вымокнуть окончательно.

В прихожей стянула с себя шарф, пальто и хлюпающие сапоги. Бенья вышел встречать в коридор и гавкал тихонько, он еще не окреп.

— Тебе привет от твоего спасителя, — Мира погладила кучерявую спину собаки.

— Мира, это ты? — крикнула из глубины комнаты мама.

— Да, мамочка, это я.

— Ты промокла? Зонтик опять забыла в прихожей, — мама с трудом вышла в коридор, облокотилась о дверь, — а я сегодня молодец — дошла до магазина, — похвасталась она.

— Не надо себя нагружать, — Мира покачала головой.

— Ничего-ничего, мне надо двигаться. А ты иди мой руки и ужинать.

— Спасибо, дорогая! — Мира поцеловала маму и улыбнулась.

Глава 24

— Тебе не кажется, что нам надо поговорить? — спросила Виктория, когда они с Вадимом вошли в квартиру. Всю дорогу, пока ехали от Фертовских, он молчал, не проронил ни слова. Освободившись из университета чуть пораньше, заехал за женой к Фертовским. Вадим давно у них не был и с удовольствием зашёл в гости.

— Не кажется, — снимая куртку и не глядя на супругу, буркнул Вадим.

— Зорин, ты всю дорогу молчал. Что случилось? — Вика попыталась поймать его взгляд — тщетно. Он не ответил, прошёл в гостиную, взял пульт от телевизора. Загремели новости. Виктория отправилась на кухню, бросила корм кошке. Пока Муся хрустела разноцветными сухими шариками, наблюдая за этим процессом, Вика думала. Муж вёл себя странно, как правило, она дулась на него, находя причину или просто так — капризничала. Но она женщина, а так, чтобы Зорин на неё обиделся — за семь лет брака такого ещё не наблюдалось.

— Вадимыч, — она вошла в гостиную, остановилась у дивана, на котором сидел муж, — ну что случилось, правда? Поговори со мной.

— Не хочу! — Зорин щёлкал пультом, непрерывно переключая программы.

— Ничего не понимаю, Вадим, — беспомощно пожала плечами Виктория, — у тебя резко изменилось настроение, когда мы были у Фертовских, — она сделала паузу, — но перед этим ты пришёл в хорошем настроении, так мне, по крайней мере, показалось. И что?

— Да ничего, — Вадим бросил пульт, встал, намереваясь уйти в спальню.

— Чёрт побери, должна быть какая-то причина твоего дурацкого поведения?! — Вика стала злиться. Сорвала с себя очки, швырнула их на стол — чуть не разбила. Зорин остановился, обернулся.

— Ты хочешь знать причину? — глухо спросил он. О, она знала этот тон, ничего хорошего он не предвещал. И этот немигающий взгляд тоже.

— Хочу! — всё равно сказала Виктория. Зорин подошёл к ней близко.

— В кои-то веки решила взяться за старое? — с нехорошей улыбкой спросил он.

— Ты о чём? — она сощурилась.

— Ну как же — власть над мужиками! — Зорин сжал зубы.

— Над какими мужиками и какая власть? — Вика в непонимании замотала головой. — Ты можешь толком объяснить, что ты мне инкриминируешь?

— Слово-то какое подобрала, умная, — щёлкнул пальцами он. — Только не думай, что ты вышла замуж за дурака.

— Никогда так не думала, Зорин, уж про тебя точно так не думала, ни секунды. Более того, ты разве забыл, что я первой влюбилась в тебя, да ещё как — голову потеряла.

Он не ответил, ухмыльнулся. Но, как показалось Виктории, напряжение, ощущаемое в нём, чуть ослабло.

— Я по достоинству оценила и твой ум, и твою внешнюю привлекательность. Даже подругу предала ради тебя, Зорин. А ты, между прочим, далеко не сразу ответил на мои чувства. Более того, всячески подчёркивал свою неприязнь ко мне, разве не так? А потом ещё и эта нелепая поездка в Питер и ваши с Ильёй шутки. Зорин, я же тебе поверила тогда, поверила, что ты сможешь полюбить меня. Разве я не права?

— Права, — вынужден был согласиться он, — а я поверил в то, что ты сможешь быть мне хорошей, настоящей женой.

— И что же изменилось? Я — плохая жена? — она никак не могла понять, куда он клонит. — Да, у нас бывают ссоры, мы не всегда понимаем друг друга, но мы стараемся найти компромисс, верно? А то, что у нас нет детей...

— Речь сейчас не о них, — отмахнулся он и сел на диван. Кажется, уже не так злился. По крайней мере, готов к диалогу. Что там говорил Николая про терпение, взаимопонимание, про работу души и чувств?

Вика села рядом с мужем. Посмотрела на него внимательно — почему Зорин всегда казался ей таким привлекательным? Ну, высокий, статный, хорошая спортивная фигура, черты лица — бывают мужчины куда интереснее, правда, тут глаза уж очень выразительные — в них целая палитра эмоций. А ещё Зорин умный, этого не отнять, умный, образованный, с годами его интеллект только вырос. Вечно что-то читает, слушает, она много раз замечала, как по телефону он рассуждает с коллегами на тему экономики, политики и даже литературы, обосновывает, доказывает и порой спорит. А их беседы с Надей об искусстве? Впору ревновать, так они дружны в своих рассуждениях. Ревновать? — она вдруг стала догадываться.

— Вадимыч, — позвала мужа, он молчал, — ну, Вадимыч, — нашла его руку и стала гладить ладонь, — скажи, почему ты сердисься на меня?

— Корецкая, — он в первый раз за много лет назвал её девичьей фамилией, — скажи мне только одно — ты всё ещё хочешь быть моей женой?

Она резко встала, отошла к окну, обняла себя за плечи.

— Я — Зорина, а не Корецкая, — сказала твёрдо.

— Тогда какого хрена ты напропалую кокетничала с этим сопляком? — взвился Вадим. Я же не слепой и видел твой флирт, твои уловки. Я слишком хорошо тебя знаю!

— Зорин, — она всплеснула руками, — да ты с ума сошёл! Ты вообще о ком сейчас?

— О сыне Николая, об этом мальчишке. Чёрт бы его побрал. Явился из-за океана, нарисовался. Пялит на тебя свои прозрачные зенки и ещё ухмыляется, — наконец выдал Вадим. Его прорвало, надоело держать в себе, пусть знает.

Вика от неожиданности чуть не села мимо стула.

— Опомнись, Вадим! Что ты несёшь? Какой флирт, какие уловки? Зорин, это просто мальчик, между прочим, сын твоего кузена и тебе он не посторонний, всё же двоюродный племянник.

— Мне такие родственники даром не нужны! — сверкнул глазами Вадим.

— И всё же он тебе не чужой, — заметила Вика, — да, ты очень давно его не видел и практически не знаешь, но он сын твоего брата, пусть и двоюродного. И он приехал к нему, живёт в его доме.

— И смотрит на мою жену! — добавил Вадим. — Смотрит так, как смотрят на женщину, которую хотят.

— Не выдумывай! С чего ты вообще это взял? — Вика чуть не засмеялась от нелепых обвинений супруга. Хорошо, что сдержалась, иначе бы всё испортила так, что им вовек не помириться. — Он же ещё мальчик.

— Напрасно ты так думаешь, я видел выражение его лица, видел его глаза. Этот паренёк далеко не так прост, как кажется. Уверен, что его приезд ничего хорошего семье не принесёт.

— Странно, но Надя тоже так думает, — нахмурилась Виктория, — вы же с ней не обсуждали эту тему?

— Когда? Мы с Надюшкой сто лет не виделись, — Вадим стал тереть веки.

— С Надюшкой, — Вика едва заметно улыбнулась, села рядом с мужем, — мне, что ли начать ревновать тебя к ней?

— Зачем? — искренне удивился Зорин.

— Ну, ты же меня ревнуешь, — она придвинулась к нему ближе, — Зорин, никогда бы не подумала, что ты такой ревнивец. Ведь за годы нашей совместной жизни ты в первый раз так себя ведёшь.

— Это не ревность, — буркнул он.

— А что же тогда? — она стала гладить кончиками пальцев его запястье.

— Мне он не понравился, — Зорину так не хотелось признаваться, что он, действительно, приревновал жену к какому-то оболтусу, пусть и к своей родне. И тот вёл себя развязно — пялился на Вику, отпустил пару каких-то двусмысленных фраз, пытался пошутить. Вспомнив сейчас об этом, он опять стал злиться. Оттолкнул руку жены, резко поднялся с места. — Мне надо побыть одному, — вдруг принял решение и направился в коридор.

— Зорин, ты куда? — не поняла Вика. Она решила, что они уже почти помирились, а муж опять стал злиться.

— Пройдусь по улице, мне надо, — надевая куртку и ботинки, неопределенно отозвался он. Хлопнул дверью, не забыв взять с собой ключи. Виктория растерянно смотрела вслед. Так нелепо они ещё не ссорились.

Зорин сначала покрутился возле своей машины, но ехать не хотелось — в городе «пробки» на каждом шагу, тогда он принял решение идти пешком, причем без цели — куда глаза глядят. Глаза, как оказалось, глядели в сторону метро. Вадим, недолго думая, спустился туда и сел в первый попавшийся вагон. Поехал.

Объявили очередную станцию, до Вадима дошло, что именно здесь всегда выходила Мира. Это он уже столько проехал? Сам не заметил. И чего психанул с Викторией? По крайней мере, мог бы спокойнее выразить свои претензии, либо иронично дать понять, что её кокетство с этим мальчишкой выглядело глупо. Нет же, завёлся, как настоящий ревнивец. А может, дело вовсе не в ревности? И даже не в Вике?

В последний момент Зорин вдруг выскочил на остановке Миры. Девочка-студентка, написавшая о нём роман. Ну, или почти о нём. Он вздохнул, стал подниматься вверх по эскалатору.

К ночи стало подмораживать, пошёл первый снег — редкий, мелкий, но уже повеяло зимой. А вот и номер автобуса, на котором Мира ездила домой, как-то в разговоре она упомянула об этом. Хотя потом добавила, что не всегда на него успевает.

Вадим поёжился от холода, хотя одет был тепло. Это был внутренний озноб. Мира, опять вспомнилось её лицо, её улыбка.

Зорин закурил, сощурился от дыма и вдруг его осенило. Господи, он, наконец, понял, кого всё это время ему напоминала Мира! И почему почти с самого начала она привлекла его внимание, почему понравилась, а потом всё время казалось, что он давно её знает. Мира похожа на Надю! Своей фигурой, цветом волос. А характер? Да, и им тоже — мягкостью, женственностью, умением внимательно слушать ... а ещё ...она смотрит на Зорина с особой теплотой, точно также на него смотрела Надя в Беляниново. Неужели такое может быть, что давно отказавшись от Нади и женившись на Виктории, прожив с ней семь лет, он продолжал искать среди других ту Андрееву? Искать,

угадывать её черты? А когда в его поле зрения появилась Мира, которая похожа на Надежду, он сразу это почувствовал. Пусть не отдавая себе отчёта в их сходстве, но ведь Мира, что греха таить, тронула его сердце. А как его взволновал роман? Незамысловатая, простенькая история любви, которая едва ли может случиться, где Мира наделила главного героя его чертами. А какой трепет он испытывал, когда читал эти несброшюрованные листочки? Нет, это просто какое-то наваждение! Надо выбросить из головы свои догадки и Миру тоже. Иначе это плохо кончится — для всех. Зорин вернулся в метро.

Глава 25

Дмитрий стоял в центре зала. Мира, завидев его, чуть не повернула обратно — расфуфыренный весь, в руках, пусть крохотный, но букетик цветов, ну не свидание же!

— Мира, — он махнул ей рукой. Пришлось идти навстречу, сбежать уже никак не получится, она вздохнула, поправила сумку на плече. Поздоровалась первой.

— Добрый вечер, Мира, — он улыбнулся, протянул ей цветы, — это вам.

— Спасибо, но вы напрасно потратили деньги, — Мире сразу захотелось сбить с него романтический настрой.

— А я подумал иначе, — Дмитрий пожал плечами. — Цветы никогда не бывают лишними. Тем более, так приятно дарить их девушке.

— У нас не свидание, — напомнила она.

— И не на свидании тоже. А вы не легко одеты, Мира? — спросил он, не обращая внимания на её настроение.

— Для прогулки сгодится. Итак, мы поднимаемся по эскалатору или будем и дальше выяснять степень моей утеплённости?

Дмитрий усмехнулся. У самого эскалатора подал ей руку. Поднялись наверх, на город уже опустился вечер, укутывая небо тёмным покрывалом. А по проспектам и улицам, ослепляя друг друга фарами, с грохотом летели автомобили. Подул холодный ветер, Мира зябко поёжилась. Конечно, оделась не совсем по сезону — пальто тонкое и под ним лёгкая кофточка, а надо бы шерстяную надеть, да утром проспала на работу, засуетилась, о встрече совсем забыла. Мира

покосилась на Дмитрия. Тот в добротном драповом пальто, кожаных перчатках, элегантно замотанный в белый шарф, выглядел не просто презентабельно, а ещё был явно доволен собой.

«Зачем я пошла с ним?» — досадливо подумала Мира и опять поёжилась.

По просьбе Дмитрия вышли на другую сторону проспекта, прошли несколько десятков метров вдоль дороги.

— Так и что? — не выдержала Мира.

— Да, по сути дела, мы пришли, — сказал Дмитрий.

— Вот как? — она оглянулась, заметила полукруглое здание старинной постройки с колоннами, на треугольной крыше которого белые лучи из золотистого «третьего ока» расходились в стороны, надпись чуть ниже гласила «Странноприимный дом Н.П. Шереметьева».

— Мы же условились, что я расскажу об истории человека, богатство которого послужило людям. И спустя века о нём помнят, и, прежде всего, по величию задуманной и осуществленной им идеи.

— Так-так, — ответила Мира, — я вся во внимании.

А Дмитрий оказался неплохим рассказчиком, по крайней мере, им поведанная история, была интересной настолько, что Мира даже забыла о том, что мёрзнет. Да и говорил он грамотно, слаженно, практически не употреблял слов-паразитов, не делал долгих пауз. Этой своей манерой даже напомнил Вадима Георгиевича. Мира вздрогнула, опять начала их сравнивать, но в этот раз сравнение оказалось в пользу Дмитрия, нет, обоих, и Вадима Георгиевича тоже. Она, запутавшись в собственных мыслях, помотала головой. Поняла, что отвлеклась.

— Неужели Шереметьев и, правда, отдал громадную сумму на строительство? — решила переспросить, чтобы вернуться к их разногласиям о материальном достатке.

— Да, именно так. Шереметьев потратил три миллиона рублей на строительство Странноприимного дома и церкви при нём. По тем временам это была не просто большая сумма — а гигантская. Правда, жаль, что его супруга — Прасковья Жемчугова — не дожила до того дня, как закончилось строительство. Но она знала о благородном поступке супруга.

— Он так её любил? — тихо спросила Мира, но Дмитрий услышал.

— Любил, ещё как, — он стал вдруг очень серьёзным, — именно любовь, я думаю, в итоге, и увековечила его имя. Хотя и он не дожил до полной постройки этого архитектурного шедевра. Однако сие обстоятельство ничуть не умаляет его заслуг.

Слово «сие» в устах Дмитрия неожиданно умилило Миру, повеяло классикой, согревающим старомодьем.

— Пожалуй, так и есть, — согласилась она, — спасибо за повествование, — Мира внимательно посмотрела на Дмитрия. Он улыбался, правда, не разжимая губ, зато в глазах читалось веселье. — Что смешного в моих словах? — ворчливо спросила она.

— Ничего, — он помотал головой, снял перчатки.

— А, я поняла — чувствуете себя триумфатором? Доказали свою правоту и радуетесь. Приятно одерживать победу над женщинами?

— Отнюдь, — он пожал плечами, — мне просто приятно, что вы рядом со мной, внимательно меня слушали, подарили мне этот замечательный вечер, Мира, — Дмитрий слегка коснулся её руки, — ой, да вы же совсем замёрзли! — воскликнул он. — «Дима, ты осёл» — так сказал бы мой старший брат и был бы прав. Мира, скорей идёте отогреваться в кафе, — он обернулся, — ну хотя бы в «Шоколадницу»? И никаких возражений, — добавил строго.

— И не подумаю возражать, — Миру сбили с толку его эмоциональность и энтузиазм. Она послушно пошла за ним в кафе.

Тепло помещения, запах кофе и выпечки быстро разморили девушку, она почувствовала, как по телу разливается приятная нега. А ещё Дмитрий заказал столько, что им не съесть вовек, и первым делом заставил её выпить чай с мёдом и облепихой. Более того, пресекая возражения Миры, намотал ей на шею свой шарф — тонкую, но очень тёплую шерсть. От шарфа приятно пахло мужскими духами.

Мире вдруг стало на душе хорошо, так иногда бывает — на тебя накатывает чувство удивительной и светлой радости, ну словно благодать. Вот только почему же при Дмитрии? Какая от него может быть благодать? Да и не особо он нравился Мире. Так, случайный знакомый. И знакомство нелепое — нетрезвый заснул на её плече в метро. И вообще, они из разных миров. А Шереметьев и Жемчугова, чтобы он не говорил, исключение. Но почему-то именно сейчас Мире стало приятно в обществе Дмитрия, Димы... И не раздражает, как он смотрит на неё — внимательно, почти не отводит своих карих глаз,

словно пытается прочесть её мысли. Нет, это всё виновато состояние неги и разморённости, в которую Мира попала после холодной улицы.

— Я отлучусь на несколько минут? — попросил Дмитрий и вышел из-за стола, оставив айфон возле чашки. Через пару минут на нём зазвучала прекрасная музыка Альбиони. Айфон всё звонил и звонил, Мира не справилась с искушением и посмотрела на экран. Высвечивалось «Мишель». Мира озадачилась: в первый момент подумала, что звонит девушка. Но вот имя... Мишель, скорее всего, мужское, хотя всё может быть, девиц сейчас тоже так называют. А если это и, правда, девушка?

У Миры почему-то испортилось настроение. Хотя, если разобраться, какое ей дело до этой Мишель? Да и до самого Дмитрия тоже. Предположим, есть у него некая Мишель, которая звонит, беспокоится, где её возлюбленный прохлаждается. А возлюбленный сейчас проводит время с Мирой, дурит ей голову историческими событиями, затем кормит в «Шоколаднице» и смотрит нежным взглядом. Ещё один тупик? Мало Мире чувств к Зорину? Ведь есть к нему чувства, есть. И, как оказалось, с ними трудно бороться. Слишком часто о нём думала. Но ведь с самого начала всё было понятно — Зорин для неё только преподаватель, к тому же запретный плод — он женат. Но как же было устоять против того, что он сам выделил её из толпы студенток? Дал понять, что она ему интересна больше, чем все остальные.

Наконец, айфон Дмитрия затих, экран погас. Вскоре он вернулся и сам.

— Вам звонили, — холодно сообщила Мира, — долго звонили.

— Да? — Дмитрий посмотрел на экран айфона, тут же его отложил в сторону, — это неважно, потом, — прокомментировал и перевёл взгляд на Миру, — ещё чаю или пьем кофе?

Глава 26

Вадим всё ещё не возвращался, Виктория несколько раз пыталась дозвониться до него, но телефон мужа был вне зоны доступа. Однако вечер удался на славу: сначала этот отпрыск Николя, действительно, пялился на неё, как только увидел — расплылся в глупой улыбке, а затем следил за каждым её движением. Малолетний дурачок, пытаюсь острить, решил произвести впечатление. Вот тут Зорин прав, конечно,

но только не в том, что она с ним флиртовала. Виктория лишь наблюдала за парнем и чуть-чуть подыграла ему, не более. Ну, надо же было как-то понять, что, на самом деле, он из себя представляет.

Вика отставила чашку с недопитым чаем, взяла в руки телефон, посмотрела на его экран — бесполезно, от Зорина ни звонка, ни сообщения. Ревнивый муж обиделся основательно. Хотя, с другой стороны, он и, правда, впервые так серьёзно её приревновал. Хочется думать, что тут именно тот случай, когда ревность — признак настоящей любви, а не собственничества. Любви...

Вика поднялась с места, стала мерить шагами комнату. Пора давно понять и принять, что Зорин всегда такой — скрытный, не тратит слов впустую, иногда резкий и саркастичный. Его насмешки порой бывают болезненными. Эта пресловутая их семейная заносчивость Фертовские-Зорины своего рода защита. Но от кого? От внешнего мира? А почему ей всё ещё временами кажется, что они с Зориным совершенно с разных планет? Почему когда он и Надя видятся, пусть не так часто, то сразу возникает ощущение — они понимают друг друга с полуслова? Может, потому что Вадим и муж Нади — Никола родственники? Ведь у Надежды идеальный брак, так, по крайней мере, кажется Виктории. Или же всё дело в самом Зорине?

От размышлений у Вики разболелась голова, подложив под голову подушку валиком, она легла на диван. Полежала, перевернулась. Но задремать не получилось, хотя за окном непогодило — шёл мокрый снег, кружился в сыром воздухе, тут же таял на земле, ещё не готовый примерить белый наряд.

Виктория села, опять взяла в руки телефон. После некоторого раздумья набрала номер свекрови, возможно, муж поехал туда. Трубку долго не брали, затем послышалось ласковое:

— Да, Викусенька!

— Добрый вечер, Виолетта Григорьевна! — бодро сказала Вика. У неё со свекровью сразу сложились добрые отношения, с первого дня знакомства, нашлось много общих тем. Мама Вадима всегда подчёркивала, как сыну повезло с женой, наконец-то! А самой Виктории как-то в откровенном разговоре сказала, что Вика просто создана для него, а он для неё.

После получасового щебетания и обсуждения всевозможных тем, Виктория, не спрашивая напрямую, убедилась в том, что Зорина нет у

родителей и в ближайшее время он туда не собирался. Она, расстроенная, положила трубку телефона. Посмотрела на часы, интересно, что себе думает её муж? Неужели собирается всю ночь где-то пропадать? А может, он отправился в Беяниново? Иногда любит туда уезжать просто так, без видимой причины, даже на несколько часов, говорит, что находит там для себя особое успокоение, что ему там просто хорошо. Может, и правда, решил укатить в Беяниново?

Вика выглянула в окно и тут же отмела мысль о Беяниново — автомобиль мужа стоял во дворе.

Спустя полчаса Вадим вошёл в квартиру родителей. Отец смотрел новости, мама была на кухне.

— Вадичек, дорогой, — она вплыла в коридор, — что-то случилось? Вы поссорились с Викусей? — сходу спросила.

— С чего ты взяла? — удивился Вадим. — Вика звонила? Жаловалась на меня?

— Нет-нет, что ты, — Виолетта Григорьевна замахала руками.

— Тогда откуда ты знаешь про ссору?

— Ничего я не знаю, просто предположила. Ты приехал поздно и без предупреждения, вот я и решила.

— Мамулечка, это мой дом и вы мои родители, я не могу теперь к вам приехать просто так?

— Можешь, конечно, дорогой мой. Ты прав, ты всегда прав, мой мальчик, — с этими словами она чмокнула сына в щёку.

— Мам, у нас есть чего пожевать? — Вадим снял куртку, ботинки.

— Есть овощи на пару, могу сделать для тебя омлет с зеленью, — принялась перечислять она, — есть сыр тофу.

— Тофу, — поморщился Вадим, — я бы не отказался от куска мяса или сала на худой конец, а ещё жареной картошки.

— Вадим, это не здоровая пища, — покачала головой мама.

— Зато вкусная, — буркнул он и вдруг прижал мать к себе.

— Я пожарю тебе картошки, как в детстве, со шкварками? — всё поняв, сказала она. Вика звонила не зря.

— Да, мамуль, — перед ней стоял не высоченный мужчина, которому было почти сорок, он давно уже отделился от них — стал жить самостоятельно, доказав своё право быть взрослым, а всё тот же мальчишка — ранимый, мечтательный, с наивным взглядом густых ресниц.

— Сынок, — отец вышел из комнаты, — может, пока мама готовит, сразимся в шахматы? Уверен, я опять тебя обыграю, — он хитро посмотрел из-под очков.

— Опять? — вскинулся Вадим. — Помнится, в последний раз победа была на моей стороне. Бать, отыграешься?

После отлично сыгранной партии, Вадим всё же поддался и дал возможность отцу выиграть, после плотного и очень вкусного ужина, он задремал на диване в гостиной. Приснился океан, тёплый песок и креолка — она шла по берегу океана, длинные тёмные волосы развевались на ветру, но Вадим не видел её лица, она не оборачивалась. Он побежал за ней, догнал, положил руку на плечо, девушка обернулась — на него смотрела Виктория.

Вадим резко проснулся, сел на диване, помотал головой, словно пытался снять с себя наваждение. Во сне была Вика, хотя должна быть Мира... Это её история. Он закрыл лицо руками, стал тереть его. Неужели всё-таки запутался? Попал в собственную ловушку? Думал, с Мирой просто пообщается и всё, как с другими студентами? Так и было, если бы не её роман. Мда, ничего в этой жизни нельзя просчитать.

Зорин поднялся с дивана, пригладил пятернёй взъерошенные волосы.

— Сынок, я тебя не гоню, — мама стояла в дверях, — но ехал бы ты домой? Вика, наверняка, беспокоится. Хочешь, я вызову такси?

— Не надо, мам, я сам вызову, — он взял в руки телефон, — ох, наверное, разрядился. Мамуль, пожалуйста, вызови такси, ты права, мне надо домой.

Виктория проснулась от того, что хлопнула дверь. Шаги в коридоре, мяуканье кошки, затем шёпот. Вика спрыгнула с кровати, накинула тонкий халат, не нашла на тумбочке очки, шурясь, вышла в гостиную. Зорин стоял, облокотившись о спинку стула, и смотрел на жену.

— Корецкая, — сказал он, — я тебе когда-нибудь говорил, что ты очень красивая? Даже в халате, без очков и с причёской «ну расчешите меня кто-нибудь»?

— Я — Зорина, — поправила она. — А ты дурак!

— Знаю, — кивнул он.

— Ревнивый дурак, — добавила она.

— Зато я умею здорово целоваться, — Вадим сделал к ней шаг, затем второй, — да и вообще.

— Кто тебе такое сказал? — Вика усмехнулась, сложила руки на груди.

— Ну, есть некоторые люди, — неопределённо отозвался он.

— Льстят, как пить дать.

— Может, проверим, льстят или нет? — Вадим сделал ещё шаг и оказался возле жены. Уставился на неё своим завораживающим немигающим взглядом. Перед этим гипнозом Виктория никогда не могла устоять. В следующий момент, не дождавшись ответа, он впился в губы жены, да так, что она чуть не потеряла равновесие. Халат распахнулся, Зорин прижался к ее обнажённому телу. Виктория сразу ощутила, насколько возбуждён её супруг.

Они ворвались в спальню как два вихря, которые столкнувшись, создали настоящий тайфун. Непрерывно целуя жену, Вадим стал так интенсивно мять её грудь, что она застонала от боли, он извинился, но через несколько секунд опять сделал ей больно. Ещё раз извинился, теперь уже контролируя себя. Вика отвечала на его поцелуи и ласки с не меньшей страстью. В какой-то момент не осталась в долгу и в пылу расцарапала ему спину. Зорин удовлетворённо рыкнул, подмял её под себя.

Глава 27

Вилли не спалось. Он, закинув руки за голову, лежал на кровати и долго смотрел на стену, по которой как-то особенно суетливо, почти мистически, двигались тени от волнуемых ветром ветвей деревьев.

Завтра надо будет отправиться к грандпа, чтобы, наконец, увидеть ту самую семейную реликвию, о которой рассказал отец.

Вилли сел на кровати, закурил. Жить в этом семействе становилось всё интереснее. Сначала подумал переехать к грандпа, но теперь торопиться не станет. В конце концов, там можно появляться хоть каждый день, а вот у отца...

Молодой человек ухмыльнулся, выпустил струю дыма, стряхнул пепел от сигареты в крохотное блюдце. Даже не думал, что вчера встретит в доме такую красотку. Как оказалось, близкая подруга жены отца. Правда, у неё есть муж — да ещё родственник Вилли — двоюродный дядя Вадим, которого он совсем не помнит. Но это и не

важно. Главное, что Вики — так он её окрестил, весьма привлекательная штучка. Хороша — лицо, фигура, заметно, что уверена в себе и раскрепощена. И уж, наверняка, отличается страстностью. Как отец не влюбился в неё? Его жена явно ей проигрывает, хотя они подруги с Вики, но у них вообще ничего нет общего. Непонятно, куда смотрел отец, на кого? Судя по его воспоминаниям, он познакомился с обеими одновременно, но в Надю влюбился почти сразу. А Вика? А Вика не в его вкусе, так и сказал сыну. Что за вкус такой? Да она совершенна! — на эту реплику отец только улыбнулся. Совершенна та женщина, которую любишь. А он любит свою жену. Может, и Вилли когда-нибудь удастся найти своё счастье. И этот момент не так далёк, как кажется. Может, даже здесь, в России.

Из-за этих мыслей Вилли никак не мог уснуть, пришлось идти на кухню, чем-то надо себя занять. Он выпил стакан воды, затем уселся на стул, закинув ноги на стол, опять хотелось курить, но воздержался. Хотя и с трудом.

— Класть ноги на стол не хорошо, — в дверях стояла Саша. Вилли от неожиданности вздрогнул, повернул голову:

— В следующий раз обязательно у тебя спрошу, что хорошо, а что плохо, — криво улыбаясь, сказал он.

— Спросишь, — девочка поджала губы.

— Что? — Вилли резко опустил ноги на пол, вскочил. — А ну иди отсюда! — потребовал от сестры.

— Не пойду, — она вытаращила на него свои чёрные глаза. С места не сдвинулась. — Я тебя не боюсь, — добавила громко.

— Не боишься? — Вилли прищурился.

— Нет! — решительно ответила девочка.

— Я тебя заколдую, — он растопырил руки.

— Меня защитит папа и дедулька, — совсем не испугавшись, сказала Саша, — это тебе надо бояться. За тобой скоро придет кучер.

— Что ты сказала? — рявкнул он. — Какой ещё кучер? А, ну, спать, живо!

И хотя она ушла, у Вилли создалось стойкое ощущение, что девчонка выиграла эту битву. Хотя и приплела какого-то кучера, сказок, что ли читалась. Он поёжился. Ещё не хватало брать в голову

слова этой соплячки. Нет, это всё расшатанные нервы. Хорошо бы выпить, станет явно легче. Но выпить пока не получится.

Вилли вернулся в свою комнату, ещё не успел лечь на кровать, как услышал звонок телефона. Третий час ночи, какого чёрта? Он протянул руку, увидел на экране имя и простонал.

— Как дела? — прозвучало на том конце провода, щелчок зажигалки.

— Ты же сказал, что дашь мне время, — повысил голос Вилли, теперь уже точно не уснёт до утра.

— Не ори, — миролюбиво ответил Грум, — я же просто звоню, к примеру, чтобы узнать, как твои дела, — он шумно выпустил струюку дыма. Наверняка, курил какую-нибудь дрянь.

— Ну да, в три часа ночи, — огрызнулся Вилли.

— Три ночи? Детка, ты не путаешь? — ухмыльнулся Грум, — хотя, я и забыл, что ты на другом конце планеты. О, точно, у тебя третий час ночи. Ну, ничего, ты же всё равно рад старине Груму, верно? Верно, я сказал?!

— Да, — выдавил Вилли, — рад. Только...

— Что только? — ухмыльнулся Грум. — Да не нервничай так, всё нормально. Лучше расскажи, чем занимаешься? Чем тебя встретило семейство?

— Грум, у меня есть кое-какая информация, — сказал он поспешно, — но мне, первым делом, нужен твой совет.

— Да? — позволил себе слегка удивиться Грум. — Ну, давай все подробности. Я в очень хорошем настроении. Рассказывай, детка, рассказывай, — он закурил вторую сигарету.

После долгого разговора и полученных инструкций от Грума, Вилли облегчённо выдохнул. Грум по-настоящему заинтересовался всем, что рассказал ему Вилли. И даже сказал, что поможет. Но Вилли придётся постараться.

Вилли проснулся ближе к полудню, в доме никого не было. Под салфеткой оставлен уже остывший завтрак. Вилли покрутил салфетку в руках, бросил на стол, завтракать не стал, зато накурился вдоволь, прямо на кухне, благо некому было делать замечания. Отец никогда не курил в доме, это он заметил с самого своего приезда.

Молодой человек вышел на улицу, посмотрел по сторонам, такси уже подъехало. Грандпа сегодня дома и ждёт его.

Дверь открыла Елена Степановна, с абсолютно беспристрастным лицом пропустила Вилли в дом.

— Хозяин в столовой, — также без эмоций сказала молодому человеку вслед, заметив, что он направляется в гостиную. Вилли чертыхнулся.

Фертовский-старший сидел за большим круглым столом, судя по цвету содержимого в прозрачной чашке, пил зелёный чай, в соломенной плетёной корзинке на салфетке лежали гренки из белого хлеба, рядом баночка с джемом.

— Володя, дорогой, — воскликнул он, увидев внука, — проходи, мой мальчик, садись за стол. Ты обедал? Чаю желаешь?

— Я и не завтракал, но пока ничего не хочу, а уж такой чай, грандпа, точно не буду, — он поморщился.

— Ты обещал называть меня дедом, — напомнил Владимир Григорьевич.

— Да-да, дед, обещал, — Вилли сел напротив, — как ты пьёшь такое?

— А что делать, сынок? Эта бурда снижает давление, Маша строго-настрого запретила Елене Степановне варить мне кофе, только зелёный чай, — он виновато улыбнулся, — у меня давление подобно мячику — скачет туда-сюда.

— В твоём доме правят женщины? — усмехнулся Вилли, — дед, я тебя не узнаю. А кстати, я удивился, эта старуша — она всё ещё живет в твоём доме.

— Старуша? — озадаченно переспросил Владимир Григорьевич.

— Ну да, как её там по имени? Твоя экономка.

— А, ты, наверное, имел в виду — старушка? — догадался Фертовский-старший. — Её зовут Елена Степановна. Замечательная женщина, душа этого дома.

— Она слишком стара, — заметил Вилли.

— Слишком стара — для чего? Заметь, что и я далеко не молод, — горько усмехнулся Владимир Григорьевич.

— Но ты же на неё не работаешь, — тут же ответил молодой человек.

— Это верно, — согласился он с внуком, — но мы столько лет вместе, что я и не мыслю своего дома без Степановны. Человек она добрый и мудрый, да и Маша её сразу полюбила. Разве я могу расстаться со Степановной, Володя, дружок мой? Поживёшь тут, привыкнешь и сам её полюбишь. А что она хмурая и не улыбочивая, так это вид у неё такой. Главное — душа человека.

— Ну, нет, — возразил Вилли, — мне совершенно неинтересна эта старуха и её душа тем более.

— А скажи мне, мальчик мой, — хитро прищурился Владимир Григорьевич, — есть у тебя там, в Штатах, дама сердца?

— Дама сердца? — переспросил Вилли.

— Твоя подруга, девушка, — пояснил Фертовский-старший.

— Была, — понял Вилли, — мы расстались, я её бросил.

— Разочаровался?

— Я и не был очарован, — хмыкнул Вилли, — знаешь, дед, кажется, мне по душе русские девушки. Как приехал сюда, так сразу обратил на них внимание.

— Это потому, что в России, действительно, много красивых девушек и женщин. Ну и ты сам русский, способен по достоинству оценить русскую красоту, — он отхлебнул чаю.

— Может быть, — задумчиво отозвался Вилли.

— Вот только, кроме красоты, в женщине должно быть и другое, сынок, — Владимир Григорьевич отставил чашку, — жаль, что я это понял лишь в конце жизни, — он вздохнул, — хотя именно сейчас я счастлив. Как все эти годы я жил без Маши? Ума не приложу.

Вилли промолчал, лишь пожал плечами. Теперь надо взвешивать каждое своё слово. Так приказал Грум.

Глава 28

После плотного обеда, когда Владимир Григорьевич и Вилли уселись в кресла, обсудили политические новости и обстановку в стране — грандпа особенно любил рассуждать на эти темы, всё-таки когда-то был дипломатом, Вилли подумал о том, что настал благоприятный момент поговорить о том самом клинке, хранящемся в семье.

— Дед, я подумал, из тебя получился бы ещё и прекрасный историк, — начал Вилли издавека, — в прошлый раз твои рассказы о

зажигалках были весьма заняты. Это ведь и, правда, целая эпоха, а в ней люди, которые жили, работали, что-то создавали, к чему-то стремились. А коллекционирование, получается, помогает сохранить часть этой истории, верно?

— Верно, сынок, — воскликнул Фертовский-старший, — как точно ты подметил. А знаешь, мне всегда были интересны исторические события и факты, да-да, и может, сложились обстоятельства иначе, я мог бы пойти именно по этой стезе. Тем более что мне нравится преподавать. Кстати, талант учителя есть и у твоего отца, он в своё время вёл курсы по фотографии, а теперь вполне достойно преподаёт и твой двоюродный дядя — Вадим. О нём прекрасные отзывы — образец современного, демократичного преподавателя.

При этих словах Вилли нахмурился: во-первых, грандпа ушёл от той темы, к которой он его подводил, во-вторых, ему стало неприятно напоминание о дяде в связи с тем, что Вилли понравилась его жена, да ещё грандпа его похвалил.

— Насколько мне известно, дядя не очень удачно женился, — заметил Вилли, закинув ногу на ногу.

— Нет, неудачным был его первый брак, это верно. Там история с печальным концом. Но Вадим оправился после неё, хотя и не сразу. И тогда встретил Викторину, которая и стала его второй женой. Это поистине удачный брак, хотя пока у них и нет детей.

— И чем же этот брак удачен? — небрежным тоном поинтересовался Вилли.

— Они подходят друг другу. У Викторины до сих пор горят глаза при виде мужа — она очень любит Вадима.

— Только она? — удивился Вилли. Вот так поворот — оказывается, в этом браке сильнее любит женщина. — А что же дядя Вадим жену не любит?

— Да любит, конечно! — всплеснул руками Владимир Григорьевич. — Я уверен, что на этот раз нам всем повезло с женами: мне, твоему отцу и дяде.

Грандпа что-то ещё вещал об идеальных браках, о взаимопонимании, компромиссе, Вилли слушал вполуха и думал о своём. То, что он узнал от грандпа о Вики, совсем его не обрадовало, но не отбило охоты познакомиться с ней поближе. Такую женщину

пропустить было бы досадной оплошностью. Теперь у него в семье было два интереса — женщина и раритет.

Он поджал губы, вытянул длинные ноги, покачал мыском ботинка. У grandpa зазвонил сотовый телефон. Фертовский-старший вышел из гостиной. Через минуту вернулся.

— Володя, мальчик мой, у меня деловой разговор и это, похоже, надолго. Я пойду в кабинет, буду там. Ты пока займи себя чем-нибудь, я, как только освобожусь, вернусь к тебе, — сказал Фертовский-старший.

Вилли ещё некоторое время посидел в кресле, пощёлкал подаренной grandpa зажигалкой, поскучал, затем решил выйти размяться. Изящные светильники в виде бутонов тюльпана мягко освещали длинный холл, от этого создавалось ощущение особого уюта.

Дверь одной из комнат была приоткрыта, оттуда струилась полоска света. Молодой человек заглянул в эту полоску. Жена grandpa сидела за круглым миниатюрным столиком, Вилли был виден её склонённый профиль. Она смотрела на свои сложенные — одна на другую — ладони. Распущенные волосы были заправлены за уши. Вилли бесшумно открыл дверь, Маша его не заметила. Он подошёл к ней сзади и заглянул за плечо. Его удивлению не было предела — жена его деда держала в руках православную икону и, похоже, молилась.

Однажды Вилли с матерью был в православном храме, там, в Штатах. Она нацепила на себя непривычно длинную юбку, а на голову повязала платок, отчего стала похожа на старуху. Вилли это не понравилось, как и то, что сначала мать стояла у портрета беловолосого старика с грозным взглядом. Потом уже парень узнал, что портреты в православных храмах называют иконами. Старик, казалось, смотрел именно на Вилли, а ещё ему почудилось, что он знает обо всех его проделках. Вилли отвернулся от старика, но всё равно ощущал на своём затылке его взгляд.

Потом мать долго разговаривала с высоким мужчиной в чёрном одеянии. На его шее висел большой крест, говорил мужчина так тихо, что Вилли, как не прислушивался, не разобрал, что же такого он вещал его матери, а она слушала и терпела эту духоту, непривычную обстановку и взгляды с икон. Всю дорогу до дома мать была молчалива и задумчива. Спустя день Вилли узнал, что его дед и

бабушка по линии матери погибли здесь, в России. Их сбил на пешеходном переходе пьяный водитель. А их дочь заказала панихиду, для того и ездили в храм. Для Вилли это известие мало что значило, он не помнил ни деда, ни бабу, мать про них почему-то мало рассказывала, созванивались они крайне редко. И лишь известие об их гибели её взбудоражило, заставило задуматься о том, хорошей ли она была дочерью. Не было ли её вины в том, что случилось. Пусть и косвенной. Вилли без особого интереса выслушал покаянные воспоминания матери. Ведь она сама хотела оторвать его от России. Сделать так, чтобы он стал настоящим американцем, хотя дома всегда разговаривала с ним на русском — принципиально.

В матери было много всего намешано: мужской ум, логика, деловая хватка, сарказм, быстрота реакции — одним словом, все данные для успешной карьеры. Однако временами она вдруг впадала в сентиментальность и меланхолию, говорила о какой-то своей вине. Вилли в такие моменты совсем её не понимал.

Маша, наконец, почувствовала на себе взгляд, обернулась. В следующий момент вскочила и быстро спрятала икону в карман:

— Вы что-то хотели? — спросила испуганно.

Возникла неловкая пауза, Вилли лихорадочно придумывал причину своего вторжения в комнату.

— Я ещё плохо ориентируюсь, — наконец сказал он, пожал плечами, — заблудился. Наверное, в этой огромной квартире полно тайных мест?

— Тайных мест? — удивлённо переспросила Маша.

— Да, таких, где могли бы храниться семейные секреты, — шутливо пояснил Вилли.

— Никогда не слышала ни о каких семейных секретах.

— Да? Но где-то вы, к примеру, храните свои украшения? Наверняка, грандпа их дарит вам, он щедрый супруг.

— Я не ношу украшения, а то, что есть, лежит в шкатулке спальни, но их немного.

— Правильно, сдержанность — путь к аристократизму, — одобрил молодой человек, он не переставал улыбаться, а глаза были холодными.

Маша удивлённо смотрела на внука своего мужа — куда делось его высокомерие и грубость, которую она уже успела испытать на

себе? Он сразу пришёлся ей не по душе, впрочем, как и Наде, они говорили на эту тему. Более того, почему-то Надя просила её — Машу — быть с ним особенно осторожной. И держаться от него подальше, сослалась на плохие предчувствия. Но быть совсем незаметной, когда он в доме, у неё не получалось, потому что её муж каждый раз был искренне рад приходу внука, звал Машу на совместную трапезу, отказаться никак не получалось. Володя бы просто не поверил тому, что думала о его внуке Маша. А сейчас он ещё и уставился на неё так, что Маша ощутила мурашки по коже.

— Мария, — ситуацию буквально спасла Елена Степановна, она появилась в дверях, — нам надо обсудить меню на ужин, сейчас, — сверкнув глазами, громко сказала она.

— Да-да, конечно, — Маша бросила быстрый взгляд на молодого человека и покинула комнату вслед за экономкой. Когда они свернули за угол коридора, Маша обернулась, убедившись, что Вилли нет поблизости, она сжала руку экономки и чуть ли не плача, сказала, — Степановна, ты моя спасительница! Как ты догадалась так вовремя появиться?

— Я не догадалась, я видела, как он входил в комнату, — сразу пояснила экономка, — ему нечего там делать. А ужин мы давно уже обсудили, разве не так? — на её губах промелькнула улыбка.

— Так, конечно, так, — Маша прижалась к её плечу.

— Ох, и не нравится мне всё это, — пробурчала Елена Степановна, — совсем не нравится.

Глава 29

— Мира, вы чем-то расстроены? — заметил Дмитрий, когда она отказалась и от чая, и от кофе и вообще сидела насупившись. — Мне показалось, что мы хорошо провели время, нет?

— Мы? — переспросила она. — А, ну да, мы.

— Что-то не так? Ещё недавно у вас было прекрасное настроение, а когда я вернулся, оно радикально изменилось. За это время что-то случилось? — он смотрел на неё внимательно, пытаясь угадать по лицу, что произошло. Девушка молчала. — Мира, может, вы просто устали? — предположил он.

— Да, точно, я устала, — ухватила она за эту версию. — Устала и хочу домой, — на миг прикрыла глаза, голова вроде перестала

болеть.

— Я понял, конечно, — сказал Дмитрий, быстро расплатился карточкой, помогая одеться Мира, подал пальто. Она чуть не забыла вернуть ему шарф.

Вышли из кафе, девушка поёжилась, к ночи ещё похолодало, лужи подмёрзли, теперь в их ледяной пленке отражались огни городских фонарей и иллюминация. Мира направилась было к метро, но Дмитрий, дотронувшись до её руки, остановил:

— У меня на Сухаревке автомобиль, Мира, я довезу вас до дому? — спросил он. Она удивлённо приподняла брови.

— А зачем вы спускались в метро, если у вас машина наверху?

— Но мы же договорились сначала встретиться там, — просто ответил он, — и я обещал вам пешую экскурсию. Иначе бы вы вряд ли согласились.

— Само собой, — проворчала она, опять поёжилась от холода. Вспомнила, как он, глянув на свой айфон, почему-то не стал перезванивать. Неужели и, правда, этот или эта Мишель ему менее важна, чем Мира? Задумалась. А вечер ведь приятный, что греха таить. Дима хороший рассказчик, внимателен к ней, галантен. И так смотрит... Мира сдвинула брови, не хватало ещё ему уступить, сдать свои позиции.

— Так что — едем? — Дмитрий заметил её колебания, пытался понять, где же он совершил ошибку, почему настроение Миры так изменилось, она ведь только-только стала оттаивать, благодаря стольким его усилиям, а тут опять холод и презрение, — он вздохнул. Сам не понимал, зачем бежит за этой девчонкой, чего от неё добивается. Она и, правда, не его круга, да ещё своенравная, характерная, отталкивает его, не давая ни единого шанса. Так в чём же тогда дело?

— Ладно, едем, — наконец согласилась Мира, — где ваша машина?

В автомобиле было тепло и комфортно, Мира никогда не ездила в таких больших машинах — перед глазами табло с электроникой, обивка явно дорогая, везде чистота, чуть ли не стерильность. Дмитрий попросил разрешения тихо включить музыку, она пожала плечами — пожалуйста. Зазвучал классический джаз, неплохо — решила Мира. Дмитрий снял пальто, аккуратно положил его на заднее сиденье

автомобиля, затем достал из бардачка кожаный футляр, в котором лежали очки в тонкой серебристой оправе. Надев очки, молодой человек нажал на педаль газа автомобиля, крутанул руль и ловко влился в поток машин на шоссе.

Мира искоса поглядывала на Дмитрия, немного была удивлена тем, что он надел очки, ни разу при ней в них не был, однако она теперь поняла, почему временами он прищуривался — вовсе не потому, что оценивал её, он просто близорукий. Хотя, надо признать, что в очках он смотрелся довольно элегантно. А впрочем, элегантность — это как раз признак его социума.

Пока выезжали с Сухаревки, стояли на светофоре, Мира окончательно согрелась и успокоилась. Чувство неловкости прошло, наверное, потому, что Дмитрий молчал, внимательно смотрел на дорогу, хотя, Мира заметила, что вёл он машину легко, без напряжения. Вот так ехать на самом деле здорово, — подумалось ей.

Опять зазвонил айфон, молодой человек не глядя на экран, нажал отбой.

— А если что-то срочное? — с иронией заметила Мира, — или очень важный для вас человек?

Он не ответил, лишь на секунду повернул голову и посмотрел на неё, блеснули стёкла очков. На перекрёстке лихо развернулся и поехал к мосту. Обогнал пару машин, перестроился.

— Самый важный человек для меня тот, кто находится рядом, сейчас, — сказал негромко, — остальное подождёт.

— Неужели? Я думала, для деловых и богатых важнее те, от кого практическая польза и прибыль, — усмехнулась она.

— Это узость мышления, — ровным тоном ответил Дмитрий, — нельзя делать выводы на основе распространённых и весьма наивных клише.

— Да? — Мира даже улыбнулась. — Получается, я для вас важна, Дмитрий?

— Да, вы мне важны, — не стал отрицать он.

— Чем же?

Он посмотрел на нее, усмехнулся:

— Я уже говорил вам об этом, — был ответ.

— А всё же? — Мира забавлялась разговором, чувствуя, что смущает Дмитрия.

— Вы мне нравитесь, — чуть помедлив, сказал он и на секунду прикрыл рот рукой, словно засомневался, те ли слова сорвались с уст, — и я хотел, чтобы...

Он не успел договорить, как в правом зеркале увидел лихача, который гнал на большой скорости, да ещё перестраиваясь из ряда в ряд, будто играл в «пятнашки». В следующую секунду автомобиль лихача оказался опасно близко с его машиной. Дмитрий вывернул руль, уводя машину влево, и одновременно дал по тормозам. От такого маневра его машина оказалась поперёк полосы движения, а движущемуся следом автомобилю ничего не оставалось, как врезаться в его левый бок.

От удара Мира отключилась, но буквально на миг. Открыла глаза, почувствовала под носом и на губах что-то тёплое. Она машинально провела рукой — кровь, ударилась носом, кровь оттуда. От накатившего страха Миру затрясло, даже зубы застучали. Крепко зажмурила глаза, затем стала их медленно открывать, надеясь, что картинка изменится, и они не попали в аварию. Но картинка не изменилась. Мира ощутила, как по телу побежали мурашки и опять эта дрожь. Надо взять себя в руки ... Мира повернула голову к своему спутнику — наклонив голову набок, Дмитрий сидел рядом и тяжело дышал. Глаза его были закрыты.

— Дим, — дрожащим голосом позвала Мира, — Дима-а-а.

Он с трудом разлепил веки, попытался улыбнуться, но тут же поморщился от боли.

— Что? Где болит? — Мира, наконец, пришла в себя, хотела придвинуться к нему, дёрнулась, но её держал ремень безопасности. А ещё у неё на коленях лежали очки Димы, видимо, во время удара они туда отлетели. Мира принялась лихорадочно отстёгивать ремень, но никак не могла справиться с крепежом. Наконец, отстегнулась, придвинулась к молодому человеку. Он по-прежнему тяжело дышал.

— Рука, — почти простонал.

— Рука? Какая? — Мира слегка коснулась его руки.

— Нет, левая, я её не чувствую, — он облизал пересохшие губы.

— Скорей всего, перелом, — сделала вывод Мира, — что ещё болит? Ноги чувствуешь?

— Да, чувствую, — он кивнул, — только тяжело дышать.

— Я слышу.

— А ты как? — он, с трудом повернул голову, попытался поймать её взгляд, — у тебя кровь под носом, — испугался. Они, сами того не замечая, перешли на «ты».

— Я ударилась носом, поэтому так кровит, — пояснила Мира, достала из кармана платок, вытерла им кровь, — со мной всё в порядке. И это благодаря тебе, Дим, я видела, как ты пытался маневрировать. Ты спасал меня.

— Хорошо, что ты мало пострадала, — тихо сказал он и закашлялся, опять посмотрел на девушку, — какая же ты всё-таки красивая.

— Ага, особенно с расквашенным носом. Дурачок, — она, наконец, улыбнулась. — Я вызову скорую, потерпи, Димочка.

В следующий момент дверца машины открылась, в салон сунулся мужчина:

— Ребята, вы как? Живы? Целы? — тревожно спросил он.

— Почти, — отозвался Дима и прикрыл глаза.

Глава 30

Вилли разозлился на экономку, которая так некстати появилась и увела жену грандпа. Он обратил внимание на то, что Маша не просто растерялась, а испугалась.

С этими мыслями молодой человек дошёл до библиотеки, покрутился у полок с книгами, протянул руку, достал одну из них. «История государства Российского» — Н.М. Карамзин.

— Похвальный выбор, мой мальчик, — в дверях стоял Владимир Григорьевич.

— Да в твоей библиотеке, что не возьмёшь, всё будет казаться похвальным, — льстиво заметил Вилли.

— Что верно, то верно, — подтвердил Фертовский-старший, — помню, как твой отец в юности часами проводил здесь время, много читал — любил исторические романы, приключения, а когда увлекся живописью, всё искал книги по этой теме. Порой погружался в чтение так, что ничего вокруг не видел и не слышал. Живопись, а потом фотография, съемки. Он любит свою профессию, теперь я это хорошо понимаю. А ты, насколько я помню, учился на программиста?

— Да, но не сказал бы, что мне это очень нравится, хотя, конечно, сегодняшний мир базируется на IT-технологиях. В детстве я мечтал

совсем о другой профессии.

— Ты же мечтал стать спасателем, да?

— Да, такое было. Хотя потом, в Штатах, я мечтал стать археологом. Меня привлекало прошлое страны, её тайны, — он сделал паузу, — тайны истории, по которым можно узнать то, чего сокрыто от глаз простого человека.

— Да-а-а, пожалуй, в этом есть доля романтики, — согласился Фертовский-старший.

Вилли пристально смотрел на деда и всё ждал, что тот вот-вот заговорит о фамильном раритете, но и на этот раз он промолчал и опять увёл разговор в совершенно иную сторону. Молодой человек стал злиться, хотел было спросить напрямую, но передумал, решив сделать ещё одну попытку, при удобном случае. И хотя сегодняшний визит не дал результатов касательно семейной ценности, зато Вилли узнал, где работает Вики, дед вскользь упомянул об этом, когда Вилли подробно спрашивал про дядю Вадима.

Уходя, молодой человек столкнулся в холле с Машей, та разговаривала по телефону, Вилли услышал имя жены отца. А, ну да, они же родственницы. Вилли прислушался, Маша что-то говорила о самочувствии. Жена отца, похоже, давала ей советы. Проходя мимо, он слегка задел Машу, та вздрогнула, обернулась.

— Прошу прощения, — учтиво сказал Вилли и одарил ее такой улыбкой, что Маша окончательно растерялась, — я неловок и мне очень жаль, — добавил он. Маша замолчала и уставилась на него. — Более того, я был неучтив с вами и в доме моего отца, опять же прошу простить меня. Надеюсь, вы не станете держать обиду или сердиться, так ведь?

— Да, конечно, — чуть слышно отозвалась Маша, — я не держу ни зла, ни обиды на вас.

— Вот и замечательно, — Вилли опять улыбнулся, — разрешите мне тогда поцеловать вас? Поцелуй родственника, близкого родственника, — и, не дав ей опомниться, поцеловал Машу в щёку. Затем быстро скрылся из виду.

— Да-да, я здесь, — придя в себя, ответила Маша в трубку телефона, Надя на том конце провода терпеливо ждала, — так на чём мы остановились? — она решила не рассказывать Наде о том, что произошло. Стало как-то неловко. Надо сначала всё обдумать, может

быть, внук её мужа, наконец, понял, что не стоит ждать ничего плохого от её семьи, что его дед и отец по-настоящему счастливы? Понять и принять?

Маша вошла в кабинет мужа, он листал какие-то бумаги, поднял голову, посмотрел на жену поверх очков, съехавших на кончик носа.

— Душа моя, что-то случилось? Ты бледна, — тревожно спросил Фертовский-старший. — Машенька, тебе нехорошо? — он вскочил, видя, что она покачнулась.

— Нет-нет, ничего, Володя, просто закружилась голова, — ответила Маша, ощутив, как накатила дурнота. — Это уже несколько дней, временами. Думаю, что спазм сосудов, да и давление у меня вечно пониженное. Можно, я немножко посижу у тебя?

— Конечно, родная, посиди, — он поцеловал жену в макушку и вернулся за стол, — может быть, всё же позвонить нашему доктору? — поправил очки.

— Не стоит его тревожить по всякому поводу, Володя, ему хватает хлопот. Мне, правда, уже лучше. Мне всегда лучше, когда ты рядом.

— Люблю тебя, — улыбнулся Фертовский-старший.

Глава 31

Виктория вышла из здания, где находился её офис, поправила шарф, заправила за ухо локон, выбившийся из пучка. Достала из сумки телефон и, счастливо улыбаясь, быстро набрала сообщение мужу, никак не могла забыть недавнее примирение. Зорин был просто ураган, и это уже второй раз за последний месяц — невероятная страсть в супруге. Подобного давно не случалось.

— С таким лицом обычно набирают сообщения любовнику, — услышала рядом с собой. Подняла голову. Только его здесь не хватало.

— Поразительная догадливость, — Виктория прищурилась, разглядывая этого наглого мальчишку. Заявился. И как узнал, где она работает? И, правда, вроде бы похож на Николя, но что-то не так, нет той изящности черт, аристократизма, который замечен даже во взгляде. А ещё — лицо просто не доброе.

Вилли в свою очередь тоже разглядывал Викторию и убеждался, насколько его первое впечатление было правильным. Непросто красива, а ещё и огонь, и, скорей всего, любит острые ощущения.

— Я ему так завидую, — Вилли поигрывал в руках зажигалкой, нервничал. Попробуй тут сохранить спокойствие, когда рядом такая фифа.

— Кому? — она наблюдала за его руками.

— Твоему любовнику, кому же ещё? — он хмыкнул.

— Мы на «ты» вроде не переходили, — заметила Виктория.

— Так давай перейдем, в чём проблема? — Вилли подошёл ближе и уставился на её полные губы.

— Детка, а тебе не кажется, что ты зарываешься? — Вика услышала, как на телефон пришло ответное сообщение от Зорина. Ирония судьбы: муж, ревнуя, психанул именно из-за этого мальчишки. А теперь молокосос стоит здесь, откровенно пялится на неё и делает недвусмысленные намёки.

— Зарываюсь? — переспросил он.

— Только не делай вид, что плохо знаешь русский язык, — не поверила Виктория. Ей очень хотелось прочесть сообщение от мужа, но только не при этом отпрыске семьи Фертовских. Необходимо как можно скорее от него избавиться.

— А ты не делай вид, что такая уж недотрога, — парировал Вилли.

— Я ведь могу дать по морде, — она поморщилась.

— Неужели? — Вилли подошёл ближе. Почувствовал, как ещё больше возбуждается.

— Ага, — Вика, недолго думая, размахнулась и ударила его по щеке, — хамить будешь девочкам по вызову. Они за деньги всё вытерпят.

— А сколько стоишь ты?

— Ты не понял меня, сопляк? Если нет, тебе популярно объяснит мой муж.

— Который тебя не любит? — ухмыльнулся Вилли.

— Что такое? — Виктория поправила очки. — Что за бред ты несёшь, американский мальчик?

— Разве бред? Я в курсе вашей романтической истории: ты увела его у лучшей подруги, соблазнила, затем женила на себе. Дядя Вадим просто сдался, проявил слабость. И ты станешь утверждать, что это любовь? — Вилли прикоснулся к её руке, Виктория одёрнула руку с отвращением.

— Мерзкий недоносок, я ничего не собираюсь утверждать и тем более, перед тобой оправдываться. Ты думаешь, если ты приехал из Штатов, такой весь надменный, носишь аристократическую фамилию, то тебе всё можно? Ты никто, пустое место с кучей комплексов, убери свои грязные руки и дай мне пройти, — с этими словами она направилась к своей машине.

— Ты пожалеешь о своих словах! — крикнул ей вслед Вилли. Садясь в машину, Виктория показала ему неприличный жест средним пальцем. — Стерва, — пробормотал Вилли, — ты у меня ещё поплачешь, — набрал номер телефона Грума.

Вика нажала на педаль газа и рванула с места. Спустя минуту поняла, что этот маленький хам разозлил её основательно. Не хватало ещё тратить на него свои эмоции. Не дай Бог, Вадим узнает об их встрече, не оправдаешься. Виктория закусил губу. Пора вспоминать, как она раньше ловко отшивала надоедливых поклонников, правда, хамы среди них встречались редко. Но ничего, этот сопляк быстро отстанет, главное, сохранять хладнокровие и одновременно быть осторожной. Можно, конечно, Вадику признаться, но есть вероятность, что он опять не так поймет. Рисковать нельзя. Зорин ей дороже всех на свете.

Виктория выехала на шоссе. Вспомнила про сообщение от мужа. Что же там он ответил? Она остановила машину на обочине, поправила очки и стала читать. Пока читала, улыбалась всё шире. Зорин был сама романтичность, нежность и одновременность страстность. У них словно начался второй «медовый месяц». Невероятно.

Какое же это приятное ощущение — любить и быть любимой. Зорин её мужчина, её жизнь. Вика не успела завести двигатель, как услышала звук ещё одного сообщения. Она, всё ещё улыбаясь, посмотрела на экран телефона. Сообщение было от незнакомого номера. Текст Викторию напряг, она несколько раз перечитала его, что-то смутно-неприятное шевельнулось в душе. Она даже тряхнула головой. Сзади посигналили, Вика поторопилась выехать на шоссе.

— Доктор, ну что? — Мира увидела по коридору направляющегося к ней врача и вскочила. Её и Диму привезли на скорой в одну из городских больниц ближе к окраине. Мире осмотрели нос, на всякий случай томпонировали, хотя кровь уже остановилась. Диму на каталке увезли в травматологию.

— Ну что? Перелом локтевой кости без смещения, после рентгена наложили гипс. Неполный перелом ребра без смещения кости. Легкое сотрясение мозга, — ответил врач, поправил шапочку, устало посмотрел на Миру. — Мы ему вкололи обезболивающее и успокоительное. Естественно, рекомендую оставить его в больнице. По крайней мере, пока.

— Можно мне с ним поговорить? Хотя бы немножко, пожалуйста, — умоляюще попросила Мира.

— Вы ему кто?

— Просто знакомая, — она потупила глаза.

— Вот что, просто знакомая, езжайте-ка домой. Всё с вашим другом будет нормально. Вы оба относительно легко отделались, — доктор сложил руки на груди.

— Минуточку, только одну минуточку? — Мира с надеждой заглядывала ему в глаза.

— Боюсь, что он уже спит.

— Если спит, я сразу уйду, — быстро нашлась девушка.

— Ладно, что с вами делать, просто знакомая, — усмехнулся врач, — только недолго. Уже поздно. Вашим родным тоже не мешало бы сообщить, что с вами произошло. Родственникам пострадавшего мы уже позвонили. Палата в конце коридора.

Мира закивала и засеменила по коридору.

В палате было четыре койки, три из них заняты. Дима лежал у окна. Мира бесшумно подошла к нему, он повернул голову.

— Пришла, — тихо сказал он, облизнул губы, — я думал, что ты уже уехала.

— Нет, я всё ещё здесь, — она улыбнулась. — Как ты?

— Нормально, до свадьбы заживёт, — он показал на загипсованную часть руки.

— На ком собрался жениться?

— На ком? Надеюсь, на тебе, — совершенно серьёзно сказал он.

— Да? — Мира облокотилась о спинку кровати. — Давно решил?

— Недавно, хотя, — он сделал паузу, — думаю, что после того, как уснул на твоём плече. После этого я понял — ты девушка моей мечты.

— Дим, ты точно головой ударился, — Мира закатила глаза, — нашёл мечту.

— Но это же моя мечта, значит, мне виднее, — еле слышно сказал он, — побудь со мной ещё минуту.

— Хорошо, — кивнула Мира.

Дима закрыл глаза и стал проваливаться в сон. Мира поправила ему одеяло, наклонилась, всмотрелась в его лицо. Симпатичный, а ещё тактичен, воспитан. Ну да, ну да, а ещё надумал на ней жениться. Точно, удар был по голове, а теперь ещё и лекарство подействовало.

В палате все спали. Она усмехнулась и тихонько вышла, спустилась на первый этаж, направилась к выходу, но вспомнила, что так и не позвонила маме. Разыскивая телефон, принялась копаться в сумке. К своей досаде там его не нашла, задумчиво остановилась по середине холла, вспомнила про карманы, кажется, телефон в суматохе засунула туда. Так и есть! А ещё в кармане пальто, кроме её телефона, лежали очки Димы. Совсем забыла про них. Они во время аварии оказались у неё на коленях, видимо, потом сунула их в карман, как и телефон. Мира покрутила очки в руках, не разбились, даже нигде не треснули — добротная работа, наверняка, дорогие. Ладно, отдаст потом. Потом? Скажи ей кто несколько часов назад, что это потом будет, не поверила бы. Ну что такого, что ей сейчас жалко Диму? Просто по-человечески жалко. Всё-таки он пострадал в какой-то степени из-за неё. Поэтому его надо будет навестить ещё раз, а там посмотрим. Мира вспомнила, что собиралась позвонить маме.

Мама трубку взяла сразу, так и есть, очень волновалась. Мира успокоила, как могла, сказав, что пришлось сильно задержаться на работе, а предупредить она просто забыла — закрутилась. На вопрос, скоро ли Мира приедет домой, она ответила, что почти уже у дома. Пришлось и здесь немного соврать. Мира и понятия не имела, где находится больница, в которую их привезли. Надо бы спросить хоть у охранника в холле, тот сидел у самого выхода на посту. В следующий момент дверь открылась и в больницу буквально ворвалась женщина, её сопровождал молодой мужчина. Мира заметила их краем глаза, так как всё ещё разговаривала с мамой. Женщина стала кричать и что-то

требовать. Через пару минут появился тот самый врач, что пустил Миру к Диме. Он вполголоса стал что-то объяснять явно возбуждённой дамочке. Молодой человек пытался её успокоить, но она лишь отмахивалась от него и обращалась к врачу, Мира невольно услышала часть разговора:

— А я вам повторяю, что я не оставлю сына в этой дыре, — дама с брезгливостью на лице обвела взглядом коридор, — у нас есть прекрасная частная клиника, где ему окажут квалифицированную помощь.

— Мы уже оказали ему квалифицированную помощь, — возразил доктор, — а вашего сына сегодня тревожить нельзя и куда-либо перевозить — тем более.

— Почему мой мальчик попал в аварию? Он безупречно водит машину, ни одного нарушения, ни одной аварии, — спросила женщина, переходя на крик.

— Понятия не имею, это вам скажут в полиции, — устало ответил доктор. Сейчас ему больше всего на свете хотелось избавиться от этой богатой истерички, вернуться в ординаторскую и, наконец, допить свой, наверное, уже остывший кофе.

— Очень плохо, что вы ничего не знаете, — она достала из сумочки телефон и попыталась набрать номер, но пальцы не слушались. Молодой человек взял её под локоть.

— Мама, врач прав, оставим брата здесь, хотя бы на сегодня? — тихо сказал он.

— Как ты не понимаешь, — возмутилась она, всё ещё терзала телефон, — ему нельзя здесь оставаться.

— Но перевозить его сегодня тоже нельзя, тем более, врач сказал, что брат уже спит, мама, спит, понимаешь? — он мягко отнял у неё телефон и положил себе в карман, — давай вернёмся завтра и всё решим, хорошо?

— Я должна посмотреть на сына, — её ярко подведённые губы искривились.

— Он спит, как и те, кто с ним в палате, время позднее, — возразил доктор уже из принципа или из вредности, он и сам не знал.

— Так он ещё и не один в палате? — женщина опять повысила голос, — сын, ты слышал?

— Слышал, мама, такое бывает, — ответил он, — мне кажется, врач и здесь прав, мы сейчас перебудим всю больницу.

Остальное Мира слушать не стала, вспомнила, что её ждут дома. А туда надо ещё добраться. Она поторопилась к выходу. Её не пришло в голову, что дамочка, устроившая скандал в больнице, причастна к Диме.

Глава 33

Экономка впустила Вилли в дом всё с тем же неприветливым выражением лица. Молодому человеку очень хотелось поставить её на место, но он сдержался, памятуя об инструкциях Грума, более того, предельно вежливо сообщил, что собирается подождать grandpa здесь — в библиотеке. Елена Степановна, шаркая, прошла за ним вслед и осталась стоять у двери.

Вилли взял с полки первую попавшуюся книгу, уселся в кресле и сделал вид, что читает. Он намеренно приехал раньше, зная, что grandpa ещё на занятиях. Теперь перед молодым человеком стояла чёткая задача, точнее, их было несколько, но вот эта являлась первым шагом.

Он намеревался обыскать библиотеку. Логичным казалось то, что раритет хранился именно здесь. Так и Грум сказал. И, скорее всего, семейная ценность где-то недалеко от коллекции зажигалок grandpa. Он ими тоже дорожил, хотя, если отец ничего не перепутал, стоимость сабельного набора в разы больше, чем коллекция зажигалок вместе взятая. Грум живо заинтересовался набором. Сказал, что у Вилли есть все шансы рассчитаться.

Вилли таращился в книгу и ждал, когда старуха уйдёт. Он понимал, что если начнёт прогонять её, то вызовет подозрение. Она и так ему не доверяла, он заметил. А grandpa очень привязан к этой ведьме, поэтому ссориться с ней не с руки. Усыпить её бдительность можно только почтением.

— Очень хочется пить, — сказал Вилли вслух, на несколько секунд оторвав взгляд от книги, — не могли бы вы заварить мне чаю, Елена Степановна? — он с трудом вспомнил её имя.

— Чаю? — удивлённо переспросила экономка.

— Да, в этом доме заваривают необыкновенно вкусный чай.

— Хорошо, я заварю, — она пожала плечами.

— И, если можно, к нему печенье? Грандпа, то есть дедушка особенно хвалит печенье с маком, которое вы печёте, — Вилли перелистнул страницу книги.

— Но я не собиралась сегодня печь, — всё ещё удивляясь, сказала Елена Степановна.

— Жаль, а мне так хотелось попробовать ваше печенье, — вздохнул молодой человек.

— Ладно, я испеку, — согласилась экономка, — тем более, что Маша тоже любит это печенье.

— Заранее спасибо, — Вилли выдал улыбку и тут же спрятал её, как только экономка удалилась.

Молодой человек отбросил книгу в сторону, осмотрел все боковые панели стола, сунул руку и ощупал днище. Тщетно, никаких кнопок или чего-то похожего на них там не было. Молодой человек напряг память — нет же, грандпа нажал кнопку именно где-то в панели стола. Да, и тогда через секунду одна из книжных секций слева от камина отъехала в сторону. Ну да, так и было. Почему же сейчас он не нашёл кнопку?

Вилли подошёл к той самой секции, которая открывала тайник с коллекцией, попытался подцепить её — не получилось. Полки казались литыми. Впрочем, было бы странно иначе — всё-таки тайник. Вилли достал из этой секции несколько книг, осмотрел — ничего особенного, обыкновенная книжная полка из хорошей породы дерева, пыли не видно, протирают регулярно.

А что если искать надо не здесь? Почему они с Грумом решили, что раритет рядом именно с коллекцией зажигалок? Вилли вернулся к столу, стал методично открывать ящики, их содержимое не представляло интереса — бумаги, журналы, файлы, папки. Правда, нижний ящик был заперт. Но в любом случае в этом ящике сабельный набор никак не поместится. Вилли осмотрел карманы с задней стороны кресел, отодвинул их на всякий случай, хотя там уж точно не могло быть тайника, как и в камине, но он всё равно туда заглянул.

Молодой человек встал посередине библиотеки, пробежал глазами по книжным полкам. Море книг, а толку мало. Вот что они дали грандпа? А отцу? Оба живут обычной жизнью. Конечно, у Фертовского-старшего огромная квартира, набита антикварной мебелью, есть несколько ценных вещей, но всё это малоинтересно и

является заслугой прошлых лет. Грандпа всегда был образцовым гражданином, чтит правила и законы, но он начисто лишён духа авантюризма. Наверняка, не азартен, и не знает, как кипит кровь, когда в твоих руках козыри, и ты ими бьёшь. Вот где ощущение полноты жизни.

Отец тоже недалеко ушёл. Снимает никому не нужные фильмы, щёлкает фотоаппаратом, пытаюсь остановить красоту мгновения, так он выразился. Погряз в заботах о своей семье, носится с этой девчонкой, как с главным сокровищем своей жизни. Обожает свою жену, как в первый год женитьбы, неужели за это время не успокоился, не привык, не остыл к ней? Можно было бы его понять, будь на её месте Вики. При одной мысли об этой женщине возбуждаешься, но отец почему-то предпочёл не её. Он, как и грандпа, раб стабильности.

Вилли перевёл взгляд на книжные полки с правой стороны, стал осматривать их. Залез даже на лестницу, не поленился на каждой из полок достать по паре книг, ожидая увидеть на их месте хоть что-то, напоминающее дверцу тайника, или замочную скважину. Но ничего похожего не обнаружил. Взмокший и обозлившийся, он вынужден был спуститься вниз. Неожиданно у него зазвонил телефон.

— Чем это у нас так пахнет? — в кухне появилась Маша, — Степановна, милая, да ты печёшь? — удивилась она. — Вроде бы не собиралась. Ах, какие ароматы!

— Не собиралась, да попросили, — проворчала экономка, уменьшая температуру в духовом шкафу. — Печенье, мол, твое знаменитое, хочется попробовать.

— Да ты что? — улыбнулась Маша. — И кто же тебе подарил такой комплимент и уговорил испечь? Володя ещё на работе.

— Другой Володя, — поджала губы старушка.

— Что-то я не пойму тебя, Степановна, — Маша заметила на столе свежесваренный чай.

— Да внук его опять пришёл, сидит в библиотеке, далась она ему. Ходит туда и ходит, будто, и правда, любит читать. А сам сидит и смотрит в одну точку. Я уж встала и наблюдаю за ним. А он попросил меня чай заварить и печенье ему испечь.

— Попросил? — поразились Маша. — Он умеет просить?

— Как видишь, умеет, — Степановна потянула носом — нет, не пригорает. — Машенька, милая, приглядела бы ты за печеньем в духовке, а я пока узнаю, чем занят драгоценный внучок хозяина? Что-то мне не спокойно, когда он тут.

— Я сама тихонько посмотрю, Степановна, не переживай, — Маша дотронулась до натруженной руки старушки и ободряюще улыбнулась.

Маша подошла к чуть приоткрытой двери библиотеки, остановилась. Судя по всему, Вилли разговаривал по телефону. Она хотела уйти, но, услышав имя своего мужа, задержалась.

Глава 34

— Сева, мне нужна твоя помощь, — тихо сказал Дима, провожая взглядом удаляющуюся фигуру решительно настроенной матери. Она с его братом появилась в больнице с самого утра, уже успела «сцепиться» с медсестрой, а теперь отправилась искать лечащего врача. Естественно, заявила младшему сыну, что сегодня же его перевезут в «нормальную» клинику. Дима попытался возразить, но она и слушать не стала, — мне нельзя в другую больницу, — ещё тише добавил он.

— Почему? — старший брат оторвался от айфона, в котором что-то искал.

— Я могу потеряться, — выдал Дима фразу, от которой Всеволод удивлённо приподнял брови. Между братьями всегда была крепкая мужская дружба и доверительные отношения.

— Потеряться? — переспросил он. — Ты у нас стал вещью? — не скрыл ироничной улыбки. Дима дёрнулся, тут же скривился от боли — давала о себе знать трещина в ребре.

— Ты, конечно, остряк ещё тот, — преодолевая боль, сказал он, — но дело в другом: со мной в машине во время аварии была девушка.

— Она пострадала? Где она? — Всеволод перестал улыбаться, нахмурился.

— С ней всё в порядке, вчера вечером она уехала домой.

— Это хорошо. Надеюсь, у неё к тебе нет претензий?

— Сев, ты сейчас ведёшь себя как наша мамочка, не копируй её поведение, это вдвойне утомительно.

— Ладно-ладно, — Всеволод поднял обе ладони кверху, — так что с этой девушкой? Ты её подвозил?

— Нет, — Дима посмотрел на дверь палаты.

— Нет? Значит, ты её знаешь? Как её зовут? Она красивая?

— Это имеет значение — красивая или нет?

— Безусловно. Зачем подвозить страшилок?

— Сева, ты можешь быть серьёзным? — Дима опасался, что сейчас появится мама, и он не успеет сказать брату всё, что хотел.

— Могу, ладно, так что с твоей знакомой? Кстати, как там бишь её — Лена, Ира, Инна, Света?

— Её зовут Мира.

— О, какое имя. Так, уже интересно.

— Понимаешь, если сейчас меня увезут отсюда в другую клинику, то я не смогу сообщить об этом Мире.

— Как это? С сегодняшнего дня отменили телефонную связь? — опять улыбнулся Всеволод. Брат вёл себя, мягко говоря, странно.

— Дело в том, что я не знаю номера телефона Мира.

— Значит, ты всё-таки подвозил первую попавшуюся девушку?

— Нет, мы были знакомы до аварии и несколько раз виделись, — Дима стал нервничать.

— И ты не удосужился узнать номер её телефона? — удивился Всеволод. — А позволь спросить: где вы познакомились?

— В метро. Помнишь, в фирме был последний корпоратив? Я тогда изрядно выпил и не поехал на машине. Вместо того чтобы поехать на такси, я спустился в метро. А там заснул на плече девушки.

— На плече? На плече чужой девушки? И она позволила тебе это сделать? — Всеволод облокотился о спинку кровати.

— Ну да. Она читала книгу и не стала меня будить. Я протрезвел, извинился и хотел исчезнуть, но передумал. И ... пошёл её провожать. Мира, она очень необычная. И да, она красивая.

— Дим, ты влюбился что ли? — судя по несвязной, но такой эмоциональной речи младшего брата, вдруг догадался Всеволод.

— Кажется, да, — вздохнул Дима.

— В девушку из метро? Здорово, — Всеволод усмехнулся.

— Сев, помоги мне, а? Понимаешь, Мира обещала прийти вечером, а как я сообщу ей о том, что сейчас меня увезут в другую клинику?

— Да уж, это точно, никак. А если попытаться её найти в соцсетях? Как её фамилия?

— Я не знаю её фамилии, — совсем расстроился Дима.

— Брат, ты меня не просто удивил, а шокировал.

— Сева, пожалуйста, все призывы к рассудку потом, — он умоляюще посмотрел на брата, — помоги уговорить маму оставить меня здесь хотя бы ещё на сутки, а? Ты сумеешь, я уверен. Твой авторитет в семье признан.

— Ну, знаешь, это заявление спорное, — отозвался Всеволод, задумался, — точно больше нет никаких вариантов связи с твоей Мирой?

— Я знаю дом, в котором она живёт, — вспомнил Дима, — но номер квартиры не скажу — провожал лишь до подъезда.

— Мда, как-то глупо ходить по квартирам и таким образом её искать. Какая-то почти девушка без адреса, — стал рассуждать Всеволод, — ладно, попытаюсь убедить мать, а ты притворись сильно ослабевшим и тоже говори, что сегодня тебе надо остаться здесь, хотя бы до завтра. Я так понимаю, что про Мишель мне у тебя не спрашивать?

— Не надо, не спрашивай, — закивал Дима.

— Ну да, и это за два месяца до свадьбы? Дима, ты у нас, оказывается, легкомысленный товарищ.

— Севка, думай, что хочешь. Только я не хочу жениться, чтобы потом подавать на развод.

— Камень в мой огород, — усмехнулся Всеволод. Полгода назад он развёлся.

— Не обижайся, брат.

— Вроде бы Мишель тебе нравилась.

— Но это не любовь, поверь мне, я понял, что не люблю Мишель, — серьёзно сказал Дима, — так ты мне поможешь?

Мира пораньше отпросилась с работы, чтобы заехать в больницу к Диме, а оттуда на занятия. Она весь день думала о нём. Естественно, маме вчера ничего не сказала об аварии, нос был немного распухшим, но Мира быстро ушла спать, мама ничего не заметила. Утром Мира внимательно осмотрела своё лицо — никаких следов после вчерашней аварии. Она, действительно, легко отделалась. Не то, что Дима. При

мысли о Диме в ней вдруг проснулась такая нежность, о которой она и не подозревала. Мира бережно положила его очки в бархатный мешочек. По дороге в больницу зашла в магазин и купила фруктов.

Быстро поднялась на второй этаж, постучала в дверь, неслышно вошла в палату. Дима лежал на спине — глаза закрыты.

— Дима-а-а, — Мира позвала его. Он быстро открыл глаза.

— Привет, — он счастливо улыбнулся, слишком резко поднялся, но закружилась голова, и опять ощутил боль в груди. Охнул, сел на кровати.

— Тихо-тихо, не рвись, — Мира подскочила к нему и вдруг обняла, прижав его голову к своей груди. А потом легонько поцеловала в губы.

Глава 35

— Володя, мальчик мой, вот уж не думал, что ты решишь меня встретить! — заметив внука возле университета, воскликнул Фертовский-старший. Занятия только что кончились и Владимир Григорьевич, ещё не успев пройти на автостоянку, увидел Вилли, который искоса поглядывал на толпу студентов, покидающих ВУЗ, что-то шумно обсуждающих, они смеялись, смотрели в экраны телефонов.

— Это сюрприз, — Вилли растянул рот в улыбке, — надеюсь, для тебя приятный?

— Безусловно, сынок, — закивал Фертовский-старший, — пройдем к стоянке, я на машине.

— Грандпа, а давай не поедem домой? — предложил Вилли. — Ты не против, если мы посидим в каком-нибудь заведении? Бар, к примеру? Или ресторан?

— Не грандпа, а дед, — напомнил Фертовский-старший, — ну что ж, давай посидим в хорошем заведении, — согласился он, — разнообразим, так сказать, нашу жизнь.

— Если хочешь, я сяду за руль? — предложил Вилли.

— Давай всё-таки я поведу машину, просто я знаю, куда мы поедem, — пояснил Владимир Григорьевич.

Они сели в автомобиль, Фертовский-старший легко вырулил на шоссе, перестроился в левый ряд.

— А ты водишь машину как ас, — поразился Вилли, наблюдая за реакцией деда. Тот усмехнулся.

— Я ещё много чего умею делать как ас, не сомневайся, сынок. Хотя, конечно, сердце пошаливает. Да и мой анамнез далеко не пустой. Но у меня молодая супруга, приходится быть в форме.

— Ты, правда, так её любишь? — Вилли закурил. Он задавал этот вопрос уже не в первый раз, но, похоже, что деду нравилось говорить о жене.

— Да, я очень люблю Машу, — отозвался Владимир Григорьевич.

— А ты допускаешь мысль, что твоя жена может уйти к другому?

— К другому? Кому? — искренне удивился он.

— Ну, мало ли. Или, к примеру, изменить тебе? — Вилли выпустил струйку дыма, приоткрыл окно.

— Маша может изменить мне? Зачем?

— Она молодая привлекательная, может появиться, как это по-русски? Искушение.

— Ты знаешь, я никогда не задумывался об этом, — Владимир Григорьевич нажал на педаль газа и обогнал Тойоту, которая задерживала весь ряд, — конечно, в жизни мало гарантий, особенно, что касается чувств, но всё-таки хочется думать, что такие понятия, как честь, верность, искренность — не пустой звук. И моя супруга знает об этом. Ведь когда-то я не смог простить измену твоей бабушке.

— Да, я помню эту историю, — кивнул молодой человек, — не смог простить на всю жизнь.

— Ну, а теперь представь себе, каким ударом могла бы стать для меня измена Маши? Я даже думать об этом не хочу, не то, что обсуждать. Нет, я не ошибаюсь в своей жене, не мог ошибиться. Слишком мало осталось времени, слишком много пройдено. Надеюсь, что и Маша со мной счастлива. По крайней мере, я стараюсь делать всё, чтобы она это чувствовала, — он свернул в переулок, проехал там пару пролётов и, наконец, припарковал автомобиль. — Мы приехали, это совсем небольшой, но очень уютный клуб. Его владелец — мой добрый знакомый.

Они устроились за столиком у противоположной стены от входа, вместо стульев сели на мягкие диванчики. Через минуту явно вышколенный официант оставил им меню. Но сделать заказ гости не успели, как появился сам хозяин клуба.

— Владимир Григорьевич, дорогой мой человек, — эмоционально воскликнул он, пожал ему кисть руки своими двумя руками, — как неожиданно, но очень приятно! Мы не виделись, почитай, лет сто?

— Почти-почти, — рассмеялся Фертовский-старший, — лет девяносто точно, — Мирон Янович, покорми нас вкусно, но не убойно, а? Всё как ты умеешь. Кстати, знакомься, мой внук Володя, — с гордостью представил он Вилли.

— Твой внук? — натурально удивился хозяин клуба, — а, тот, что в Америке? Так мальчик приехал? Давненько вас здесь ждали, молодой человек, — обратился он к Вилли.

— Как видите, дождались, — отозвался тот. Окинул взглядом клуб — помещение небольшое, но стильное. Да и сам хозяин выглядел презентабельно, хотя тоже далеко не молод, — а что здесь бывает вечерами? — он заметил на стенах несколько картин с изображениями музыкальных инструментов — саксофон, скрипка, банджо, флейта.

— Здесь вечерами играют и поют джаз, молодой человек, — будто бы даже с гордостью сказал хозяин.

— Perfectly, — выдал Вилли.

— Можно прийти послушать, — сказал Владимир Григорьевич.

— Да-да! Милости просим! — приветливо отозвался хозяин клуба, — а теперь отдыхайте, дорогие гости, будут вопросы — я подойду, Владимир Григорьевич, моё почтение.

Вилли посмотрел ему вслед.

— Дед, а ты в авторитете, — он закивал головой.

— Володя, это прозвучало, будто я — глава мафии, — засмеялся Фертовский-старший.

— Ты — глава нашего рода, а это куда круче, — Вилли отпил глоток из бокала только что принесённого красного как рубин вина, — превосходное вино.

— Ещё бы, Мирон знает толк в вине, как, впрочем, и во многом другом.

— Давно вы знакомы?

— Давно, сынок, с того времени, как мы с твоим отцом вернулись из Королевства. Только в те времена Мирон Янович занимался другим делом. Тогда много чего было другим. Я кое в чём помог Мирону, вытащил его из одной передраги, вот он теперь и помнит добро. Хотя с тех пор многое кануло в лету.

— Дед, а ты не хочешь мне рассказать кое-что из того, что не кануло ещё пока в лету? — Вилли после того, как выпил бокал вина, почувствовал себя намного увереннее и свободнее. Пора приступить к тому, что наметил Грум. Игра началась.

— Ты о чём, мой мальчик? — Владимир Григорьевич наблюдал, как играет алмазными гранями бокал. Сам он не пил, но с удовольствием наблюдал, как дегустирует внук.

— Сабельный набор — семейная реликвия, — Вилли поставил пустой бокал на столик, перестал улыбаться.

— Откуда ты узнал? — быстро спросил Фертовский-старший. — Кто тебе рассказал о нём? — он не на шутку испугался.

Глава 36

— Я бы ещё раз попал в аварию, лишь бы получить твой поцелуй, — глядя Мира в глаза, тихо сказал Дима.

— Не болтай глупостей, — усмехнулась Мира и опять приблизилась к его губам. Теперь поцелуй получился страстным. Её губы были горячими влажными. Дима крепче обнял Миру здоровой рукой. Он готов был раствориться в этой девушке и в её поцелуях.

— Ничего себе, — присвистнул Всеволод, который неожиданно появился в больничной палате. Вошёл без стука и первое, что увидел — целующимся своего брата с девушкой, — Димка, так вот оно — какое твоё лечение? Надо признать, очень эффективный метод.

— Севка, не завидуй, — отозвался Дима, Мира смущённо отошла в сторонку, но Дима поймал за её руку и притянул к себе.

— Так есть чему завидовать, — усмехнулся Всеволод, — раз брат тормозит, разрешите мне представиться самому, милая девушка. Хотя, я уже знаю, как вас зовут — Мира, верно?

— Верно, — Мира посмотрела на него — сходство с Димой есть, то же атлетическое сложение, но он чуть выше ростом, глаза тоже тёмные, но без прищура, волосы несколько светлее, чем у Димы, и во всем облике, одежде холёность, даже шик.

— Меня зовут Всеволод, — я — старший брат этого оболтуса.

— Очень приятно, — Мира кивнула, попыталась вспомнить, он ли был вчера вечером в больнице, когда женщина в коридоре возмущалась и требовала пропустить её к сыну. Она их обоих плохо разглядела.

— Эта приятность взаимна, — Всеволод смотрел ей прямо в глаза, — так вот вы какая — Мира, девушка с редким именем, — с едва заметной иронией произнёс он. Мира посмотрела на Диму.

— Да, это Мира — самая красивая на свете девушка, красивая и умная, — сказал Дима, поднёс её руку к губам и поцеловал, — прошу любить и жаловать.

— Соглашусь, — Всеволод улыбнулся, наблюдая за братом. Да, пожалуй, Димку, несмотря на его положение больного, таким сияющим, а главное, счастливым он никогда не видел. Не зря сегодня утром он так переживал, что не увидит Миру, не сможет ей сообщить о том, что его переводят в другую клинику. Это хорошие чувства, искренние. Но всё усложнится, как только мама узнает о том, что её младший сынок раздумал жениться на Мишель. Она давно радуется за этот брак, и Димке в какой-то момент просто навязали Мишель.

Сначала она брату совсем не понравилась — типичная представительница их круга, причем та его часть, где девушки и женщины считают, что красота должна быть исключительно искусственной, а ум и интеллект — лишний груз в голове. Дима просто проводил с Мишель время, а та изо всех сил старалась ему понравиться. В какой-то момент вроде преуспела, или Димка просто сдался. И тут же Мишель стала настаивать на браке. У неё весьма влиятельный отец. Этот альянс просто необходим семейному бизнесу Данилевских, так выразилась матушка. Зная жёсткий характер матери, Всеволод уже успел прикинуть, чем обернется для брата отказ жениться на Мишель. Как и то, что Мира из среды с другим материальным достатком. Он не был снобом, но понимал, что Димке будет непросто. Из-за матери. А Мира и, правда, удивительно красивая — одни глаза чего стоят. Наверняка, брат ими и пленился. А ещё, судя по его словам, она умна. Вот это наиболее ценное качество женщины.

— Ребята, я в коридоре видел аппарат с кофе, наверняка, напиток там качества далеко не лучшего, но, может, устроим тут маленькое кофепитие? — предложил Всеволод. — Димка, я знаю, кофе любит, а?

— Идея отличная! — обрадовался Дима.

— Давайте я принесу всем кофе? — предложила Мира, ей вдруг показалось, что старший брат Димы придумал лишь предлог, чтобы им остаться вдвоём. Или нет?

— Нет, Мира, ну что вы, я сам принесу, — быстро сказал Всеволод, — я же хорошо воспитан и не позволю вам обслуживать нас. Вот только если вы мне поможете донести? Тогда я соглашусь, — он опять посмотрел ей прямо в глаза и уже во второй раз. Испытывающий взгляд. Мира никак не могла понять, почему брат Димы так на неё смотрит?

— Да, я помогу вам донести, — согласилась она, перевела взгляд на Диму. Он ободряюще улыбнулся.

Аппарат стоял в самом конце коридора. Пока кофе неторопливо заполнял первый бумажный стаканчик, Всеволод что-то искал в айфоне, затем протянул Мире стакан, наполненный кофе. Перед этим вдохнул его запах.

— Надо же, пахнет кофе, — удивился Всеволод, — и не самым худшим.

— Я небольшой специалист в этом, — призналась Мира.

— Да? А мы всем семейством обожаем кофе. Понимаете, Мира, хороший кофе — это, — подбирая слова, он щёлкнул пальцами, — никто не может понять истины, пока не вкусит кофейного пенного блаженства, — выдал Всеволод цитату.

— А у Шейк-Абд-аль-Кадира есть ещё высказывание о кофе, — тут же добавила Мира, — «Кофе — золото простого человека; и также как золото, кофе приобщает его к роскоши и благородству».

— Мира-а-а! — воскликнул Всеволод, протягивая ей второй стаканчик с кофе, — это просто немыслимо! — он сделал глаза круглыми.

— Что? — она даже испугалась его реакции, — я ничего не перепутала, я уверена, что эта цитата принадлежит Шейк-Абд-аль-Кадиру.

— Да кто бы сомневался! — всё также эмоциональноотреагировал Всеволод, — просто я поражён тем, что вы так быстро и легко процитировали того же автора, что и я. У-у-у, как я теперь понимаю Димку, — он подмигнул ей, — в вас легко влюбиться, Мира. Вы знаете об этом?

— Только потому, что я цитирую Шейк-Абд-аль-Кадира? — Мира спрятала улыбку.

— Хе, и поэтому тоже, — Всеволод взял из рук Миры два стаканчика с кофе, третий отдал ей. — Нет, ну вы меня поразили в

самое сердце, честное слово. Еще парочка таких цитат к месту, и я подумаю над тем, чтобы увести вас у брата. Шучу, конечно, Мира, не пугайтесь, — он остановился перед дверью в палату, — вот что я вам скажу?

— Что?

— Не знаю, сколько по времени вы с Димкой знакомы, и какие у вас планы, но мой брат, похоже, серьёзно увлечён вами. Я бы даже сказал, что влюбился. А Дима очень искренний и глубокий человек. Сегодня я заметил, что ещё и счастливый, — с этими словами он толкнул ногой дверь, — а подарить счастье другому — дорогого стоит.

Мира задумалась над словами старшего брата Димы. Всё произошло как-то быстро, неожиданно. Ещё пару дней назад её мысли были заняты совсем другим мужчиной, правда, женатым, чужим, и она понимала, что это тупик. Но к Диме она не испытывала таких чувств, а сегодня что-то изменилось в ней самой. И поцеловала она его спонтанно, не отдавая себе отчёта. А потом ещё раз уже потому, что ей хотелось его поцеловать. Теперь появился его брат и заговорил о том, что Дима выглядит счастливым.

Мира посмотрела на него — он выпил кофе, смеялся над шутками старшего брата, в какой-то момент опять прикоснулся к руке Миры и прижал её к себе. Она опять почувствовала к нему нежность — неизъяснимую, щемящую.

Глава 37

Надя сидела в кафе и ждала Машу. Та позвонила полчаса назад и взволнованно попросила её о встрече. Сказала, что им надо срочно поговорить. Надежда оставила дочь дома с Николаем, правда, тот работал, торопясь сдать фотопроект, но Саша клятвенно заверила, что не будет мешать папе. Она уселась возле его ног, вырезала из книжки животных, комментируя свои действия и по ходу придумывая истории про собак и кошек. Папа, соглашаясь со всем, только кивал.

Пока Надя ждала Машу, позвонила Виктория. Той тоже почему-то не терпелось увидеть подругу и тоже поговорить. Надя пояснила — уже ждёт в кафе Марию, на что Вика, как та освободится, попросила позвонить ей. Как только Надя после разговора с Викой положила трубку, в кафе появилась Маша. Она поискала глазами Надю, махнула ей рукой, быстро подошла.

— Привет, — села напротив, предложенное официантом меню смотреть отказалась, придвинулась к Наде, чуть наклонилась над столом, — мне надо кое-что тебе рассказать, — сказала тише, сделала паузу, — я слышала, как сын твоего мужа с кем-то разговаривал по телефону.

— И? — Наде совсем не понравился бледный вид родственницы. Наверняка, не была у врача, а ведь недавно обсуждали необходимость этого.

— Всё ужасно, — выдохнула Маша.

— Во-первых, успокойся, для начала выпей воды, — сказала Надя и придвинула ей стакан, — во-вторых, где ты видела Вилли и о чём таком ужасном он говорил?

— В нашей библиотеке. Он пришёл туда, когда моего мужа не было дома, — стала, нервничая, пояснять Маша, — поэтому внук остался якобы его ждать. Но он вовсе не ждал.

— Почему ты так решила?

— Потому что он отправил Степановну заваривать ему чай и приготовить печенье, о котором не имеет представления.

— Да? Ну, может, ему и, правда, захотелось чаю и выпечки Елены Степановны? — предположила Надя.

— Нет же, — Маша дёрнулась, — это был всего лишь предлог, он хотел остаться в библиотеке один.

— Интересно, зачем? — вслух подумала Надя.

— Он там что-то искал, — Маша залпом выпила воду, перевела дух. — И по телефону тоже об этом говорил, — добавила она.

— Вспомни точнее, что ты слышала из его разговора, — попросила Надежда.

— Он сказал, что ничего не нашёл, — Маша стала напрягать память, чтобы произвести дословно услышанное, — что найти не так просто, поэтому, наверное, придётся играть в открытую. Потом что-то ещё про сотни тысяч долларов.

— И у тебя это вызвало подозрение? — засомневалась Надя. — Почему? — она отпила принесённый кофе.

— Ты не знаешь самого главного, — Маша опять обернулась, — всё это время Вилли говорил на английском, и несколько раз прозвучало «grandpa». Но что конкретно говорил о нём, я не разобрала.

— Получается, что он всё-таки говорил именно о твоём муже — своём деде, потому что другого «grandpa» у Вилли нет, родители его матери погибли, — сделала вывод Надя.

— Да, — глаза Маши лихорадочно заблестели, — и ещё один странный момент: Вилли в последнее время стал вести себя не так как раньше, — добавила она.

— А точнее?

— Понимаешь, он со мной стал вежливым, сегодня — со Степановной, улыбался, извинялся.

— А вот это точно странно, — отозвалась Надежда, — дома он не церемонится, довольно груб со мной, несколько раз обидел Сашу, я уже не стала жаловаться Коле, чтобы не огорчать его, но больше я Сашку ему в обиду не дам. Мне не нравится воспитание и взгляды этого мальчика.

— Мне тоже, — согласилась Маша, — недавно он меня даже испугал — так бесшумно вошёл в комнату. А теперь ещё и разговор о тайниках в доме. Он будто что-то искал у нас. Надюш, мне страшно, правда. Когда я тебе позвонила, Вилли был ещё в библиотеке. Я тихо вышла из дома, он ничего не заметил. У меня язык не поворачивается назвать его «Володей». Володя — мой муж, но они как небо и земля.

— Так, постарайся всё же успокоиться, Машенька, — Надя коснулась руки племянницы, — тебе нечего бояться. Возможно, Вилли, правда, обсуждал по телефону что-то, касающееся Владимира Григорьевича. Но мы не знаем, в чём там дело. В панику впадать рано, тем более, его бояться. Возвращайся домой, будь спокойна, держись уверенно. Но!

— Но? — Маша встрепенулась.

— Будь всё же на чеку, понаблюдай за парнем, ничем себя не выдавая.

— Может, обо всём рассказать Володе?

— Боюсь, что муж тебе не поверит, — выдала мысль Надя, — я успела это заметить, он души не чает во внуке.

— Да, ты права, — вздохнула Маша.

— Не бойся, моя девочка, просто держи меня в курсе всех, даже самых незначительных событий, касающихся Вилли. Я всё время на связи с тобой.

— Хорошо, Надюша, я поняла, — Маша почувствовала облегчение. Надя всегда умела успокоить.

— Ты обещала мне пойти к врачу, — напомнила Надежда, — не была ведь?

— Нет, не была, — призналась Маша.

— Головные боли всё также мучают? И спишь плохо?

Она закивала.

— Маш, ну что мне с тобой делать? Тебе надо обследоваться, ты же понимаешь. Обещай, что в ближайшие дни пойдёшь к врачу.

— На той неделе пойду, точно.

Глава 38

Мира вышла в коридор больницы и набрала номер телефона Таисьи.

— Ну, ты где? — Тая тут же взяла трубку, — занятия начнутся через десять минут. Где тебя носит?

— Таюш, я, сегодня буду только на второй паре, — Мира отвернулась к окну, наблюдая, как к больнице подъезжают и отъезжают автомобили. На одном из них только что уехал Всеволод, перед этим попрощался с братом и с ней.

— На работе заморочки?

— Да, — Мире не хотелось по телефону обсуждать всё, что случилось за последние двое суток.

— Ладно, — кивнула Таисья, — но учти, что сегодня Заичкин и он будет отмечать присутствующих.

— Я помню, — отозвалась Мира, — но на его пару я уже точно не успею.

— Если получится, я постараюсь тебя прикрыть, — пообещала Тая.

— Спасибо, Тайка, ты хорошая подруга, — невольно улыбнулась Мира.

— Да, кстати, на входе в университет я столкнулась с Вадимом Георгиевичем, — сообщила Таисья, — он сказал, что в субботу днём можно было бы пересечься, у него окно между занятиями, у нас как раз кончится семинар.

— Посмотрим, — неопределённо ответила Мира и сама себе поразились — теперь при упоминании имени преподавателя её сердце

так не забилося как раньше. Неужели то, что случилось буквально вчера, так повлияло на её чувства? Легкомыслие это или, наоборот, наконец, возобладал здравый смысл?

Мира вернулась в палату.

— Дима, мне через полчаса надо уезжать на учёбу, — сказала она, — я ещё успею на вторую пару.

— Да, я понимаю, — кивнул он, — спасибо, что пришла. Мира, — он сделал паузу, — ты не представляешь, как мне это важно. Особенно сегодня.

— Особенно сегодня? — переспросила девушка. — Почему?

— Потому что именно сегодня я понял, — он опять замялся, — я люблю тебя, — облегчённо выдохнул и отвёл взгляд.

— Димка, мы же друг друга так мало знаем, — Мира растерялась от его признания. Одно дело, когда он говорил, что она ему нравится, а тут любовь. Это куда серьёзнее.

— Я осознаю, что ты в праве мне не верить, — с печалью в голосе произнёс он.

— Дело не в этом, — она взяла стул возле тумбочки, придвинула его к кровати Димы, села, — за любовь легко принять другие чувства.

— Какие? — он посмотрел ей в глаза.

— Просто симпатию, желание физиологической близости, даже дружеские чувства, — пояснила Мира.

— Понятно, — вздохнул Дима.

— Что тебе понятно? — Мире, с одной стороны, не хотелось торопить события, а с другой, именно сегодня, сейчас она всё больше осознавала, как ей хорошо рядом с Димой — тепло и уютно. Похоже, что и он чувствовал подобное и даже больше.

— Да, ты права, мы мало знаем друг друга, но, скажи, когда мы целовались, ты же что-то почувствовала? — он приблизился к ней.

— Почувствовала, — призналась она.

— Что?

— Нежность, — ответила искренне.

— Мирочка, милая, — Дмитрия охватила такая безудержная радость, что он чуть не вскочил, забыв о травмах, а ребро, отозвавшись болью, опять дало о себе знать, но когда ликует душа, эту боль можно вытерпеть.

— Опять ты прыгаешь, — Мира покачала головой, — тебе нужен покой, а ты скачешь, Димка.

— Мне так нравится, когда ты говоришь «Димка». Мне всё в тебе нравится, ты — лучшая девушка на Земле.

— Невероятное заблуждение, но мне приятно, — она засмеялась.

— Меня завтра переведут в другую клинику, — Дима вспомнил то, о чём хотел сказать с самого начала, как пришла Мира, но поцелуй спутал все карты. Её поцелуй.

— Зачем? — удивилась Мира.

— Ну, по месту жительства, там удобнее, — Диме не хотелось признаваться, что всё это из-за матери, которая к тому же здесь устроила скандал. — Ты позвони мне сейчас на телефон, твой номер у меня сохранится, я завтра сообщу тебе адрес клиники. Очень надеюсь, что ты и там меня наведишь. Хотя, думаю, что скоро буду дома.

— Хорошо, диктуй свой номер, — кивнула Мира. Сделала звонок, сохранила в адресной книге. Посмотрела на часы, охнула, — мне пора, иначе я опоздаю и на вторую пару. А это уже никуда не годится, — встала, быстро убрала стул на место.

— А можно на прощание один поцелуй? — хитро улыбнулся Дима. — Один скромный-скромный?

— Если только в целях терапевтического воздействия, — сказала Мира.

— Только в них, исключительно, — он закивал. Мира обернулась, посмотрела на соседей по палате, оба мужчины отвернулись, один дремал. Она наклонилась над Дмитрием и мягко поцеловала его в щёку. Он схватил её здоровой рукой, притянул к себе и впился в губы — страстно.

Мира всю дорогу ощущала его поцелуй на устах — так было сладко. В метро она спустилась бегом, чувствуя, что может опоздать на занятия. Влетела в аудиторию за пять минут до звонка. Таисья, нахмурившись, что-то искала в сумке. Мира с размаху села рядом, толкнула подругу в бок.

— Что это ты такая раскрасневшаяся? — Тая глянула на неё с непониманием. — И глаза горят. А это что? — она показала на бархатный мешочек, который Мира по ошибке достала вместо чехла с телефоном. Даже не посмотрела, что достает.

— Ой, это не моё, — быстро сказала Мира. Она только сейчас поняла, что так и не отдала Диме его очки. Забыла.

Глава 39

Как только Маша ушла из кафе, Надежда позвонила Виктории. Та моментально ответила, сказала, что подъедет через десять минут. Надя сделала ещё один звонок — домой. Супруг радостно сообщил, что Саша активно помогает ему в работе — даёт советы, пару из них, действительно, стоит принять во внимание. Дочь крикнула в телефон: — Мамочка, мне некогда, мы с папой работаем! — и положила трубку. Надя усмехнулась, по крайней мере, дома всё в порядке.

Она задумалась над тем, что рассказала Маша. И хотя попыталась убедить племянницу, что ничего не усмотрела в словах Вилли, самой стало тревожно. Похоже, Маша права — молодой человек что-то затевает. С того момента, как он приехал в Россию, вёл себя, мягко говоря, странно. Ладно, отдохнул немного, адаптировался. А потом? Он же ничем не интересовался, судя по всему, никуда не ходил, кроме регулярных походов к деду. Там просиживал часами, возвращался домой, спал, ел, на это всё. Не может быть, чтобы молодому парню не хотелось хотя бы развлечься, пойти в клуб, кино, куда там они ещё ходят в этом возрасте. Он не работал. Конечно, не все коммуникабельны, не все заводят быстро знакомства, может, Вилли из их числа. В чём-то похож на отца, но у Николеньки довольно много знакомых, приятелей, несмотря на его внешнюю сдержанность в проявлении эмоций, окружающие его любят. За доброту, внимательность, отзывчивость, умение выслушать, высказать свою мысль вовремя и предельно точно. Он не тратит впустую слов, как своё и чужое время. Вилли же живёт как-то иначе, он надменен, саркастичен, праздный, по крайней мере, производит такое впечатление. А теперь ещё и эти странные разговоры, касающиеся его деда.

Надя вздохнула. Видимо, не зря ей показалось, что с приездом Вилли в дом пришло напряжение, а за ним и тревога.

Виктория вплыла в кафе, поправила очки, увидела Надежду, громко стуча тонкими каблуками, прошла к столику. Бросила сумку на

свободный стул, не успела снять своё модное узкое пальто, как официант галантно предложил ей помощь. Он повесил её пальто на плечики и унёс к вешалке возле окна.

— Ты по-прежнему оказываешь на мужчин гипнотическое воздействие, — улыбнулась Надя, — они готовы снимать с тебя пальто, служить, падать ниц, — пошутила без зависти.

— Да уж, — вздохнула Виктория, сняла очки, положила их возле салфетницы, — давай, пока будем разговаривать, чего-нибудь поедим? И я бы ещё выпила вина, да?

— Ты разве не за рулём? — удивилась Надя.

— Я оставила машину на стоянке, — пояснила Вика, — так что мы можем расслабиться.

— Викусь, что-то случилось? — Надежда почувствовала её настроение, — Вадик в порядке?

— Вадик всегда в порядке, — Вика выразительно приподняла одну бровь, — лучше скажи, как там моя драгоценная Сашулька?

— Твоя драгоценная крестница принимает самое активное участие в работе своего папы. Они вдвоём делают фотопроект. Так что и у меня, похоже, вечер свободен. Что, ты сказала, с Вадимом? — Наде показалось, что подруга не зря её вызвала поговорить. Значит, есть о чём.

Но Виктория не торопилась озвучивать причину, она раскрыла принесённое официантом меню, указала пальцем на несколько блюд и заказала белое грузинское вино, подарила очаровательную улыбку официанту и тут же отвернулась.

— С моим мужем всё в порядке, правда, — посмотрела на Надю, затем полезла в сумку за телефоном, открыла сообщения, протянула подруге, — читай.

— Это удобно? — засомневалась Надежда.

— Читай, не деликатничай, я же сама тебе даю.

Надя взяла в руки телефон, обратила внимание, что сообщение было послано с незнакомого номера, его в адресной книге Вики явно не значилось. Текст был следующим: «Распутна, сладострастна, желанна. Но только не для своего мужа. Поэтому сегодняшним вечером ты будешь одна».

— Что это? — Надя подняла глаза на подругу.

— Мне бы тоже хотелось знать, что это и кто мог написать такое. Сначала я подумала — дурацкий розыгрыш. Но потом меня напрягло это сообщение.

— Почему?

— Потому что сегодняшним вечером Зорина и, правда, нет дома. А должен быть. Мы планировали устроить романтический ужин, и вдруг, когда я была уже почти у дома, от Зорина приходит сообщение, что он срочно должен уехать в Беяниново. И всё, больше никаких объяснений.

— Может быть, что-то случилось, и у него просто не было времени объяснять? — предположила Надежда.

— А что могло случиться?

— Мало ли, всякое бывает. И потом, ты же знаешь Вадима — он не тратит слова, он действует. Викуся, постарайся не думать о плохом, всё узнаешь, как только Вадик вернётся. А это сообщение и его отъезд — просто совпадение.

— Твои бы слова да Богу в уши, — вздохнула Вика, придвинула очки ближе, — знаешь, Надюш, я иногда ловлю себя на мысли, что так боюсь потерять Зорина.

— А почему ты должна его потерять? — удивилась Надя.

— Не знаю, но порой мной овладевает настоящий страх. Правда, в последнее время у нас всё как нельзя лучше. Представляешь, Зорин меня тут приревновал?

— Да ты что? — Надя спрятала улыбку, кивнула официанту, который положил приборы, поставил бокалы, стал наливать вино.

— Мы поссорились так, что Вадим даже укатил к своим родителям, — Вика сделала паузу, подождала, когда официант уйдёт, — слава Богу, пробыл там недолго и вернулся домой. Представь себе, примирение было таким же бурным, но со знаком «плюс».

— Викусенька, так это же хорошо! — воскликнула Надежда и внимательно посмотрела на подругу. С годами Виктория стала ещё красивее, причём красота её была не искусственной — без накладных ресниц, надутых губ, нарисованных бровей. У Вики были от природы крупные голубые глаза, причём с правильным макияжем они смотрелись ещё эффектнее. Аккуратный тоненький носик, тёмные брови изящной формы, пухлые губы. Фигура идеальная. Осанка

просто королевская. Но дело не только в этом, она уверена в себе, обаятельна, энергична, умеет поднять настроение.

— Я тоже думаю, что очень хорошо. Я всегда мечтала именно о таком Зорине. Но...

— Есть но?

— Знаешь, кто стал причиной ревности Зорина?

— Понятия не имею, от тебя многие мужчины без ума, — Надя пожала плечами.

— Причиной ревности стал сын твоего мужа, — выдала Виктория.

— Кто? — Надя подумала, что ослышалась. Не может быть, за сегодняшний вечер опять всплыло имя сына Николая.

— Да-да, Вилли, как вы его зовёте, — подтвердила Вика, взяла бокал в руку, отпила вина.

— Ничего не понимаю, и уже во второй раз, — Надя нахмурилась.

— То есть? — Вика поставила бокал на стол.

— Потом поясню, расскажи мне всё с самого начала. Почему Вадик приревновал тебя к этому парню? Что послужило поводом?

— Так он даже ждал тебя возле офиса? — уточнила Надежда после рассказа Вики. Всё, что она услышала, ей не понравилось, очередное неприятное известие о Вилли. Получается, этот парень ещё и увлёкся Викторией — женой своего дяди. И его не останавливает родство с Вадимом, пусть и двоюродное. Похоже, честь и совесть для американского мальчика малознакомые понятия.

— Ждал, более того, дал мне понять, что я чуть ли не шлюха, делал весьма недвусмысленные намёки.

— Каков наглец! — не выдержала Надежда. — Уверена, что ты ответила ему достойно.

— Отвесила оплеуху, от души, — сказала Вика, — села в машину и уехала, но я думаю, что он не уймётся.

— Он что-то сказал в ответ?

— Я не слышала. Но уверена, что ответ был. Слушай, а не мог этот сопляк написать мне сообщение на телефон, ну то самое, что мы приняли за розыгрыш? — Вике вдруг в голову пришла эта мысль.

— Теперь я думаю, что он способен если не на всё, то на многое, — покачала головой Надежда. — Вика, держись-ка ты от него

подальше, вот что я думаю.

— Ну, отшивать незадачливых поклонников я ещё не разучилась.

— Боюсь, что незадачливым его не назовёшь, — задумчиво произнесла Надя, — в любом случае, будь осторожна. Что-то мне всё это не нравится, совсем не нравится.

Глава 40

— Это имеет значение, кто сказал? — Вилли отодвинул бокал, — грандпа, у меня создаётся впечатление, что я напрасно приехал в Россию, если я даже не нужен собственному деду.

— Мальчик мой, ну почему ты так решил? Что значит — напрасно приехал и ты мне не нужен? — Владимир Григорьевич прижал руку к груди слева — защемило сердце. То, что он попытался скрыть, внезапно вылезло наружу, выпрыгнув, словно чёрт из табакерки. Надо было более тщательно позаботиться о сохранении тайны. Просто те сведения, которые он получил, обнаружились совсем недавно, и сначала Фертовский-старший особо не придавал им значения. Но когда всё внимательно изучил, а потом проанализировал... по-настоящему испугался. Этому можно верить или нет, но от того, что он узнал, легче не становилось. А ещё он понял, что не имеет права рисковать, потому что вдруг обнаруженное имеет силу? Реальную. В таком случае именно его родной внук попадает под удар.

Фертовский-старший хотел обсудить эту тему с сыном, но как представил реакцию Николя, отличающегося скептичностью и критичным подходом ко многим, то передумал. Надо всё сохранить в тайне, особенно от внука.

— То и значит, — молодой человек повысил голос, — мой дед мне не доверяет, прячет от меня семейные ценности. Кто, как не я, должен знать о них, я — твоё продолжение? Твой потомок, носитель твоей фамилии. Во мне твои гены, всё лучшее, что ты мог передать по наследству.

— Володя, дорогой, успокойся, пожалуйста, — Фертовский-старший от такого натиска совсем растерялся, — мальчик мой, конечно же, ты мой наследник, моя гордость. И ты мне бесконечно дорог.

— Тогда почему ты до сих пор не рассказал мне об очень важной части истории нашего рода? Не показал раритет, которым я тоже мог

бы гордиться?! — Вилли смотрел на деда и ждал ответа. Фертовский-старший молчал. Щемило сердце.

— Ладно, я понял, — Вилли прервал эту странную паузу, поднялся из-за стола, — мне пора, — достал из кармана сигареты, зажигалку, стал крутить её между пальцами.

— Володя, — Фертовский-старший умоляюще посмотрел на внука, — есть причины, по которым я не могу тебе всё объяснить, — с волнением в голосе сказал он, — пожалуйста, поверь, так будет лучше, прежде всего, для тебя.

— Для меня? — гневно сверкнул глазами молодой человек. От эмоций они у него даже потемнели.

— Да, для тебя. Ты куда? — Владимир Григорьевич поторопился за внуком к выходу, махнул рукой Мironу Яновичу, мол, всё нормально, разберёмся сами.

— Я еду домой, на такси, — ответил Вилли деду уже на улице, закурил.

— Но я же на своей машине, — упавшим голосом напомнил Фертовский-старший.

— Спасибо, я доберусь на такси, — с этими словами Вилли, даже не поглядев в сторону деда, сел в жёлтый автомобиль с шашечками.

Молодой человек доехал до дому, но в подъезд входить не стал, устроился на скамье возле детской площадки, опять закурил. Воздух был холодным, но сухим. Уже несколько дней дожди в город не приходили. У Вилли зазвонил телефон.

— Ой, а можно сделать погромче? — попросила Виктория таксиста, когда они с Надей возбуждённо-весёлые сели в такси. Слегка охмелевшая Вика смешно доковыляла на своих тонких каблуках до машины, засунула себя туда, бурча что-то под нос. Как только услышала мелодию из приёмника в автомобиле, широко улыбнулась. Таксист прибавил звук.

— Мне так нравится эта песенка, — прокомментировала Вика, пытаясь подпеть французской вокалистке, получалось одно сплошное мяуканье и французская картавость, зато весело. Надя рассмеялась. После всех сегодняшних обсуждений и тревог она, благодаря неутомимой Викасе, сумела тоже расслабиться.

— А ты знаешь, о чём она поёт? — спросила Надежда, пытаясь вслушиваться в слова песни. Французский она изучала давно и факультативно, теперь уже мало что могла вспомнить.

— Знаю-ю-ю, — муркнула Вика, — часть текста вот о чем:

Что будет дальше?

Какая разница, куда я иду,

Пока мне не страшно

Держать за руку другого,

Пока люблю время, которое уходит.

Во всем, что я делаю,

Гнев и любовь, как одно целое.

Будь она моей, или вашей,

Этой жизни нам не понять.

Что будет дальше?

Рисую себе путь,

Не думая о том,

*Где он закончится.*¹

— Ух, мне нравится! — восхитилась Надя, — удивительный голос, чуть с хрипотцой, но очень приятный, — да, в её устах французский особенно певучий. Хотя я здесь слышу и испанский?

— Да, она поёт на двух языках, — подтвердила Виктория.

— Хорошо-то как, Викусенька, — Надя обняла подругу за шею, — знаешь, я счастлива, что мы с тобой столько лет дружим, хотя мы такие разные, — сказала она.

— Чего это мы такие уж разные? — возразила Вика. — У нас много общего.

— Да?

— Да! Ну, во-первых, мы обе красивые и умные, — начала перечислять она.

— Так, — кивнула Надя.

— Во-вторых, у нас мужья родственники. В-третьих, Сашка — моя крестница.

— Да, действительно, у нас много общего, — она согласилась, — в таком случае — ура?

— Ура-а-а! — Вика хихикнула.

Таксист тем временем подъехал по первому адресу, остановил автомобиль, терпеливо ожидая, когда одна из пассажирок покинет машину. Ему понравились эти молодые женщины своей весёлостью, позитивным настроем.

— Я тебя провожу до подъезда, — сказала Вика, вылезая вслед за Надей, — ты должна дойти до дома в целости и сохранности, а то вдруг попадётся маньяк.

— Ты мой охранник? — засмеялась Надежда.

— Именно, — Вика ступила на тротуар, качнулась, но равновесие удержала, — шеф, — обратилась она к таксисту, — подождёшь?

Подруги дошли до дома, напевая и хохоча. После того, как раз пять обнялись, наконец, расстались, пожелав друг другу спокойной ночи. Надежда послала воздушный поцелуй Виктории и скрылась за дверью. Вика обернулась — такси не было.

Глава 41

Владимир Григорьевич, наконец, добрался до дома, так скверно на душе у него не было давно. В последние годы, с того момента, как он женился на своей бывшей студентке, несмотря на косые взгляды и осуждение окружающих, кроме семьи, конечно, Фертовский-старший словно радикально поменял судьбу. Теперь он крайне редко бывал в плохом настроении, не вмешивался в жизнь сына, а рождение внучки способствовало тому, что он, наконец, почувствовал гармонию жизни. Каждый день теперь наполнялся неведомым ему до селе счастьем, состоящим из мелочей, о существовании которых он раньше не задумывался. Эти миги счастья были разными, но неизменно прекрасными. Жена, сын, внучка. Работа приносила удовольствие, студенты его стимулировали, даже омолаживали, как и жена. Дом казался уютной пристанью, в которую всегда хотелось вернуться.

Когда внук сообщил о своём желании приехать в Россию, радости деда не было предела. Казалось, это стало ещё одним этапом в безмятежно-счастливом существовании.

И вот внук приехал — взрослый красивый, по-Фертовски сдержанный, с правильными манерами, своим взглядом на мир, но главное, проявляющий неподдельный интерес к жизни деда, недаром он столько времени проводил у них в доме. Живо интересовался коллекцией, с благодарностью принял подарок. А что теперь? Будь

неладен тот день, когда всплыли результаты исследований, которые вынудили запечатать уста Фертовского-старшего.

Он горестно вздохнул, поставил машину в подземный гараж — пискнула сигнализация. Поднялся в квартиру, потер грудь с левой стороны — боль не отпускала. В коридоре попытался позвонить внуку — тот не брал трубку.

Владимир Григорьевич снял пальто, ботинки, размотал шарф, в этот момент по холлу шла экономка. Завидев хозяина, она поторопилась подойти.

— Ну, что, моя старушка, устала ты от всех нас? — спросил Владимир Григорьевич. — Что такое? — удивился он, заметив, что её глаза увлажнились, — Степановна, дорогая моя, что случилось?

— Владимир Григорьевич, вы хотите уволить меня? — она достала из кармана передника платок.

— Почему ты так решила? Разве я тебе сказал об этом? — он взял из её усталых морщинистых рук платок и вытер ими слёзы.

— Вы спросили, устала ли я от вас, — ответила Степановна, — я подумала...

— Ты как мои студенты — перерабатываешь информацию так, как тебе приходит в голову — без объективности, выдаешь в эфир и плачешь, — он покачал головой.

— Меня со студентами ещё никто не сравнивал, — экономка невольно улыбнулась.

— Ты моя и студентка, и старушка, и моя семья — всё вместе. Не выдумывай, никто тебя не уволит, как мы с Машей без тебя? Ты хранительница нашего дома, очага, нашего покоя. Только обещай мне одно?

— Что? — она с волнением посмотрела на хозяина — выглядел, будто марафон пробежал. И руку держит у сердца.

— Ты будешь жить долго-долго.

— Я очень постараюсь, Владимир Григорьевич. Спасибо вам, — она даже поклонилась.

— За что, Елена Степановна?

— За вашу доброту, за внимание, за то, что в доме появилась Машенька, которую я так полюбила, и эти годы самые счастливые.

— Машеньку нельзя не любить, это верно, — Фертовский-старший вздохнул, — а завари-ка мне зелёного чаю, а? И есть у тебя

там что-то из выпечки? — спросил, подмигнув. — Мне кажется, запах ванили ощутим даже здесь, я прав?

Открыв дверь своим ключом, Надя тихонько вошла в дом. Тишина. Наверное, два гения-фотографа благополучно закончили свой проект и отправились спать. Везде идеальный порядок, даже игрушки Саши все сложены в коробки, ножницы, бумага и клей в стаканчике. Надежда заглянула в детскую — дочь крепко спала, волосы раскиданы по подушке, одеяло сбилось к ногам. Надя поправила его и бесшумно вышла.

На кухне выпила стакан воды, перевела дух, немножко почудили с Викой, зато расслабились. Викуся умеет поднять настроение, и так было всегда. И та песенка пришлась по душе. Надя попыталась её напеть — слова, конечно же, не вспомнились, зато мелодия осталась в голове, особенно припев.

— Что это ты мурлычешь? — услышала она над ухом.

— Я думала, ты уже спишь, — обернулась и попала в объятия мужа.

— Я ждал тебя, моя волоокая, — он прикоснулся губами к её глазам, поцеловал нежно-нежно.

— Мы с Викой немножко расслабились, — как бы извиняясь, сказала Надежда.

— И правильно сделали, — одобрил Николай, — это надо периодически делать всем.

— Да?

— Вне сомнений, — прошептал он ей на ухо, поцеловал мочку, затем жилку на шее.

— Дорогой, да ты соблазняешь меня? — также тихо спросила Надя, глядя ему в глаза. — Неужели у тебя ещё есть силы?

— На тебя — да, — он продолжал осыпать её лицо лёгкими поцелуями, едва касался. Провёл кончиками пальцев по плечу, затем по руке, по бедру, сделал это движение несколько раз. Он знал, что Надежда особенно любила этот жест. В знак благодарности она, встав на цыпочки, поцеловала его в кончик носа. Последовавший поцелуй обжёг её губы.

Как же Надя любила поцелуи своего мужа — он умел доставлять удовольствие не только пламенностью своей натуры, но и

чувственностью, нежностью, он всегда прислушивался к ней, её желаниям, её эмоциям.

Она проснулась от звука хлопнувшей двери, хотя в спальне никогда не было слышно входную дверь. Надя посмотрела на супруга — Николенька крепко спал. Она поправила ему одеяло, неслышно поднялась с кровати. Накинула пеньюар, вышла в коридор. Тихо. Не слышно никаких шагов, свет нигде не горит. Но Надя почему-то была уверена, что ей не показалось. Она прошла в комнату дочери — Саша спала в той же позе, что и её отец. Надежда улыбнулась, поцеловала ребёнка в макушку и вышла.

В доме по-прежнему не было ни звука — ночная тишина большой квартиры. Надя вспомнила вчерашние разговоры и с ними связанные события. Она подумала о том, что не мешало бы обсудить всё это с Николенькой, но засомневалась, стоит ли. Муж тоже хорошо относился к сыну, может, был не так привязан, как дед, но в любом случае — Вилли сын Коли. Что же он мог задумать? Кому звонил и кому рассказывал о своём деде. А главное — что он рассказывал? Машу спрашивал о каком-то тайнике. Насколько Наде было известно, никаких тайников у Фертовского-старшего не было. Тайников или тайн?

Она вернулась в спальню, легла в кровать прямо в пеньюаре, пока ходила по дому, почему-то замерзла. Муж во сне обнял её. Постепенно она согрелась и уснула.

Глава 42

Мира и Таисья вышли из университета, похолодало, закутались обе в шарфы по самые носы.

— Так что там у тебя случилось? — Таисья не выдержала, Мира молчала всю пару, была рассеяна, о чём-то думала.

— Ничего не случилось, — быстро ответила она, опять задумалась. Сначала хотела рассказать всё подруге, но потом передумала. Решила сохранить в тайне. И аварию, и Диму. О нём особенно не хотелось рассказывать. Оставила для себя, своей души. А вдруг это оно — то самое настоящее чувство? А вдруг вот именно в этом парне её судьба? Неважно, что они мало знают друг друга, что они из разных слоёв общества. Но ведь бывает же, что чувства

рождаются вот так — внезапно, из ничего? Хотя, почему из ничего? Метро, спасение собаки, рассказы о великой любви Шереметьева, авария, наконец. И внутри тебя тёплое чувство к человеку. Оно появилось, оно в сердце, оно греет.

— Ну ладно, нет так нет, — Таисья первой вошла в метро, впорхнула в вагон.

— Тайка, не обижайся, правда, ничего такого, о чём надо рассказывать, я просто устала, — Мира села рядом с подругой.

— Пойдём в субботу на встречу с Вадимом Георгиевичем?

— Тебе хочется?

— Мне кажется, тебе всегда больше хотелось, чем мне. Кстати, как твои чувства к нему? Всё под контролем?

— Да, всё под контролем, — кивнула Мира.

— Уверена? — Таисья с подозрением покосилась на подругу. Не хочет признаваться, что Зорин всё ещё в сердце. Немудрено, попробуй его забудь. Таисья это понимала по себе, но легче справилась с искушением и мыслями о преподавателе, хотя он, конечно, так близок к идеалу мужчины. Хорошо, что на днях к ним приехал пожить друг брата Руслана. У Таи была большая семья, члены которой раскиданы по всей России, и они время от времени делали набег в Москву, естественно, останавливаясь у них. А тут приехал друг брата. Высокий тонкий голубоглазый, застенчивый, говорил мало, зато как пел. Таисья млела от его голоса и тех романтических баллад, которые он дарил ей, сидя за столом и перебирая струны гитары.

— Таюшка, со мной всё в порядке, — улыбнулась Мира, наконец, посмотрев на подругу внимательно. Та явно беспокоилась о ней.

— Хорошо, тогда я пошла, моя остановка, — Таисья чмокнула Миру и упорхнула.

Мира доехала до остановки, где в последние несколько раз к ней подсаживался Дима, сама себе удивилась, что вдруг вспомнила об этом, невольно оглянулась, надо же. В следующую минуту услышала звук пришедшего сообщения. Оно было от Димы «Ты сейчас едешь в метро, а я думаю о тебе». Неужели он тоже думал о ней именно в эти минуты? Она послала ему улыбку.

Дома ждал Бенья, которому уже разрешено было гулять. Они оба выскочили на улицу, желая поскорей вернуться домой. Бенья шустро сделал за кустом свои дела и рванул к подъезду. Дома он

удовлетворённо гавкнул, сообщая маме Миры о том, что всё прошло как нельзя лучше. Потребовал еды, затем завалился спать.

Мира никак не могла уснуть, слишком много мыслей, она перебирала в уме всё случившееся, прикидывала, анализировала. Пришла к выводу, что избежать того, что произошло, не получилось бы. Значит, так надо, значит, судьба. Но что будет дальше? Она взяла в руки телефон, ещё раз перечитала сообщение от Димы. Всё-таки примерила на себя роль Золушки, а Дмитрий принц? Она усмехнулась, закрыла глаза.

На следующий день Мира так закрутилась на работе, что едва не опоздала на учёбу. Она планировала ещё навестить Диму, но вырваться никак не получалось — на работе аврал, и занятия пропускать крайне нежелательно. Она всё хотела написать ему или позвонить, но каждый раз кто-то отвлекал. В итоге вспомнила только в метро, но там почему-то завис телефон. В университет бежала изо всех сил, сегодня две лекции, преподаватель военный, опозданий не приемлет, к тому же очень быстро диктует текст.

Мира вбежала в аудиторию, села рядом с Таисьей, перевела дух.

— Привет, — Тая сидела в наушниках, слушала музыку. Мира вытащила у неё один из наушников.

— Кто это поёт? Ничего так, симпатичный голос, — дала оценку.

— Да он классный! — возмутилась Таисья. — Поёт как соловей.

— Что за певун твой соловей? Он известный? Кто?

— Это друг Руслана, он приехал к нам на несколько дней, — Таисья вдруг смутилась.

— Да ты что? А откуда у тебя в телефоне его песни?

— Ну, он мне пел, я записала.

— Ого, — Мира многозначительно улыбнулась, — тебе пел? — в следующий момент в аудиторию вошёл преподаватель и почти сходу стал диктовать материал. Мира опять забыла написать Дмитрию.

А его с самого утра уже перевели в платную клинику, куда незамедлительно явилась Мишель. Об аварии она узнала от будущей свекрови, нервно расспросила её подробности, узнав, что у Дмитрия всего лишь перелом руки и трещина в ребре, успокоилась, в её планы не входило иметь мужа-инвалида. Мишель, громко цокая каблучками, вошла в палату, поправила на себе короткое платье, облизала полные

губы, в секунду оценила обстановку — маменька её жениха не скупилась на расходы.

— Данилевский, как ты меня напугал, — сказала Мишель. Он повернул голову, посмотрел на неё, — я звоню-звоню, ты уже несколько дней трубку не берёшь. Что за отношение такое? А теперь ещё и в аварию попал.

— Во-первых, здравствуй, — Дима полулежал в кровати.

— Ну, здравствуй, — Мишель взяла стул и села рядом, закинув ногу на ногу, осмотрела свои ультрамодные сапоги — осталась довольна, — а во-вторых?

— А во-вторых, нам надо поговорить, — Дима отложил айфон в сторону. Весь день посматривал на него, надеясь получить весточку от Миры. Сам писать не хотел, понимая, что днём она занята на работе, потом на учёбе. И так пропустила из-за него занятия. Но Мира за весь день не написала ни строчки. Он ждал, он всё равно ждал.

— Хорошо, говори, — Мишель теперь стала осматривать свой маникюр. Дима набрал в грудь побольше воздуха.

— Нам надо отменить свадьбу, — выдал он.

— Что? — Мишель решила, что ослышалась. — Что ты сказал? — она, наконец, оторвалась от созерцания маникюра.

— Мы не можем пожениться, — он поморщился, прекрасно понимая, что последует за его заявлением. Что он торопится принять решение, которое, возможно, изменит его судьбу, что на самом деле, Мира ничего ему не обещала, да они даже не встречаются. Что в его жизни до неё — Миры, всё было распланировано, чётко, определённо. Что вот тут сейчас сидит девушка, которая подходит ему по всем параметрам, так много раз говорила мама. Благодаря их браку сольются две крупных фирмы, приумножится состояние семьи. Будет шикарная свадьба, потом «медовый месяц» где-то на Карибах, потом они вернутся, и начнётся семейная жизнь. Всё красиво, напоказ, на зависть. Но без любви, без искренности, без трепета души, без вот таких поцелуев в больнице, когда ты видишь её, а сердце от счастья колотится в груди так, что вот-вот выскочит. Без омута её глаз, в котором тонешь от нахлынувших чувств, без её ироничности, приправленной легкой горчинкой, похожей на вкус рябины. Без того, как она пытается тебе доказать свою правоту, а твои доводы принимает лишь через веские доказательства. Но принимает же. Она, не говоря

лишних слов, умеет жалеть и сочувствовать. Потому что она знает цену словам и поступкам. Она надеется только на себя, и это не гордыня, это умение выжить там, где на твои плечи ложится ответственность не только за твою жизнь, но и за жизнь других. Наверное, самое главное в ней то, что она настоящая, живая, без прикрас, без притворства, без желания быть кем-то, кем ты на самом деле не являешься. А ещё — она умеет целовать так, что захватывает дух, но дело вовсе не в её опытности, а в том, что ты в неё просто влюбился.

Глава 43

Зорин вернулся домой за полночь. Поставил машину возле дома, покурив возле неё, таким образом, пытаясь избавиться от раздражения. Пустая поездка, которая в итоге привела его, чуть ли не в бешенство — никто толком ничего не объяснил. Более того, Зорин пришёл к выводу, что его глупо разыграли. Но как он поверил? Как повёлся на такое? Да потому что дом в Беляниново был ему бесконечно дорог.

Он погасил сигарету, опять ругнулся и вошёл в подъезд. После принятого душа, съеденного салата и куска холодного варёного мяса, Вадим нашёл всё это в холодильнике, наконец, успокоился. Ещё раз посмотрел номер телефона, по которому ему звонили, сохранил на всякий случай.

— Вика, — он лёг под бок жены, она лежала, отвернувшись, — Вика, — позвал ещё раз, видимо, жена уже спала. Зорин поцеловал её в плечо. И уснул.

Проснулся от того, что приснился плохой сон, резко открыл глаза, сел на кровати. Сна не запомнил, но вот ощущение от него осталось жутким. Повернулся — Вики не было. Вадим поднялся с кровати, отправился искать Викторию.

Она стояла под душем. Глаза закрыты. Её обдавал мощный поток воды, причём шёл такой пар, что запотели все стены, зеркало, шкафчики.

— Вика, ты же так сварисься, — удивился Вадим, — вода почти кипятки, — он протянул руку к струе душа — так и было. Она открыла глаза, сжала себя в объятьях.

— Вадюш, меня что-то знобит, вот и решила погреться, — сжалась в комок ещё больше.

— Ты не заболела, дорогая? — спросил он с тревогой, вглядываясь в лицо жены. Выглядела и, правда, неважно.

— Не знаю, — она старалась унять дрожь.

— Давай-ка выйдем из душа и померим температуру, хорошо? — Вадим выключил воду, подал жене руку. Она неуклюже попыталась выйти из ванны, поскользнулась. — Понятно, — Вадим взял полотенце, заботливо вытер Викторию и подхватил на руки. Положил на кровать, укутал одеялом. Быстро нашёл градусник, сел рядом ждать. Вику трясло как в лихорадке. Градусник показал 38,5.

— Ого! — Зорин потрогал её лоб. — Когда ты успела простудиться и где? Днём же было всё нормально.

— Н-н-не знаю, — ответила Вика из-под одеяла.

— Сейчас я принесу тебе жаропонижающее и тёплое питье. Морс сделать? — Вика кивнула. Вадим посмотрел на часы — половина третьего. Самое время обострения болезней. Он вернулся через несколько минут, принес лекарство и морс. Жену всё ещё трясло. — Может, вызвать скорую? — озадаченно предложил Вадим.

— Не надо, — Виктория опять закуталась в одеяло до самого подбородка, — скоро пройдёт.

— Может, мне лечь рядом и согреть тебя? — Зорин не знал, чем ещё ей помочь. — Ну, я имел в виду, когда согревают телом.

— Спасибо, Вадик, я сейчас согреюсь сама.

— Ты боишься, что я могу заразиться? — догадался он. — Не переживай, ко мне никакая зараза не пристаёт.

— И всё же не надо, — Вика при одной мысли, что муж догадается, приходила в ужас. Хотя, как он мог догадаться, что несколько часов назад её едва не изнасиловали? Но теперь ей казалось, что она грязная, вся грязная. Она уже в третий раз мылась, два раза до возвращения Вадима и сейчас при нём. И температура поднялась на нервной почве. Потому и знобило. Но Зорин не должен об этом узнать. Никогда...

— Ну, хорошо, — согласился Вадим.

— Пожалуйста, поспи сегодня в гостиной? — попросила Виктория.

— Да тут спать-то осталось всего несколько часов, — усмехнулся Вадим.

— Прости меня, Вадик, — тихо сказала Вика, — это я виновата.

— Вот ещё глупости, — возразил он, — твоей вины тут никакой нет. Это всё пустая поездка в Беяниново. Промотался весь вечер как дурак. Ничего не понял, все пожимают плечами и говорят, что никто мне из них не звонил и с домом всё в порядке. Но ведь был же звонок, был. Некто, назвавшийся помощником директора поселкового кооператива, сообщил мне, что в моем доме несколько раз видели свет, затем были открыты ворота. Ну, я и помчался туда как ненормальный. Так помчишься. Я-то знаю, что света не должно быть, как и открытых ворот.

— Тебе звонили по этому поводу? — всё ещё дрожа, уточнила Виктория. — А номер телефона ты не запомнил?

— Я его сохранил, на всякий случай, чтобы разыскать шутника и показать ему небо в алмазах. Доберусь до него, ему мало не покажется, — Вадим сжал кулаки, — ладно, любимая, отдыхай. Я пойду на диван. Утром померим температуру ещё раз, — с этими словами он мягко поцеловал жену в щеку и ушёл в гостиную. Быстро постелил себе, поворчал ещё по поводу Беяниново и уснул.

Вика дождалась, пока муж крепко уснёт, тихо поднялась с кровати, благодаря таблетке, дрожь немного уменьшилась. Прошла в гостиную, взяла со стола телефон мужа, открыла последние вызовы — так и есть, Вадиму звонили с того же номера, с какого и ей отправили сообщение. Она запомнила последние четыре цифры. Вне сомнений, это сделал один человек.

Виктория вернулась в кровать, опять укуталась в одеяло. Спать не хотелось, перед глазами всё время картинка — жуткая, навязчивая: «Она медленно повернулась, на расстоянии трёх шагов стоял человек в тёмном плаще, на голове капюшон, ухмыляясь, он бросил недокуренную сигарету под ноги.

— Ну, что, детка, развлечёмся? — голос его был хриплым, незнакомым.

— Что тебе надо? — Вика была всё ещё под воздействием спиртного и беды не почувствовала.

— Мне надо тебя, — ответил он.

— Вот ещё, — в раздражении дёрнула плечом, двинулась к дороге, намереваясь поймать такси. — Отвали, я сказала, — она стукнула его по руке.

— Напрасно ты так, — угрожающе произнёс незнакомец. — Я всегда получаю то, что хочу.

А вокруг ни души. Поздно, уже очень поздно. И фонарь, который только что горел рядом, вдруг погас.

В следующий момент Вика почувствовала, как её ударили по лицу наотмашь. От удара она упала на землю, чувствуя боль в копчике, а ещё в ноге, потому что сломался каблук. Несколько секунд она попыталась понять, что произошло. А нападавший, тем временем, скверно выругался и рванул на Виктории пальто, которое затрещало по швам. Виктории удалось оцарапать ему щёку, это привело его в настоящую ярость. Он ещё раз ударил Вику по лицу, по которому от страха и боли потекли слёзы. Стал расстёгивать на себе джинсы. Вика воспользовалась моментом и нашла в себе силы спихнуть его с себя, ударила по затылку. Она попыталась подняться на ноги, но сломанный каблук предательски сделал ей подножку. Однако, кое-как удержав равновесие, она всё-таки встала, в следующий момент нападавший тоже поднялся с колен, попытался схватить её за руку, но промахнулся, зато Виктория не промахнулась — попала ему ногой в пах. Он взвыл от боли и согнулся пополам, тем самым невольно давая возможность ей сбежать. Она осознала, что несколько минут у неё есть...

Хромая, Вика выбежала со двора, попыталась поймать машину, но многие пролетали мимо, вид у неё был отпугивающий — грязное и порванное пальто, каблук на сапоге сломан. Наконец, возле Виктории остановились Жигули, из автомобиля вышла женщина спортивного вида:

— Что случилось?»

Глава 44

Всё утро Владимир Григорьевич пытался дозвониться до внука, надеясь, что Вилли одумается и даст им возможность поговорить, хоть как-то объясниться. Но внук упорно не брал трубку.

Фертовский-старший кое-как позавтракал — аппетита совершенно не было, да и Маша не вышла к завтраку, ссылаясь на недомогание, опять мучилась головной болью и бессонницей. Она поцеловала мужа, несколько раз извинилась и осталась в спальне. Елена Степановна убрала со стола.

— Владимир Григорьевич, что-то случилось? — как бы между делом спросила она.

— С чего ты взяла, Степановна? — он вскинулся.

— Вы ещё вчера были не в себе, а сегодня всё утро упорно пытаетесь кому-то дозвониться.

— Степановна, с какого момента ты у нас стала шпионкой? — пошутил он.

— Простите, вы правы — я лезу не в своё дело. Этого больше не повторится, — она с подносом посуды направилась к выходу.

— Не обижайся, моя старушка, я и, правда, расстроен, — сказал ей вслед Фертовский-старший. Она остановилась. Но дальше спрашивать не стала, ждала. — Всё дело в Володе. Мы, можно сказать, поссорились, — вздохнув, пояснил он. — Мальчик затаил на меня обиду. Я пытаюсь дозвониться на него, но он не берёт трубку, — опять вздохнул.

— Он был вчера здесь, — доложила экономка.

— Да? — удивился хозяин. — А мне ничего не сказал.

— Долго был, — добавила она.

— Наверное, ждал меня, — предположил Владимир Григорьевич, — не дождался и поехал встречать к университету.

— Может быть, — Степановна вышла из столовой. Фертовский-старший ещё раз набрал номер телефона внука — тщетно, ответа не было. Он посмотрел на часы, охнул, засобиравшись на лекции, сегодня тяжёлый день, занятий очень много.

После трёх контрольных, двух лекций и двух семинаров, Владимир Григорьевич почувствовал себя плохо — сильно разболелась голова, давило в затылке, изнутри как будто шёл жар. Он выпил таблетку, снижающую давление, но облегчения не почувствовал. С трудом добрался до дома, вошёл в спальню, кое-как сдёрнул с себя галстук, стал стягивать костюм. В этот момент вошла Маша. Посмотрела на супруга.

— Володенька, милый, тебе нехорошо? Что болит? — подскочила к нему.

— Сильно болит голова, Маша, ощутимо подташнивает и будто жжёт изнутри, — признался он, — я думаю, что поднялось давление. Таблетку пил ещё в университете, но не помогло.

— Володя, Боже мой, я вызову скорую, — Маша взяла в руки телефон, — ложись в постель, тебе нужен покой.

— Не надо пока скорую, Машенька, если сможет Казимир Львович, пусть приедет он. Позвони ему, пожалуйста, — попросил Владимир Григорьевич. Она кивнула, стала набирать номер семейного врача. Казимир Львович пообещал приехать как можно скорее, сам же рекомендовал Маше задёрнуть шторы в спальне, приоткрыть окно, дав приток свежему воздуху. Супругу накапать успокоительного, а его икроножные мышцы согреть горчичниками. Маша выполнила все рекомендации доктора и не забыла позвонить Николю, хотя муж и возражал.

Спустя полчаса врач вышел из спальни.

— Ну что, Казимир Львович? — Маша не находила себе места.

— Гипертонический криз, очень высокое давление, — он посмотрел на часы. — Я сделал укол, сейчас немного подождём, померим ещё раз. Но мне не нравится и его сердце. Маша, один инфаркт уже был. Я настаиваю на госпитализации и полном обследовании. Не хочу тебя пугать, но... — он замолчал.

— Но? — тревожно переспросила Маша.

— Возраст-возраст, сердце изношено. Володя всё ещё работает? Пора отдыхать. А тебе его уговорить оставить работу. Если хочет жить дольше. И никаких волнений. Он нервничал в эти дни?

Маша не успела ответить.

— Нервничал, — вместо неё ответила появившаяся в коридоре Степановна. Маша тревожно посмотрела на экономку.

— Вот вам результат — волнения плюс переутомление на работе. Да ещё сердце больное. Ещё раз настоятельно рекомендую госпитализацию.

— Хорошо, Казимир Львович, скоро подъедет Николенька, мы вдвоём убедим Володю о необходимости обследования и госпитализации, — кивнула Маша.

— Надеюсь на это, — строго сказал доктор и ушёл к больному. После повторного замера давление снизилось до безопасной отметки. Врач откланялся, попросив держать его в курсе и позвонить сразу, как они примут решение об обследовании.

— Степановна, что ты такое говорила про нервы у Володи? — спросила Маша, как только врач уехал, — она нашла Степановну на кухне.

— Я не стала тревожить тебя утром, Машенька, но Владимир Григорьевич вчера с внуком, как бы это сказать, поссорились, — она стала загружать посудомоечную машину.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Маша.

— Хозяин мне сам сказал сегодня утром, он пытался дозвониться до внука, но тот так и не взял трубку. Это обстоятельство его весьма огорчило.

— Понятно, Володя души в нём не чаёт, — Маша закрыла лицо руками, потёрла веки, — что же в таком случае, между ними произошло? Он ничего не рассказал?

— Нет, ничего, — покачала головой экономка, — но мне кажется, дело серьёзное. Судя по состоянию хозяина и его упорным попыткам дозвониться до внука, это была не просто ссора, а разлад, самый настоящий. Кажется, звонок в дверь, — она прислушалась.

— Я сама открою, Степановна, наверное, это Николенька приехал, — сказала Маша и направилась в коридор.

— Что с отцом? Врач был? — Николя влетел в дом на всех парах. На ходу скинул обувь, куртку.

— Высокое давление, но сейчас уже сбили, — поторопилась его успокоить Маша.

— Он в спальне? Мне туда можно? — спросил Николай.

— Можно, проходи.

Николай тихо вошёл в спальню, отец лежал на кровати, укутан одеялом до самого подбородка. На щеках румянец неровными пятнами, глаза открыты.

— Папа, — позвал Николай, — я тут.

— Привет, сынок, — слабо улыбнулся Фертовский-старший, — иди поближе. Ну что, испугался за своего старика?

— Есть немного, — Николай сел на стул, который взял у стены, — ты как?

— Да нормально в целом. Немножко прихватило, но уже отпускает. Будем живы.

— Что сказал доктор?

— Настоятельно рекомендовал лечь в клинику обследоваться, — вместо мужа сказала Маша.

— Сердечко, говорит, барахлит. Мотор мой немножко сбоит, сынок, — смущённо сказал Владимир Григорьевич, — я-то всё думаю, что я молодой. А годы идут только на плюс.

— Папа, они у всех идут на плюс, — покачал головой Николай, — давай на этот раз послушаем врача и в клинику? Не будешь упрячиться?

— Не буду, Коля, наверное, пришло время.

Глава 45

— Это что ещё за новости? — в палату, громко стуча каблуками, вошла Фаина Витальевна, бросила сумку на тумбочку, села на стул.

— Привет, мама, — Дима не спеша сел в кровати, сегодня было полегче. Завтра обещали выписать из клиники домой. Хотя гипс теперь будет долго, да рёбро срастётся не сразу. Однако дома всегда лучше.

— Я тебя спрашиваю, по какой причине, ты сказал такое Мишель? Девочка примчалась ко мне вся в рыданиях. Что за чушь про отмену свадьбы? Дмитрий, это такой розыгрыш?

— Нет, это не розыгрыш, — он посмотрел матери прямо в глаза. Севка предупреждал, что мать будет в ярости, но это только начало, она не знает главного.

— Ты с ума сошёл? Отвечай немедленно! — потребовала она.

— Отвечать немедленно — что? Что я с ума сошёл? — Дима вдруг почувствовал такое спокойствие, такую уверенность, что сам себе поразился. Хватит уже жить чужим умом, чужими желаниями, чаяниями. Это его жизнь, его судьба и его ответственность, прежде всего, перед самим собой.

— Почему ты решил отменить свадьбу? — произнесла по слогам Фаина Витальевна. Ей безумно хотелось немедленно выпустить пар, но она понимала, что если это сделает сейчас, то ничего не узнает о планах сына. Он просто замкнётся.

— Потому что я не люблю Мишель, — пожал плечами Дима.

— Не любишь? Что это значит?

— Мама, тебе объяснить, что значит, когда не любишь человека? — Дима передвинулся, поменяв позу.

— Прекрати поясничать, — она повысила голос, — ты прекрасно знаешь, о чём я.

— Я повторяю тебе, что не люблю Мишель и не хочу на ней жениться. Я так и сказал ей об этом.

— Ты не понимаешь, что это хамство?

— Может быть и хамство, но я хотел быть честным, — Дима стала тереть кисть руки, на которой был гипс, пальцы на ней периодически немели.

— Кому нужна твоя честность?

— Мне, мама, мне нужна моя честность, — ответил он.

— Это глупость, — Фаина Витальевна вскочила, — я не позволю из-за твоей выходки рухнуть всем нашим планам. Этот брак выгоден нашему бизнесу, ты прекрасно знаешь.

— Мама, но не всё в жизни подчинено материальному достатку. Ты хочешь сделать меня жертвой своего бизнеса?

— Нашего бизнеса, нашего, детка, — она стала ходить по палате, — ты забыл, видимо, всё, что ты имеешь, — благодаря этому самому успешному бизнесу. Твоя учёба, твои развлечения, прихоти, поездки, отдых, комфорт, твой образ жизни в целом.

— Но почему за всё это я должен расплачиваться браком с девушкой, которую не люблю? — Дима поднял глаза на мать, которая остановилась перед ним, перестав лихорадочно ходить взад-вперед.

— Что ты заладил со своей любовью? Что за внезапный приступ пошлого романтизма?

— Ты считаешь, что любовь — это пошлый романтизм? — удивился Дима. — Мама, ты, конечно, деловой человек, прагматичный, рациональный, но ты не можешь отрицать того, что любой нормальный индивидуум способен чувствовать, хотеть, желать, испытывать тягу к другому человеку, и не только физически.

— Интересно, — она опять села, внимательно посмотрела на сына, поправила волосы, сложила руки на груди, — либо я тебя совсем не знаю, что, в принципе, исключено, либо... — задумалась, — ты встретил другую? Ты изменил Мишель?

— Причём тут измена? — Дима покраснел, но не от того, что мать попала в точку, а от того, что больше всего на свете не хотел с ней обсуждать эту тему, то есть всё, что так или иначе, может коснуться

Миры. И не дай Бог мать узнает о ней. По крайней мере, пока. И Миру как можно дольше надо прятать от неё.

— Дмитрий Данилевский, ответь мне на вопрос, — она опять повысила голос.

— Какой, мама?

— Ты увлёкся другой женщиной? Кто она?

Дима, преодолевая боль в боку, тяжело поднялся с места, прошёл по палате, опять затекла кисть руки, опять стал её растирать. Зато голова больше не кружилась. Нет, кружилась, только от осознания того, что в его жизни появилась Мира. Мысли о ней придавали ему сил. Такое с ним было впервые. Конечно, были романы. Дима был правильно воспитан, выдержан. Но он предпочитал не размениваться, не бросаться в омут с головой, если не был влюблён, не использовать женский пол для удовлетворения лишь своей похоти. Склонности к романтичности за собой тоже не отмечал, но никогда не был столь прагматичен, как мама. Брат мышлением и характером был больше похож на неё, но до того момента, как разочаровался в своём браке, в своей жене. Именно тогда он понял, что не всё в этой жизни покупается и продаётся, и что самые деловые отношения так и останутся деловыми, а жить с бизнесом не получается, потому что чувства — они рождаются и сохраняются не на банковских счетах, а в сердце.

— Кем ты увлёкся, Дмитрий? Я повторяю свой вопрос, — потребовала Фаина Витальевна.

— Мама, это не увлечение, — он встал у окна.

— А что? Позволь мне на правах матери узнать — что? Что могло тебя изменить за несколько дней так, что ты решил перевернуть всю свою жизнь? Ещё недавно женитьба на Мишель была решённым делом.

— Я понял, что делаю ошибку, — Дима повернулся к ней.

— Какую, Дима? Мишель тебя в чём-то разочаровала? Она что-то сделала не так? Но женщин надо уметь прощать, мы все далеки от идеала. Не отменять же свадьбу.

— Отменять, мама. Я не хочу жениться на Мишель, — он всё ещё стоял у окна, словно опасался подойти ближе.

— Я так понимаю, что сегодня истинной причины я не узнаю, — Фаина Витальевна поднялась с места, взяла в руки сумку, — но это

вовсе не означает, что я сдалась. Отнюдь. Я приложу все усилия, чтобы ты понял, как ты ошибаешься. А если ты, правда, увлётся кем-то, то скоро забудешь о своей блажи, — с этими словами она вышла из палаты.

У Димы засосало под ложечкой. Если мать сказала — она не отступит. Он посмотрел на экран айфона — Мира так и не позвонила, и не написала.

Глава 46

Сегодня условились встретиться не в кафе, а в подземке. Мира, прислонившись к столбу, стояла на Лубянке и читала книгу. Приехала несколько раньше условленного времени, поэтому взялась читать, тем более что её увлёл «Лавр» Евгения Водолазкина.

— Привет, красавица, как дела? — услышала фразу с характерным акцентом, подняла глаза. Перед ней стояли два ярких представителя одной из кавказских национальностей. Молодые худощавые в спортивных костюмах, с маслянистыми взглядами тёмных глаз и ухмылочно-наглыми физиономиями. Псевдопревосходство. Мира не сочла нужным отвечать, продолжила читать.

— Эй, с тобой поздоровались, — сказал второй с ещё большим акцентом. Мира опять промолчала, но читать перестала.

— Ты глухая что ли? — он хихикнул, довольный своей глупой шуткой. Подошёл к Мире ближе, наклонился. Она отстранилась.

— Дай почитать, — сказал первый и стукнул по книге Миры так, что девушка чуть её не выронила. Вот тут она уже испугалась.

— В чём дело? Какие-то проблемы? — грозно пробасил Зорин. Мира не заметила, как он подошёл. В следующий момент снял с плеча рюкзак, окинул кавказцев таким уничижительным взглядом, какой обычно доставался наглым и ленивым студентам.

— Всё хорошо, братан, — осклабились кавказцы и отступили.

— Точно? — Зорин обратился к Мире.

— Да, — кивнула девушка, — пойдёмте, Вадим Георгиевич, — добавила поспешно, спрятала книгу в пакет. На преподавателя посмотрела с нескрываемым восхищением. Давно его не видела и уже стала успокаиваться, а тут опять в полной мере ощутила его обаяние. А теперь ещё и заступился за неё, настоящий рыцарь.

Зорин подал ей руку у эскалатора, встал на пару ступенек ниже и оказался лицом к лицу. Она, смутившись, отвела взгляд.

— Мира, солнце моё ясное, рассказывайте, как ваши дела? Ну, кроме той ситуации, которую я имел возможность наблюдать. Товарищи с гор пытались показать, кто тут хозяева, — иронично усмехнулся Вадим.

— Вадим Георгиевич, спасибо, что заступились, — поблагодарила Мира.

— Не за что, хорошо, что я вовремя появился. Так что, дела идут?

— Дела хорошо — работа, учёба. Таисья передаёт вам большой привет, она не смогла сегодня приехать на встречу, нагрянули очередные её родственники, теперь уже из Сургута, Тае велели их накормить, — Мире было неловко смотреть Зорину прямо в глаза, он находился слишком близко.

— У Таисьи, как я успел понять, хлебосольный дом? И поэтому всегда кто-то приезжает. Они дружны, это хорошо.

— Да, есть такое. Они поддерживают отношения со всей многочисленной роднёй, — подтвердила Мира и первой шагнула с эскалатора.

— Тут есть небольшое, но очень уютное кафе, предлагаю нам устроиться именно в нём, — предложил Вадим, когда они вышли на улицу. Дул холодный северный ветер, Мира ту же затянула шарф, пожалела, что не надела шапку. Становилось всё холоднее. Вдруг ей вспомнился Дима, как они гуляли по Сухаревской и он рассказывал ей о любви Шереметьева и Жемчуговой. Как они потом отогревались в «Шоколаднице», а Дима ещё старался Миру накормить изо всех сил. Тогда она ещё ничего не чувствовала к нему, даже раздражалась. А вот потом, после аварии...

Мира никому не рассказала о том, что произошло, так и не призналась даже Таисье, хотя они и подруги. Просто потому, что пришлось бы рассказывать и о Диме, а ей не хотелось. Почему? Она и сама не могла понять. Обычно девчонки делятся друг с другом, обсуждают, даже советуются. Но Мира в советах не нуждалась, ей хотелось разобраться во всём самой. Понять саму себя без чьего-то вмешательства.

Быстро дошли до кафе, благо было недалеко от метро, поднялись на второй этаж по красивой, украшенной вензелями, винтовой

лестнице, столики там стояли круглые миниатюрные. Как раз на двоих.

Вадим Георгиевич заказал себе чашку ристретто и шоколадный маффин, Мира ограничилась маленькой чашкой капучино.

— Итак, милая Мира, — Зорин отпил глоток кофе, удовлетворённо кивнул, — я обратил внимание, что вы читали в метро. Позвольте узнать, что за автор и соответственно роман привлёк ваше внимание?

Мира достала книгу из пакета, дала в руки преподавателю, Вадим прочёл название, аннотацию.

— Знаете, как я в магазине выбираю книги? — задал вопрос, одновременно вчитываясь в текст начала романа. Поднял глаза на Миру. — Я открываю начало книги, затем середину и наконец, финал. Читаю оттуда по странице. Если меня что-то зацепило, я покупаю роман.

— То есть вы мало прислушиваетесь к отзывам? — уточнила она.

— Я к ним едва ли вообще прислушиваюсь. Ну, есть, конечно, весьма компетентные люди, мнение которых ценно. Но, поверьте, Мира, лучше всего составлять своё мнение. И не только в литературе.

— Но я, к примеру, прислушивалась к вашим рекомендациям, и благодаря вам, я открыла для себя столько авторов и столько интересных книг, — возразила Мира.

— Надеюсь, что это так. Но вам могли и не понравиться те книги, что я рекомендовал, я вполне допускаю это. Хотя... — он сделал паузу. — Я подбирал такую литературу, чтобы наверняка вам пришлась по душе. И я не ошибся. Так ведь? — он хитро улыбнулся и отпил кофе. Расстегнул на кофте молнию, снял её, оставшись в футболке. Мира теперь имела возможность обратить внимание на его мускулы — рельефные, хорошо очерченные, как на руках, так и на торсе — его особенно красиво обтягивала футболка. На шее висел серебряный крестик. Девушка невольно залюбовалась Зориным ещё больше, когда он несколько вальяжно откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу.

«От него, правда, можно сойти с ума», — промелькнуло в её голове. Невероятно мощное мужское начало, магнетизм. Причём без самолюбования, без превосходства над окружающими, хотя и держится на некотором расстоянии, но без снобизма. Скорее, доминирует чувство собственного достоинства. При этом может быть

и мягким, и принципиально жёстким. А красота его тоже истинно мужская — про таких говорят «видный, приметный».

Словно подслушав её мысли, Зорин многозначительно улыбнулся.

— Мира, как же мне хорошо с вами, уютно, я отдыхаю в вашем обществе, — признался так просто, легко, не догадываясь, что именно сегодня эти слова могут значить для девушки гораздо больше, чем вчера, — я недавно был на вашей станции метро, думал о вас, — добавил, опять улыбнувшись.

Зазвонил телефон, Зорин, извинившись, отошёл в сторону. Мира, после сказанных им слов, совсем смутилась, сидела раздумывая, не знала, куда девать руки, как вести себя дальше. А Вадим, как ни в чём не бывало, поговорив, вернулся за столик, подмигнул ей, допил свой ристретто.

— Люблю хороший кофе, — сказал с чувством. Мире это напомнило сцену с братом Димы — Всеволодом и их полушутливый разговор о кофе. Но теперь, когда рядом сидел Вадим Георгиевич да ещё признался, что ему хорошо с ней, образ Дмитрия померк. Это не было легкомыслием со стороны Миры, просто чувства к Зорину оказались сильнее.

Глава 47

Надя с Сашей стояли уже у двери, когда Вилли, покинув свою комнату, шёл по коридору. Она не видела его несколько дней, хотя вроде бы он был всё время дома.

— Володя, — окликнула его Надежда, — мы едем навестить дедушку, ему вчера было плохо — вызывали врача, — сообщила она.

— Да, отец мне говорил, — бесцветным тоном отозвался Вилли.

— Вы не собираетесь его навестить? Поедем с нами? — в этот момент Саша посмотрела на маму и недовольно поджала губы.

— Я потом его навещу, — сказал Вилли и двинулся к кухне. Надя посмотрела ему вслед, пытаясь понять, откуда такие разительные перемены и явное равнодушие по отношению к деду.

— Мам, пойдём, — Саша дёрнула её за рукав.

Дверь открыла Елена Степановна, всплеснула руками:

— И кто это пришёл к своему дедушке? Что за девочка такая славная? — улыбнулась она в глубокие морщины.

— Это я пришла, — Саша широко улыбнулась, — баба Степановна, привет, — пожала ей руку.

— Моя ты хорошая, проходи, снимай курточку, шапку, сапожки. Дедушка уже ждёт тебя, спрашивал, — сказала экономка, поздоровалась с Надей, помогла девочке раздеться и повела её к деду. Тем временем в коридоре появилась Маша.

— Ну что, как дела? Как себя чувствует Владимир Григорьевич? — спросила Надя, раздеваясь.

— Сегодня немного лучше, слава Богу, — доложила Маша, — слабость, правда. Устал он, Надюш. Да и в последнее время всё нервничал. Из-за внука.

— Из-за Вилли? — Надя нахмурилась.

— Да, по словам Степановны они крепко повздорили, по крайней мере, Вилли обиделся на деда. А Володя это тяжело переживает.

— А, вот оно что. Мне теперь понятно, почему Вилли отказался с нами ехать, да и вообще проявил равнодушие к болезни деда. Но всё равно это жестоко, ведь Владимир Григорьевич ему не чужой. Любопытно было бы узнать причину их размолвки. Степановна её не озвучила?

— Нет, она не знает, — покачала головой Маша, — а спрашивать у мужа я не стану, ещё больше его огорчать я не хочу.

— Да, ты права, Машенька, ладно, узнаем всё в своё время, — Надя приобняла племянницу. — Как ты сама? Держишься?

— Держусь, родная, мне иначе нельзя, — пойдём к Володе? Он и тебя будет рад видеть.

Владимир Григорьевич сидел в глубоком кресле в гостиной, ноги укутаны клетчатым пледом, рядом стоял крохотный приёмник, из которого доносилась тихая музыка. Саша сидела у ног деда и рассказывала ему про то, как они ходили в больницу удалять ей зуб. Фертовский-старший гладил внуку по волнистым волосам и улыбался. Это маленькая девочка приносила ему столько счастья.

— Добрый день, Владимир Григорьевич, — поздоровалась Надежда, подошла к свёкру, поцеловала его в щёку. — Хорошо выглядите.

— Ох, Надя, лукавишь ты, — он покачал головой, — выгляжу я плохо, сам знаю. Ночью опять подскочило давление. Но уже доктора тревожить не стали, сами сбили.

— Вам лежать надо, — Надежда знала это по тому, как у мамы скакало давление.

— Да лежал я, недавно пересел в кресло, как же я могу встречать моих девочек в кровати. Это моветон, — он опять погладил внучку по волосам. — Належусь ещё, успею. С понедельника в клинику, там будет и время, и кровать.

— Не расстраивайтесь, Владимир Григорьевич, обследуют, подлечат, будете у нас здоровым и сильным. Правда, Саша?

— Дед у нас всегда сильный и красивый, — девочка прижалась к ногам деда. Он засмеялся.

— Устами младенца глаголет истина, — заметила Надя, — Саша права, вы всегда мне казались красивым мужчиной, к тому же настоящий аристократ.

— Наденька, милая моя, а я ведь был против тебя, — он помрачнел, — так давил на Николая, да и тебе в своё время наговорил всякого.

— У меня короткая память, я не помню, — покачала головой Надежда.

— Зато я помню, как ты пришла ко мне со всем тем, что накопила о моих предках, кем они были, чем занимались. Я тогда был по-настоящему ошарашен. А потом и сам стал исследовать наше генеалогическое древо, — он задумался.

— Владимир Григорьевич, вы устали? Может, ляжете? — Надя приняла его задумчивость за утомление.

— Нет-нет, Надюша, всё хорошо. С вашим приходом у меня только радость. А знаете, что? Сашуленька, ты хочешь, чтобы Степановна испекла нам пирог? — обратился он к внучке.

— Хочу, деда, я люблю пироги бабы Степановны, — запрыгала от радости девочка.

— Тогда давай её попросим? Она нам с тобой точно не откажет. Машенька, отведёшь Сашу на кухню? Дайте Степановне задание испечь нам пирог с...

— Клубникой? — подсказала Саша.

— Боюсь, что клубники уже нет, — помотал головой дед, — с клубничным вареньем подойдёт?

— Да, подойдёт, — захлопала в ладоши Саша, — Маша, пойдём скорей на кухню.

Когда они вышли из комнаты, Владимир Григорьевич посмотрел на Надю.

— Я так понимаю, что у вас ко мне есть разговор? — догадалась она.

— Люблю умных женщин, — закивал он, — не зря тебя выбрал мой сын, — Фертовский-старший посмотрел на открытую дверь, заговорил тише, — Надя, мне надо кое-что тебе рассказать. Почему-то мне кажется, что ты поймёшь, как никто другой.

— Я слушаю вас, Владимир Григорьевич, — Надежда села на диван, приготовилась слушать.

— Боюсь, что сейчас у нас мало времени, ты сможешь прийти сюда завтра? Я буду уже в состоянии тебе не только рассказать, но и показать кое-что очень важное. Только одна просьба: ничего не говори Николя, он не должен знать о нашем разговоре и обо всём, что я расскажу тебе, договорились?

Глава 48

Диму выписали из клиники на следующий день после того, как произошёл неприятный разговор с матерью. Фаина Витальевна позвонила утром, сказав, что его встретит Всеволод и отвезёт на своей машине. Автомобиль Димы отправлен в ремонт. Что касательно виновника аварии, разбирательство ещё предстоит, вплоть до суда.

Дмитрий вышел из здания, вдохнул прохладный осенний воздух. Платная клиника, представляющая собой двухэтажный хирургический центр, находилась в тихом уютном районе Москвы. Но после обследований и рентгена врачи не нашли никаких ошибок при оказании помощи обычной муниципальной больницы, более того, сказали, что пациент Данилевский при такой аварии пострадал относительно не тяжело. Перспективы оптимистичные, просто надо наблюдаться у врача, время от времени показывая руку, ну и по-прежнему тугая повязка на рёбра.

— Ну, что, брат, как настроение? — крикнул Сева, который только что подъехал к клинике, вышел из машины, поправлял дворники.

— Правду? Или соврать? — криво улыбаясь, спросил Дима. Смотрел на суесящегося брата, Севка часто был в хорошем настроении, не позволял себе хандру, утверждая, что это страшно вредная штука.

— М-м-м, дай подумать, — озадачился Всеволод, — врать толком ты всё равно не умеешь, а твой кислый вид за версту виден, так что валяй правду.

— Она не позвонила, — он, сам того не замечая, обиженно выкатил губу.

— Она? — переспросил Всеволод, — давай-ка садись в машину, там теплее и можно разговаривать хоть до морковкина заговенья.

Дима послушался брата, подошёл к машине, дёрнул дверцу — никак.

— Ну, совсем обессилел на казённых харчах, — пошутил Всеволод и сам открыл брату дверцу. — Сумеешь застегнуть ремень безопасности?

Автомобиль выехал с территории центра, ворота за ним закрылись, Сева включил поворотник, повернул в один из дворов, затем ещё немного попетлял и выехал на шоссе. Оба брата научились быстро и одинаково хорошо водить машину, одно время Сева даже участвовал в гонках.

— Давай рассказывай про свою беду, — Всеволод бросил взгляд на хмурого младшего брата — хмурого и молчаливого, — мать вчера скандалила из-за Мишель?

— Да, она не желает меня слушать, не желает принимать моего решения, — вздохнул Дима, пытался смотреть вперед, но понял, что плохо видит дорогу — очков не было. Он, пока был в больнице и клинике, про них и не вспомнил. Кажется, они пропали во время аварии.

— Этого следовало ожидать, ничего нового, — Всеволод не успел проскочить на зелёный свет, остановил машину на светофоре, — но ты был готов к этому, как я понял, тебя тревожит что-то иное.

— Помнишь, ко мне в больницу приходила девушка по имени Мира? — Диме так нравилось произносить вслух её редкое имя.

— Помню, конечно, — отозвался Всеволод, нажимая на педаль газа, — такую девицу при всём желании не забыть. Хочешь ты теперь честно?

— Хочу, — Дима внимательно посмотрел на брата.

— Хороша, чёрт возьми! — он цокнул языком. — Ерунда, что скромно одета, не гламурная, как сейчас выражаются, всё это абсолютно неважно. В ней всё настоящее, искреннее. Крепкий

стержень, правильная основа, она никогда не изменяет себе, я так думаю. К тому же твоя Мира красива, правда, красива. Смотришь и любишься.

— К сожалению, только, она не моя, — с печалью в голосе сказал Дима.

— Не твоя? — не понял Всеволод, бросил быстрый взгляд на брата.

— Понимаешь, она так и не позвонила. И не пришла, — Дима пожал плечами, — хотя обещала.

— Ну, на этот раз вы номерами телефонов обменялись, я так понял? Это уже хорошо, — резюмировал Сева, — а почему ты сам не позвонил? Хотя бы написал ей, мол, меня перевели в клинику туда-то, а теперь уже выписали.

— Я написал ей, — глухо ответил Дима, — она не ответила.

— Гм, — Всеволод обогнал сразу две машины, — а сообщение твоё прочла?

— Нет, не прочитала.

— А если ей просто позвонить? — предложил старший брат.

— Не хочу, — Дима опустил глаза, — не хочу ей навязываться. Она знает, что я был в больнице, обещала навестить — не приехала, сегодня меня выписали, что я должен делать? Бежать к ней со всех ног? Вот он я?

— Иногда надо бежать со всех ног, и такое бывает, — Всеволод выразительно приподнял брови, — счастье такая непредсказуемая вещь, за него приходится бороться, иногда бежать, даже драться.

— А если она просто не хочет меня видеть? — предположил Дима.

— Так резко? Она, между прочим, весьма горячо целовалась с тобой в больнице, — заметил Всеволод, — вы же после моего ухода не ссорились? Значит, у неё нет причин перестать хотеть тебя видеть.

— Сева, и всё же я не хочу навязываться ей, я и так достаточно долго бегал за ней, — Дима отвернулся, стал смотреть в окно.

— Ладно, я понял тебя, — закивал Всеволод, — что не сделаешь ради брата, называй адрес.

— Чей? — не понял Дима.

— Чей? Твоей, ой, пока ещё не твоей, но будет твоей — Миры. Поеду к ней домой и всё выясню, в конце концов. Тебе надо

выздоровливать после аварии, а не страдать.

— Но я не знаю номера её квартиры, — Дима помотал головой.

— Мелочи жизни, разберусь как-нибудь, у девушки редкое имя, это мне поможет, найду. А тебя сейчас довезу домой, в твоей квартире всё чисто, приготовлен обед, Алевтина по моей просьбе приходила внеурочно. Так что отдыхай, братик, я потом тебе сообщу итог моей поездки, отзвонюсь.

Всеволод без труда нашёл улицу и номер дома, которые ему сообщил брат. Въехал в маленький дворик, напоминающий, дворики из кинокартин, скорее, советского периода — старые витиеватые скамейки, между домами решётки, их соединяли облезлые кирпичные столбы. Всеволод с трудом припарковал свой большой автомобиль на обочине, вышел из него, подумал взять пальто с заднего сидения машины, но решил, что в пиджаке не замерзнет, ведь будет искать по квартирам. Но ему несказанно повезло, потому что буквально через несколько минут, как он припарковался, из подъезда вышла Мира. Точнее, первым из подъезда выскочил пуделёк, а за ним Мира. Она поёжилась, натянула на голову капюшон. Руки засунула в карманы. Неожиданно увидела Всеволода, узнала его и остановилась как вкопанная. Он тоже узнал её и направился широким шагом.

— Ну, здравствуйте, девушка по имени Мира, — в его голосе чувствовалась ирония.

— Здравствуйте, Всеволод, — еле слышно ответила она. Никак не ожидала его здесь увидеть. Бенья подбежал к нему и звонко твякнул — приветственно. Похоже, ему сходу нравились братья Данилевские.

— Поговорим? — Всеволод радушно улыбнулся и погладил пуделька.

Глава 49

Надя стояла у зеркала, расчёсывала волосы, Николай ещё лежал в кровати, сегодня у него был выходной, и он решил расслабиться. Сашу вчера на ночь к себе забрала бабушка — мама Нади. К вечеру Николай обещал заехать за дочерью.

— Ты куда-то собираешься, о, жена моя, отрада моих глаз? — спросил он, наблюдая за Надей. Она повернулась, смешно наморщила носик.

— О, муж мой, не знала, что ты столь любопытен, — ответила в тон, — могут быть у женщин свои секреты?

— Могут, безусловно, — согласился Николай, — женщина без секретов перестаёт быть женщиной.

— Вот именно, — она подошла к кровати, наклонилась над супругом, — я пойду, а ты не теряй время и отдыхай — без меня и Сашки.

— Я без вас не умею отдыхать, только скучать, — он притянул её к себе и поцеловал в губы.

— Знаю я такие поцелуи, — засмеялась Надя, — Николай Владимирович.

— Да-да, — он спрятал улыбку.

— Вы, вне сомнений, превосходный любовник, но мне пора идти.

— Ты сумеешь уйти?

— Постараюсь, хотя это не просто, — она сама поцеловала мужа в губы, затем в обе щеки и даже в шею, — это аванс, всё остальное будет вечером, — добавила уже у зеркала.

— Я буду ждать, — Николай послал жене воздушный поцелуй, удобно лёг и закрыл глаза.

Надя вышла из дома, машину брать не стала, поймала такси. Пока ехала до свёкра, вспомнила вчерашний разговор с Николенькой касательно отпуска, он очень сожалел, но ему не придётся в этом году поехать на Кипр, из-за Владимира Григорьевича, его болезни, но Надя с Сашей могут съездить, путёвки в силе. Надежда сразу отмела мысль о поездке без мужа, понимая, что они с дочерью нужны ему здесь, да и сами не смогут без него. Тем более что свёкру нужна их поддержка, он после прихода внучки так оживился.

Надежда позвонила в дверь Фертовских, открыл сам хозяин. Сегодня он выглядел явно бодрее, чем вчера. Одет был в тонкую водолазку и джинсы, никаких халатов, аристократ, одним словом.

— Доброе утро, Надюша, — улыбнулся одними губами, глаза серьёзные. — Проходи, снимай пальто, разувайся. Мы сегодня одни в доме и это как нельзя кстати. Степановна уехала на рынок, Машенька на работе, у неё отпуск кончается через пару дней, но вызвали раньше.

— Доброе утро, Владимир Григорьевич, — отозвалась Надя, — как ваше самочувствие?

— Нормально, моя девочка, у меня есть силы и желание для нашего разговора, а он будет долгим, приготовься. Прошу, пройдем сразу в библиотеку.

Надежда села в предложенное кресло, Владимир Григорьевич разлил по чашкам свежесваренный чай, сделал глоток, отставил чашку в сторону. Прежде чем начать, потёр подбородок, опустил глаза.

— Ещё раз прошу: разговор должен остаться между нами, по крайней мере, пока, — напомнил он, оторвавшись от раздумий, Надя кивнула, — тогда начнём издалека, — он откинулся на спинку кресла.

— Несколько лет назад ты пришла в мой дом со знаниями, которые явились для меня неожиданностью — в некоторой степени. Ты понимаешь, что я говорю о генеалогическом древе семьи Фертовских, точнее, тогда Астафьевых. Я поверил тебе и с интересом стал искать и другие подробности, — он сделал паузу, потёр ладони друг о друга, продолжил...

Начало XIX века. Мой предок Александр Астафьев служил в артиллерии под руководством генерала Алексея Петровича Ермолова. Участвовал во всех крупных сражениях, особо отличившись со своим командиром в битвах при Смоленске, Бородине, Малоярославце и Березине.

В критический решающий момент Бородинского сражения генерал Ермолов совершил выдающийся подвиг. Обнаружив, следуя с резервом во 2-ю армию, что французы взяли верх на Курганной высоте и захватили редут Раевского, генерал принял решение восстановить здесь порядок, выбить неприятеля из редута, господствующего над всем полем сражения и справедливо названного ключом Бородинской позиции. Он развернул отступавшие с высоты части и возглавил атаку. Особо отличившейся в этой атаке была рота капитана Астафьева. Батарею Раевского отбили. В те времена русские артиллеристы покрыли себя неувядаемой славой.

После Бородинского сражения Алексей Петрович Ермолов был награждён орденом Св. Анны 1-й степени, а командир роты Александр Астафьев, кроме серебряной медали «За любовь к Отечеству», получил наградную жалованную саблю. Специально для капитана на её рукояти были выгравирована монограмма — инициалы его имени в виде переплетающихся между собой двух букв «А».

Владимир Григорьевич сделал паузу, взял чашку в руку, сделал глоток. Надя не шевелилась, благодаря своему воображению, она представила себе всё, что он успел рассказать, всю картину. Но она не знала, сколько ещё открытий её ждёт.

Свёкр, молча, поднялся с места, подошёл к столу. На его боковой панели справа нажал кнопку какого-то механизма, отчего панель сдвинулась в сторону, под ней ещё одно крошечное мигающее устройство. Владимир Григорьевич нажал кнопку и на нём. В следующий момент одна из угловых полок книжной секции библиотеки стала бесшумно отъезжать в сторону. За ней оказалось крохотная комната, больше похожая на кладовую. Как только хозяин дома вошёл туда, в ней включился свет.

— Наденька, иди сюда, — пригласил он невестку, которая сгорала от любопытства, она и не подозревала, что такую комнату можно сделать внутри, пусть и большой, но всё же квартиры. — Не удивляйся, это тоже тайник, у меня же есть ещё один — где хранится коллекция зажигалок, ты, наверняка, в курсе, а вот об этом тайнике не знает никто, даже мои домочадцы. Ты позже поймёшь, зачем мне такая секретность, — с этими словами Фертовский-старший повернулся к длинной металлической коробке, которая была прибита к одной из стен комнаты. Надя заметила её только что. Присмотревшись внимательно, она поняла, что это прикрепленный к стене сейф. Был он чуть больше метра, по своему расположению не совсем обычный — не вертикальный, а горизонтальный. Поколдовав над сейфом, хозяин открыл его. Достал оттуда длинный плоский футляр.

— Это ларец, — сказал Владимир Григорьевич с некоторой торжественностью в голосе, — его содержимое — наследство семьи Астафьевых-Фертовских.

Николай завтракал на кухне, допивал кофе, когда Вилли вышел из своей комнаты — заспанный, явно не в настроении.

— Доброе утро, — сказал Николай.

— Кому как, — буркнул Вилли, налил себе стакан воды, выпил залпом.

— Ты плохо спал?

— Я? — он скосил глаза на отца, его довольный вид раздражал ещё больше. — Я плохо спал, ел, пил, вообще всё плохо.

— Что за хандра, Володя? Прими душ, выпей кофе, взбодрись. Кстати, когда ты собираешься навестить деда? А то придётся навещать его уже в клинике.

— Его кладут в клинику? — Вилли повернулся к отцу. — Зачем?

— Обследовать и подлатать. Давно надо было это сделать. Один инфаркт уже был. Теперь есть угроза второго.

— А когда кладут грандпа?

— Завтра, имей это в виду, — Николай ополоснул чашку и вышел из кухни.

Глава 50

Вадим вернулся с занятий поздно, открыл дверь своим ключом. Бросил в коридоре рюкзак, скинул ботинки, прямо в куртке прошёл в комнату. Тишина стояла такая, будто здесь давно никто не жил, даже кошка не вышла его встречать. Зорин заглянул в спальню.

— Вика, — тихо позвал он. Муся лежала под боком его жены, первой повернула голову к хозяину, муркнула. — Вика-а-а!

Вадим подошёл, наклонился и чмокнул жену в щёку.

— Как самочувствие, родная?

— Терпимо, — без эмоций отозвалась Виктория, — я приготовила тебе ужин, он на плите, — добавила она.

— А ты сама ела?

— Ела, немного, — к неудовольствию кошки Виктория повернулась, легла на спину, посмотрела на мужа, не представляла себе, что будет дальше.

— Понятно, — он взял её руку в свои, стал гладить, — в таком случае, хотя бы чай со мной попьёшь? Мне так не хочется его пить в одиночестве.

— Я с тобой просто посижу, — пообещала Вика. Как только Вадим ушёл на кухню, она села в кровати, закрыла лицо руками, плакать не хотелось, внутри будто камень. Кошка села рядом, стала тереться о её руку, тихо урчать. Затем посмотрела ей в глаза. Кошки чувствуют, когда хозяевам плохо.

Виктория вышла на кухню как раз, когда Вадим наливал себе чай, придвинул к себе мармелад и зефир. Вика обычно шутила по поводу его пристрастий к сладкому, особенно к мармеладу, и подчёркивала, что эту любовь от него унаследовала Сашулька.

— Точно не будешь чай? — спросил Вадим, запихивая в рот сразу два куска мармелада.

— Точно, — Вика села напротив него.

— Ты пила лекарство, прописанное врачом? Не забыла? — он по-прежнему активно жевал.

— Пила, Вадик, не забыла, — отозвалась Виктория.

— Он же сказал, что это не вирус? И ты скоро поправишься, верно? — Вадим говорил нарочито бодро, он утешал, скорее, себя, потому что видел, что жена стала чахнуть. Температуру они давно сбили, больше не поднималась, Вика не кашляла, лёгкие чистые, простуды тоже не было, голова не болела, но за эти несколько дней она резко подурнела, почти ничего не ела, жаловалась лишь на слабость и упадок сил. По-хорошему надо бы лечь в больницу на обследование, но Вика категорически отказывалась. — Вика, а тебя не подташнивает? — Зорин вдруг подумал об этом симптоме.

— Нет, успокойся, я не беременная, — вздохнула Виктория. Он притронулся к её руке — прохладная. — Давай я сегодня ночью приду к тебе и согрею? — он уже несколько ночей спал на диване в гостиной.

— Не надо, — Вика слишком поспешно выдернула свою руку из его руки. — То есть, мне не хочется, не здоровится.

— Не хочется или не здоровится? — Вадим прищурился. Жена никогда не отказывала ему в близости.

— Вадим, мне, правда, не по себе. Можно я лягу? — она поднялась с места.

— Вика, ты меня любишь? — вдруг он задал ей этот вопрос, когда она уже была у двери.

— Да, — ответила она негромко и покинула кухню.

Зорин почесал в затылке, убрал всё со стола, насыпал кошке корму, бегло просмотрел новости в телефоне, затем погоду. Вспомнил про тёплый в клетку свитер, который хотел найти в шкафу. Виктория, конечно же, нашла бы быстрее, но сейчас её дёргать не стоит, сам отыщет.

Вадим открыл шкаф, просмотрел полки, свитера в клетку нигде не видно. Затем стал внимательно осматривать содержимое плечиков. У жены свой платяной шкаф, её одежды здесь почти не было. В самом углу шкафа внизу за его зимним пальто был небрежно запихан большой пакет. Вадим протянул руку и вытащил этот пакет наружу.

Заглянул туда и присвистнул от удивления: в пакете находилось осеннее пальто Виктории и пара сапог, причем пальто было скомкано, испачкано и без пуговиц, а у одного сапога оторван каблук.

— Это ещё что такое? — спросил он вслух сам у себя. Виктория носила это пальто совсем недавно, да и сапоги покупали в этом году, Вадим всё удивлялся, как можно ходить на таком тонком каблуке. Но почему всё в таком ужасном состоянии? И почему Вика это спрятала, вместо того, чтобы отдать в химчистку, а сапоги на худой конец выбросить, если ремонту не подлежат?

— Виктория, что случилось? — Вадим вошёл в спальню с вещами в руках. Она глянула и в ужасе расширила глаза.

— Где ты их нашёл? — пролепетала.

— В своём шкафу, — он всё ещё держал вещи в руках. — Скажи, почему пальто грязное, грязь уже засохшая, а у сапога оторван каблук?

— Я упала, — буквально выдавила из себя.

— Когда? И почему ты мне ничего не сказала? А почему ты не отдала пальто чистить, а сапоги в ремонт?

— Потому что я забыла об этом, — она прятала глаза.

— Да? — недоверчиво покосился Вадим. — Это на тебя не похоже.

— Ну, могу я просто забыть, Зорин? Заболела и забыла, — она повысила голос и раздражённо отвернулась. Укрылась одеялом до самой макушки.

— Ладно, не шуми, — пожал плечами Вадим, — забыла так забыла. Шуметь-то зачем? Я сам всё сделаю.

— Не надо ничего делать, — буркнула из-под одеяла, — выброси пальто и сапоги, я их всё равно не буду носить.

Вадим вышел в коридор, ещё раз осмотрел сначала сапоги — вполне добротная обувь, хорошая кожа, только один сапог без каблука, может всё-таки есть смысл починить? А пальто тоже можно привести в порядок. Надо узнать, что скажут в химчистке. Он стал осматривать содержимое карманов, в одном из них обнаружил вчетверо сложенный листок. Это была справка об освобождении на имя некоего Бика Игоря Петровича.

— Мира, может, сядем в мою машину? Всё-таки холодно, — предложил Всеволод.

— Хорошо, я только собаку домой отведу, — она понимала, что он приехал не просто так. И разговор должен состояться, по крайней мере, надо всё выяснить.

Вернулась быстро, Всеволод ждал, в машину без Миры не сел. Автомобиль брата Димы оказался ещё круче — и снаружи, и изнутри. Мира мельком осмотрелась, красиво, современно, почти киношно. И тепло. Она даже куртку расстегнула.

— Итак, красавица, я думаю, ты, наверное, представляешь, зачем я приехал, — Всеволод неожиданно перешёл на «ты» и взял несколько покровительственный тон. Мира кивнула. — Сразу оговорюсь, что никто никому не обязан, что чувства — вещь переменчивая, и мы это понимаем. Мы — мужчины рода Данилевских.

— Всеволод, простите, но...

— Подожди, Мира, я договорю, — он не дал ей закончить фразу, — можно с иронией и недоверием относиться к тому, что случилось между вами — моим братом и тобой. Да по сути дела ничего и не случилось, как я понял, вы толком не встречались. Поцелуй я видел один раз и, видимо, это было спонтанно. Вы вместе попали в аварию, то есть прошли некое испытание, которое на короткий период вас объединило. Димка пострадал больше, к тому же он чувственный товарищ, поэтому воспринял всё исключительно в романтическом ключе. Ну а ты — ты оценила сложившуюся ситуацию сдержанно, как некий эпизод в своей жизни, не более. Я понимаю, такое бывает, как и то, что разные люди могут чувствовать по-разному. Кто-то влюбляется с первого взгляда, кому-то нужно много времени, чтобы понять себя и свои чувства. И, как говорится, насильно мил не будешь. Именно поэтому ты не ответила Димке? Не ответила, не позвонила и больше не приехала?

— Послушайте, Всеволод, всё не так просто, как вам кажется, — Мира сложила ладони лодочкой вертикально и прижала их к губам. Задумалась.

— А ты попытайся объяснить, хотя бы на пальцах, просто и без затей. Я же ничего не требую, я просто хочу понять — есть у тебя хоть какие-то чувства к моему брату или нет. Знаешь, я никогда не видел Димку таким влюблённым, правда, — улыбнулся, — он всегда очень

серьёзно относился к девушкам, основательно, что ли. Флирт не для него. Поэтому и романов было немного. Он всегда говорил, что если любовь, то на всю жизнь. Любовь настоящая. Наивно в наши дни, да? Старомодно и наивно, но так светло, так прекрасно. И когда я увидел тебя там, в больнице, а потом и Димкины глаза, то я понял — он встретил ту, которую искал. Настоящую, прекрасную. Он ведь просил меня помочь ему остаться ещё на день в больнице, чтобы не потерять тебя, Мира. Вы не обменялись ни телефонами, ни адресами. И поэтому он ждал тебя именно там. Он боялся потерять связь с тобой, потерять тебя.

— Это правда? — спросила Мира, у нее защемило в груди.

— Конечно, правда. Димка порядочный. И искренний. Но всё это мало значит, я так понимаю, когда в сердце нет чувств? А у тебя их нет, Мира.

— Я не знаю, Всеволод, я сама запуталась, — она отвернулась. Последняя встреча с Вадимом Георгиевичем и его слова дали ей надежду на то, что чувства могут быть взаимными, показалось, что он равнодушен к ней. А может, ей просто хотелось так думать? Он несвободный мужчина, этот факт важнее всего.

— Есть человек, к которому ты питаешь чувства? — догадался Всеволод.

— Да, есть, но... там далеко всё не так просто, — призналась девушка.

— Давай поступим вот как: дай себе время во всём разобраться и понять, что с тобой происходит. Если ты решишь остаться с ним — тем мужчиной, это твой выбор, если придёшь к Димке — добро пожаловать в нашу семью.

— Спасибо вам, Всеволод, — Мира тепло посмотрела на него.

— За что?

— За то, что не стали давить, упрекать меня, выяснять.

— У меня нет такого права, да и, если откровенно, желания тоже, — он пожал плечами.

— И всё-таки спасибо, — Мира легонько коснулась его руки, — я пойду? До свидания.

— До свидания, Мира. Надеюсь, ты примешь правильное решение.

Девушка выпорхнула из машины, Всеволод проехал мимо и посигналил. Мира помахала рукой. Она боялась подобного разговора, а всё прошло как нельзя лучше. Это благодаря мудрости старшего брата Димы.

Всеволод заехал к брату ближе к вечеру. Дима лежал на диване и смотрел в потолок. На столе недоеденный обед, остывший чай.

— Привет, — Всеволод посмотрел на стол, хмыкнул, — как дела?

— Лучше всех, — не поднимая головы, ответил Дима.

— Хандришь, — заключил старший брат, — ну, это нормальное состояние после больницы, тем более, после аварии.

— Угу, — Дима отвернулся к стене.

— Слушай, я за весь день намотался, к тому же голодный. Ты хотя бы чаю предложил брату, — нарочито бодро сказал Всеволод.

— Ты был у неё? — спросил Дима, не поворачиваясь и не обращая внимания на слова брата.

— Был, — Всеволод стал убирать со стола, включил чайник.

— Всё плохо?

— Брат, тебе не говорили, что ты пессимист и зануда?

— Говорили, — буркнул он.

— Ага, значит, это для тебя не новости, — Всеволод подошёл к брату, — Дим, успокойся, не всё плохо.

— То есть? — он повернулся.

— Надо набраться терпения и подождать. Я почему-то уверен, что эта прекрасная девочка примет правильное решение. У неё крепкий внутренний стержень. Она умна и рассудительна, даже слишком.

— То есть у меня есть шанс? — глаза его загорелись.

— Кто сказал, что его нет? В конце концов, напоят меня чаем в этом доме или нет?

Глава 52

— Пройдём в зал, — предложил Владимир Григорьевич, — там будет удобнее рассмотреть содержимое ларца, и заодно я продолжу рассказ, — с этими словами он вытащил ларец из сейфа, пронёс в библиотеку и особо бережно положил на стол.

Когда Фертовский-старший открыл ларец, Надя не удержалась от возгласа восхищения. Изнутри ларец был обит тёмно-синим бархатом, подбой крышки выполнен из розового атласа. Но особый восторг

вызывало содержимое ларца. В гнёздах основания находился комплект украшений: длинный пояс из восьми серебряных звеньев, короткий пояс — пектораль из четырёх звеньев, тридцать три полусферические пуговицы-бляшки, украшение на головной убор в виде аграфа и парашпор. Эти драгоценности были изготовлены из серебра и украшены в технике чеканки, гравировки, зерни, скани и инкрустированы.

— Смотри, Надежда, — Владимир Григорьевич надел очки, первым в руки взял пектораль, — пояс состоит из прямоугольных звеньев, инкрустированных перламутром и цветными стразами в высоких кастах. Звенья соединены короткими цепочками с полусферическими бляхами, инкрустированными бирюзой, перламутром, альмандинами и стразами. — Обрати внимание, что боковые поверхности блях украшены миниатюрными литыми и чеканными фигурками воинов. Видишь?

— Да, — Надя вгляделась, — потрясающе! Его не то, что в руках держать, на него дышать боязно — такой раритет.

— Дальше будет ещё интереснее, поверь, — пообещал Владимир Григорьевич. Он, рассказывая и показывая всё невестке, вдруг почувствовал особое оживление, даже азарт. Надо было сделать это раньше, ведь знал, что Надя правильно отреагирует и оценит семейную реликвию. — Аналогично украшены нашивные пуговицы-бляхи для груди на кафтане. А вот это, — он взял из ларца более крупную, чем другие, полусферическую бляшку с тремя ветвями, — положил её на ладонь Нади, — украшение на шапку — падающая звезда, комета, на ней перламутр, альмандины и зелёные стразы.

— Оно великолепно, не вычурно, нет лишнего блеска, я бы сказала — по-княжески сдержанно, — сделала она вывод.

— Насчёт князя, — улыбнулся Владимир Григорьевич, сдвинул очки на кончик носа и посмотрел на невестку, — это ты в точку, дорогая. Поясню чуть позже, — дальше рассматриваем гарнитур?

— Да-да, конечно, — закивала Надежда.

— Дуги с остриями — это шпоры, на них и золото, и серебро, они покрыты чеканным орнаментальным узором, — указал Владимир Григорьевич, коснувшись указательным пальцем шпор, они находились по краям ларца. — Ну и самое главное, что здесь может быть и ради чего я, собственно говоря, тебя пригласил. Ты уже успела заметить, что в гарнитуре есть ещё одна вещь — клинок.

— Да, я сразу обратила на него внимание, — сказала Надя.

— Это клинок дамасской стали, помнишь, историю награждения Александра Астафьева, которую я тебе рассказал в самом начале нашего разговора?

— Конечно, помню, — живо отозвалась Надежда, — то есть вы хотите сказать, что это и есть тот самый клинок? — глаза её расширились. — Не может быть...

— Почему же не может? — опять улыбнулся Фертовский-старший, — вполне может быть. Это, действительно, тот самый клинок, который получил мой предок за храбрость, проявленную в войне 1812 года, — с этими словами Владимир Григорьевич вынул ножны с саблей из бархатного углубления ларца, — в то время изготовленный прославившимися тульскими мастерами.

— Ах, какое чудо, — Надя не могла отвести глаз, — Владимир Григорьевич, этот же клинок держал в руках ваш далёкий предок. А теперь спустя века и мы можем прикоснуться к нему. И дело не в том, что клинку двести лет, исходя из мощи общей истории, это не так уж много, а суть — что именно эта вещь была в вашем роду в личном пользовании. Ну, это словно весточка от предка, завещание что ли.

— Касательно завещания — мы ещё вернёмся к этому вопросу, — сказал Фертовский-старший, — ты посмотри на клинок, — он наполовину вынул саблю из ножен, — хотя женщинам в основном не очень интересно оружие, но полагаю, что ты правильно оценишь эту вещь.

— Она, воистину, великолепна, — Надя закивала головой.

— Клинок со средним изгибом, — продолжил рассказывать хозяин дома, — однолезвийный с обухом и широким долом, боевой конец двулезвийный. До половины длины обе голомении² клинка украшены на синем вороненом поле в технике травления, золочения и гравировки — здесь изображены арматуры, виньетки, лавровые ветви. Пята³ клинка вызолочена. Эфес целиком покрыт серебряным орнаментированным листом со следами золочения. Цилиндрическая рукоять сужается сверху и переходит в округлую головку. Гарда⁴ образована крестовиной с длинными прямыми гранеными ветвями. Перекрестие в виде ромбического щитка, заходящего на рукоять и устье ножен. Центр перекрестия украшен накладной выпуклой

восьмиконечной серебряной звездой, лучи и центр которой крестообразно инкрустированы цветными камнями в высоких кастах.

Ножны покрыты тёмно-синим бархатом с прибором из серебра с остатками золочения, с лицевой и тыльной сторон гравированным растительным орнаментом и накладной звездой, аналогичной звезде на перекрестье.

— Получается, что на наружной стороне сабли смонтированы четыре накладные инкрустированные звезды? — спросила Надежда, посчитав их.

— Да, именно так — четыре, — подтвердил Владимир Григорьевич.

— А какие же это камни?

— Экспертиза показала, что это хризолиты, изумруды и шпинели. Была проведена геммологическая экспертиза. Ну и пробирная тоже. Кстати, запомни название камня — «шпинель», позже мы о нём поговорим подробнее. Вот эти алые камни по центру звезды.

— Хорошо, запомню. Они так много значат?

— Много, даже слишком. Но о них после.

— Так, а где же инициалы Александра Астафьева? Две буквы «А», о которых шла речь? — вспомнила Надя. — Монограмма сохранилась?

— Сохранилась, — кивнул Фертовский-старший, повернул клинок, — вот она, на рукояти.

Надежда увидела весьма изящной формы буквы, которые сплетались между собой витками.

— Само совершенство, — она позволила себе прикоснуться к монограмме.

— Но есть еще одно клеймо, — добавил Владимир Григорьевич, — и оно тоже сохранилось, смотри, на защитном ответвлении эфеса с внешней стороны просматривается двуглавый орёл, увенчанный короной — государственный герб Российской Империи. Видишь?

— Вот он, — Надя увидела едва заметное, но всё же сохранившееся клеймо, — удивительно, как всё это удивительно и потрясающе, Владимир Григорьевич!

— Да, ты права, Надюша, и мне приятно, что ты разделяешь мою радость, — он легонько прикоснулся к её локтю, — хотя не всё так

просто, — он помрачнел.

— Владимир Григорьевич, у меня возник вопрос, — сразу попыталась его отвлечь Надя.

— Спрашивай, — кивнул хозяин дома.

— По вашим рассказам Александру Астафьеву была подарена только сабля, откуда же в таком случае взялся целый гарнитур? И почему о нём никто не знает из семьи?

— А вот об этом мы с тобой ещё поговорим, — он вернул клинок в ножны, положил в ларец. — И разговор будет непростым.

Глава 53

Трубку долго не брали, но Зорин упорно решил дозвониться. Наконец услышал в телефоне хриловатый голос бывшего одноклассника. С Женькой они не виделись давно, однако время от времени перезванивались, оба были из Питера и любили вспоминать школьные годы.

— Зоря, ты на часы смотрел? — вместо приветствия спросил Женька.

— Разве уже так поздно? — Вадим бросил взгляд на часы, висящие на кухонной стене. Уселся у форточки, решил покурить — побыстрому. — Почти двенадцать, — констатировал, — ну ты же следовательно, тебе положено бодрствовать часов двадцать, не меньше.

— Кто тебе такое сказал? — ухмыльнулся Женья, — сериалов посмотрелся?

— Не, я их не смотрю, не практикую, — засмеялся Вадим, — привет, Турча, — фамилию Турчанинов ещё в школе сократили до Турчи, так и осталось.

— Привет, Зоря. Раз звонишь в такое время, значит, что-то случилось, — резюмировал он.

— Шерлок Холмс у тебя не в родне?

— Скажешь тоже, вымышленный персонаж и моя родня? — Женья вышел на лестничную клетку, закурил. — Так что там у тебя?

— Жень, — Вадим прикрыл форточку, — я тут обнаружил справку об освобождении.

— Справку об освобождении? — переспросил следователь.

— Да, но не мою, конечно, — Вадим оглянулся на дверной проём, главное, чтобы Вика не услышала их разговор.

— Надеюсь, что не твою.

— Не, я её нашёл, справка на имя некоего Бика Игоря Петровича — ну и рожа, я тебе скажу — прямо киношный уголовник.

— Гм, — Женя выпустил струйку дыма через ноздри, — нашёл справку? А где?

— М-м-м, на улице возле дома, случайно, — тут же придумал Вадим.

— А почему не отнёс в полицию? — спросил Турчанинов.

— Да вот сначала хотел посоветоваться с тобой. А ты не мог бы узнать, кто этот Бик?

— Зачем тебе?

— Ну, так, любопытно.

— Зоря, не темни, в таких делах любопытство не бывает случайным.

— Не-е-е, просто стало интересно, правда. Нет никакой причины, — постарался уверить его Вадим.

— Ладно, сделаю вид, что тебе поверил, — следовательно докурил, вошёл в квартиру, — давай вот что сделаем: через два дня ты подъедешь ко мне в отделение и привезёшь свою находку? Раньше я не смогу. Подъезжай, заодно повидаемся, договорились?

Вадим заглянул в спальню, жена крепко спала, кошка под боком. Он прикрыл за собой дверь, включил телевизор, пощёлкал пультом, переключая каналы — один за другим. Затем лёг на диван, удобно положил под голову подушку. Да так и уснул с пультом в руках под тихий звук телевизора.

Утром едва не проспал, засуетился, опрокинул стул, напугал кошку, разбудил жену. Вика вышла из спальни.

— Зорин, ты решил, что создать дома торнадо — это весело? — она в ознобе обняла себя за плечи.

— Нет, родная, всё куда прозаичнее — я проспал, — он на ходу чмокнул жену в щёку, отхлебнул кофе из чашки, которая стояла тут же на столике, обжёгся, выругался, стал одеваться.

Виктория прошла через гостиную, открыла дверь в ванную комнату, вдруг увидела в коридоре пакет со своим пальто и сапогами.

— Зорин, я же просила тебя выбросить это! — повысила голос.

— Выброшу, чего ты кричишь, — он высунулся из-за двери, — а ты карманы проверила? Вдруг там что-то осталось? Потом на помойке

уже не найдёшь.

— У меня нет привычки держать что-то в карманах, — проворчала Вика. — Почему тебя надо о чём-то просить по несколько раз, Зорин? Ты будто меня вообще не слышишь.

— Виктория, я тебя прекрасно слышу, не шуми, — попытался оправдаться Вадим, — просто вчера было уже поздно. Я выброшу пакет сегодня, не переживай, — с этими словами он подошёл к супруге и хотел поцеловать её, но Виктория отстранилась. — Ты не хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

— Я болею, — она высвободилась из его объятий. Посмотрела равнодушно.

— Но я не боюсь заразиться, — возразил Вадим, снова притянул её к себе.

— Я же сказала, что я болею, оставь меня в покое, Зорин, — он увидел, что она начала злиться.

— Хорошо, как скажешь, — Вадим обиженно пожал плечами, накинул куртку, дёрнул молнию — чуть не порвал, надел ботинки, громко хлопнул дверью. Через минуту Виктория вышла в коридор — пакет с вещами стоял в углу.

Зорин шёл по коридору университета, перед этим полдня на работе был хмурым, ни с кем не разговаривал, потом на лекции смог отвлечься и успокоиться, выставив за дверь пару студентов, которые мешали. Выдохнул и продолжил. Семинар будет лишь через час, придётся ждать. Неожиданно он увидел Миру, она сидела на одном из стульев в закутке перед переходом между корпусами.

— Мира, здравствуйте, — подошёл к ней. Девушка подняла голову, тепло улыбнулась.

— Здравствуй, Вадим Георгиевич, рада вас видеть.

— У вас есть время пообщаться? — спросил он.

— Есть, я рано приехала.

— В таком случае, пойдёмте в местный буфет? Попьём чай и поговорим, — Мире показалось, что он грустный.

Прошли в буфет, где толпились и шумели студенты, покупали себе соки, кофе, чай, булочки, бутерброды, шоколадки. Помещение было небольшим, столики плотно друг к другу, Мира и Зорин едва нашли свободный столик в углу, там и устроились. Пока Мира ждала,

когда Вадим Георгиевич купит ей и себе чай, с ним за всё это время поздоровалась добрая половина студентов, они радостно выкрикивали его имя и махали руками. Зорин отвечал учтиво, улыбался сдержанно. Наконец, вернулся за столик к Мире с чашками некрепкого чая, где плавали кусочки лимона. После общих фраз об учёбе и делах вообще, Зорин, сделав глоток никак не остывающего чая, вдруг сказал:

— Мира, если у вас когда-нибудь будет ситуация, в которой человек признался вам в любви, не торопитесь его отталкивать, даже если сначала к нему ничего не чувствуете. Дайте шанс этому человеку. А вдруг это ваша судьба? А вдруг именно с ним вы будете счастливы как никогда. Я в своей жизни сделал похожий выбор и со временем понял, что люблю свою жену всё сильнее и сильнее. Даже когда мы в разладе, когда с трудом понимаем друг друга, мы всё равно прощаем, находим компромисс, потому что любим и любимы.

Мира подняла на него глаза.

Глава 54

— Владимир Григорьевич, вы не устали? — спросила Надежда, она всё ещё рассматривала содержимое ларца, свет от большой люстры библиотеки падал на грани камней в звеньях поясов, клинка и аграфа, играл ими.

— Нет, Надюша, не устал. Мне ещё многое надо тебе рассказать, это важно. Теперь можем присесть.

— Тогда я внимательно слушаю, — Надя удобно расположилась в кресле.

— ...Если проследить все вехи пути передачи клинка по наследству, то стоит обратить особое внимание на тот период, когда в семье появилась Беата Блажевич. Именно с её появлением я связываю возникновение гарнитура украшений. Как ты помнишь, предприимчивая полька крутилась в высоких кругах, имела связи, ну и доходы от своих предприятий. Правда, по большей степени, за границей. Насколько я смог выяснить, Беата была представлена обеим Черногорским принцессам, живущим в Российской Империи — Милице и Стане. По некоторым предположениям именно это знакомство привело к появлению гарнитура в нашем роду. Потому как характер орнаментики каждой его единицы указывает на связь с

Двором. Сами украшения похожи на те, что носили князья. Ни больше ни меньше.

В итоге всё это было помещено в специально заказанный для гарнитура ларец, который ты имеешь честь видеть. Если начать изыскания в недрах конкретно моей памяти, то припоминаю — в своё время мой отец что-то рассказывал о некоем старинном фамильном раритете, который имел большую ценность и передавался по наследству. Но опять же по его словам был утерян ещё моим дедом. При этом отец лукаво улыбался. А я деда помнил — он никогда ничего не терял, был невероятно аккуратен, педантичен, скрупулёзен. Правда, сам дед мне рассказать уже ничего не мог, когда я узнал семейную легенду о сокровище, к тому времени дед перенёс инсульт и речь его отнялась. А если я и попытался что-то выведать у него, то он начинал махать руками и делал круглыми глаза. Одним словом, я забыл об этой истории.

Ровно до того момента, как дед отправился в мир иной. Оставленный нам с сестрой старый особняк в Подмоскovie, заставил меня снова вспомнить о легенде. Виолетта только посмеялась, она не верила в эти семейные сказки. Более того, охотно отказалась от своей части дома в мою пользу. Она с самого детства не любила этот дом, говорила, что он мрачный, да и бабушка как-то раз собственноручно высекла её там. За шалости. А ещё Виолетту поставили в угол в одной из дальних комнат, где всегда были завешены окна и царил полумрак. Дверь заперли. Сестра ревела белугой, пока не упала в обморок. Её обнаружил сам дед — Андрей Вениаминович. Крепко поругался с женой. Потом долго жалел внуку.

И вот дом достался мне. Однако дед потерять точно ничего не мог. Я попытался хорошенько обыскать дом, но ничего интересного не нашёл. Нет, там было много интересного, но всё это я видел при жизни деда, а вот семейная реликвия исчезла, если она была на самом деле. Вскоре я с молодой женой уехал за границу и пробыл там достаточно долго. Мой отец до самой своей смерти поддерживал дом, как говорится, на плаву. Но он тоже почему-то не любил его. После возвращения в Россию мы с Николя поехали в дом, осмотрели его. Мой отец был ещё жив, но он категорически отказался там доживать свои последние годы, объясняя это тем, что в доме ему снятся кошмары, что к нему приходит призрак женщины, которая всё время

шепчет о какой-то беде, — после этой фразы Владимир Григорьевич остановил рассказ, перевёл дух. — Надюша, если ты не против, может, перекусим? Степановна там что-то оставила в духовке.

— Да, я сейчас посмотрю, — закивала Надя, — если надо разогрею.

В духовке была ещё тёплой прекрасная овощная запеканка с ветчиной, Надежда разложила её по тарелкам, поставила на стол плетёную корзиночку с бездрожжевым хлебом.

— Владимир Григорьевич, — позвала она свёкра, — извольте к столу.

— Благодарю, мадам, — в таком же тоне отозвался он, и оба засмеялись. — Я знаю, что тебе не терпится услышать продолжение рассказа, и я не стану тебя утомлять долгим ожиданием. Сразу после трапезы продолжим.

— Итак, на чём мы закончили? — Владимир Григорьевич откинулся в кресле, взял в руки очки, но надевать их не стал.

— Мы говорили о вашем доме, — напомнила Надя.

— Да, дом. Кстати, он не всегда принадлежал нашему семейству. После революции у деда особняк был отнят, но, насколько мне известно, дед успел вывезти и спрятать самое ценное, каким образом и куда — для меня осталось загадкой. Он об этом тоже не любил говорить. Однако спустя некоторое время советская власть поверила в преданность бывшего дворянина Андрея Фертовского. Кроме того, его экономические и сельскохозяйственные познания были бесценны. Страну надо было поднимать, как экономически, так и технически. Дед мало говорил и много делал. Теперь я думаю, что деду из высшего эшелона власти всё же кто-то покровительствовал, хотя он и был разорён, лишён дворянства и всего, что имел.

Дом достался какому-то партийному работнику и его семье. Он затеял там капитальный ремонт, хотя дом не был старым. Прожив в доме несколько лет после окончания ремонта, партиец со своей женой погибли в нём же при пожаре. Говорят, что его даже подожгли, времена те беспокойные. Воздух был долго пропитан гарью. Пепелище, казалось, поглотило всю историю особняка.

Спустя время мой дед всеми правдами-неправдами сумел вернуть себе тот участок и отстроить дом заново. Когда я искал реликвию, то

думал, что если она и правда, существует, то дед её прячет именно здесь — в доме. Он привёз её из своего тайника и теперь хранит. Но не тут-то было, — он замолчал. Воспользовавшись паузой, Надя задала вопрос:

— Владимир Григорьевич, вы точно хорошо себя чувствуете?

— Да-да, Наденька, не беспокойся, продолжим. Я должен успеть рассказать всё. Мало ли что со мной может случиться, хоть кто-то должен знать эту историю до конца. Да, в доме я не нашёл ничего, что могло бы навести на след реликвии. Самое смешное — я не знал толком, что ищу. Ведь речи о сабле и уж тем более, о гарнитуре не было. В общем, я решил поставить точку во всём этом деле. Но твоё триумфальное появление в моём доме, рассказ об Астафьеве и награде, которую он получил за свои подвиги, всколыхнуло мою память, заставило задуматься и предположить, что такой реликвией вполне могла бы стать сабля. Я хлопнул себя по лбу в досаде, что раньше не сообразил прочесть дневники деда, которые нашёл в доме после того, как мы с Виолеттой оформили наследство. Тогда в суете и переезде за границу я эти дневники оставил у неё, а потом про них напрочь забыл. Виолетта, конечно же, дневники читать не стала, но, слава Богу, сохранила.

Я стал читать, из них я узнал то, что сейчас рассказываю тебе. На самом деле там огромное количество подробностей, которые к нашей истории не относятся, я их просто отмечаю. Однако ни на одной из страниц ничего не было сказано о гарнитуре или о клинке. То ли дед нарочно умалчивал об этом, то ли были ещё где-то записи. Я тщательно проштудировал дневники, в очередной раз меня ждало разочарование.

Как вдруг сестра прямо на свадьбе Вадима и Виктории заговорила о том, что нашла ещё один дневник нашего деда, даже не дневник, а несколько листков, сшитых почему-то красной нитью. Они были вложены в последний дневник деда, а когда лежали у Виолетты на антресолях, то выпали из него и забились в угол. Потом очень долго были завалены коробкой, которую туда задвинул муж Виолетты — Георгий. Там хранились какие-то его инженерные разработки. Одним словом, листки эти всё-таки попались на глаза Георгию, и он отдал их жене, потому что увидел красивый витиеватый почерк её деда, к тому же листки были подписаны — Андрей Фертовский.

Я стал читать последние записи своего деда, которые могли бы пролить свет на историю с семейной реликвией.

Глава 55

Мира ничего не сказала Таисье, ни того, что встретила Зорина и сидела с ним в буфете, ни того, о чём они проговорили почти час. На занятиях она постаралась скрыть своё подавленное состояние, но подруга заметила её настроение, хотя выяснять не стала. Лишь в метро задала вопрос:

— Мира, ничего не случилось?

— Нет, а что? — Мира будто очнулась.

— Ты сегодня какая-то странная. Не знай я тебя, сказала бы, что ты влюбилась, — заулыбалась Таисья. Она сама находилась в состоянии, близком к влюблённости, всё-таки друг брата сумел тронуть сердце недоступной Таи. И даже оказывал особые знаки внимания. Мама Таисьи это замечала и была только рада — парёнок ей приглянулся. Пора девице начать серьёзно встречаться, а там и о замужестве думать.

— Скорее, наоборот, — серьёзно ответила Мира, — «разлюбилась».

— Да ладно?! — удивилась Таисья, даже подпрыгнула на месте. — Кто он? Я его знаю?

— Даже я его не знаю, как, оказалось, — загадочно произнесла Мира.

— Ничего не поняла, — призналась Таисья, посмотрела на остановку, к которой подъехал поезд, за разговором не проехать бы свою. Так уже было.

— Ну, видимо, ещё не родился тот, в кого я влюблюсь, — ответила Мира.

— Как это? — Таисья вытаращила на подругу глаза. — Ты хочешь сказать, что твой муж будет намного тебя моложе?

— Тайка, не выдумывай, я говорила образно.

— Вечно ты со своими образами, поди разберись, что ты имела в виду, — заворчала Таисья. — Вот со мной всё куда понятнее и проще. Я не творческий человек.

— Зато у тебя прекрасный математический ум и совершенная память, — отметила Мира.

— Ну, есть маленько, — зарделась девушка.

— И вообще, я горжусь дружбой с тобой, моя маленькая Таисья-Тайка, — Мира обняла её за плечо.

— И я горжусь, что дружу с тобой, Мира — романтическая, яркая талантливая.

— Ёлки-моталки, да мы вообще почти идеальны, — засмеялась Мира впервые за весь вечер.

— А знаешь, чьё это выражение? Ёлки-моталки?

— Чьё?

— Зорина! Он в письме к заметкам моего реферата употреблял это выражение. И иронично только по отношению к себе. У меня сохранилось это письмо, как образец правильной критики и похвалы. Вадим Георгиевич всё-таки прекрасный преподаватель, особенный, верно?

— Верно, — вздохнула Мира. Сколько теперь ей понадобится времени, чтобы навсегда забыть о Зорине? Похоронить мечты о нём как можно скорее. Перестать чувствовать то, что было в сердце. А ведь было... При расставании она намеренно сказала ему «прощайте», понимая, что действительно прощается. Навсегда. Вот только сердце. Как этому глупому сердцу приказать перестать любить? Как быстрее стереть из памяти этот тёплый взгляд зелёных глаз с густыми ресницами? Эту мягкую улыбку, с которой он неизменно встречал их с Таисьей. Забыть обо всём, что он говорил им, рассказывал, шутил, иронизировал. Но зачем же забывать хорошее? Он многое им дал, особенно Мире. За всё время их общения он привил ей хороший вкус в литературе, открыл плеяду по-настоящему интересных писателей, объясняя тонкости многих понятий, явлений, да и каких-то жизненных ситуаций. С ним всегда было интересно. А ещё — он сделал, наверное, самое главное для Миры, как для человека, который находится в самом начале своего творческого пути, — он поддержал её, вдохновил, помог поверить в себя. Так что не стоит обижаться на Вадима Георгиевича, нет, быть только благодарной.

На следующий день какой-то ненормальный позвонил в здание, где работала Мира, сказав, что здание заминировано, и всех, кто был на работе в этот день, вынуждены были эвакуировать, а затем и отправить домой пораньше. Все обрадовались, кроме Миры, ей на

учёбу. Она села в вагон метро, посмотрела на часы, проехала несколько остановок, ничего лучше не придумала, как выйти на Таганке. Погода стояла хорошая, хоть и прохладно, зато с самого утра светило солнце. Мира перешла улицу на зеленый свет, затем ещё раз и ещё, здесь были странные переходы — один за другим. Наконец, она вышла на прямую длинную улицу, застегнула пуговицу пальто под горло, поправила шапку, затянула ту же шарф и пошла, куда глаза глядят.

Шла она долго, не спеша и наслаждаясь прогулкой, не замёрзла. Прошла небольшой храм, возле которого в киоске продавали вкусно пахнущую выпечку. Затем были магазинчики — побольше и маленькие, кафешки, в витринах которых отражались спешащие прохожие. Цветочный салон привлекал внимание своей витиевато написанной вывеской. На автобусной остановке в киоске продавали мороженое, Мира подумала, что бытует мнение, что все русские даже в мороз едят мороженое. Это, всё-таки, по большей части выдумки.

С правой стороны показались красные стены монастыря. Ноги сами привели сюда. Значит, так тому и быть. Она была здесь давно, как-то привозили друзья на автомобиле, ей тогда запомнился морозный декабрьский вечер, залитые иллюминацией улицы и как они не могли найти монастырь, потому что припарковались где-то во дворах. Заплутали, когда пошли пешком. А как, оказалось, кружились на одном месте. «Бес крутил», — сказала тогда приятельница. Вбежали на территорию монастыря и еле успели приложиться к мощам святой блаженной Матроны. Но успели же! Сколько тогда было счастья.

Мира вошла на территорию монастыря, трижды перекрестилась. Народу было много, к иконе на стене храма с внешней стороны огромная очередь, ещё большая очередь к самим мощам святой. Люди сновали по территории, несли бутылки со святой водой, входили и выходили из храма. Мира встала, как вкопанная, напротив иконы Матроны издали. И вдруг мир для неё перестал существовать. Она стала шептать молитву — свою молитву. Ту самую, которая рождается, идёт от сердца. Когда твоя душа-христианка, и она вдруг чувствует обращённый в тебя, именно в тебя, взор с Небес. Хочется плакать, но слёзы эти светлые, небезутешные. Пусть и сокрушенные, зато очищающие. Живые...

Вслед за этой душевной встряской наступает тишина — внутренняя благодатная, и мир вокруг тебя преобразается. Так легко и так чудодейственно. Впервые за последние месяцы Мира ощутила эту самую лёгкость и свободу — от своих чувств, тягостных мыслей о человеке, который с самого начала не мог быть рядом с ней. Она знала, что самое правильное — идти своей дорогой.

Глава 56

— ... Записи были не совсем обычными, — Владимир Григорьевич надел очки, открыл нижний ящик стола, вытащил оттуда несколько старых пожелтевших листков. — Я не стану тебе всё зачитывать, моё внимание привлекли несколько цитат, помеченных красными чернилами и из которых я сумел сделать выводы, впрочем, сознаюсь, далеко не сразу. Всё-таки дед постарался зашифровать. Вот смотри, к чему могла относиться такая фраза: «Великий Боже! Благодарю за счастье командовать славными молодцами!»

— Благодарность за победу, — подумав, сказала Надя, — причём тема явно военная и воскликнул, скорее всего, командир или главнокомандующий. По стилю — дела давно минувших лет. Ну, интернет даст более точные сведения, — смущённо улыбнулась она.

— Да всё правильно ты определила, эта фраза принадлежит Михаилу Илларионовичу Кутузову. Но! Тонкость в том, что слова эти протравливали на клинках.

— На клинках? — поразилась Надежда.

— Улавливаешь связь?

— Кажется, да. То есть, по сути, эта цитата — намёк на клинок?

— Вот именно! — воскликнул Фертовский-старший. — А вот ещё фраза «Драгоценные камни на дороге не лежат» — автор индийский философ Чанакья Пандит. Что ты скажешь об этом?

— Речь идёт о драгоценных камнях, а они есть в гарнитуре, — сказала Надежда, — полагаю, что связь опять просматривается.

— Хорошо, а причём тут дорога?

— Дорога... это может означать, что гарнитур спрятан надёжно. Его можно найти, лишь преодолев какую-то дорогу, путь.

— Воистину, передо мной умнейшая из женщин, — Фертовский-старший снял очки и улыбнулся.

— Владимир Григорьевич, я смущена, — Надя зарделась.

— И правильно, моя дорогая. Но я искренен. Продолжим? — она кивнула. — Вот над этой фразой я думал дольше, — он опять надел очки, — «Отдалённость измеряется не расстоянием. За оградой какого-нибудь сада порою скрывается больше тайн, чем за Китайской стеной, и молчание ограждает душу маленькой девочки надежнее, чем бескрайние пески Сахары ограждают одинокий оазис». Автор Антуан де Сент-Экзюпери.

— Сложно, — сразу призналась Надежда, — слишком сразу много понятий.

— Хорошо, давай тогда попробуем расчленить цитату? Отдалённость измеряется не расстоянием. Как ты думаешь — чтобы могло это значить?

— Могу предположить, что место тайника гарнитура было где-то не так далеко от дома, но всё же и не близко. Не знаю, мне такое пришло в голову, — сказала Надя.

— Так, а ограда сада?

— Возможно, что там был сад, в том месте, где тайник. Я ошибаюсь?

— Нет, ты не ошибаешься, — засмеялся Фертовский-старший, от выводов невестки он даже развеселился, так она подняла ему настроение.

— А вот про маленькую девочку, если честно, я не понимаю, — Надя покачала головой. — Едва ли ваш дед мог отдать на хранение ребёнку такую ценную вещь.

— Ты сказала отдать на хранение?! — он даже вскочил.

— Ну да, мне кажется, что Андрей Вениаминович Фертовский вполне мог кому-то отдать на хранение гарнитур. Только очень надёжному человеку, проверенному. Сомневаюсь, что он просто закопал бы реликвию. Но кому он отдал и, причём тогда тут сад с оградой? Кажется, я сама себя запутала, — Надежда стала тереть лоб.

— Нет, ты мыслишь в верном направлении. Мой дед действительно отдал на хранение гарнитур, и это был очень надёжный человек. Как ты думаешь, по-настоящему влюблённая женщина может быть надёжной? Не берём случаи, когда её предали или она разочаровалась. А именно любящая и преданная женщина.

— Может, такая женщина может пойти за мужчиной и в огонь, и в воду, — констатировала Надежда. — Значит, гарнитур был у вашей

бабушки?

— Увы, но нет. Отношения между моими предками оставляли желать лучшего, по крайней мере, мне известно — бабушка никогда не любила своего супруга, брак был по расчёту. Они всю жизнь терпели друг друга, но не любили. Поэтому немудрено, что дед имел любовницу.

— Любовницу? — переспросила Надя. Такого поворота она не ожидала.

— Да, — подтвердил он, — причём она была намного моложе моего деда. Надо же, я не задумывался над этим обстоятельством, пока его не озвучил тебе — ведь Маша тоже намного моложе меня. Гены?

— Думаю, просто совпадение, — покачала головой Надя, — и потом — Маша вам не любовница, а жена. Разница есть. А откуда вы узнали про любовницу деда?

— Я напряг память, попытал Виолетту, она тоже кое-что вспомнила из детства, слышала, как ссорились дед и бабушка. Они думали, что мы не слышим, но мы с сестрой в детстве любили играть в прятки, и прятались порой в самых неожиданных местах, вплоть до камина в летнее время, ну а чуланы и кладовки вообще были нашим убежищем, а ещё шторы. Часто мы сидели в шкафу. Кажется, тогда и услышали ссору, обвинения деда в неверности. Правда, бабушка возмущалась ни сколько его неверностью, а сколько тем, что ходят сплетни. Требовала от деда соблюдать приличия.

— А он что?

— Он ни в чём не признавался. Сначала отшучивался, потом замолчал. Я уже упоминал, что дед не был из числа разговорчивых людей.

— Так, а кем же была его любовница? Кто она? — Наде казалось, что она раскрыла интереснейшую историческую живую книгу.

— На эти вопросы ты попытаешься ответить сама, — хитро прищурил глаза Фертовский-старший.

— То есть? — Надя захлопала ресницами. — Как же я отвечу на такие вопросы? Я же не знаю, кто был в те годы рядом с вашим предком.

— А вот тебе ещё подсказка «Все женщины ведут в туманы» — Марина Цветаева. И тут же рядом цитата «И во мне, и в тебе есть какой-то туман, и есть что-то за этим туманом. И во мне, и в тебе —

вечная великая тайна» — здесь автор уж другой, это ливанский писатель Рейхани Амин. Подумай, что тут общего, ну кроме их общей тайны.

— Не знаю, — вздохнула Надежда, — да, ум сразу цепляется за слово «тайна», но вы сказали, что есть нечто ещё.

— Послушай ещё раз, — Владимир Григорьевич процитировал повторно.

— Меня смущает слово «туман», — раздумывая, выдала Надя, — но не вижу никакой связи его с женщиной, о которой мы говорили.

— А ты и не можешь видеть связь, потому что не знаешь фамилии этой женщины, — сказал свёкр, — но ты абсолютно верно выделила слово. Женщину, точнее, совсем молодую девушку, с которой у моего деда были отношения, звали Ольга Туманова. Она была дочерью главного агронома местного совхоза. Мой дед пересекался с ним и был вхож в его семью. Где ему и приглянулась девушка по имени Оленька. Но он относился к ней, скорее, по-отечески, пока девушка сама не призналась ему в любви — пылко, горячо. Сначала Андрей Вениаминович всячески отговаривал Оленьку, пытаясь убедить одуматься, но только ещё больше разжигал в ней страсть. Потому и сдался. И сам влюбился. Их первые свидания были в том самом саду, о котором шла речь в цитате. Видимо, для деда это имело особое значение. Как и сама Ольга Туманова.

— Так вот почему туман и сад, — поняла Надежда.

— Да, именно поэтому. А знаешь, чем заканчиваются записи деда? «И женщины могут хранить тайны» — Уильям Сомерсет Моэм.

— То есть мы получили все подсказки к тому, чтобы разгадать тайну? — уточнила Надя. — Гарнитур хранился у Ольги Тумановой?

— Да, все эти годы правдами-неправдами Ольга Викентьевна Туманова хранила гарнитур, доверенный ей моим дедом.

— Вы нашли эту женщину, раз гарнитур перед нами, так?

— Нашёл, с большим трудом, но нашёл. И представь себе, на тот момент она была жива. Ольге Викентьевне было 82 года. После нашей встречи она прожила ещё пять лет.

— Но как? Как вы сумели сложить все пазлы, Владимир Григорьевич? Как безошибочно вышли именно на неё? Да и вообще как вычислили все шаги, все повороты? Вы же открыли величайшую тайну семьи, где задействовано столько людей, столько судеб. Это

сейчас я под вашим чутким руководством и подсказками вышла на финиш, но ведь вы сами проделали колоссальную работу, невероятную.

— Надюша, здесь куда важнее не проделанный труд, а результат и он есть. Но, ты пока не знаешь самой мрачной части этой истории, — Владимир Григорьевич стал серьёзным, — давай попьём чаю и перейдём к тому, о чём рассказывать мне меньше всего хотелось бы, но это сделать необходимо.

Глава 57

После того, как закончили чаепитие, Владимир Григорьевич и Надя вернулись в библиотеку, ларец гарнитура по-прежнему лежал на столе раскрытым и всё также притягательно сверкал на свету. Свёкр опять достал клинок из ножен, не вытаскивая его до конца.

— Посмотри ещё раз внимательно на алые камни в звездах ножен и особенно обрати внимание на камень в звезде крестовины клинка — в гарде, — сказал, показывая на камень, — видишь, чем он отличается от своих собратьев?

— Он больше размером? — уточнила Надя.

— Верно, он 9,02 карат, тогда как три его меньших собрата по 3,14 карата. Ты запомнила название этих алых красавцев?

— Да, шпинель, — закивала Надя, — но я раньше никогда не слышала о камнях с таким названием.

— Шпинель — драгоценный камень, который стал известен не так давно, лишь несколько столетий назад. Связано это с тем, что ранее шпинель не отличали как отдельный минерал и всю шпинель, особенного красного цвета, называли рубинами. Лучшие месторождения благородной шпинели в Бирме (вместе с рубинами), Шри-Ланке, Тайланде, Таджикистане, Бразилии, Индии. Серьезных месторождений ювелирного качества шпинели в России не найдено, увы. Шпинель отличается поразительным блеском из-за хорошей дисперсии — способности преломлять свет. Это свойство вполне способно конкурировать даже с бриллиантом.

Самые известные шпинели: камень на короне персидских шахов из сокровищницы павшей Империи Великих Моголов. Самый большой камень в истории — 500 карат в сопровождении более двадцати 100-каратных «камушков». 170-каратная шпинель на короне

Британской Империи. До XX века этот камень был известен как рубин «Чёрный принц», приносящий несчастья всем владельцам до тех пор, пока странным образом не оказался в Англии. «Рубин Тимура» 361 карат, украшенный именами шестерых владельцев. Сейчас принадлежит Британской Короне и хранится в Букингемском дворце. В сокровищницах Романовых хранился Царский «рубин» величиной 414 карат. Корону Российской Империи Екатерины II, достояние Алмазного Фонда России, украшает шпинель 398,72 карат. Крупные кристаллы ещё и вставляли в церковную утварь.

Безусловно, что шпинель на клинке моего предка не имеет такой огромной ценности, как мной только что перечисленные, и всё же в нём настоящий камень — практически без примесей, прозрачный, с идеальным блеском. Знаешь, — Владимир Григорьевич задумался, — шпинель называют «камнем для чистых сердец», — он посмотрел на Надю, вздохнул, поднялся с места, подошёл к окну. Надежда тактично молчала.

— ... Ольга Викентьевна мне многое рассказала о деду, какие чувства были между ними, сколько препятствий, сколько горечи, осуждений, попыток вмешаться. Но они всё равно любили друг друга. Наверное, это неправильная любовь, грешная. И деду едва ли найдёшь оправдание, ведь он был женат. Но если бы ты видела эту женщину, то, может быть, и поняла бы его. Даже в преклонные годы в ней было столько утончённости, благородства, выдержки. И, конечно же, ума. На мой вопрос, как ей удалось сохранить в целости и сохранности реликвию, она ответила достойно: «Это был мой долг. Я обязана была его исполнить. Во имя чувств, которые мы питали друг к другу. Во имя памяти». Но... — он замолчал. Повернулся к невестке.

— Я слушаю, Владимир Григорьевич, — тихо сказала Надежда.

— Когда производилась экспертиза содержимого ларца, то под обивкой было найдено ещё кое-что, — он вернулся и сел в кресло.

Надя даже дыхание задержала.

— Так вот, под обивкой было так называемое «Послание потомкам». У меня нет возможности проверить, знал ли о нём дед, потому что Ольга Викентьевна ни о чём подобном точно никогда не слышала. Если мой дед знал, то по какой-то причине решил её не посвящать. Вот кто знал о послании, так это Беата. Потому что вместе с гарнитуром по наследству передаётся и проклятие.

— Что передаётся? — Надя подумала, что ослышалась.

— Ты правильно поняла, — Владимир Григорьевич снял очки, нервно бросил их на стол. — Беата ещё с юных лет отличалась интересом ко всему мистическому, она увлекалась сочинениями восточных мистиков, оккультными науками, спиритизмом. В Европе у неё были странные знакомства — спириты, магнитезёры.

Однако чтобы понять всё, что тогда случилось, нам придётся ещё раз окунуться в историю. Дело в том, что камни, инкрустированные в ножны и клинок, родом из Индии, и они когда-то входили в состав одного из браслетов, которым была украшена богиня Дурга, что в переводе с санскрита означает «труднодоступная» или «непобедимая». Индусы особо чтят образ, поэтому ограбить статую Дурги в храме — серьёзное оскорбление, грех.

— Браслет был украден? — не сдержалась и уточнила Надя.

— Да, — Владимир Григорьевич крутил очки в руках, — те времена были жестокими, кровавыми. Речь идёт об Империи Великих Моголов, я ранее уже упомянул их.

Одним из самых противоречивых и нелюбимых среди правителей этой империи был падишах Аурангзеб Алямгир. Не так давно вышли труды, которые обеляют этого последнего правителя перед колонизацией Индии, но я сейчас не о том. Эта тема отдельная. А я хочу сказать, что в пору правления Аурангзеба всё-таки было притеснение индуизма, так, по крайней мере, утверждают историки. Вследствие этого грабились и разрушались индуистские храмы. Наши шпинели были похищены в одном из храмов богини Дурги, при этом грабители жестоко убили садху⁵, находившегося в храме. Пролилась кровь, такая же алая, как камни. В этот момент что-то такое свершилось на Небесах, отчего владельцев камней или тех, к кому они попадали, стали преследовать несчастья, — Владимир Григорьевич посмотрел на невестку, она нахмурилась, но он продолжил:

— ... Часть камней попала, а сколько их было на самом деле, мне неизвестно, в руки купца, который привёз их из Индии во Францию. Тот самый камень, что весом 9,02 карат был подарен одному из французских художников, причем вместе с его историей. История настолько впечатлила художника, что уже через некоторое время он стал замечать: причина несчастий, которые в последнее время на него просто обрушивались, именно из-за подаренного камня. Он попытался

подарить шпинель своим друзьям, но те спустя время возвращали подарок. Тогда художник плотно запаковал камень и положил в банк, завещая открыть его только после своей смерти.

Что и сделали. По прошествии времени камень купил ювелир, оценив по достоинству красоту шпинели. А спустя полгода ему попались ещё семь камней такого же окраса, но меньшего размера. Ювелир справедливо решил, что все находки одного места происхождения. Через восемь месяцев жена и дочь ювелира погибли в пожаре, сам он чудом остался жив, но от горя помутился рассудком. О шпинели опять заговорили, вспомнив его первого владельца. Историю услышала одна из приехавших в Париж певиц, весьма эксцентричная особа, она приобрела шпинель, заявив, что не боится никаких проклятий, и роковые камни ей принесут удачу. Она сделает из них браслет. Но ровно через восемь недель затонул пароход, на котором певица плыла в Америку. Браслет из шпинели сделать не успели, камни так и остались в шкатулке её дома в Париже. Они получили название «Проклятье восьми». Затем шпинели меняли одного владельца за другим, сначала они вызывали неизменное восхищение, а затем от них старались как можно скорее избавиться. В результате четыре камня из восьми были утеряны навсегда. Те, кому достались оставшиеся четыре — три маленьких и один большой, решили, что проклятье перестало действовать, ведь число камней изменилось.

— И это правда? — Надежда задала вопрос, потому что свёкр замолчал. Он не ответил, положил очки на стол, посмотрел на часы.

— Скоро вернётся Степановна. Надюша, давай сделаем вот что: я уберу гарнитур на место, мы оденемся и сходим на прогулку? Там и договорим, как тебе моя идея?

— Идея замечательная, — подхватила Надя, — только одевайтесь теплее. Завтра вас ждёт клиника, а там прогулки вряд ли будут, по крайней мере, в ближайшее время.

— Я рад, что ты меня понимаешь, — улыбнулся Фертовский-старший.

Глава 58

— Ну вот, всё хорошо срастается, а ты переживал, — сказал Всеволод, заходя в квартиру вслед за братом, они только что были на приеме врача. Всеволод привёз брата домой.

— Да не переживал я особо, — пробурчал Дмитрий. Он, который день пребывал в плохом настроении. Вчера приезжала мама и опять прессовала его по поводу отмененной свадьбы. Дима спорил вяло, но переубедить его всё равно не удалось. Хотя от Миры так и не было вестей.

Дима, пренебрегая помощью старшего брата, сам снял пальто, скинул ботинки, прошёл в комнату.

— Привет, — на трёхместном классическом диване, полулёжа, расположилась Мишель, в одной руке бокал с вином, в другой тоненькая сигарета.

— О, какая гостья, — с нескрываемой иронией произнёс Всеволод, когда увидел бывшую девушку брата.

— Я здесь вообще-то не гостья, — растягивая слова, произнесла Мишель.

— Да? Что-то не помню, чтобы ты здесь поселилась, — парировал Всеволод.

— А ты, как всегда, остроумен, — она поставила бокал на интерьерный столик, стряхнула пепел с сигареты в пепельницу.

— Желаю удачи, Мишель, — усмехнулся Всеволод, повернулся к брату, — я, пожалуй, пойду, держи удар, мальчишка.

Дима прошёл в комнату, сел в кресло сферической формы.

— Итак, что ты хочешь? — спросил он, хмурясь. Мишель пришла к нему в дом без предупреждения.

— Тебя, — Мишель облизала губы.

— Ты сама-то в это веришь? — он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. — Мишель, это больше похоже на реплики из незатейливой мелодрамы.

— Раньше тебе так не казалось, Димочка, — девушка спустила ноги на пол, — что случилось? Что случилось, на самом деле? Ты после аварии очень изменился, Данилевский.

— Тем лучше для тебя, — отозвался он, — я изменился, стал другим, а тебе нужен тот прежний Дмитрий Данилевский.

— Мне нужен ты, — Мишель поднялась с места, подошла к нему, наклонилась. Дмитрий почувствовал удушающий запах её духов. Почему ему раньше нравился этот запах? Почему ему вообще что-то в ней нравилось? Красивая? Яркая? Современная? Всё это есть, но не то. Наверное, это просто не любовь.

— Тебе нужен не я, а выгодная партия. Допускаю, что таковы правила общества, в котором мы живём. Но я больше не хочу им подчиняться. Хотя бы в выборе женщины.

— Ты влюбился что ли? — Мишель всё ещё стояла над ним.

— Причём тут это? — он посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты влюбился, Данилевский, — догадалась девушка. — Боже мой, я-то ломаю голову: не перезваниваешь, не берешь трубку, внезапно отменил свадьбу, после больницы ни разу не позвонил. А ты просто влюбился, Дима, — она вернулась на диван, села, поджав под себя длинные стройные ноги. И что прикажешь мне со всем этим делать? А как же мои чувства?

— А они были? — с сомнением спросил он.

— Они есть и никуда не делись. Данилевский, как ты не поймешь, да, по всем статьям ты прекрасная партия, но кроме всего этого, я люблю тебя. И то, что ты меня отталкиваешь, ранит. Я уж не говорю об отмене свадьбы.

— Но я ... — он растерялся. Мишель спрятала улыбку. Кажется, всё, что ей подсказала будущая свекровь, возымело действие — каждое слово попадало в точку. Фаина Витальевна всё просчитала, она слишком хорошо знала своего сына.

— Я скучаю по тебе, Димочка, — Мишель мягко поднялась с дивана, подплыла к креслу, где сидел молодой человек, — я так скучаю, — с этими словами она прильнула к нему и, не раздумывая, поцеловала в губы. Сама.

— Мишель, — он попытался что-то сказать, но она не дала ему. Закрыла рот поцелуем — жадным, требовательным.

— Просто расслабься, — на секунду оторвалась от его губ, — позволь себе это, — и опять принялась целовать.

Дмитрий с вечера никак не мог уснуть, зудела рука под гипсом, да и неотступно лезли в голову мысли. Всё-таки уступил Мишель. Что за натура такая? Другие мужики переспят и хоть бы хны. Ни чувств, ни обязательств, ни угрызений. А ему всё давай, чтобы искренне, честно. А ведь с Мишель всегда были сомнения, поэтому, встретив Миру, так легко отказался от невесты. Просто не надо было давать ей обещания. Как тогда выдержать прессинг, которые устроили окружающие, в первую очередь собственная мать. В какой-то момент Дима и сам готов

был поверить в то, что с Мишель его ждёт прекрасное семейное будущее. Бывает же, что любовь приходит потом. Бывает, но только если на твоём пути не повстречается такая как Мира.

Он закрыл глаза, попытался представить себе её лицо — тщетно. Образ в целом почему-то ускользал, хотя глаза... они остались в памяти. Выразительные красивые — до дрожи, до озноба. Глаза девушки мечты, если таковые вообще бывают. Не думать о ней невозможно, тем более, что ещё так недавно он мог прикоснуться к ней, даже поцеловать.

А если, ну её к лешему — эту гордость, спуститься в метро, чтобы опять увидеть Миру? Нет, теперь всё не так, всё изменилось. И если она не позвонила, значит, больше не хочет его видеть. А как же борьба за счастье? Мда, это сейчас-то, когда много утрачено или приобрело иной смысл? Когда произошла подмена понятий, в том числе глубоких и светлых чувств, разговоры о которых вызывают лишь насмешку или хуже того, циничные комментарии.

Дима вздохнул, протянул руку, взял с прикроватной тумбочки айфон. Экран засветился в темноте. Безмолвие. Ни одного сообщения, ни одного звонка. Иногда возникает ощущение, будто ты один во Вселенной, особенно когда болеешь. Кто-то вспомнит — позвонит, или напишет, но уже реже, остальные в своих заботах, проблемах, скоростях. Правда, когда ты сам в строю, то ведёшь себя точно также. И понятия не имеешь, что такое острое чувство одиночества. Оно, скорее, присуще старости.

На самом деле Данилевскому нужен был звонок или сообщение только от одного человека, остальное могло подождать.

Мире тоже не спалось, вечером в университете была контрольная в виде теста, все перенервничали, в том числе и она, хотя вроде бы ответила на вопросы. Таисья отстрелялась первой и ждала подругу в коридоре. Сообщила, что мельком видела Зорина, он рано закончил семинар и торопился домой. Передал Мире привет. Она, молча, выслушала Таисью, комментировать не стала. Зорин теперь прошлое — доброе тёплое воспоминание, но не более. Конечно, при разговорах о нём пока ещё щемит в сердце, но это пройдёт — время вылечит.

А что же дальше? Мира несколько раз брала в руки телефон, чтобы написать Диме, но так и не решилась. Их короткий, если это

вообще можно назвать, роман теперь казался просто чередой нелепых случайностей. Они так мало знают друг друга. Да и вообще...

Мира отвернулась к стене, укрылась одеялом до самой макушки. В этот момент Дима сделал то же самое. Уснули одновременно.

Глава 59

— Ты задала вопрос, правда ли, что с потерей камней проклятие перестало действовать? — переспросил Владимир Григорьевич, когда они с невесткой вышли на прогулку, отправились бродить по переулкам столицы, подальше от шумного шоссе, так предложил Фертовский-старший. Благо погода позволила насладиться пусть прохладным, но солнечным днём.

— Да, именно, — подтвердила Надежда.

— Я ничем тебя не обрадую, — вздохнул Владимир Григорьевич, подал невестке руку, чтобы перейти на ту сторону улицы.

— Тогда зачем Беата приобрела эти камни?

— Дело в том, что Беате эти камни были подарены одним из её поклонников в Европе, а узнала она о проклятье, когда камни были уже инкрустированы, как в клинок, так и в ножны.

— То есть её обманули?

— Не думаю, скорее всего, даривший сам не знал о несчастьях, которые преследовали владельцев. Я уже говорил, что после пропажи половины из них, стали думать, что проклятье больше не действует. А моя прабабушка была падка на всё красивое, яркое, она обожала драгоценности.

— Откуда же Беата узнала о проклятье? — с волнением спросила Надя.

— У Беаты был разговор с Низье Филиппом.

— Кто это?

— Низье Ангельм Филипп — спирит, маг, медиум и предсказатель, был советником нашего царя Николая II до появления Распутина. Беата познакомилась с Низье ещё в Европе, затем они встретились при Дворе. Решилась показать ему гарнитур. То, что поведал ей медиум, привело Беату в отчаяние, — Фертовский-старший сделал паузу, затем продолжил. — Проклятье не утратило своей силы, точнее, так: помнишь название, которое тянулось за камнями? «Проклятие восьми». Так вот, на самом деле оно звучало несколько

иначе — «Проклятье восьмого». И это не восьмой камень. Филипп, обладая способностями спирита, предсказал Беате, что именно восьмого в роду, начиная от появления в семье клинка, ждёт преждевременная гибель от этого же клинка.

— Неужели это может быть правдой? — воскликнула Надежда. — Я не верю в такие предсказания. Ведь камни из Индии и ваш род тут ни при чём.

— Ты не просила, кто восьмой из нашего рода, — тихо сказал Фертовский-старший.

— Кто? — у Нади упало сердце.

— Мой внук Володя, — свёкр посмотрел на неё с такой болью, что Надя растерялась и не нашлась, что ответить. Зато Владимир Григорьевич продолжил, — именно Володя является восьмым в нашем роду. Эта роковая цифра связана с камнями на протяжении всей их истории, вот только Небеса словно меняют условия.

— Владимир Григорьевич, — Надя даже повысила голос, — ну не верю я в это проклятье! Ну что за нелепость, какие-то условия? Как Володя может погибнуть от клинка? Разве что заколет сам себя? Зачем? Он явно не склонен к суициду. Вот это и есть послание Беаты? Да она просто поверила шарлатану, который её основательно напугал, и только.

— Я не могу рисковать, Надя, — глухо произнёс свёкр. — Да, я здравомыслящий человек, рациональный, но если есть хоть малейшая вероятность того, что Низье был прав, я не дам ни единого шанса осуществиться этому проклятью. Хотя бы ценой собственной жизни.

— Не надо так говорить, Владимир Григорьевич, — Надя помотала головой, — никто не погибнет, потому что нет никакого проклятья. Есть история, есть камни, которые при определённых обстоятельствах попали в семью Фертовских. И всё! Гарнитур великолепен — своей историей, своей красотой, своей уникальностью, но это всего лишь гарнитур. И камни в нём прекрасные произведения.

— Надя, может быть, ты и права. Но я всё равно не имею права подвергать внука риску. Именно поэтому я не могу допустить, чтобы он не то что прикоснулся, а даже увидел гарнитур. Знаешь, из-за чего у меня произошёл гипертонический криз?

— Нет, не знаю.

— Последствия моей ссоры с Володей. Он узнал о гарнитуре и потребовал его показать. Я отказался, конечно же, не объясняя причин. Тогда он наговорил мне всякого, я расстроился. После мои попытки дозвониться до него были безуспешными. Внук игнорировал их. Это ввергло меня в отчаяние. Дальше ты знаешь.

— Да, теперь я понимаю. Любой на вашем месте расстроился бы. Вы очень любите внука. И, безусловно, огорчены ссорой. Но, Владимир Григорьевич, может быть, стоит всё рассказать Володе? Не показывать гарнитур, а просто рассказать всю историю?

— Ни в коем случае! — воскликнул он. — Ни при какой ситуации я этого не допущу. Володя ничего не должен знать. И ты дай мне обещание, что будешь молчать, Надежда, обещай мне! — он заволновался.

— Конечно, я обещаю, — поторопилась его успокоить Надя. — А всё-таки, Владимир Григорьевич, если это просто легенда? Если краски сгущены? Ну, если нет никакого «проклятья восьмого»? Медиум мог придумать, напустить туману. Наверняка, наслаждался испугом Беаты.

— Ты понимаешь, что проверить я всё равно не смогу. Слишком высока цена, — Фертовский-старший остановился, внимательно посмотрел на невестку. — Помни о молчании. Я тебе доверился.

— Я не подведу, поверьте. Единственное, о чём я попрошу вас теперь — не волноваться, не переживать так о разладе с внуком. Время всё поставит на свои места, и мы помиримся. Но вам действительно нельзя волноваться. Обещаете?

— Хорошо, Наденька, — он улыбнулся, — обещаю.

Надя вернулась домой и весь остаток дня вспоминала о разговоре со свёкром. Услышанное повергло её в глубокие раздумья, она многократно прокручивала в голове всё, что запомнилось из сказанного. Особенно, это касалось проклятья камней. Как ни крути, но она не поверила в их роковую силу. Ей казалось, что предсказание Филиппа — фантазия, так называемая страшилка. Наверняка, видел реакцию Беаты. И, можно не сомневаться, что она просила у него совета, как избежать её потомкам горькой участи. Филипп лишь сокрушенно качал головой и говорил, что судьбу не обмануть. Да нет никакой судьбы, есть человеческая жизнь, её дорога, её повороты, есть

ответственность за поступки, как добрые, так и злые. Есть возможность что-то исправить, а что-то принять как данность, из чего-то извлекать уроки, а в чём-то так и остаться слепцом. И ещё есть молитвы — за близких, родных, друзей, а не визиты к медиумам и экстрасенсам.

Обо всём этом думала Надя, когда на кухне месила фарш для котлет, Саша помогала, правда, больше крутясь под ногами, и чуть не уронила миску с фаршем. Надя попросила дочь быстро убрать игрушки в своей комнате, а потом они будут делать салат, тогда её помощь точно понадобится. После некоторых уговоров Саша согласилась и убежала в детскую, общая скоро вернуться.

Зазвонил телефон, Надежда глянула на экран, нажала принять вызов через «динамику».

— Да, Владимир Григорьевич, — сказала она, формируя котлеты, — что-то случилось?

— Нет, Наденька, всё в порядке, — отозвался он, — ты прости, что я опять тебя тревожу, но я подумал и решил, что ты должна знать код, которым открывается комната с оружейным сейфом. Всё-таки я ложусь в больницу завтра, мало ли что.

— Всё будет хорошо, никаких — мало ли что, — отозвалась Надя.

— Надеюсь, да. Но, тем не менее, запомни, код, пожалуйста.

— Хорошо, Владимир Григорьевич, только минутку подождите, — она повернула голову к двери кухни, которую дочь не закрыла, хотела сама закрыть, но руки были в фарше, просто выглянула в коридор — вроде бы никого. Вернулась к телефону, — я слушаю вас.

Вилли в этот момент затаил дыхание, прижался к стене. Жена отца его не заметила.

— Что ты тут делаешь? — неожиданно рядом оказалась Саша, — ты разве не знаешь, что подслушивать нехорошо?

Глава 60

Еле отсидели первую пару, Таисья сначала подпирала ладонями подбородок, затем легла на свою руку прямо на парте, очнулась, выпрямилась, посмотрела в записи Миры, та рисовала какую-то абстракцию, тоже едва слушала преподавателя. И так каждый раз, весьма пожилой преподаватель давал материал скучно и больше себе

под нос, чем студентам. Это было раз в две недели, зато две пары подряд. Поэтому отбывали как трёхчасовое наказание.

— Предлагаю слинять со второй пары, — на перемене изрекла Таисья, копаясь в сумке, опять что-то искала.

— Ха, а где мы потом лекции возьмём? Сейчас слиняет почти вся группа, а то ты не знаешь. А преподавателю нужны только рукописные лекции, — Мира продолжала рисовать свои абстракции.

— Сейчас решу эту проблему, — Таисья подняла верх указательный палец, вернулась через пару минут, — Наталья согласилась остаться подежурить, ну то есть отсидеть вторую лекцию. А потом мы у неё всё спишем. Тем более что у неё почерк красивый. Правда, в следующий раз «дежурство» будет нашим. Ну что делать, таковы условия.

— Надеюсь, ты согласилась, — Мира стала собираться.

— Обижаешь, — Таисья подмигнула, — шустро делаем ноги. А то засекут. Оправдываться неохота, старичок хоть и неинтересно рассказывает лекции, зато человек хороший, нельзя его обижать.

Через десять минут они уже вышли с территории университета. Резво побежали к метро, уселись в почти пустой вагон, настроение было приподнятым.

— Домой не хочется, — сказала Мира, посмотрев на часы, — давай посидим где-нибудь в кафе в центре? Ну, часок, не больше? Соглашайся, Тайка, сегодня я угощаю, — предложила она.

— Уговорила, тем более что у меня дома тоже никого нет. Руслан уехал с другом на какой-то матч, будут поздно. Поехали в твоё кафе.

Вышли на Сухаревской, да, той самой, где Мира встретилась с Димой, и где он так романтично рассказывал ей про Шереметьева. И потом они отогревались в кафе.

Мира покрутилась на площади возле метро, ещё в тот раз она обратила внимание, что вокруг предостаточно кафе, где можно посидеть. Да вот хотя бы недалеко от театрального центра. Крохотное, но очень уютное кафе, за окном видны круглые стильные столики, а витрина соблазняет невероятно красивыми пирожными.

Девушки туда и направились, но не успели войти, как у Таисьи зазвонил телефон, она показала знаком Мира подождать, сама стала разговаривать. Мира повернулась к шоссе и стала наблюдать за проезжающими мимо автомобилями. Несколько таксистов ждали

своих клиентов, уезжали, приезжали. Недалеко от Миры остановилась красного цвета Мозерати. Из неё со стороны водительского места вышла тонконогая весьма модная девица, по годам наверняка ровесница Мире. Девица обошла машину и стала открывать дверцу со стороны пассажира.

«Интересно, кому она открывает дверь? — с любопытством подумала Мира. — Обычно происходит наоборот». В следующий момент из автомобиля, не совсем ловко, но всё же вылез ... Дима. Мира замерла на месте. В первую секунду ей показалось, что она ошиблась. Но это точно он, потому что его левая рука была в гипсе, на носу очки. Девица достала из машины пальто и помогла ему одеться.

Мира почувствовала, как забилося её сердце — громко, отчаянно. Она смотрела во все глаза на эту пару и не могла сдвинуться с места. Вдруг Данилевский повернул голову и увидел Миру. На его лице не дрогнул ни один мускул. И только потому, как он задержал взгляд на Мире чуть дольше, чем положено, она решила, что он узнал её. Узнал, но не подал виду. Он просто смотрел. Потом отвернулся. Его спутница что-то сказала, Дима кивнул.

Девица взяла Данилевского под руку, и они направились в торговый центр. Мира проводила их взглядом до самых дверей. Перед входом пара на несколько секунд остановилась, девица поправила своему спутнику шарф. Мира видела профиль Димы. В какой-то момент ей показалось — повернёт голову в её сторону. Не повернул.

— Ну, что идём в кафе? — Таисья закончила свой разговор по телефону и дёрнула подругу за руку. Та не отреагировала. — Мира, ау, ты где?

— Давай в кафе сходим в следующий раз? — сказала она, напряжённо о чём-то думая. — Пойдём вон в тот торговый центр.

— Зачем? — удивилась Таисья.

— Потом объясню, скорей, — Мира сорвалась с места, Тая за ней.

Мира вбежала первой, покрутила головой. Справа в длинном проходе меж стеклянных витрин увидела удаляющийся знакомый силуэт. Обгоняя прохожих, поспешила туда, но всё равно, держалась на расстоянии. Не дай Бог обернётся и увидит её.

— За кем мы так гонимся? — Таисья ничего не поняла, но не отставала от подруги.

— Видишь вон ту пару? — указала Мира и тут же спряталась за широкую спину впереди идущего дядьки, так как Данилевский со своей спутницей внезапно остановились и стали разглядывать витрину.

— Кого? — не успела отследить Таисья.

— Ну, вон они — стоят у витрины, — зашептала Мира. Таисья вытянула шею. — Он в чёрном пальто, она такая тощая на каблучищах. Супермодная, вся из себя. Мымра! — добавила уже в сердцах. Таисья внимательно посмотрела на подругу.

— Что тебе эта мымра сделала? Нахамила? Когда и где?

— Тихо, они пошли вперед и мы за ними, — Мира потянула Таисью за собой.

— Я, конечно, как всякий нормальный ребёнок, любила в детстве играть в шпионов, но здесь хотелось бы получить подробные инструкции, зачем, кто и что? — проворчала Тая.

— После, я потом всё объясню, идём, они свернули налево. Главное, чтобы нас не засекли.

— Но если эта мадам-с тебе сделала что-то гадкое, почему мы прячемся от неё? — опять не поняла Таисья.

— Мы прячемся не от неё, — процедила сквозь зубы Мира, сейчас ей меньше всего хотелось объясняться. А Тайка, мешая слежке, бубнила и бубнила.

— Не от неё? — воскликнула она слишком громко.

— Тс-с, — Мира закрыла подруге рот. Данилевский обернулся, нахмурился, поправил очки. Девушка опять взяла его под руку и повела в следующий пролёт. Они завернули за угол, прошли ещё несколько павильонов и направились к небольшому ювелирному магазинчику, на входе в который стоял охранник.

Глава 61

— Всё понятно, они пошли выбирать кольца, — сделала вывод Таисья, она и не догадывалась, какую рану нанесла подруге своими словами.

— Но нам же не видно отсюда, — возразила Мира, — может быть что-то другое, необязательно кольца.

— А что ещё? Двое молодых людей, держащихся за руки, вошли в ювелирный магазин, чтобы выбрать либо обручальные кольца, или же

он хочет подарить ей кольцо, как это сейчас называется — на помолвку? — довольная своей логикой, рассудила Таисья.

— За руки они не держались, а тощая вцепилась в него, — не сумев скрыть досады, сказала Мира, — в ювелирном магазине, кроме колец, есть ещё товары.

— Есть, но всё-таки они пошли выбирать кольца, я так думаю, — гнула своё Тая.

— Да почему же? — Мира стала злиться.

— Подходящая пара, оба высокие, модные, под стать друг другу. А мне он особенно понравился, — с улыбкой сказала Таисья, не замечая, что подруга злится. — Симпатичный молодой человек, такой с изюминкой. И ещё, я бы сказала, породистый.

— Когда это ты всё успела разглядеть? — Мира едва сдерживала себя, чтобы не взорваться.

— Вот, представь себе, успела.

— Пойдём отсюда, — Мира развернулась и решительно направилась к выходу.

— Так, а зачем мы следили-то?

— Не зачем, развлекались, — таким тоном ответила Мира, что до Таисьи наконец дошло, что подруга рассердилась не на шутку.

— Ты ничего мне не хочешь рассказать или хотя бы пояснить?

— Нет.

До метро дошли молча. Мира была мрачнее тучи. Таисья поглядывала на подругу. На перроне обеим было ехать в разные стороны.

— До завтра? — Таисья поняла, что сейчас Миру лучше оставить в покое. Если захочет — расскажет сама, после.

— До завтра, — ответила Мира и отвернулась. Таисья упорхнула.

Всё. На этом поставлена точка. Ещё один финал. Теперь уже с Данилевским. А что она хотела? Сама всё испортила.

Мира позволила себе разреветься только дома в своей комнате, чтобы никто не видел. Плакала она долго, до икоты и до заложенности носа, пока не уснула. Утром встала опухшая, долго стояла у зеркала и рассматривала себя. Немудрено, что Дима так быстро забыл её — некрасивая, не его круга, да ещё характер дурацкий. Ну, сама же виновата, сама! Не ответила, не позвонила. Всё чего-то тянула. И к

тому же ещё никак не могла выкинуть Зорина из головы. Дважды дура! Надеялась на ответные чувства? Абсурд да и только. В итоге осталась ни с чем и ни с кем. Заслужила? Может быть, но почему тогда так скверно на душе? И почему чаще всего поздно осознаёшь свои ошибки и промахи? Когда уже многое не исправить.

Мире вспомнился вчерашний взгляд Данилевского — у торгового центра. Он будто смотрел сквозь неё, и ничего в этом взгляде приятного не было. А сам хоть и элегантен, в очках, но весь какой-то чужой, отстранённый.

Мира сглотнула ком в горле, опять захотелось плакать. Это всё жалость к себе — горькая, безысходная. Чтобы хоть как-то прийти в состояние равновесия, шагнула под холодный душ. Заорала так, что первым прибежал пудель, затем доковыляла мама. Оба вытаращились на Миру.

— Всё нормально, — дрожащими, синими от холода губами сказала Мира, — это чтобы проснуться.

Странно, но после ледяного душа стало немного легче, по крайней мере, боль притупилась. Но лишь на время. Как только Мира спустилась в метро и надела наушники, по радиоволне, которую она поймала, женский звонкий голос запел:

*Погадаю на ладони жизни,
Когда ночью свет Луны разделит,
Когда страсть струится на ресницы
И когда мы рядом — есть и нет...
... Не знаю, как тебя забыть...*⁶

Вот уж точно, не знаешь, как забыть. Неужели влюбилась в Данилевского, раз так переживает после вчерашнего? Любовь на фоне ревности? Какая-то ловушка. Сама от себя не ожидала. Когда был рядом, не нужен. А вчера бегала по торговому центру как полоумная. Тайка тоже подлила масла в огонь. Вот бы удивилась, узнав, как Мира познакомилась с Данилевским, что виделись и после, попали в аварию, даже целовались. А песня в ушах всё звучала и звучала:

*...Память заставляет сердце биться
Мы за счастьем долго вместе шли
Оставляет ложь любви страницы,
Только правда жизни впереди...*

Мира выдернула наушники, выключила телефон.

День на работе прошёл насыщенно, слава Богу, сумела отвлечься от своего состояния, от надоедливых мыслей и сожаления. К тому же на счастье Миры Таисья сегодня приехала на учёбу лишь на одну пару, и на ту опоздала, к вечеру у неё дома прорвало трубу. Мира впервые обрадовалась, что подруги не будет и после занятий поедет домой одна. Не придётся делать вид, что всё просто замечательно, и уж тем более, обсуждать вчерашнее.

Она села в вагон метро. Сегодня народу было довольно много, правда, половина сразу вышла в Кузьминках. Мира достала книгу, открыла очередную главу, но читать не хотелось, никак не могла сосредоточиться. Хорошо, что хотя бы книга была не о любви.

— Привет, — услышала знакомый голос. От него сердце сразу ухнуло куда-то вниз. Подняла глаза и тут же их опустила. Несколько часов назад кляла себя за глупость и упущенные возможности, а сейчас не знала, что делать. — Девушка, разрешите присесть рядом с вами? — он с трудом сдерживал улыбку.

Глава 62

Маше не спалось. За все годы замужества она впервые была одна — без супруга. Как-то получалось, что они всё время были вместе. А сегодня Володя лёг в клинику на обследование. Утром его отвёз Николенька. Маша поцеловала мужа, крепко обняла. Почему-то с самого утра у неё сердце щемило больше, чем у него. С момента гипертонического криза Володя на удивление быстро оправился и уже вроде бы и раздумал лечь в клинику. Но вся семья настаивала, в итоге уговорили. Вилли так и не появился у них в доме. Маша увидела в этом положительный момент, по крайней мере, не будет волновать мужа. Володя о нём почему-то тоже не вспоминал.

Маша поднялась с кровати, подошла к окну, отодвинула штору. Днём в воздухе кружился снег, но очень быстро растаял, а к вечеру даже выглянуло солнце, правда, ненадолго. Всё равно скоро зима, это чувствовалось, хотя месяц осенний.

Мария услышала какой-то шум, сначала ей просто показалось, но звук, правда, глухой, повторился. Было ощущение, что кто-то двигался по дому. И хотя дверь спальни была добротной и закрыта, Маша всё

равно слышала движение. Она подошла к двери, приоткрыла, прислушалась. В доме только она и Степановна. Может, старушке тоже не спится? В последнее время жалуется на боль в коленях. Надо будет и её отвезти к врачу.

Маша накинула пеньюар, вышла в коридор. Опять услышала какое-то движение, теперь уже определила, что доносится оно где-то со стороны библиотеки. Мария пошла по коридору, обратила внимание, что дверь в библиотеку приоткрыта. Хотя Володя имел привычку всегда её закрывать и других просил это делать.

— Ну что ты там копаешься? — спросил тот, кто освещал фонариком панель стола, тогда как другой нажимал кнопки на панели, с их помощью пытаюсь открыть тайник. Он суетился и никак не мог набрать нужную комбинацию. Сигнализацию они отключить сумели, а вот открыть тайник пока не удавалось.

— Не ори мне на ухо, без тебя знаю, что мало времени, — огрызнулся тот, кто набирал код. — В доме одни женщины, если что — справимся.

— Я и смотрю, как ты умеешь с бабами справляться, мне поручил, — ухмыльнулся второй.

— Ты тоже не особо преуспел, — он натянул глубже маску.

— Кто же знал, что попадётся такая стерва. И не испугается. Не каждая баба будет так сопротивляться. Чуть инвалидом меня не сделала.

— Всё, готово! — он, наконец, набрал правильный код, одна из секций с книгами тут же стала отъезжать в сторону, открыв крохотную комнату. Грабители рванули туда, свет в ней сразу зажёгся.

— Вот он — сейф, теперь твоя очередь, — сказал тот, который набирал код. Второй достал из рюкзака набор отмычек, поправил всё время спадающую перчатку на правой руке.

— Ты ж мой хороший, — оскалился он сейфу, — надеюсь, мы с тобой быстро найдём общий язык, и ты покажешь мне свои кишочки.

— Фу, что за бред, — первый поморщился.

— Не мешай мне, — он стал подбирать отмычки к замку. Понадобилось всего несколько минут, и вот уже дверца сейфа бесшумно открылась, — фраерок, принимай работу, балерины сработали⁷, — хвастливо произнёс напарник.

— Наконец-то! — первый вынул из сейфа ларец и осторожно понёс его в зал. — Посвети мне фонариком и смахни со стола бумаги, — скомандовал второму. Положил ларец на стол.

— Ничего так побрякушки, — присвистнул второй, когда первый поднял крышку ларца. Фонарь осветил его содержимое. Даже на таком слабом свете камни сразу заиграли.

— Побрякушки, понимал бы ты в них, — первый не мог отвести глаз, особенно завораживали камни в клинке, да и всё остальное было изготовлено с таким вкусом, с таким изяществом, что он невольно протянул руку и провёл пальцами по аграфу, поясам, бляшкам. Жаль, перчатка мешала по-настоящему ощутить всё великолепие гарнитура.

— Правда, что он стоит двести тысяч баксов? — засомневался второй.

— Да, — отозвался первый, всё ещё ощупывая предметы гарнитура.

— Я думал, тут бабские цацки. Но тоже ничего. Ладно, моя доля мне налом причитается, остальное не касается.

— Вот именно, — первый захлопнул крышку, — уходим, пора, — засунул ларец в длинный тёмный пакет с крепкими ручками, направился к выходу. В этот момент в зал библиотеки вошла Маша и включила свет.

Первый почему-то выругался по-английски. Он оказался один на один с ней в дверях. От неожиданности Маша встала как вкопанная, глаза на пол лица, она не успела даже толком испугаться.

— Убери её, — глухо из-под маски произнёс первый.

Второй схватил Машу за плечи и стал оттаскивать с прохода. Первый в этот момент сумел выскочить в холл. Маша закричала, но нападавший закрыл ей рот. Она укусила его с такой силой, что он взвыл и одёрнул руку. Перчатка отлетела в сторону, а сам грабитель случайно схватился за дверную ручку. В следующий момент ударил Машу в солнечное сплетение, отчего она согнулась пополам. Грабитель нанёс ещё несколько ударов. Маша лишилась сознания.

Очнулась Маша после того, как Степановна поднесла к её носу нашатырь. Старушка охала, ахала, кружилась возле лежащей на полу Маши как птица над раненым птенцом.

— Девочка моя, что же случилось?

— Нас ограбили, Степановна, — Маша от боли едва могла говорить. — Их было двое.

— О, Господи! — старушка перекрестилась.

— Больно, мне так больно, — она опять потеряла сознание.

Глава 63

Мира покосилась на Данилевского, он устроился рядом с ней, посмотрел на часы.

— Как учёба? — спросил он.

— Нормально, — выдавила из себя Мира.

— Да, кстати, я же по делу, — он будто спохватился, — ты не помнишь, куда после аварии могли деться мои очки? Автомобиль в ремонте, там всё обыскали, но очков не нашли. Они вроде бы не бились и из машины не выпадали. Досадно, что они потерялись.

— Они у меня, — призналась Мира, чувствуя ещё большую неловкость. Раньше, когда рядом находился Данилевский, такого с ней не было. Могла запросто сказать всё, что угодно. А теперь почему-то выбирает выражения.

— Вот как? Разве они тебе нужны? — он удивился так натурально.

— Я забыла их тебе отдать, — сказала, не чувствуя, что он насмешничает.

— Ай-яй, они мне необходимы, а других нет, — он покачал головой.

— Что ты обманываешь?! — возмутилась она. — Есть у тебя другие, — и тут же прикусила язык.

— А ты откуда знаешь, что у меня есть другие? — Дима сдерживал себя как мог.

— Ну, у каждого, кто носит очки, или ими пользуется, всегда есть запасная пара, — выкрутилась Мира, громко захлопнула книгу — всё равно читать не получится.

— Неоспоримая логика?

— Правда жизни, — она потихоньку стала приходить в себя. Перед ней сидел всё тот же Данилевский, которого она всегда «покусывала», а ему нравилось.

— Так ты собираешься мне вернуть очки или решила оставить себе на память? — совершенно серьёзно спросил он.

— Вот ещё, нужны они мне! Конечно, верну.

— Жду, — он протянул руку.

— Они дома, — Мира нахмурилась.

— Тогда поедem за ними домой. Я на больничном, у меня вагон времени, — он откинулся на спинку сиденья, положил ногу на ногу. — Заодно поздороваюсь с Беней, давно его не видел.

— А с чего ты решил, что я тебя приглашу домой? — Мира повернулась к Данилевскому и теперь уже открыто посмотрела ему в глаза. Тайка, кажется, была права — есть в нём что-то такое, есть. Изюминка, как она выразилась. И что-то ещё вещала про породу, хотя он сам утверждал, что не может быть принцем, что нет у него «голубой» крови. Ох, лукавил, есть в нём толика аристократизма.

— Ну, хотя бы потому, что ты ко мне равнодушна, — не задумываясь, выдал он.

— Я к тебе равнодушна?! — возмутилась так громко, что мужчина, до этого внимательно рассматривающий карту метро, обернулся и удивлённо посмотрел на Миру.

— Да, а сейчас ты крикнула так, что об этом знает уже половина вагона. Нет, ну если ты хочешь огласки, пожалуйста, я не против, — Данилевский пожал плечами.

— Иди к своей длинноногой мымре, вот она точно к тебе равнодушна, — Мира отвернулась от него.

— А кто у нас длинноногая мымра? И почему я должен к ней идти? — поинтересовался Дима. — Длинноногая мымра... — он задумался, — интересно, которая из них?

— Ты ещё и бабник, — Мира запыхтела. — Не пойму, зачем я тогда на Сухаревке я пошла с тобой на свидание.

— Это было не свидание, — он уточнил, — ты сама так сказала, — тут же добавил.

— Хорошо, пусть не свидание, но пошла же. И слушала тебя.

— Тебе было интересно, я видел.

— А что ты ещё видел? — Мира сверкнула глазами.

— Тебе было приятно моё общество, ты согласилась с моими доводами, а потом с удовольствием уплетала ужин в «Шоколаднице».

— Ну да, ты же водишь туда всех подряд, — парировала Мира, — хотя, нет, длинноногая мымра туда не пойдёт. Ей ресторан класса люкс подавай. С такой тачкой у неё всё люксовое.

— С какой тачкой? — опять поймал её на слове Данилевский.

— Дорогой и вычурной, дурацкого красного цвета! Как и сама она вся из себя, каблуки по самые уши, ноги как палки. И вцепилась в тебя мёртвой хваткой. А потом вы пошли в ювелирный магазин, чтобы выбрать обручальные кольца, — выпалила Мира и перевела дух.

— И что всё это значит? — Данилевский вытаращил на неё глаза.

— А то и значит.

— Исчерпывающий ответ, — с иронией заметил он. Мира не смотрела на него. — Мне кажется, или ты, правда, ревнуешь? — Данилевский придвинулся ближе.

— Вовсе я не ревную, — пробормотала Мира.

— Тогда к чему вся эта тирада?

— Потому что, потому... — она прятала глаза, — да, я ревную! Мне было неприятно видеть тебя с другой девушкой.

— Почему?

— Потому что ты мне нравишься, чёрт возьми! И даже очень, — она вздохнула. Вот и призналась.

Данилевский взял её руку и поднёс к своим губам.

— Я видел тебя вчера на Сухаревской. Потом в торговом центре. Длинноногая, как ты выразилась, мымра — моя двоюродная сестра Вероника, а в ювелирном мы выбирали не кольца, а смотрели ей подвеску, там был эксклюзивный заказ. По поводу вычурной красной тачки — да, Ника любит подобное, это её стиль, её вызов. Вот и все объяснения.

— Все?

— Да, все.

— Значит, у тебя нет невесты?

— Нет, пока нет, но надеюсь, что скоро будет, — он улыбнулся, — у неё редкое, но очень красивое имя — Мира. Моя нежность, моя душа.

— Дима... — Мира покраснела, опустила глаза.

— Когда мы выйдем на перрон твоей станции, я тебя поцелую, — с серьёзным видом добавил он.

Двери поезда закрылись, на перроне стояла пара, они обнимались и целовались. Правда, его рука была в гипсе, но это обстоятельство нисколько им не мешало.

Глава 64

— Евгений Борисович, кажется, у нас есть пальчики, — эксперт подошёл к Турчанинову, — правда, смазанные, но думаю, хватит, чтобы пробить по базе.

— Хорошо, Витя, продолжай, — следователь повернулся к домработнице, — Елена, — посмотрел в записи, — Степановна, давайте всё сначала и по порядку? — сказал он, стараясь придать голосу мягкость, старушка никак не могла собраться с мыслями. Теребила в руках платок и отвечала невпопад. — Вы проснулись от того, что слышали шум, так?

— Да, я же на ночь выпила снотворное, поэтому заснула крепко. Эх, мне бы пораньше подоспеть, — она всхлипнула, — Машенька была одна против этих подонков.

— Ничем вы бы не помогли, ещё бы сами пострадали, — следователь стал тереть переносицу, с вечера разболелась голова — таблетка не помогла. Сейчас бы полежать в тёплой постели, а не сидеть посреди ночи в ограбленной квартире, где ещё пострадала и хозяйка дома. Хорошо, что жива, хотя и в тяжёлом состоянии. — Сколько было грабителей, говорите?

— Я их не видела, но Маша успела сказать, что двое.

— Так, замок входной двери не взломан, значит, открывали ключом. И сигнализацию сумели отключить. Похоже, готовились тщательно, знали, что и где. Сам хозяин тоже в больнице?

— Да, Владимира Григорьевича вчера положили на обследование в клинику, — экономка тяжело вздохнула, — как нарочно, мы с Машей остались вдвоём, без мужчины.

— Думаю, что не нарочно, а возможно, что преступники знали об этом, — выдал следователь, — у меня создаётся ощущение, что они вообще много чего знали. Может, за вашей квартирой следили.

— Ох, Боже мой! — Степановна перекрестилась. — Как Владимир Григорьевич воспримет эту новость? У него больное сердце.

— А мы пока не будем ему сообщать, — пообещал Турчанинов, — но придётся выдернуть его сына. Мне нужны сведения о содержимом оружейного сейфа.

— Евгений Борисович, я уже позвонил сыну хозяина квартиры, он едет, — подошёл оперативник.

— Молодец, Паша, подождём его. Что у нас там ещё?

— Потерпевшую ударили возле двери библиотеки, там её и нашла домработница. Преступники, оставив входную дверь открытой, успели скрыться. Непосредственно сам сейф был вскрыт отмычкой. Медвежатник опытный.

— Что сказала консьержка?

— Она спала сном младенца, проснулась лишь, когда приехала скорая, следом мы.

— А что видеокамеры в подъезде?

— А ничего, все выведены из строя, этой же ночью. Консьержка клянётся, что вечером всё работало.

— Понятно, подготовились основательно. Елена Степановна, — следователь опять обратился к старушке, — посмотрите пока навскидку — пропало ли что-нибудь ещё из этого помещения?

Она обвела взглядом библиотеку.

— Нет, кажется, всё на месте. Да ведь у Владимира Григорьевича здесь самое ценное — книги. Хотя, я и забыла, у него здесь коллекция зажигалок. Она в другом тайнике. Он не вскрыт.

— Коллекция зажигалок? Любопытно, — Турчанинов подумал о том, что никогда бы не стал собирать зажигалки. Кому они нужны? Разве что с известными брендами? Ну и где с ними появляться? А собирать их неоправданно дорого.

— Евгений Борисович, — в дверях появился оперативник, — приехал сын хозяина дома, — сообщил он.

— Хорошо, — кивнул Турчанинов.

— Здравствуйте, — оперативник пропустил Николая в помещение библиотеки, тот вошёл, быстро окинул взглядом обстановку, заметил расстроенную Степановну.

— Здравствуйте, — отозвался следователь, — вы...

— Николай Фертовский, — сын хозяина этой квартиры, — представился Николай.

— Следователь Турчанинов. Скажите, Николай, вы знали, где в квартире отца конкретно находится оружейный сейф? И что в нём было?

— Точное местонахождение сейфа мне было неизвестно, отец недавно делал перепланировку, он лишь упомянул, что сейф будет в библиотеке. А вот о содержимом я знал.

— Да? И что же в нём хранилось?

— Сабельный гарнитур, представляющий собой не только произведение искусства, но и историческую ценность.

— Даже так? А в чём его историческая ценность?

— Сам клинок был пожалован моему предку ещё в войне 1812 года. Затем спустя несколько десятилетий к клинку прибавился набор, состоящий из мужских украшений. Это был княжеский подарок от Дома Романовых. В изделиях гарнитура и позолота, и серебро, и драгоценные камни.

— Хм, — Турчанинов удивлённо приподнял брови, — какова же стоимость этого подарка? Ваш отец наверняка делал экспертизу — оценку гарнитура.

— Делал, — кивнул Николай, — эксперты оценили гарнитур в сумму около пятисот тысяч.

— Пятьсот тысяч чего?

— Долларов, разумеется, — пояснил Фертовский. Следователь присвистнул.

— И такую вещь ваш отец держал дома? Просто в оружейном сейфе?

— Но ведь была подключена сигнализация. К тому же отец нашёл гарнитур не так давно, тот был утерян, и пока не обнаружил находку.

— Кто ещё, кроме вас, из семьи знал о гарнитуре?

— Из семьи? Никто, по крайней мере, со мной эту тему никто не обсуждал, кроме отца.

— А вы сами никому не рассказывали о семейной реликвии? Другим, знакомым?

— Нет, никому. И хотя отец меня не предупреждал, что не надо никому рассказывать о раритете, я сам почувствовал не надо распространяться на эту тему.

— Плохо, ваше молчание играет против вас.

— То есть? — не понял Николай.

— Тот, кто проник в эту квартиру, хорошо знал, куда идёт и зачем. И о гарнитуре он точно знал. Поэтому украл именно его.

— И что? Не хотите ли вы сказать, что я ограбил собственного отца? — Николай уставился на следователя как на сумасшедшего.

— Я пока ничего не хочу сказать, — ровным голосом ответил Турчанинов, — ещё вопрос: вы знали о коллекции зажигалок?

— Да, и могу показать, где она находится, это мне доподлинно известно.

— Тогда показывайте, — следователь раскрыл ладони.

Глава 65

— Я тебя люблю, — Данилевский оторвался от губ Миры, они стояли уже возле её подъезда и целовались. Вышли из метро — целовались, на автобусной остановке целовались, теперь у подъезда.

— Я тоже, — Мира прижалась к его плечу. Неужели она произнесла это? Совсем недавно очень удивилась бы, скажи ей кто, что в ближайшее время она влюбится. Думала, будет долго переживать свою несбывшуюся мечту под названием «Зорин», не так просто избавиться от чувств, а оказалось, что избавилась да ещё так скоро. Вышибла клин клином? Да нет, просто сама себя не понимала, не отдавала отчёт в том, что ей по душе Данилевский. Всё время глупо сравнивала его с Зориным. Никого не надо сравнивать, мысль хрестоматийна, проста как мир — каждый уникален. Просто ищи своего — во всех смыслах этого слова.

— Я — самый счастливый человек на свете, — Диме хотелось кричать.

— Да? — Мира улыбнулась.

— Да, потому что ты призналась мне в любви. Как же долго я мечтал о тебе, искал тебя, Мира. Я уже стал думать, что тебя не существует.

— А потом просто уснул на моём плече?

— Да и это было лучшее на всей планете плечо — тёплое, родное.

— Да-да, я помню, как ты во сне его поправлял, будто подушку, — Мира усмехнулась.

— И как мне потом стало неловко. Я хотел скрыться, но передумал.

— Почему? Почему ты тогда не ушёл? — Мира внимательно посмотрела на него.

— Потому что я увидел, как ты читаешь. Ты сидела над простой бумажной книгой и внимательно её читала. А волнистые волосы, которые выбились из причёски, обрамляли твои виски, щёки, шею. И мне захотелось к ним прикоснуться.

— Димка, ты такой романтичный, надо же! — воскликнула Мира.

— Я и сам не знал об этом, — признался он, — до того, как встретил тебя, — поцеловал её ещё раз. — Ты открыла во мне не только романтизм, но и другие качества.

— Какие же?

— Решительность, веру в то, что я сам должен решать свою судьбу. Ну и обаяние, я стал жутко обаятельным.

— А хвастливым? Ты никогда не был хвастливым? — Мира сделала серьёзное лицо. Вместо ответа Дима рассмеялся.

— Обожаю твоё острословие! Обожаю тебя всю, до единой клеточки, — чмокнул в щёку, — так, иди скорей за пуделем, я подожду тебя на улице. Пёс уже все глаза проглядел в окна, ему гулять надо. Ну и меня Бенья будет рад видеть, я в этом не сомневаюсь.

— Хорошо, я скоро, — Мира упорхнула в подъезд. Как только дверь закрылась, айфон Данилевского зазвонил громко и требовательно. Он посмотрел на экран и издал тяжёлый вздох. Почему в жизни так часто бывает — когда тебе хорошо, обязательно появится тот, кто всё испортит. Дима сбросил звонок. Через пару минут айфон опять ожил. Данилевский выключил звук. Вовремя. Мира вышла из подъезда, точнее, открыла дверь — оттуда пулей выскочил пудель, увидел Диму, приветственно гавкнул и рванул к нему. Покрутился возле ног, лизнул в руку и побежал в ближайшие кусты.

— Ты видела этого пса? — засмеялся Дима, — это же торнадо, тайфун. Но меня он сразу узнал, — добавил с гордостью.

— Узнал. Он тебя любит с первой встречи, сразу разобрался, какой ты человек, — прокомментировала Мира.

— Правильно, животное невозможно обмануть, — Данилевский опять обнял Миру. — Не замёрзла?

— Не, я тепло одета. Ой, Димка, я опять забыла прихватить твои очки, — она покачала головой, — ветер, что ли в голове гуляет.

— И хорошо, что забыла. Отдашь потом, — он посмотрел на её губы. Через несколько минут из кустов прибежал Бенья. Но хозяйка на него не обратила никакого внимания, она была занята. Тогда пудель, напоминая о себе, тявкнул.

Домой Данилевский ехал на такси. Водитель попался слишком разговорчивым, всю дорогу болтал о политике, о ценах, о даче, которую купил давно и за приемлемую цену, теперь за такие деньги

разве что сарай для инструмента купишь. Дима слушал вполуха, кивал через раз и думал о своём. Вызывая такси, вспомнил, что выключил звук у айфона, посмотрел тогда на экран — Мишель звонила ещё три раза. Затем был один звонок от брата. Дима решил, что перезвонит Всеволоду дома, тем более что таксист ни на минуту не умолкал. На одном из светофоров чуть не проехал на красный свет — так заболтался.

— Шеф, осторожнее, — сделал замечание пассажир, — не хватало мне попасть во вторую аварию за эту осень.

— Так вы попали в аварию? То-то я смотрю — рука в гипсе, — закивал таксист. — За рулём были сами?

— Да, вёл машину. Но виновник не я, увернулся от лихача, а справа в меня въехал другой автомобиль.

— В машине были пассажиры? Пострадали? — таксист повернул направо, проехал переулок, затем другой.

— Была девушка, но с ней, слава Богу, всё в порядке.

— Красивая? — хитро улыбнулся таксист.

— Очень, — Дима улыбнулся в ответ. Но больше ничего не сказал, да и таксист неожиданно замолчал, стал смотреть на дорогу. Наконец, приехали, Данилевский поблагодарил и стал вылезать из машины.

— Парень, а ты счастливый, — вдруг сказал таксист.

— С чего вы взяли? — удивился Дима.

— Ты всю дорогу слушал мой трёп и не сделал ни одного замечания, не показал, что я тебя раздражаю. На рассеянного ты не похож, значит, ты счастливый, — пояснил мужичок.

— Так просто и так верно, — согласился Дима.

— Вот что я тебе скажу: береги своё счастье. Мне почему-то кажется, что у тебя не всё так просто, но ты справишься. Бывай! — с этими словами он завёл автомобиль и уехал.

Данилевский ещё несколько минут удивлённо смотрел ему вслед. Машина уже скрылась из виду, а он всё стоял, пока телефонный звонок не вывел его из состояния оцепенения.

— Алло, — успел увидеть, что звонит брат. Разговаривать сейчас с Мишель не было никакого желания. Этот вечер навсегда останется в памяти и его нельзя испортить.

— Я поражаюсь, братишка, где тебя носит? Ты, между прочим, с гипсом! И не берёшь трубку, — Всеволод сходу пошёл в атаку.

— Севка, не ори как оглашенный. Со мной всё в порядке, даже очень в порядке, — радостно ответил Дима.

— Что такое? В голосе слышу совсем другие нотки, нежели было накануне, — сразу заметил старший брат. — Ты там трезвый?

— Неа, я опьянён!

— С ума сошёл что ли? Тебе нельзя, ты на лекарствах!

— Мне можно, потому что я опьянён любовью, Севка! Слышишь меня, любовью! Ты понял?

— Пока не очень... — протянул Всеволод. — Не хочешь ли ты сказать, что Мира...

— Ты лучший брат на свете! Ты всё сразу понимаешь. Да, Севка, я видел Миру, и мы разговаривали, целовались, мы всё выяснили, — сообщил он.

— Кто такая Мира? — услышал он слева от себя, повернул голову. Мишель стала снимать перчатки, смотрела на Данилевского, кривя губы в яркой помаде.

Глава 66

Книжная секция отъехала в сторону, открыв взору застеклённую нишу с рядами полок, на которых находились миниатюрные коробочки.

— Вот здесь коллекция зажигалок отца, — сказал Николай и открыл дверцы электронным ключом. — Это мой ключ, запасной, отец дал на всякий случай, — пояснил он.

— Ничего себе, — не скрыв удивления Турчанинов, — по сути такой же тайник, как и в случае с оружейным сейфом, только с противоположной стороны от камина и без комнаты, но с нишей для полок. Наверняка, стекло не бьющееся? Надо признать, придумано оригинально, — он протянул руку к одной из коробочек, — можно посмотреть? — в этом доме почему-то ощущал себя несколько неловко, хотелось чуть ли не извиняться за каждый свой шаг. Аристократы, едрить твою дивизию.

— Да, конечно, смотрите, — разрешил Николай. Следователь открыл коробочку с зажигалкой, положил на свою ладонь. — Это зажигалка фирмы Deakin & Francis. Серебро корпус, а сердечник из

латуни. Пайка, ручная гравировка, зажигалке сто тридцать шесть лет, — пояснил Николай так, будто говорил о чём-то несущественном.

— И сколько она может стоить? — поинтересовался Турчанинов, начиная думать, что погорячился в мыслях касательно глупости коллекционирования подобных вещей.

— Вроде бы, около тысячи долларов, — вспомнил Николай. — В коллекции отца есть и дороже экземпляры, есть дешевле.

— Но ни один из них не тронут, однако, — Турчанинов протянул руку к другой коробочке, открыл её — пусто. — А это что такое? Почему коробка пуста? — повернулся к Фертовскому.

— Не знаю, — Николай пожал плечами, — может, отец её отдал на реставрацию? Хотя, он давно ничего не реставрировал.

— Странно, вы так многого не знаете, что касается вашего отца, — следователь стал внимательно осматривать коробку.

— Ваше умозаключение безосновательно, — парировал Фертовский.

— Неужели? — Турчанинов положил коробочку на место, но оставил её открытой.

— Тогда почему ваш отец вам не доверял?

— С чего вы это взяли?

— А с того, что вы и понятия не имели, где находился его оружейный сейф, в котором хранилась довольно дорогая вещь. Точнее, их был целый набор, — Турчанинов поморщился, голова болела всё больше. Боль буквально стучала в висок.

— Значит, у отца были на то свои причины, — возразил Николай.

— Странные родственные связи — никому ни до кого нет дела, — следователь ухмыльнулся.

— Скорее так, мы не лезем в душу, не диктуем, не прессуем, не давим. Мы все взрослые люди, которые уважают выбор друг друга и правила, по которым каждый из нас живёт.

— Ну, хорошо, — смягчился следователь, — по-вашему, всё-таки, куда могла деться зажигалка? И если вы сможете, вспомните, какой она была.

— Я помню, какой она была, — вставила Елена Степановна, она успокоилась, по крайней мере, могла говорить связно и по делу. Так на неё повлияло присутствие сына хозяина, его спокойная уверенность и бесстрашие перед следователем.

— Ну-ка, Елена Степановна, просветите нас, — невольно улыбнулся Турчанинов.

— Там была трёхцветная зажигалка — все оттенки синего, на ней фигуры в виде треугольников, кажется, серебряная. Я не помню, как называется эмаль, которой она была покрыта. Слово какое-то чудное.

— Перегородчатая, — подсказал Фертовский, — перегородчатая эмаль. Зажигалка фирмы Alfred Dunhill, 1930 год выпуска.

— Замечательно, — обрадовался следователь, — у членов семьи начинает просыпаться память. А может, вы ещё и вспомните стоимость этой коллекционной штучки?

— Нет, цены я не знаю, мы не говорили о ней с отцом, — Николай задумался, — я вспомнил кое-что ещё, — сказал он.

— У меня сегодня ночь воспоминаний, — съязвил Турчанинов, — валяйте.

— Эту зажигалку никто не крал и не относил на реставрацию, — Николай поморщился от сленга следователя, — её мой отец просто подарил.

— Подарил? Кому?

— Моему сыну — своему внуку. Володя не так давно приехал из Штатов погостить у нас.

— Ваш сын живёт не с вами? — спросил Турчанинов, меняя тон. У него вдруг появилась уверенность, что он идёт по правильному пути. И что персонажи этой истории сами приведут его к разгадке.

— Нет, мы с его матерью давно в разводе, они уехали жить в США. Мой сын в этом году впервые после многолетнего перерыва решил приехать в Россию.

— Сколько ему лет? Как его имя?

— Владимир Фертовский, ему 22 года, — ответил Николай.

— Имя в честь деда? — Турчанинов опять потёр висок. — Где остановился ваш сын?

— У меня в доме.

— Он бывал здесь?

— Да, и неоднократно. Мой отец очень любит внука.

— Хорошо, возможно, в скором времени он мне понадобится. Предупредите его, чтобы никуда не уезжал, — следователь делал записи в блокноте.

— Могу я узнать, в какую больницу увезли Машу? — спросил Николай, он всё время думал об этом, но спросить не удавалось, следовательно задавал слишком много вопросов.

— Можете, конечно, вот адрес, — он накарябал на листке адрес больницы, — жена вашего отца в тяжёлом состоянии, но стабильном. Минутку, — он услышал, как зазвонил телефон и отошёл в сторонку. Николай подошёл к креслу, но не сел, только облокотился. Ему стало казаться, что он здесь уже несколько часов, хотя прошло всего ничего. Так устал от этой обстановки, где сновали оперативники, эксперты, от атмосферы, где тебя подозревают, Бог знает в чём.

— Николенька, — экономка, улучшив момент, пока никто не смотрит, тихо позвала его. Она проходила мимо и задержалась у его кресла. — Я нашла вот это на пороге комнаты, где был вскрыт сейф, полиция не увидела, — на ходу что-то вложила в его руку.

Фертовский зажал в ладони квадратный предмет, не успев понять, что ему передала Елена Степановна. Вернулся следователь.

— Я отпускаю вас домой, поезжайте. Но если вы мне понадобится, будьте на связи, Николай Владимирович, — Турчанинов впервые назвал его по имени-отчеству. — Да, вот ещё что: фамилия Зорин вам что-нибудь говорит?

— Да, Вадим Зорин — мой двоюродный брат, его мама — родная сестра моего отца, — удивился вопросу Николай.

— Понятно, — следователь сделал ещё какие-то пометки. — Можете быть свободны. До свидания.

Глава 67

Сон опять никак не шёл к Дмитрию, настроение оставляло желать лучшего. Мишель устроила ему скандал тут же у дома, обвинила во всех грехах, рыдала как провинциальная актриса — с громкими всхлипами и заламыванием рук. От такого натиска и моря слёз Данилевский растерялся, не знал, как себя вести, но в одном был уверен точно — ни за что не откажется от Миры. Её образ на фоне учинённого бывшей невестой скандала, казался ещё светлей, желанней.

Вконец измучившись от бессонницы, Дима устроился на кухне, включил телевизор, предварительно убрав в нём звук, и стал смотреть какой-то фильм, судя по антуражу — фантастический. Надо было хоть

как-то отвлечься и собраться с мыслями. Сегодняшний вечер получился слишком насыщенным — сначала выяснения отношений с Мирой и, слава Богу, всё уладилось, а потом истерика Мишель. Для равновесия, наверное. Потому что нельзя быть таким счастливым. Кто сказал эту ерунду? Конечно, можно. Ведь счастье — миг, состояние души. Просто у кого-то этих мигов больше, у кого-то меньше. И счастливым можно быть по-разному. Данилевский поймал себя на мысли, что после аварии стал много рассуждать, анализировать. Мозг что ли тряхнуло так?

Он посмотрел на экран телевизора — астронавты боролись с инопланетными чудовищами, стреляли, взрывали, от страха таращили глаза, вытирали пот, и всё это молча, потому что звук у телевизора был выключен. Вот так иногда хотелось бы выключить звук у некоторых людей.

— Севка, ты не спишь? — судя по тому, что старший брат быстро взял трубку телефона, можно было надеяться, что не разбудил.

— Сплю, почти, — Всеволод и, правда, уже почти погрузился в сон. Но телефон был рядом, поэтому быстро отозвался.

— Прости, пожалуйста, но меня мучает бессонница.

— Что-то случилось? — встревожился старший брат. — Ты после встречи с Мирой должен вроде спать как младенец.

— Возле дома меня ждала Мишель, и она слышала наш разговор о Мире, — сообщил Дима.

— Тогда можешь не продолжать, — догадался Всеволод, — устроила скандал?

— Ещё какой, — вздохнул Дима.

— Ты поэтому не можешь уснуть?

— Да нет, Мишель в прошлом, пусть скандалит, истерит, вообще делает, что хочет. Меня тревожит другое.

— Что же? — Всеволод перевернулся, лёг на спину.

— Мама. Вот кто не отступит. В последнее время её молчание меня настораживает больше, чем выпады Мишель. Это как затишье перед бурей.

— Вот тут мне тебя утешить нечем, опасения небезосновательны. Я слишком хорошо знаю нашу мамочку. По сути, и мой брак распался, во многом, благодаря ей, точнее, я тоже по её протекции выбрал себе жену. И вот что в итоге вышло. Так что, братишка, двигайся в том

направлении, которое выбрал сам. Пусть это будут твои решения, твои поступки, твои промахи и ошибки, но и твоё счастье. Как там звучит фраза «В жизни существует всего два важных решения: куда идти и кого взять с собой».⁸

— Спасибо, Сева, ты не только превосходный брат, но и лучший друг. Твоя поддержка бесценна, поверь, — с чувством сказал Дима.

— В следующий раз, когда ты будешь на меня злиться, я напому тебе эти слова, — засмеялся Всеволод.

— А я от них всё равно не отрекись, — улыбнулся в ответ младший брат.

— Ну, признайся, Мира говорила тебе о своих чувствах? Я не был бы столь любопытен, будь на её месте любая другая девушка, но Мира... Она неповторима, исключительна. Мира — это своего рода мечта, фантазия. Я прав?

— Именно так и есть, — подтвердил Дима.

А сам подумал, что дело не только в её внешней привлекательности, безусловно, она красива, но было в Мире особое женское очарование, пленительность, причём без уловок и лукавства. А ещё ум, настоящий ум, который шёл от сердца.

— Тогда вот что, Димка, держись крепко за свою мечту. И храни те чувства, что возникли между вами.

— Да, ты прав. Спасибо, что поговорил со мной, братишка, а теперь — спокойной ночи тебе! — пожелал он Всеволоду и сам отправился в кровать. После такого приятного разговора, может, и сон придёт быстрее. Тем более что по телевизору фантастический фильм тоже кончился — как всегда, победили американцы, они опять спасли мир.

Дмитрий проспал почти до обеда. Сначала не мог понять, откуда так долго и тревожно раздаётся звонок, сел в кровати, помотал головой, взъерошил волосы. Наконец, понял, что звонят в дверь.

— Мам, привет, — отошёл в сторону, потому что она вошла решительно, чеканя шаг. Окинула взглядом квартиру, взяла стул, села на середине гостиной.

— Валяясь в постели до обеда, ты совсем собьёшь свой график, — ещё раз окинула взглядом обстановку, — и грязь везде,

Дмитрий, ты опустился донельзя. Когда приходила уборщица? Почему Алевтина не хочет выполнять свою работу? За что ей платят?

— Мам, не придумывай, нет никакой грязи, не убраны мои вещи и только, — Дима пошёл в ванную комнату, умылся прохладной водой, пригладил волосы. Стал чистить зубы. — Алевтина была позавчера, она прекрасно выполняет свою работу, — прошамкал он через рот, полный зубной пасты.

— Что с твоей рукой? Когда ты вернёшься к обычной жизни?

— В четверг к доктору, он посмотрит, может, снимет уже гипс, не знаю. Он ничего не обещал, — Дима вернулся в гостиную, очки убрал со стола в футляр.

— Ты нашёл те очки, которые потерял в аварии?

— Да, нашёл, — ответил он.

— И где они были?

— Там, в ... машине, — он не готов был врать, но и правду говорить нельзя. Забыл, эти очки фирмы Rodenstock ему привезла мать из Германии, выбирала сама. О своих подарках она всегда помнила.

— Как там Мишель? Она звонила? — Фаина Витальевна смотрела на сына, будто рентгеном просвечивала.

— Наверное, нормально, — Дима сел за стол, подпёр подбородок ладонью.

— Наверное? Вы что не видите?

— Мам, мы больше не встречаемся, тебе это известно. И мне казалось, что нет смысла возвращаться к этой теме, — он постарался придать голосу больше твёрдости.

— Это тебе только казалось, — парировала Фаина Витальевна, — тему свадьбы мы не закрыли. И всё остаётся в силе. Мы же ничего не отменяли, всё, что предварительно заказано — осталось, часть этого уже оплачена.

— Не проблема дать задний ход, я всё отменю и отзову заказы. Потеря материальных затрат меня не волнует, — как только он произнёс эти слова, на айфон, лежащий рядом на столе, пришло сообщение. Дима прочёл его и улыбнулся так, что Фаина Витальевна вдруг поняла — сообщение прислала женщина. В противном случае не было никакого другого объяснения такого резкого поворота в поведении и решениях сына. Да, он влюбился. Поэтому отменил свадьбу, поэтому потерял интерес к Мишель. Но как быстро всё

произошло! Что же там за женщина, которая захватила его сердце? Заставила забыть обо всём, да ещё вести себя так, как будто ему действительно неважна семья и дела фирмы.

— Дорогой, хватит спорить, — неожиданно миролюбиво сказала Фаина Витальевна, — давай просто мирно попьем кофе? — предложила она. — Мы так давно не пили вместе кофе. Сваришь?

— Хорошо, кофе так кофе, — Дима пожал плечами и отправился варить кофе. Тем временем Фаина Витальевна, улучшив момент, взяла в руки айфон сына.

Глава 68

— Ты так и не ложишься спать? — Надежда вошла в столовую, муж сидел, положив ноги на стул, и курил.

— Ох, прости, пожалуйста, что курю здесь, Надюша, — он резко поднялся с места, приоткрыл окно, чтобы выпустить наружу сигаретный дым. — Да, не спится, — сел напротив жены.

— Я очень переживаю за Машу, — сказала Надя.

— Мы съездим сегодня в больницу, обязательно, — кивнул Николай, стал тереть подбородок — признак особого волнения.

— Николенька, я понимаю: всё случившееся крайне неприятно — кража в доме, где ты вырос, ночной допрос, беда с Машей, но у меня ощущение, есть что-то ещё, что гложет тебя сильнее, чем всё это вместе взятое, так ведь? — она погладила мужа по руке.

— Моя жена, мой ангел, за все эти годы ты действительно стала мне самым родным и дорогим человеком, поэтому так тонко чувствуешь меня, чуть ли не читая мысли, — он поднялся с места, включил чайник, встал у окна. — Да, есть кое-что, сильно напрягающее и удручающее меня. И чем больше я об этом думаю, тем мне горше. Подозрения крепнут. Как бы я хотел, чтобы ты их развеяла!

Надя подошла к мужу, прижалась, положила голову ему на грудь.

— Поделись со мной, — сказала тихо. Он тяжело вздохнул, полез в карман джинсов.

— Что это? — Надя увидела на ладони прямоугольный предмет смешанного сине-голубого цвета, довольно изящный.

— Это зажигалка из коллекции моего отца, — стал пояснять Николай, — он подарил её Володе, когда тот только приехал.

— Подожди, а почему тогда зажигалка у тебя? — сразу задала вопрос Надежда. Подняла на мужа глаза.

— Потому что её нашла Елена Степановна — в доме моего отца.

— Возможно, твой сын потерял зажигалку там, когда бывал?

— Да, потерял, — кивнул Николай, — но вся беда в том, что потерял он её в том месте, где был вскрыт оружейный сейф.

— Что?! — Надя подумала, что ослышалась. — Ты уверен? Может, это какая-то другая зажигалка? — у неё неприятно засосало под ложечкой.

— Уверен, Степановне лгать незачем. И зажигалка эта та самая, на ней перегородчатая эмаль, её едва ли перепутаешь с другой, — грустно сказал Николай. — О том, что зажигалка была на месте преступления, полиции неизвестно. Мы со Степановной промолчали.

— Тогда тебе ничего не остаётся, как спросить об этом сына, — сказала Надя.

— Я бы спросил, да не у кого, — он опустил глаза.

— То есть?

— Володи нет в его комнате, — Николай сделал паузу, — и вещей его тоже нет.

— О, Господи, всё сходится, — Надя села за стол. Неужели проклятье всё же имеет силу? И начало действовать?

— Что сходится? — Фертовский нахмурился.

— Несколько дней назад Маша мне рассказывала, как невольно слышала разговор Володи по телефону. Он говорил о каком-то тайнике, и всё время упоминал своего деда, правда, разговор был по-английски, Маша не всё поняла. А ещё, это заметила Степановна, что он долго был в библиотеке — один. И как ей показалось, что-то искал там.

— Надя, ты понимаешь, что все эти события становятся цепью серьёзных подозрений? Если не обвинений, — он отвернулся к окну, даже ссутулился.

— Понимаю, Коля, факты — упрямая вещь. Но мне интересно вот ещё что: от кого твой сын узнал о гарнитуре? Дело в том, что твой отец ему не рассказывал, они на этой почве даже поссорились, Владимир Григорьевич предпочёл не информировать внука, не знаю, по каким причинам, ему виднее. Об этой ссоре упомянула Маша, — Надя была вынуждена не говорить мужу всей правды. Она дала слово свёкру.

— О гарнитуре сыну рассказал я, Надя, — признался Николай, — в разговоре о семейных раритетах я как-то упомянул о том, что у моего отца есть редкая семейная реликвия, — он опять вздохнул, — но я не знал, что это тайна. И тем более, не знал, где хранился сам гарнитур. Так что моя информация для сына была неполной. Но тот, кто украл гарнитур из квартиры, знал место тайника и код, и сигнализацию. Неужели мой сын... — он замолчал, не в силах произнести фразу до конца.

Вдруг за полуоткрытой дверью послышалось шуршание.

— Это ещё что такое? — Николай выскочил в холл и обнаружил Сашу, которая в растерянности смотрела на отца. — Иди-ка сюда, моя дочь, — он взял девочку за плечо и привёл в столовую. — Что ты там делала? Подслушивала? А ты знаешь, что подслушивать нехорошо?

— Знаю, — Саша скривила губы, теребила в руках только что оторванную пуговичку от фланельной пижамы, — но он тоже подслушивал, когда мама разговаривала по телефону с дедулькой. Я ему сказала, а он меня отругал и прогнал.

— Да кто он-то? — в один голос воскликнули родители.

— Твой сын, вот кто! — Саша оттопырила губу. — Мама включила телефон громко и разговаривала с дедулькой, а он подслушивал.

— Саша, когда это было? — Надя в ужасе расширила глаза.

— Вчера или после вчера, я не помню, ты котлетки тогда делала. А ещё твоему сыну, папа, звонил какой-то дядя по имени, — она задумалась, — он называл его...помнишь, мы сказку читали, там у хозяйки был слуга, он сидел верхом на лошади, кажется? Или на карете. Такое слово...

— Грум, — подсказал Николай.

— Да! Твой сын говорил Грум дяде по телефону. Они много разговаривали, я кое-что понимала, по-английски. Деда меня учит английскому, — с гордостью сказала девочка, успокоившись, родители её уже не ругали, они только переглядывались.

— И что же ты поняла, деточка моя? — Надя наклонилась над дочерью.

— Твой сын, папа, говорил Груму, что надо сделать план, что надо думать. Потом что-то про ночь и ещё какого-то человека.

— Сашенька, обещай мне, что никому об этом не расскажешь, хорошо? — Надя прижала дочь к себе. Николай закрыл лицо руками.

В этот момент следователь Турчанинов набирал номер телефона своего бывшего одноклассника Вадима Зорина. Они должны были встретиться ещё вчера, но Вадим не приехал. А теперь у Турчанинова был интерес к Зорину.

Осеннее утро будило город, оранжевые от света фонарей листья шуршали под ногами, деревья почти совсем оголились, размахивали на ветру тёмными ветвями, как руками. В небольших замёрзших лужицах отражались огоньки вывесок и витрин. Начинался новый день.

Глава 69

Вадим ввалился в квартиру, чем-то грохнул, не удержал равновесия и сел прямо на пол. Хорошо, что дверь не была закрыта на замок, а то бы точно не смог попасть ключом в замочную скважину. Зорин огляделся, кое-как вытащил из-под себя ногу, на которой сидел. Ботинок отлетел к двери. Вадим проследил за траекторией его движения и хлопнул в ладоши.

— Зорин, ты с ума сошёл? — Вика выскочила в коридор, увидела мужа и остолбенела. — Где тебя носило всю ночь? Я оборвала телефон, куда только не звонила. Твой вообще недоступен! Господи, где ты так надрался? Где ты был? — она к своему ужасу вспомнила, что в последний раз он так напился, когда узнал, что погибла его бывшая жена. Заглушил боль алкоголем. Что же случилось теперь?

— Ммм, — Зорин помотал головой, посмотрел на жену мутным взором.

— Вадик, дорогой, что произошло? — Виктория сменила тон, подошла к нему.

— Ты меня не любишь, — пробасил он, с трудом подбирая слова, в голове гудело так, будто там поместили Иерихонскую трубу.

— Из-за этого ты так напился? — Вика присела на корточки рядом с ним.

— Да, из-за, — Зорин стал кивать как китайский болванчик.

— Сейчас с тобой разговаривать бесполезно. Давай вставай с пола, снимай куртку и обувь, — сказала Виктория. Зорин попытался встать, но не сумел. Тогда жена сняла с его куртку так — прямо на

полу, второй ботинок соскочил сам. — Вставай, Зорин, сколько можно здесь сидеть, — потянула его за руку.

— Нет, — он стал отмахиваться, — уйди!

— Будешь спать в коридоре? Кошмар, Вадим, до чего ты докатился, — ей вдруг стало жалко его — по-бабьи, саднящее-тоскливо, да и себя заодно. Вроде бы жили нормально, ну всякое бывало, никто не идеален. Но ведь вместе же. Правда, Виктория всегда считала, что она любит сильнее. Но Зорин женился на ней. А теперь он, оказывается, страдает из-за того, что жена его не любит? Даже из-за этого напился. Недавно устроил скандал — ревновал. Радоваться или плакать?

Виктория кое-как волоком втащила Вадима в комнату, оставила его там — на полу, лишь положила ему под голову подушку. Зорин через минуту захрапел — тяжело, хмельно.

Проснулся спустя несколько часов. Обнаружил себя лежащим на полу в гостиной, под головой сильно измятая подушка, плед откинут в сторону. В голове гудеть перестало, зато накатило чувство какой-то бессмысленной пустоты, во рту — пустыня. Зорин, всё ещё сидя на полу, прислонился к дивану, вытянул ноги. Пришла кошка, тихонько замурчала, стала тереться о его ноги.

— Ох, Муся, мне так фигово, — пожаловался Вадим, — хорошо, что не надо на работу. Хорошо или нет? Чёрт его знает. Может, и не напился бы, зная, что на работу.

— Ты взял отгул? — в дверях стояла Виктория. Глубже запахла пеньюар.

— Да, — ответил Вадим, не поворачивая головы в сторону жены.

— Почему мне не сказал об этом?

— А тебе разве интересно знать, что со мной происходит? — стал тереть глаза, облизал губы — жутко хотелось пить.

— Вадимыч, ты сейчас в состоянии выяснять отношения? — Вика прошла в гостиную, села на диван.

— У меня вообще нет никакого состояния, — Зорин стал хлопать себя по карманам в поисках телефона. Нашёл, посмотрел на экран. Темно. В очередной раз пропустил момент подзарядки. Но вчера вечером телефон ещё работал. Он вдруг вспомнил, что раз десять пытался набрать сообщение Море — это уже когда был пьян. Боже,

какой дурак! Не хватало ещё в свои проблемы втягивать эту девочку. Хорошо, если всё-таки сообщения не отправил.

— Что с тобой, Вадик? — Виктория протянула руку и взъерошила его жёсткие волосы. Он вздрогнул.

— Хочешь правду? — Зорин повернул голову и посмотрел на жену.

— Хочу, — кивнула.

— Я думаю — ты меня больше не любишь.

— Вади-и-м, ну что за глупости приходят в твою голову? — она придвинулась ближе и положила руку ему на плечо. — Ты ведёшь себя как ребёнок.

— Ты отталкиваешь меня. Сколько времени мы больше не спим вместе?

— И только поэтому ты решил, что я не люблю тебя? — мягко удивилась Вика.

Он, кряхтя, поднялся, качнуло в сторону, восстановил равновесие и пошёл на кухню. После выпитых залпом двух стаканов воды, стало немного легче.

— Вадим, — Виктория вошла на кухню вслед за мужем, — ты ошибаешься. Я люблю тебя также сильно, как и прежде. Ты — моя жизнь. Мой дорогой Зорин, поверь.

— Поверить? — Вадим налил себе ещё стакан воды, но пить не стал. Ушёл в коридор, быстро вернулся. — Что это такое? — протянул жене бумажку. Вика прочла содержимое, недоумённо уставилась на Зорина.

— Какая-то справка об освобождении, — она ещё раз прочитала на ней имя и внимательно посмотрела на фотографию — не помнит этой жуткой физиономии. — Зачем ты мне её дал?

— А затем, что эта справка была в кармане твоего пальто, — выдавил из себя Вадим.

— Какого пальто? — у Вики всё похолодело внутри.

— Да, того самого, что лежало грязным в пакете и ты потребовала его выбросить.

— Ты рылся в карманах?

— Ну, знаешь ли, прежде чем отнести вещь на помойку, я всегда проверяю карманы. У меня уже был неприятный опыт — выброшенная старая куртка вместе с пропуском на работу.

— И в моём пальто была вот эта справка?

— Да, именно так, — подтвердил Вадим.

— Ты хочешь сказать, что я и этот уголовник... — она в ужасе уставилась на супруга.

— Да ничего я не хочу сказать, — стал злиться Вадим, — но я не понимаю, как она попала в карман твоего пальто. Ты можешь это объяснить?

— Нет, не могу, — Вика устало опустилась на стул. Внезапно в голове сложилась вся цепочка событий. Неужели это и был тот самый Бик, который пытался её изнасиловать?

— Тебе действительно мне нечего сказать? — Вадим внимательно смотрел на жену.

— Я не знаю, Вадик, правда, не знаю, как эта бумага оказалась в кармане моего пальто.

— Но оно было грязным. Почему?

— Я упала и испачкала его. Может быть, пока поднималась, каким-то образом прихватила с земли, вместе с листьями и сунула в карман, сама того не осознавая?

— Не очень убедительное объяснение. Как можно сунуть себе в карман что-то чужое и к тому же не помнить об этом? Только если ты была пьяна... — он замолчал, вспомнив, что сам сегодня пришёл далеко не трезвым.

— В тот вечер мы с Надей встречались и, действительно, выпили, я не стану отрицать, — Вика опустила голову. Тот вечер она так гнала из своей памяти, а он всё равно напоминал о себе.

— Ладно, всё бывает, и сейчас я не в том положении, чтобы читать нотации, — вздохнул Вадим, подошёл к жене, прижал её к себе.

— Вадимыч, ты мне веришь? — она чуть не плакала.

— Верю, Корецкая, верю.

— Я — Зорина и всегда ею останусь, — крепко обняла мужа.

Глава 70

Мира вышла на улицу после рабочего дня, натянула перчатки, поправила шапку. Огляделась по сторонам.

— Девушка, разрешите с вами познакомиться? А что если, я подремлю на вашем мягком плече? — услышала возле самого уха, обернулась. Увидев Данилевского, засмеялась.

— Привет, — сказал он и поцеловал её в губы. Весь такой гладко выбритый, душистый, со смеющимися глазами.

— Привет, — Мира поймала себя на том, что ей нравится на него смотреть. — Какие сегодня планы? Ты что-то писал про сюрприз, — спросила она.

— Да, раз у нас началось всё именно на Сухаревской, сегодня мы опять туда поедem, — он хитро прищурился.

— Ох, ты, — Мира шутливо сжала его руку, — и что мы будем делать на этот раз?

— На этот раз мы пойдём в театр, билеты уже куплены, — сообщил Дима.

— А, театр на Сухаревской? Я обратила на него внимание, но не была там ни разу.

— Вот мы и восполним этот пробел. Я, конечно, мог купить билеты в более пафосное и дорогое место, пытаюсь произвести на тебя особое впечатление, но я знаю, что ты это не любишь. Тем более что я уже произвёл на тебя впечатление, надеюсь? — он обнял её за плечо.

— Димка, мне нравится твоё чувство юмора, — Мира усмехнулась, почему раньше не замечала, что он умеет шутить. В знак благодарности он опять поцеловал её. — А что за спектакль?

— По пьесе Алексея Арбузова «Мой бедный Марат»⁹. Мне многие рекомендовали посмотреть эту постановку. Говорят, что спектакль производит сильное впечатление.

— Здорово, тогда мы точно должны на нём побывать, — кивнула Мира. Дима обратил внимание, что ему «мы», сказанное Мирой, особенно по душе.

Они вошли в вагон метро, встали у противоположной от входа двери. Данилевский прижал Миру к себе и посмотрел на её губы.

— Я бы целовал тебя каждую минуту, — прошептал ей на ухо с самым серьёзным видом. — И вообще отныне метро у меня будет ассоциироваться с самым романтическим местом на земле. Потому что здесь я встретил тебя.

— А я тебя, — Мира слегка покраснела.

А вагон метро всё заполнялся и заполнялся. Кто с работы домой, кто на работу, кто на учёбу — час пик. Многие слушали музыку в наушниках, кто-то читал, кто-то переписывался в телефоне, кто-то просто дремал. Разные возраста, разные люди, десятки сотни, тысяч,

все они часть своей жизни проводили в метро. Спешили по делам, назначали встречи, свидания, ждали, уходили, иногда не дождавшись, расставались тоже в метро. Конечно, всегда были и будут те, кто презрительно относится к перемещению в метро, никогда не спускаясь в подземку. Но это их выбор, их решение.

При сходе с эскалатора Данилевский подал Мире руку, они вышли на улицу, остановились. Вечер опустился на столицу, небо стемнело быстро, по-осеннему. Но оживление на проспектах и улицах только усилилось, неустанный поток машин, которые останавливались только на светофорах или переходах, многочисленные магазины и особенно кафе, которые зазывали посетителей после утомительного рабочего дня посидеть за разговором и попить кофе. Подсветка куполов храма, который находился тут же, у метро, создавала особую атмосферу, когда понимаешь, что среди суеты и скоростей всё равно необходимо найти время, чтобы подумать о своей душе. А у ларька, где продавали монастырскую выпечку, толкалась пара бомжей неопределённого возраста. Они заискивающе смотрели на тех, кто совершает покупки в ларьке, время от времени по лицу выбирали особо добрую, как правило, женщину, и просили у нее — то денег, то пирожков. Иногда им везло. Они, делясь друг с другом, жадно уплетали пирожки, не отряхивая крошки с грязных потёртых курток. И продолжали попрошайничать.

Дима поймал взгляд Миры, которая внимательно наблюдала за бомжами. Затем она полезла в карман, достала оттуда купюру в сто рублей.

— Не давай им деньги, они, скорее всего, пропьют, — остановил он Миру, — подожди меня здесь.

Направился к ларьку, остановился у его витрины, бомжи тут же обратили внимание на хорошо одетого молодого человека, сделали к нему шаг и передумали, такие обычно, не выбирая выражений, нещадно их обругивали. Могли и нецензурно выразиться.

— Мужики, с мясом или картошкой? — Данилевский повернулся к бомжам. Они не поверили своим ушам, на всякий случай промолчали. — Так с чем хотите? — повторил он вопрос. Бомжи переглянулись.

— А можно и с мясом, и с картошкой? — наконец, беззубо прошепелявил один из них.

— Можно, — кивнул Дмитрий и повернулся к продавщице. Через пять минут бомжи, не веря своим глазам, держали в немых руках большой пакет пирожков и два бумажных стаканчика обжигающе горячего сладкого чая.

— Командир, — уже в спину благодетелю крикнул один из них, тот самый, что просил пирожки двух видов, — спасибо! Пусть у тебя будет счастье!

— Оно у меня уже есть, — ответил через плечо Данилевский.

— Дим, я не знаю, что сказать, — Мира смотрела на него во все глаза.

— Да ничего не говори. Только не думай, что я рисовался перед тобой, — ответил он серьёзно.

— Я так и не думаю, — она прижалась к его плечу. — Я лишь знаю, что ты мне бесконечно дорог, слышишь?

— Слышу, моя девочка, — тепло улыбнулся. Кажется, даже смутился, потому стал суетиться, посмотрел на часы. — У нас до спектакля ещё есть время, почему бы и нам не поужинать? — перевёл взгляд на Миру. — Что скажешь?

— Скажу, что я за! — Мира вспомнила, что хотела посидеть с Таисьей как раз в одном из кафе на Сухаревской, там, где за витриной так манили пирожные. — Только кафе выберу я, хорошо?

Они вошли в то самое уютное небольшое кафе с французским названием, где играла джазовая музыка, столики из красного дерева были круглыми, а за витриной из-за необычной формы — пузатого стекла на посетителей смотрели всевозможные пирожные и печенья под прозрачными колпаками.

— У тебя прекрасный вкус, — одобрил Дмитрий, — мне здесь определённо нравится, — даже одной рукой сумел помочь Мира снять пальто, усадить за стул, сам сел напротив. — А если я сейчас тебя поцелую? — шепнул, улучшив момент, когда официант, который взял у них заказ, повернулся к ним спиной.

— Целуй! — весело ответила Мира.

Глава 71

— Папа, как ты себя чувствуешь? — Николай сидел у отца в палате. Зашёл несколько минут назад, перед этим они с женой ездили навещать Машу. Та была пока без сознания, но врачи обнадёживали. А

ещё врачи сообщили новость, которая явилась полной неожиданностью для семьи — Маша была беременна. В связи со случившимся теперь Маше нужен особый уход и наблюдение. Угроза выкидыша была, но теперь всё стабилизировалось. По крайней мере, медики уверили в этом Николая и Надю.

Звонил Турчанинов, осведомлялся о самочувствии пострадавшей, узнав о её беременности — спросил Надежду, как по её мнению, сама пострадавшая была в курсе, что беременна? Надя ответила, что вряд ли, недавно они говорили о плохом самочувствии Маши, но речи о том, что это может быть беременность, не велось. Турчанинов попрощался.

— Я чувствую себя нормально, — отозвался Фертовский-старший, — Никола, я же не болею, просто обследуюсь. Бездельник, одним словом. Меня тревожит другое.

— Что, пап?

— Почему вот уже вторые сутки мне не звонит Маша? И на мои звонки тоже не отвечает? Ты её видел? С ней всё в порядке? У меня какие-то странные предчувствия, — он потёр грудь с левой стороны.

— Папа, дело в том, что Маша приболела, — Николай прятал глаза. — Мы не хотели тебя тревожить, поэтому не сообщили.

— Что это значит? — встревожился Владимир Григорьевич. — Что с моей супругой? Почему она не звонит, если даже приболела?

— У неё ангина и к тому же пропал голос — совсем, — на ходу придумал Николай. Выдохнул. — Ты сам понимаешь, что с ангиной надо лежать в постели, а без голоса никому не позвонишь.

— Бедная моя девочка, — покачал головой Фертовский-старший, — где её угораздило подхватить ангину? Когда я уезжал, она не жаловалась.

— Осень, ты же понимаешь, сыро, холодно. К тому же, наверняка, подхватила вирус, — пояснил Николай, поражаясь сам себе — сумел выкрутиться.

— Да, всё верно. Накажи Степановне, чтобы ухаживала за ней как следует. И сам, пожалуйста, навещай Машу, обещаешь?

— Даю слово, папа, не волнуйся, — пообещал Николай.

— И ещё у меня есть одна тревога — Володя, — вздохнул Фертовский-старший. — Он так и не приехал ко мне, так и не простил. Мальчик затаил обиду на родного деда.

— Вы поссорились? — осторожно спросил Николай.

— Ну, можно сказать и так. Он на меня очень обиделся, но, видит Бог, я не хотел. Ты же знаешь, как я люблю своего внука.

— Знаю, папа. Но также знаю, что у Володи сложный характер, он категоричен. К тому же максималист, поэтому постарайся не переживать, со временем всё разъяснится.

— Разъяснится? — переспросил Владимир Григорьевич.

— Уладится, я хотел сказать, — Николай посмотрел на часы, — пап, мне пора. Завтра к тебе собрались нагрянуть Надя с Сашкой. Примешь двух дам?

— Всенепременно приму! — обрадовался он. — Пусть приезжают, буду ждать моих любимых дам.

Николай вошёл в дом, на кухне готовили явно что-то очень вкусное, оттуда тянулись такие ароматы, что он сразу почувствовал голод.

— Привет, — встал у входа в кухню, жена крутилась у плиты, Саша рисовала за столом.

— Папа! Привет, — девочка подбежала к отцу, обняла его. — А мы тут готовим вкусное, — тут же сообщила она. — То есть готовит мама, я рисую.

— Ты её вдохновляешь? Я так и понял, — Николай подошёл к жене, поцеловал в щёку. Сел за стол.

— Скоро покормлю тебя, — пояснила Надя, — ты был у отца? Как он?

— Нормально, тревожится не за себя. Маша не звонит ему. Он обеспокоен её молчанием.

— И что ты сказал? — Надежда оторвалась от приготовления говядины, нахмурилась.

— Что сказал — пришлось импровизировать на ходу. Я придумал про ангину и пропавший голос у Маши. Поэтому она не может ему позвонить. Хорошо, что отец не освоил в телефоне приложения с сообщениями. Вот тогда бы я точно не выкрутился.

— А что с Машей? — вставила Саша. Родители забыли, что она здесь.

— Ты же слышала, что она заболела, у неё ангина, — Надя покачала головой. Надо дочь отправить играть в детскую.

— Ангина? — переспросила Саша.

— Да, это когда сильно болит горло, у тебя была ангина. Помнишь, тебе было больно глотать?

— Помню, это ужасно. Мы навестим Машу? Ей же скучно. Я знаю, как скучно болеть, — справедливо решила девочка.

— Навестим, но позже. Пока к ней нельзя. Иначе мы заразимся. Мы же не хотим болеть? Сашулька, сходи к себе в комнату, поиграй там, пожалуйста? — попросила Надя, повернувшись к плите. — Я позову тебя к столу.

— Хорошо, мамочка, — согласилась Саша. — Я возьму с собой бумагу и карандаши. Нарисую, как доктор лечит Машу, да?

— Нарисуй, моя рыбка, конечно, — Надежда поцеловала дочь в макушку.

— Я всё думаю про зажигалку, — Николай посмотрел вслед убегающей дочери, затем встал и закрыл дверь кухни — на всякий случай. — И вообще обо всём, что случилось. Володя с самого начала своего приезда сюда был каким-то озабоченным, его что-то тревожило. Я корю себя за то, что не поговорил с ним, не расспросил, что за проблемы могли быть у мальчика. Может, следовательно Турчанинов прав — я действительно равнодушный сын и отец? Мне нет ни до кого дела?

— Николенька, что ты такое говоришь? — Надя подошла к мужу. — Откуда следователю Турчанинову, который видел тебя десять минут, знать, какой ты? Его дело искать преступников, а не давать характеристики родственникам потерпевших.

— Давать характеристики — как раз тоже его дело. Через это он пытается понять, кто и что окружало семью, мотивы поступков, возможные подозреваемые. Он рисует полную картину. И делает выводы на основе фактов, — сказал Николай.

— Знаешь, существует такое изречение, что факты можно подогнать под любую схему, — парировала Надежда. — Турчанинову не мешало бы об этом тоже помнить.

— Наверное, ты права, — задумался. — Следовательно в конце нашего разговора там, в квартире ночью, почему-то спросил меня о Зорине, — вспомнил Николай.

— О Вадиме? — удивилась Надя. — А Вадим здесь причём?

— Я не понял, в этой истории мы многого не знаем, и как бы ни появились ещё сюрпризы.

Глава 72

Раздался звонок в дверь, ещё один. Вадим только что принял душ, одеться не успел. После дневных выяснений в доме наступил мир, по крайней мере, подозрения развеялись. И стало легче.

— Вика, открой, пожалуйста, дверь, — крикнул Вадим из ванной комнаты.

Виктория подошла к входной двери, посмотрела в глазок, по ту сторону стоял крупной комплекции мужик без головного убора, в лёгкой, не по сезону куртке.

— Кто вы? Что надо? — с трудом подавив испуг, крикнула Вика.

— Здесь проживает Вадим Георгиевич Зорин? — зычно спросил мужик. — Я — следователь Турчанинов. Мне надо поговорить с Зориным.

— Следователь? — у Вики так заколотилось сердце, будто пришли за ней, и именно она совершила преступление.

— Кто там? — Вадим вышел из ванной комнаты.

— Говорит, что следователь. Какой-то Турчанинов, — ответила Виктория внезапно осипшим голосом.

— Турча? Это же мой школьный друг, — воскликнул Вадим. — Ёлки зелёные, совсем забыл, я же вчера должен был приехать к нему в отделение. Открывай скорее Женьке.

Виктория открыла дверь, следователь вошёл, бросил на неё быстрый и оценивающий взгляд.

— Здравствуйте, — сказал вежливо, но холодно. Увидел Зорина, расплылся в улыбке. — Привет, дружище!

— Привет, Женька! Ты сам решил ко мне наведаться? — они обнялись и похлопали друг друга по плечу.

— Ну, если Магомет не идёт к горе, дальше сам знаешь, — Турчанинов опять посмотрел на Викторию.

— Да, знакомьтесь, — спохватился Зорин, — Жень, это моя супруга — Виктория. Вика, Евгений Турчанинов — мой школьный друг, мой питерский школьный друг.

— Будем знакомы, — ответил следователь вместо привычного «очень приятно».

— Проходите, пожалуйста, — предложила Виктория, — чай или кофе?

— Ничего не надо, — ответил следователь, — спасибо. Мы просто поговорим.

— Хорошо, я оставлю вас, — Вика удалилась в спальню. Мужики прошли в гостиную, Турчанинов сел в предложенное Вадимом кресло.

— Я, честно говоря, не надеялся тебя застать дома днём, — сказал Турчанинов, закидывая ногу на ногу, — зашёл случайно, был в вашем районе. Дай, думаю, позвоню в дверь. Домофон, смотрю, у вас не работает.

— Да, сломался пару дней назад, — подтвердил Вадим, усаживаясь напротив, всё ещё вытирая полотенцем мокрые волосы. — Надо бы камеру поставить в квартиру, да что-то руки никак не дойдут.

— Ну да, руки до многого не доходят, — кивнул Турчанинов, — руки, голова, — добавил многозначительно, — а кстати, почему ты днём дома, а не на работе?

— Узнаю следователя, — улыбнулся Вадим, — всё просто — у меня отгул.

— А у супруги твоей? Или она не работает?

— Вика на больничном.

— Простуда?

— Да нет, какое-то странное состояние, вроде не вирус, но несколько дней держалась температура, слабость соответственно. Больше никаких симптомов, — пожал плечами Зорин.

— Понятно, бывает, — Турчанинов оглядел гостиную. — Скажи мне, пожалуйста, Фертовский Владимир Григорьевич кем тебе приходится? — посмотрел Зорину прямо в глаза.

— Мой родной дядя — брат моей матери, — удивлённо ответил Вадим, — а что такое, Жень? С ним что-то случилось? — забеспокоился. Правда, обратил внимание, что Турчанинов произнёс — «приходится», а не приходился.

— С ним всё в порядке, по крайней мере, до сего момента. Он лежит в клинике на обследовании, плановом. Так тебе ничего не сообщил твой двоюродный брат?

— Ничего, мы, считай, не созванивались больше недели. Жень, да что случилось-то?

Турчанинов не ответил, поднялся с кресла, прошёл по гостиной, остановился у застеклённого книжного стеллажа с фигурками клоунов — все они были яркими, из разных материалов, в разных позах, какие-то улыбались, какие-то грустили. Производили удивительное впечатление — хотелось взять в руки и потрогать.

— Что это? — следовательно повернулся к Вадиму.

— Коллекция клоунов, Виктория собирает, — пояснил Зорин, — ей нравятся клоуны, шуты. Говорит, что в них живёт детство.

— У тебя красивая жена, как модель с обложки, — Турчанинов вернулся на место.

— Спасибо, — Вадим усмехнулся. — Но ты мне так и не сказал, зачем интересуешься моим дядей, — напомнил он.

— Я интересуюсь не только им, профессия такая, — неопределённо ответил Турчанинов, — скажи мне вот ещё что: вчера ночью ты был дома?

— Да, дома, а что?

— И твоя супруга, конечно, это подтвердит.

— Несомненно, — Вадим нахмурился. — Ты так говоришь, будто мне необходимо алиби. Я прав?

— Вот что значит смотреть детективные сериалы, — усмехнулся Турчанинов, — каждый обыватель теперь может стать следователем.

— Я уже тебе говорил, что не смотрю детективные сериалы, — ответил Вадим, не понимая, куда клонит Турча.

— Ну, зато в детстве мы с тобой перечитали кучу книг о сыщиках, этого ты станешь отрицать.

— Да, не отрицаю. Поэтому ты и стал сыщиком. Жень, ты меня сто лет знаешь, не темни. Рассказывай, как друг.

Глава 73

Театр, куда направились Дмитрий и Мира, был встроен в большой торговый центр, на стенах красовались выразительные афиши с названиями спектаклей, гостеприимно приглашал стеклянный вход, совсем не пафосный, а элегантный.

Они вошли в уютный вестибюль, сдали верхнюю одежду в гардероб. Когда-то было очень правильно подмечено, что театр начинается с вешалки. Радужные гардеробщицы пояснили Дмитрию, как найти малый зал театра.

— А ты знаешь, что раньше в театрах не раздевались? — спросил Дима у Миры, — более того, в самих залах можно было даже кушать и не соблюдать тишину.

— Да ты что? — удивилась Мира. — Слава Богу, сейчас другие традиции, правила в театре всё-таки должны быть строгими, консервативным, да? — он кивнул в знак согласия.

Они поднялись на четвертый этаж, именно там находился малый зал театра. Мире сразу понравилась обстановка в фойе — удачное совмещение дерева, стекла и камня. Геометрия, но с мягкими переходами.

В малом зале оказалось всего девять рядов, расположенных под углом, причём сцены, как таковой, не наблюдалось, просто площадка с декорациями. Первый ряд буквально рядом находился с этой площадкой — в двух метрах, не более. В её центре стояла старая железная кровать, на которой, закутанная в тёплое одеяло, лежала девчушка. Она дремала. Громко стучал метроном...

Спектакль начался. Мира глубоко вздохнула. Она любила эти первые мгновения начала любого спектакля, первые секунды вступления во что-то совершенно удивительное, она, словно камертон, настраивалась вместе с актерами и ... чувствовала на себе волшебство, называемое Театром.

Девочка по имени Лика спала на сцене, до того момента, как появился молодой человек — в тёплой шапке-ушанке, в ватных штанах и валенках — Марат. Растерянный, несколько саркастичный, он после бомбежки дома родной сестры вернулся в свою комнату, туда, где жил с отцом до войны, до блокады...

Мира внимательно вслушивалась в диалоги между ним и поселившейся в его комнате девочкой Ликой. А потом появился ещё один персонаж — Леонидик. Их стало трое. Мире хватило немного времени, чтобы понять — с какой самоотдачей, талантом и каким немыслимым погружением играли актеры! Перед зрителями был почти настоящий блокадный Ленинград, его боль, холод, голод и жизнь, да, в нём всё равно была жизнь тех трёх молодых людей, которые, помогая друг другу, надеялись выстоять. Они рассуждали, вспоминали, они, несмотря на смерть и бомбежки вокруг, верили, что останутся жить. Они даже влюблялись...

Какими чистыми и целомудренными были отношения главных героев. А актриса, исполнявшая роль Лики, показалась Мире удивительно подходящей на эту роль — с осиной талией, с влажным взглядом карих глаз, всё время натянутая как струна, словно звенящая. Она любила и ревновала, мечтала и жалела, испытывая чувство вины даже за свою радость. Она была настоящей. Поддерживать слабого и никогда не врать — это было её жизненным кодексом.

В антракте Дима первым делом спросил Миру: нравится ли ей спектакль? В течение всего первого акта он из-под очков бросал на Миру короткие взгляды и замечал, как меняется её лицо, сколько эмоций на нём отражается. Были моменты, когда она чуть не плакала.

— Нравится, Димка, очень, — Мира запнулась, пытаюсь подобрать слова, — я тебе всё скажу после спектакля, всё-всё, — она взяла его за руку.

А на поклонах, когда актёры вышли уже в современной одежде, были такие бурные овации, что, казалось, сцена утонула в том восторженном зрительском фейерверке, который обрушился на актёров. Особенно кричали «Браво!» актрисе. И именно ей предназначались корзины и букеты цветов. Она смущённо улыбалась и прижимала их к себе. Мира прочитала в программке, что эту потрясающе талантливую девочку звали Алиной¹⁰.

Дмитрий и Мира вышли из здания театра, переглянулись.

— Давай вызову такси? — предложил он, снял очки. — Доедем в тепле и комфорте.

— А давай, — согласилась Мира.

Сели на заднее сиденье такси.

— Ну, говори, что тебе понравилось в этой истории? О чём ты размышляла, пока смотрела спектакль? — спросил он. — Кстати, а ты в курсе, что эту пьесу по всему миру ставили более трёх тысяч раз?

— Теперь в курсе, — засмеялась Мира, придвинулась к нему ближе, — я думала о Лике, и актрисе, которая сумела воплотить этот образ на сцене. Понимаешь, Дим, Лика — всеобъемлющий, всепрощающий образ настоящей женщины. Она как мать, жалеет менее умного и менее удачливого сына. А свою судьбу ставит на последнее место, в этом её особая сила, значимость.

— Поразительно, как ты умеешь рассуждать, — удивился Данилевский. — Продолжай, пожалуйста.

— Меня удивили её пантомимные движения, казалось бы, под не совсем подходящую музыку — так я решила сначала, но потом поняла, сколь искренни и уместны баллады Дианы Арбениной. Под эту музыку и в движениях Лики видна вся сложность, выразительность и глубина её натуры, но главное — её удивительное прекраснодушие.

В тот холодный декабрьский вечер трое — Лика, Марат, Леонидик, пусть учась на своих ошибках, но всё же сумели разобраться в себе. Они и выжили в ту страшную войну, наверное, для того, чтобы научиться быть людьми. И их общая живая боль, отчаяние, безысходность и, конечно же, любовь, наполнили каждого из них верою, что даже за день до смерти не поздно начать жизнь сначала. Что нельзя быть суровым и бессердечным к тому, кого любишь. Надо поторопиться сказать все слова, которые рвут сердце. Чтобы не было слишком поздно...

— Как же я люблю тебя, Мира, моя Мира, — воскликнул Данилевский после того, как внимательно выслушал её рассуждения, — ты удивительная девушка, уникальная. С тобой бесконечно интересно и познавательно. Моё сокровище, — он поцеловал её. — Какой сегодня вечер, он, кроме превосходного спектакля, подарил мне возможность узнать ещё одну твою грань.

Глава 74

— Квартиру твоего дяди — Фертовского Владимира Григорьевича — ограбили, — Турчанинов вернулся в кресло, — растягивая слова, сообщил он, — прошлой ночью.

— Что?! — Зорин даже вскочил. — Но как же так? Кто?

— Сядь, выслушай меня, — приказным тоном произнёс следователь. — Их было двое, они незаконно проникли в квартиру, отключили сигнализацию, сняли блокировку с тайника. Сам сейф открыли, правда, отмычкой.

— А что украли? — ошарашенный Вадим сел в кресло.

— Сабельный гарнитур, оценочная стоимость которого составляет около полумиллиона долларов.

— Я никогда о нём не слышал, — Вадим покачал головой. — И этот гарнитур дядя держал в доме?

— Да, и воры знали об этом. Они предусмотрели всё, кроме того, что один из них оставит свои пальчики, думаю, случайно — на двери. Смазанные, но нам всё же удалось определить их обладателя.

— И кто же он?

— Бик Игорь Петрович, вор-рецидивист, имеющий несколько судимостей.

— Бик? — переспросил Зорин.

— Да-да, тот самый, справку которого ты нашёл на улице.

— Пф-ф-ф, — шумно выдохнул Вадим. — Ты что, подозреваешь меня в ограблении собственного дяди?

— Я этого не говорил, — он придвинулся к Зорину, посмотрел прямо в глаза, — но согласись, странное совпадение: ты находишь справку Бика, и буквально через несколько дней грабят твоего родного дядю.

— Слушай, ну если бы я принимал участие в этом ограблении, разве стал бы я звонить тебе и спрашивать про Бика? Где логика? — Вадим по-настоящему занервничал, хотя и не был виноват.

— Логика запутывания следов — тоже логика, — гнул свое следователь, — давай вспоминай, где ты нашёл эту чёртову справку? Конкретно место и время.

— Да не помню я точно, — поморщился Вадим, пытаясь в голове придумать хоть какое-то разумное объяснение, — на улице.

— На какой? В каком конкретно месте? В какое время?

— На соседней, вечером, — брякнул Зорин.

— И ты просто так подобрал? Принеси мне её сейчас.

Вадим поднялся с кресла, принёс справку из коридора, она лежала в кармане его старой куртки. Турчанинов внимательно прочёл, посмотрел на фотографию. Покрутил бумажку в руках.

— Ощущение, что она улицу не знала, — выдал он.

— Жень, что ты хочешь сказать? Что я лгу? — стал заводится Вадим.

— Ты сам сказал про ложь, — Турчанинов ухмыльнулся.

— Я понимаю, всё это ваши ментовские методы и умение раскалывать преступников, но я точно не совершал никакого преступления, — Зорин вдруг почувствовал — всё, что он пытается сказать, звучит неубедительно, как оправдание, но верит ли ему Турча. — Ты меня арестуешь?

— Зачем мне тебя арестовывать? — искренне удивился следователь. — Я могу тебя задержать, но я и этого делать не стану. Но имей в виду, что мне придётся вызывать тебя на допросы и, может быть, не раз.

— Не надо допросов, я всё расскажу, — в дверях появилась Вика. Следователь и Зорин, раскрыв рты, уставились на неё. — Это я нашла справку, Вадик меня прикрывает, — она прошла в гостиную, села на краешек дивана.

— Так, — протянул следователь, — внимательно слушаю вас, Виктория.

— Вика... — Вадим попытался встрять, но она сделала знак ему молчать.

— Это было 23 числа, я возвращалась домой со встречи, — начала Виктория, — мы посидели в кафе с Надеждой — моей подругой, кстати, супругой Николая Фертовского. — Турчанинов кивнул. Виктория продолжила. — Мы были немножко навеселе, поэтому естественно, взяли такси. Сначала отвезли Надю, но я вылезла из машины возле её дома.

— Зачем? — задал вопрос следователь.

— Мы были в весёлом расположении духа, смеялись, и я шутливо сказала, что обязана Надю проводить до дома, иначе на неё может напасть маньяк.

— Вика, что за чушь? — удивился Вадим, покачал головой.

— Продолжайте, пожалуйста, — не обращая на него внимания, сказал Турчанинов.

— Я попросила таксиста подождать меня, но этот урод уехал. Поэтому я осталась одна в переулке. А там было темно.

— И? — Вадим напрягся.

— На меня напал мужик в тёмном плаще, — Вика сжалась в комок. Воспоминания нахлынули с новой силой. Как-то надо собраться и выдать хотя бы полуправду. Иначе рухнет вся их жизнь с Зориным.

— Что он хотел? — задал вопрос в лоб следователь.

— Он потребовал денег, — поспешно выдала Виктория.

— Он чем-то угрожал?

— Я не помню, — она поёжилась, — я была не трезвой, поэтому стала с ним спорить, а потом даже полезла драться.

— Господи, — Вадим в ужасе схватился за голову. — Ты с ума, что ли сошла?

— Мда, действительно, весьма неразумное поведение, — высказался Турчанинов, — а вам не приходило в голову, что он может вас покалечить или даже убить? Судя по всему, оружия у него при себе не было. Иначе бы преступник его применил. Тогда странно, что он пошёл на грабёж без ножа. Да, и мне странно другое — Бик никогда не грабил дамочек на улицах, его профиль — квартиры, дома.

— Может, ему срочно понадобились деньги? — предположила Виктория, понимая, что её ложь может быть легко опровергнута.

— Да? Это за несколько дней до грабежа квартиры Фертовских? Зная, что куш будет стоять больше полумиллиона долларов?!

— Я не знаю, как это объяснить. Это ваша работа, вот и ищите причины и мотивы, — пожала плечами Виктория, её опять начало трясти, будто повысилась температура.

— Да, правильно, наша, — подтвердил Турчанинов, — и мы докопаемся, обещаю. Так как вам удалось от него убежать? Он мужик крепкий, к тому же побывавший не в одной драке.

— Я попала ему каблуком в болезненное место, — Вика опустила глаза.

— Понятно, — сказал следователь, — а его справка оказалась в кармане вашего пальто, видимо, во время потасовки? — Вика кивнула. — Ну что ж, больше у меня вопросов нет, — он поднялся с места. — Виктория, будьте осторожны на тёмных улицах. В следующий раз может случиться куда более страшное, не дай Бог, конечно. И мне бы не хотелось встречаться с вами опять по служебным делам. Поводы должны быть только дружеские. — Разрешите откланяться, — с этими словами он направился в коридор.

— Я провожу, — Вадим вышел вслед за ним. — Жень, как-то всё нелепо получилось, — сказал он, пока Турчанинов надевал куртку.

— Зоря, главное, что всё выяснилось, — хлопнул по плечу, — ложь рано или поздно имеет свойство вылезать наружу, я тебе говорю как сыщик.

— Я знаю, Женька. Но ты же понимаешь, что я пытался защитить супругу.

— Понимаю, — он пристально посмотрел ему в глаза, — береги свою Викторию, ей сейчас особенно нужна твоя поддержка,

понимание и терпение. — Он махнул рукой в знак прощания и закрыл за собой дверь. Хорошо, что Зорин на самом деле так и не понял, что случилось с его женой. Иначе попал бы под суд за убийство насильника, — подумал Турчанинов. Через час по всем районам, вокзалам и аэропортам разослал ориентировки на Бика.

Глава 75

— А кто же гулял с собакой? — вспомнил Дима, когда они с Мирой вышли из такси и стояли у подъезда, и опять обсуждали спектакль, вспоминали особо понравившиеся моменты, обнимались и подшучивали друг над другом. — Уже так поздно. Бедный Бенджамин, разве он может столько терпеть?

— С ним сегодня погуляла мама, смогла. Она немножко лучше себя чувствует, вот решила подышать воздухом, — стала пояснять Мира, — Беня когда с ней, то ведёт себя весьма прилично. Это он её, скорее, выводит гулять.

— Я давно хотел спросить тебя, да всё как-то не к слову, твоя мама болеет, так ведь? А какой диагноз? — Дима посмотрел на окна квартиры Миры. — Прости за кажущееся любопытство, но мне важно всё, что есть в твоей жизни.

— Я понимаю, да. У мамы сложное название заболевания, но если совсем просто, то проблемы с тазобедренными суставами, — объяснила Мира.

— Но она лечится?

— Да, конечно. Правда, на сегодняшний день речь идёт уже об операции, потому что другое лечение малоэффективно. И в будущем грозит обездвиженность.

— А необходимая операция какого плана? — продолжал спрашивать Данилевский.

— Эндопротезирование тазобедренного сустава, причём у обеих ног. Но не сразу, конечно.

— И как скоро предстоит операция?

— Как только получим на неё квоту, — грустно улыбнулась Мира, опустила голову. — Но в этом году квоту мы вряд ли получим, и уж рекомендуемый лечащим врачом импортный эндопротез точно не светит — на них квоты вообще не распространяются. Какой будет на момент операции, такой и поставят. Хотя бы так, — Мира понимала,

что выбирать не приходится. А время шло, и здоровье только ухудшалось.

— В какой клинике вы наблюдаетесь?

— В городской клинической больнице нашего района. Да это хорошее учреждение, к нам очень внимательны. Вот дадут квоту, сразу начнём готовиться к операции, — ей хотелось поскорее закончить этот разговор.

— Я понял, — Дима словно почувствовал это, — мне обещали скоро снять гипс, — сменил он тему. — Всё заживает удивительно быстро. Я думаю, из-за того, что я влюблён, — пошутил он, пытаясь поднять ей настроение.

— И кто же эта волшебница, от которой переломы так быстро зарастают? — засмеялась Мира.

— Ты, — он обнял её.

Данилевский проводил Миру до самой двери её квартиры, поцеловал, отпустил неохотно. Затем спустился вниз, вышел на улицу. Такси приехало через несколько минут. Пока он ждал машину, всё смотрел на окна своей возлюбленной. Мира закрывая форточку, заметила его и послала воздушный поцелуй.

В субботний день условились отправиться в усадьбу Архангельское, Данилевскому как раз накануне сняли гипс. Мира вышла из подъезда — Дима должен был уже подъехать и ждать её. Она повертела головой, посмотрела на часы, Данилевского не было. Зато в сумке надрывался телефон.

— Алло, Дима, что случилось? Ты где?

— Мира, представляешь, я не могу выйти из дома! — закричал он в трубку, — я тебе звоню уже в пятый раз, а ты не слышишь.

— Теперь слышу, не кричи, — она подтянула сумку на плече. — Объясни толком, почему ты не можешь выйти из дома?

— Дверь не закрывается, заглохило электронный замок, чёртово достижение прогресса! Какое-то тотальное невезение, — он был явно расстроен.

— Так ты не можешь открыть или закрыть дверь? — не поняла Мира.

— Закрывать, квартира открыта, а я сижу в ней и дожидаюсь представителя специальной службы по этим замкам. Позвонил Севке,

хотел его попросить посидеть здесь вместо меня, так он трубку не берёт. Вот сижу и кукую.

— А скоро они обещали приехать?

— Обещали скоро, а там — кто знает. Мирочка, честное слово, мне так хочется к тебе, а не сидеть здесь одному и ждать. Может быть, ты приедешь ко мне сама? Мы вместе подождём специалиста? Или к твоему приезду он как раз наладит замок, я надеюсь, и мы отправимся в усадьбу.

— Мне как-то неудобно, Дим, я не знаю, — засомневалась она. — Я не была у тебя в доме. Может быть, в следующий раз тогда поедem в Архангельское?

— Нет так нет, — расстроено ответил он. — Буду сидеть и ждать. Закажу себе пиццу трёх видов и буду заедать свою печаль.

— Пицца — вредная штука, — заметила Мира.

— Но если её есть вдвоём, то вредность уменьшается ровно в два раза, — ответил Дима. — А ещё можно заказать всякие сласти из кондитерской напротив, я оттуда знаю шеф-повара — он гений выпечки, между прочим, настоящий француз.

— Ладно, я приеду, диктуй свой адрес и вообще объясни подробно, как до тебя добраться, — всё ещё сомневаясь, надо ли ехать к нему домой, сказала Мира.

Доехала быстро и также на удивление быстро нашла дом, где жил Данилевский. Двор закрытый, дом явно элитный, хотя подъездная дверь оказалась открытой — загружали мебельный грузовик, часть упаковок ещё стояла на улице. Мира вошла в лифт, осмотрелась: на полу тонкий тёмно-песочного цвета что-то вроде ковролина, чёрные сенсорные кнопки на стене, большое зеркало. Обивка стен под золото. Кругом такая чистота, что кажется, лифтом вообще никто не пользуется.

Когда Мира подошла к двери квартиры Димы, мастер уже возился с замком со стороны холла.

— Здравствуйте, — она нерешительно потопталась на месте. — А здесь живёт Дмитрий Данилевский?

— Здесь, — внезапно появившийся Дима схватил её за руку и втянул в квартиру. — Привет, — сказал он, поцеловал Миру в губы и повёл дальше. — Осваивайся пока, пиццу и пирожные я только что заказал. — Заметив, что девушка окончательно растерялась, он взял из

её рук сумку, помог снять пальто и шапочку. — Проходи в гостиную, я скоро, — с этими словами вышел в коридор.

Мира прошла в гостиную, вдруг вспомнила, что не сняла уличную обувь, посмотрела на свои сапоги — вроде бы не очень грязные, но всё равно ужасно неловко. Внизу в холле дома были какие-то аппараты, наверное, они чистили обувь. Она такое видела в кино, вот не догадалась воспользоваться ими. Да, всё-таки какие они с Димой разные. Мира стала забывать об этой разнице, не чувствовать её, пока они встречались на нейтральной территории, а здесь его квартира, его дом. И сразу стало не по себе.

Она оглядела комнату — гостиную, как он назвал. Одна стена в виде кирпичной кладки, на ней тёмно-серые книжные полки, под ними такого же дизайна столик. На полу ковёр, имитирующий шкуру, но неправдоподобно большого животного — коричнево-белого цвета, у стены диван тоже в тёмно-сером цвете, рядом интерьерный столик. У огромного окна круглое в форме апельсина кресло с подушкой в нём, за шторами виднелась терраса, которая выходила наружу. На стене висели две картины, на одной из них почему-то недорисованное детское лицо. На второй переплетение каких-то ветвей. У стены небольшой камин — зато самый настоящий, ограждённый чёрными металлическими фигурными прутьями. Гостиная плавно переходила в столовую или кухню, Мира точно не определила. В прямоугольной арке на переходе этих двух помещений находился квадратный стол, возле него не стулья, а кресла в оранжевой обивке. Над столом висел светильник в виде блестящей металлической фантазии, которую задумали явно для съёмок про инопланетян. Обстановку кухни Мира смотреть не решилась. Ей было достаточно впечатлений от гостиной. Точно, попала в другой мир.

— Ну что, ты тут осваиваешься? — Данилевский застал её врасплох, даже вздрогнула.

— Дим, может, я поеду домой? Мне как-то не по себе, — она переминалась с ноги на ногу.

— Что-то болит? — испугался он.

— Нет, просто, мне неудобно, — Мира не знала, как объяснить, чтобы его не обидеть.

— Ты сейчас сядешь в самое удобное в мире кресло и будешь есть пиццу, а потом французские пирожные, и тебе станет комфортно,

поверь, — он подошёл к Мире, обнял её сзади, поцеловал в затылок.

Глава 76

— Надюша, звонили из клиники — Маша пришла в себя, — сообщил Николай жене, — её можно навестить, позволили, но ненадолго. Поедем?

— Конечно, Николенька, собираюсь, — Надя кивнула, стала одеваться. Саша гостила у бабушки.

Маша лежала в кровати бледная, исхудавшая, но, завидев родных, улыbnулась.

— Привет, моя хорошая, — Надя ласково погладила племянницу по руке. — Как ты себя чувствуешь?

— Привет, Надюша, я нормально, — Маша облизала потрескавшиеся губы. — Привет, Коля, — обратилась она к сыну мужа. Он тоже мягко коснулся её руки.

— Тебе сказали о ребёнке? — первым делом спросила Надя.

— Да, врач сказал, что я беременна, Надюша, это такое счастье. Я-то дурочка, всё думала, что чем-то больна. А тут ребёнок. Наш с Володей... а как там мой муж? Что с Володей? — тут же спросила Маша и нахмурилась. — Надеюсь, вы не стали сообщать ему, что случилось в квартире и со мной?

— Не стали, он пока ни о чём не догадывается, правда, рано или поздно всё равно узнает, — вздохнула Надя и переглянулась с мужем. Хуже всего, что здесь замешан его внук. Именно это будет ударом для Фертовского-старшего.

— А известно, что украли и кто? — будто читая мысли, спросила Маша.

— Известно — семейный раритет в виде сабельного набора, — ответил Николай, — а вот воров пока не вычислили.

— Вот оно что, — тихо сказала Маша, закрыла глаза.

— Устала, — сделала вывод Надя, — Машенька, мы пойдём, ты отдыхай и выздоравливай поскорее, да?

— Да, — почти неслышно отозвалась Маша.

Николай и Надежда вышли в коридор, навстречу им шёл следователь Турчанинов.

— Добрый день, — поздоровался он явно в хорошем расположении духа, — мне сообщили, что пострадавшая пришла в себя. И разрешили с ней поговорить. Я — следователь Турчанинов, — представился он Наде, — а вы... супруга Николая Владимировича?

— Да, Надежда Фертовская. Мы были у Маши, она только что уснула, — сообщила Надя.

— Жаль, очень жаль, — покачал головой следователь, — хотя, у меня всё равно хорошие новости — мы задержали предполагаемого преступника, именно его отпечатки пальцев были на ручке двери в библиотеке.

Николай и Надя переглянулись.

— И кто же он? — спросил Николай, сглотнув комок в горле.

— Бик Игорь Петрович, вор-рецидивист, товарищ с огромным стажем. Теперь, уверен, его стаж станет длиннее ещё на один срок.

— Но вроде бы их было двое? — осторожно спросила Надя, опасаясь смотреть на мужа.

— А вот у Бика мы и выясним, — ответил следователь, — расколется, наверняка. Ему не резон всё на себя брать. Дело-то не мелочёвка.

— Понятно, если можно, пожалуйста, держите нас в курсе, — попросила она.

— Да, конечно, — он посмотрел на часы, — пока я поговорю с врачом, узнаю, когда будет можно побеседовать с вашей родственницей. До свидания, — пошёл по коридору, вдруг обернулся. — Почему-то у меня стойкое ощущение, что вы оба знаете, куда больше, чем говорите.

— Вы ошибаетесь, — отозвался Николай.

— Хорошо бы. Но профессиональное чутьё у меня как у собаки, и оно ещё пока не подводило. И если вам есть что мне сообщить — позвоните, — он сделал рукой телефонный жест, улыбнулся и скрылся за поворотом.

— Как мне хочется его убить, — процедил Фертовский. — Правда, как легавая собака, идёт буквально по пятам, — сжал кулаки.

— Успокойся, Коля, пожалуйста, нам надо сохранять хладнокровие и выдержку. Я вот подумала: а что если всё-таки твой сын тут ни при чём? Ну не причастен он к этому ограблению. Был кто-то другой с Биком.

— А куда в таком случае делся Володя? Никого не предупредил, просто исчез, к тому же вместе со своими вещами. Его телефон отключен. Он мне ничего не говорил о решении уехать. Я же звонил Маргарите и узнавал — сын у них тоже не появлялся. А куда деть факты, что грабители знали код, сумели отключить сигнализацию? А зажигалка на месте преступления? Нет, увы, но всё складывается так, что мой родной сын причастен к ограблению квартиры. Только не пойму двух вещей: где он взял этого Бика и зачем крал у собственного деда? Ведь этот гарнитур ему всё равно перешёл бы по наследству.

— Про Бика не знаю, а вот что касается гарнитура, — Надя сделала паузу, — могу предположить, что твоему сыну нужны были деньги и, может быть, срочно. Знаешь, что сказала Сашка? В чём ещё призналась? Она, оказывается, подслушивала не один разговор своего брата, — Николай внимательно посмотрел на жену, был мрачнее тучи, — Володе этот Грум звонил несколько раз и, судя по реакции парня, расстраивал его, может, и угрожал. А кому ты обычно должен, тот и угрожает.

— Ничего утешительного, — Николай пальцами сжал лоб, — не думал, что в моей семье настанут такие времена, когда я собственного сына буду подозревать в преступлении. Да ещё ограбившего своего же деда. Хорошо, что мой отец не в курсе, хотя бы пока. Как всё навалилось на нас: ограбление, исчезновение Вилли, травмы и беременность Маши, мой отец в клинике на обследовании.

— Ты назвал его Вилли, — удивлённо заметила Надя.

— Да? — Николай посмотрел на неё. — Всё-таки я его совсем не знаю, и он, наверное, больше Вилли, чем Володя, — вздохнул, — отвезу-ка я тебя домой и поеду на квартиру к отцу, обещал Степановне навестить её. Старушка за эти дни сильно сдала. К тому же она там одна.

— Тогда поедem к ней вдвоём? — предложила Надежда, — вдруг тебе понадобится помощь. Как бы наша Степановна не заболела.

— Хорошо, Надюша, поедem, — согласился Николай, — и заодно сообщим ей о том, что Маша пришла в себя. А также, что в семье ожидается пополнение. Теперь Степановне есть резон ещё пожить.

Пицца оказалась очень вкусной, все три вида, Мира скромно съела один кусочек, затем второй, ну а дальше Дима кормил её сам, а ещё он открыл бутылку вина со сплошь импортными надписями, с какими-то нашлепками и биркой на длинной шее. Пирожные в прозрачных коробках больше напоминали произведения искусства, чем кулинарии. Но до них дело не дошло, Дима пообещал, что завернет их Мире с собой. Как завернёт и во что, он не смог объяснить, потому что захмелел от вина. Мира тоже почувствовала во всём теле необыкновенную лёгкость, а также весёлость, она слушала забавные тосты Данилевского и хихикала над ними, над собой, над всем, что попадалось ей на глаза. Шкуру она назвала коровой Зорькой, кресло апельсином, а картину просила отдать художнику, чтобы дорисовал. Дима клятвенно заверил её, что так и сделает.

С остатками вина в бокалах они вышли на террасу прямо за окнами гостиной. Правда, там было холодно, но Данилевский закутал Миру в тёплый плед, а сам накинул куртку. Центр террасы занимал столик на кривых ножках, на нём что-то наподобие головки уличного фонаря, внутри которого находилась толстая жёлтая свеча. Возле столика два ротанговых кресла, покрытых мохнатыми накидками. У стены стоял небольшой диванчик с множеством подушек разных размеров, часть из них тоже была лохматыми, рядом жардиньерка. Дима усадил Миру в кресло, поправил плед, зажёл свечу на столе. Стало так уютно, так по-домашнему, несмотря на осеннюю погоду, что Мира почувствовала — ей нравится этот дом, но не из-за богатства. Нравится его обстановка, сдержанность красок, продуманность. А ещё, наверное, потому что здесь жил Дима.

— Допиваем вино! — сказал он и поднёс свой бокал к бокалу Миры. Тоненько зазвенел хрусталь. — За нас, ура!

— За нас, Димочка! — Мира сделала глоток, но не допила вино, посмотрела вдаль. — Красивый вид, можно наслаждаться уже только им. Люблю Москву, особенно некоторые её улочки. Мы с Таей иногда гуляем по ним. Таисья — моя подруга, — пояснила она.

— Это та девочка, которая была с тобой в торговом центре? — с трудом сдерживая улыбку, спросил Данилевский. Когда он вспоминал об их шпионских играх, то не мог не смеяться.

— Да, она самая, — Мира так и не допила вино, поставила бокал на столик, — мы дружим с первого курса, Тая умница. И очень

хорошая подруга.

— А у меня всегда лучшим другом был Севка, друг и брат. Я ему доверял свои тайны, он меня выслушивал, давал советы. Он и сейчас за меня переживает.

— Да, я заметила это, — вставила Мира. — Я бы тоже не отказалась от такого брата.

— А ты же у мамы одна?

— Да, сколько себя помню, мы с ней всегда жили вдвоём. Я же тебе рассказывала, что мой отец умер рано. У мамы были поклонники, но она так и не вышла замуж. А потом заболела, — Мира вздохнула.

— Ничего, она обязательно поправится, вот увидишь. И даже скоро, — Дима поднялся с места, подошёл к креслу, в котором сидела Мира, наклонился к ней, хотел обнять, но локтём задел бокал с вином. Вино разлилось как раз на плед, в котором она сидела. Всё бы ничего, но плед был белым. От вина он моментально покрылся красными пятнами.

— Ой, — Мира вскочила, — надо срочно его замыть, где у тебя тряпка? А мыло? А может, лучше порошком сразу? — она подхватила плед и рванула в гостиную.

— Мира, да не суетись ты и оставь этот плед, — Дима пошёл за ней, закрыл дверь на террасу. — Не надо его замывать. Бросим в машинку, отстирает.

— Ну как же так? — Мира встала посередине гостиной.

— Отдай мне плед и не переживай из-за этой ерунды, — Дима взял у неё плед, отнёс в ванную комнату, вернулся, — вот и всё, плед уже стирается.

— Дим, а кто у тебя убирает квартиру? — Мира обратила внимание, что везде чисто и опрятно. — А готовит?

— Убирает квартиру Алевтина — она приходит несколько раз в неделю, — ответил он, — готовит тоже она, иногда я сам готовлю. Чему улыбаешься? Я, между прочим, неплохо готовлю.

— Да ты что, — удивилась Мира.

— Подожди, я угощу тебя таким ужином, что ты будешь в абсолютном восторге, — заявил он, подошёл к ней ближе.

— Кто-то переоценивает свои возможности, или мне это кажется? — насмешливо спросила она.

— Тебе это только кажется, — сделал ещё шаг, — ты не замёрзла? На террасе было прохладно.

— Но я была в пледе, — напомнила она, глядя ему в лицо.

— Какие же у тебя красивые глаза, — прошептал Дмитрий, — лучистые, выразительные. Океан глаз, — с этими словами он притянул девушку к себе, губами коснулся её век — сначала одного, потом другого. Мира задрожала, но не от озноба. Данилевский поцеловал её в уголок губ, затем в сами губы. Но она не разжала их. Тогда он кистью руки как бы очертил контур её лица, провёл по шее, поцеловал там жилку, которая заметно пульсировала. Коснулся языком мочки уха, слегка куснул.

— Что ты делаешь? — тихо спросила Мира.

— Кажется, соблазняю тебя, — также тихо ответил он и вдруг с силой впился в её губы. Поцеловал так, что у Миры перехватило дыхание. До этого момента поцелуи Данилевского не были таким неистовыми. А тут в нём словно вулкан проснулся — яростный, раскалённый. Его язык возбуждённо ласкал губы и язык Миры, даже поддразнивал. Руки гладили грудь. Пальцы, нащупав выпирающие соски под блузкой, ласкали их. У Миры стали подгибаться ноги. Сами того не осознавая, молодые опустились на шкуру. Мира почувствовала её приятную мягкость.

— Помоги мне расстегнуть твою блузу, слишком много крючков, — попросил Дмитрий. Мира кивнула. И он с ещё большим пылом принялся ласкать её грудь. На секунду прервался, посмотрел Мира в глаза. — Всё хорошо? — она кивнула, уже не в силах говорить. Он снял водолазку, расстегнул джинсы, а потом лёг на спину. Мира наклонилась над ним и сама поцеловала его в губы — сначала не так обжигаяще, как делал он, но потом вошла во вкус. Поцелуи получились не столько горячими, сколько чувственными, сладкими.

— Я тебя люблю, — прошептал Данилевский и придвинул Миру к своему раскалённому естеству.

— Я тебя люблю, — эхом отозвалась она, и почувствовала его в себе.

— Подожди, — он на секунду прервался, — у тебя это в первый раз что ли?

Она покраснела, смущённо кивнула.

— Моя дорогая, светлая девочка, — Дмитрий улыбнулся, — после этого ты мне ещё дороже, моё сокровище, — взял её руку и прижал к своим губам.

А потом они долго лежали на шкуре, просто обнимаясь, целуясь и подшучивая друг над другом. В какой-то миг Данилевский серьёзно посмотрел Мира в глаза:

— Я хочу, чтобы ты была моей не только в постели, — сказал он.

— То есть? — не поняла Мира.

— Ну, там, в больнице, я же говорил, что возьму тебя замуж.

— Я думала, у тебя от уколов побочный эффект, — улыбнулась Мира.

— Ничего подобного, я говорил искренне и сейчас говорю: Мира, выходи за меня замуж?

Глава 78

Турчанинов не успел дойти до кабинета, как ему позвонил Зорин.

— Да, слушаю, — ответил он, останавливаясь у двери. Скоро приведут Бика на допрос, вот тут начнётся самое интересное. У следователя было непреодолимое чувство, что вор расскажет много любопытного. Его задержали в попытке незаконно купить билет у проводника поезда, слишком стал настаивать, вот и попался. Удрать решил поездом.

— Привет, Евгений Борисович, — первым делом поздоровался Зорин.

— Да ладно тебе, к чему такая официальщина, Зоря? Всё же выяснили, — миролюбиво отозвался Турчанинов.

— В общем-то, да, — согласился Вадим, — просто не хотел бы я ещё раз быть на месте подозреваемого.

— Не будешь, если закон соблюдаешь. Так что звонишь-то?

— Жень, мы с Викторией вспомнили, что в тот злополучный день, когда на неё напали, мне был странный звонок, а ей сообщение, и всё это с одного номера, — сообщил он.

— Так, — протянул следователь, — звонок и сообщение были когда — днём или вечером?

— После обеда у меня и чуть позже у Вики.

— Хоть один из вас сохранил тот номер?

— У меня сохранён, а говоривший назвался помощником председателя посёлка и сказал, что в моём загородном доме в Беляниново горел свет и были открыты ворота. Поэтому я и помчался туда. Но когда приехал, то мне никто толком ничего объяснить не смог, все утверждали, что не звонили. Получается, я съездил впустую. Вика, правда, удалила то сообщение из телефона, но помнит примерный его текст, а также несколько цифр номера. Он сошёлся с тем, с которого звонили мне, — стал пояснять Вадим.

— А что было в сообщении твоей жене?

— Что-то типа, что сегодня вечером она будет одна, без мужа.

— Хм, — Турчанинов всё ещё стоял у двери своего кабинета. — Похоже, тебя намеренно убрали из дома. А её, я подозреваю, ожидали. Хотя, какой в этом смысл? — он задумался, — ладно, скинь мне этот номер сообщением, я пробью его.

— Сейчас скину. Жень, а можно ещё узнать — дело об ограблении моего дяди продвигается? Есть какая-то информация?

— Да, Вадя, есть, я тебе расскажу чуть позже. Давай мне пока тот номерок, — следователь вошёл в свой кабинет, там снял трубку, — Паша, пробей мне номер телефона — какие были звонки, сообщения, на чьё имя зарегистрирована сим-карта, хорошо? Сразу сообщишь. Бика ведут ко мне? Хорошо, жду с нетерпением.

Турчанинов хлебнул остывшего чая, посмотрел на часы, не успел просвистеть пары строк арии Тореадора, как ввели задержанного. Бик, завидев следователя, ухмыльнулся, сел на стул.

— Игорь Петрович, ну что же такое, — развёл руками Турчанинов, — говорят, вы бузите в камере? Смуту наводите. Жалуются, — улыбаясь, произнёс он.

— Не люблю дураков, — прохрипел Бик.

— Ой, и я, знаете, так не люблю дураков, ну прямо вот за версту вижу дурака, и меня от него воротит, — живо отозвался следователь, — поэтому, уверен, диалог у нас получится. Ведь мы два умных человека, так?

Вместо ответа Бик отвернулся, плюнул.

— Итак, приступим, — Турчанинов открыл и тут же закрыл лежащую на столе папку, — вопрос банальный до зуда, Игорь Петрович, где вы были с 25 на 26 числа сего месяца? Меня интересует ночное время, — задал он вопрос.

— Спал, я по ночам сплю, — ответил Бик, не переставая ухмыляться.

— Надо же, а у меня другие сведения, — насмешливо удивился следователь.

— Какие?

— Бик, здесь вопросы задаю я, — напомнил он, — так вы уверены, что в эти числа спали ночью? Адресок не подскажите? Насколько мне известно, хату свою вы давно продали, а после очередной отсидки болтались по знакомым. Мне необходимо подтверждение того, что в ночь с 25 на 26 вы находились и спали по названному адресу. Я слушаю, Бик.

— Я жил в Текстильщиках у Рони. Но его в ту ночь не было дома, — выдавил он из себя.

— Ага, значит, алиби у нас нет, — заключил следователь, — шагаем дальше. Бик, ты вор вроде опытный, сроков отмотано предостаточно, что же ты пальчики оставил на месте преступления? Мы ведь по пальчикам тебя и вычислили, — Турчанинов бросил на стол заключение дактилоскопии.

— Начальник, не знаю, о чём речь, — Бик не смотрел ему в глаза.

— А хочешь, я тебе расскажу? — следователь откинулся на спинку стула. — Ты незаконно проник в квартиру гражданина Фертовского, предварительно сумев отключить сигнализацию, выведя из строя внешние камеры подъезда. Отключил сигнализацию в пульте самого тайника, ну и своей балеринкой открыл сейф, так ведь? А в сейфе лежал гарнитур на очень внушительную сумму. Его-то ты и спёр, Бик Игорь Петрович. Интересно, кому ты сбыл этот гарнитур? При тебе мы нашли лишь десятую часть той суммы, в которую он оценен.

— Какую? Десятую? — Бик вытаращил на него глаза.

— Ну да, а ты не знал, что сабельный гарнитур Дома Романовых считается исторической ценностью? Неважно, что он находился в частной коллекции. Этот раритет на сегодняшний день оценен в полмиллиона долларов.

— Сколько? — Бик вскочил, его тут же усадил охранник. — Там же ничего особенного, кроме сабли.

— А камни в ней ты видел? — повысив голос, спросил следователь. — Это огранка XIX века, тогда камни обрабатывали

иначе и на сегодняшний день одни такие камни могут стоять целое состояние. Так что, Бик, светит тебе по полной 161. А ещё — ты же нанёс тяжелые травмы жене хозяина дома. Но и на этом мы не остановимся, — он сделал паузу, вытащил из папки справку, — узнаёшь? Твоя, между прочим, родная. И где же ты её потерял? — Турчанинов поднялся с места, подошёл к Бику. — А я тебе скажу, где — ты потерял справку при попытке изнасиловать женщину. И было это за два дня до ограбления. И доказательства у меня тоже имеются. Так что я тебе впаяю ещё и 131 статью. Загремишь ты, умник, по полной!

— Я всё скажу, я не буду его прикрывать, — у Бика задрожала губа.

Глава 79

Данилевский почувствовал, как в кармане пальто вибрирует айфон. Он совсем забыл, что после того, как из фирмы привезли пиццу, выключил звук у телефона. И хорошо, что сделал это, никто не мешал ему наслаждаться обществом Миры в полной мере. Вечером он проводил её домой и на такси вернулся к себе. Скоро можно будет уже самому садиться за руль. Тем более что автомобиль полностью на ходу. Севка проверял.

— Да, мама, слушаю тебя, — он увидел в айфоне несколько неотвеченных вызовов, среди них больше всего было звонков матери.

— Я битый час не могу до тебя дозвониться, — возмущённо ответила она, — ты хотя бы иногда слышишь свой телефон?

— Иногда слышу, — Диме не хотелось заканчивать этот удивительный день ссорой с матерью. — Что-то случилось? — он вошёл в квартиру, проверил замок — работает.

— Тебе сняли гипс с руки?

— Да, сняли. Всё в порядке, — ответил он, скинул пальто, ботинки, прошёл в комнату. Увидел шкуру на полу, вспомнил, что Мира назвала её коровой Зорькой, и не к месту засмеялся.

— Что так смешно — снимать гипс? Или ты безумно рад этому обстоятельству? — с раздражением заметила Фаина Витальевна.

— Мне просто хорошо на душе, мама, — сел в кресло, закинул ногу на ногу.

— Когда ты собираешься на работу?

— В понедельник, у меня, правда, физиотерапия, но я совмещу. К тому же надо впрягаться в жизнь, хватит уже сибаритствовать, — его взгляд опять упал на кожу. Да что же это такое — опять хихикнул, но успел прикрыть рот рукой.

— Да, правильные слова. Из обоймы выпадать крайне вредно. Забываешь свои и права, и обязанности, а также обязательства, — она подчеркнула последние слова.

— О каких обязательствах идёт речь, мама?

— О том, что ты обещал жениться на Мишель, ты так и не отменил ни церемонию, ни поездку за рубеж, и заявление в ЗАГС тоже лежит. Если ты передумал жениться, то почему не забрал его?

— Потому что я — осёл! — хлопнул себя по лбу Данилевский, — вот уж точно выпал из обоймы. — Завтра же я всё сделаю — заберу заявление, отменю всё, что не отменил, — уверил он.

— И что ты намерен делать дальше? — как бы, между прочим, поинтересовалась Фаина Витальевна.

— Жениться, — сказал он, отправился на кухню, поставил чайник.

— Дмитрий Данилевский, ты издеваешься что ли? — она повысила голос.

— Ни капли, мама. Я женюсь, но на другой.

— Вот как, — не скрывая сарказма, сказала она, — и кто же она? На кого ты променял Мишель? Она из модельного агентства? У неё бизнес? Кто её родители?

— Родители — просто люди, точнее, она живёт только с мамой. И у неё нет бизнеса. Она работает и учится, — Дмитрий решил больше не скрывать того, что у него есть Мира.

— И что в таком случае тебя привлекло в этой девушке? Не понимаю, — она начала злиться.

— Да люблю я её, просто люблю, — сказал он спокойно, — не, не просто, а по-настоящему. Хочу быть с ней всю жизнь, впервые хочу вот так. И несколько не сомневаюсь в своих чувствах, — чайник вскипел, Дмитрий заварил себе чай, вернулся с кружкой в комнату.

— Хорошо, я поняла тебя, — неожиданно спокойно сказала Фаина Витальевна.

— Да? Неужели я сумел убедить тебя вот так — сходу? — не поверил Дима.

— По крайней мере, я услышала от тебя то, что ты думаешь и что хочешь, — пояснила она, — но это вовсе не значит, что я согласна с твоим решением. Кстати, как зовут твою новую девушку?

— Не новую девушку, а невесту, — поправил он, — её зовут Мира.

— Мира? Странное имя, — прокомментировала Фаина Витальевна, — впрочем, сейчас любят называть странными именами. Дмитрий, мы с тобой ещё поговорим об этой девушке, не успокаивайся. Я постараюсь тебе переубедить.

— Напрасно потратишь время, мамочка, я тебя уверяю, — он сделал глоток чая, обжёгся. — У тебя всё? А то мне надо сделать ещё один звонок.

— До встречи, — отключилась.

Через час она подъехала к одному из домов в Подмосковье. Вышла из автомобиля, велела шоферу ждать.

— Здравствуйте, мне нужна Мира, — дверь Фаине Витальевне открыла женщина средних лет, бледная, худенькая.

— Мира? — переспросила она, повернула голову, — дочка, это к тебе. — Проходите, пожалуйста, — пригласила войти, тут же из комнаты выбежал Бенья, громко гавкнул, чем испугал гостью. Потом ни с того ни с сего зарычал. — Простите, пожалуйста, он у нас смирный и редко лает, — стала извиняться хозяйка дома, — Бенья, иди в комнату, — сказала она, но пудель не собирался уходить. Он скалился на гостью и рычал.

— Здравствуйте, — появилась Мира и с удивлением посмотрела на нежданную гостью, — Бенджамин, что это ты разошёлся? Невоспитанная собака, быстро в комнату и сидеть там как мышь, — скомандовала она, пёс повиновался, замолчал и поцокал в комнату, на пороге обернулся и ещё раз посмотрел на гостью. — Иди-иди, не оборачивайся, — добавила Мира.

— Меня зовут Фаина Витальевна, нам необходимо поговорить, — сказала гостья, отметив про себя, что у девочки-то есть характер, да ещё какой — собака беспрекословно повиновалась. Неужели её сын точно также попал во власть этой черноволосой девчонки? И теперь как пудель бегают за ней на задних лапках?

— Хорошо, проходите в мою комнату, — кивнула Мира, пытаясь вспомнить, где видела эту женщину. Что-то мимолётное, но яркое.

— Мира, может быть, предложить твоей гостье чаю? — сказала мама.

— Благодарю вас, право, не стоит, — Фаина Витальевна прошла в предложенную Мирой комнату. Села на стул, огляделась. Мда, это ещё хуже, чем она думала. Единственное, что её удивило — количество книг в комнате. Значит, девочка не совсем глупая. С другой стороны — такой факт всё только ухудшает, не просто так зацепила Дмитрия.

— Так о чём вы хотели поговорить со мной? — Мира вдруг вспомнила, где раньше она видела эту женщину. В больнице. Она там скандалила.

Глава 80

— Машенька, милая, наконец-то ты взяла трубку, — Владимир Григорьевич обрадовано закричал в телефон. Супруга после нескольких дней безмолвия ответила. То телефон был недоступен, то просто не брала трубку. А теперь он услышал её голос.

— Доброе утро, Володя, — Маша ещё чувствовала слабость, но как могла, старалась бодриться. Скоро разрешат вставать. Потихоньку. Главное, что с ребёнком всё в порядке. От Николая и Нади она получила инструкции, о чём можно говорить с мужем, а что пока скрывать. И также то, что у неё была сильнейшая ангина, поэтому не могла ему позвонить.

— Как твое самочувствие, милый мой человечек? Мне сказали, что ты разболелась, что не могла даже говорить, это так? Тебя даже положили в больницу? — он подошёл к окну, от волнения стал рисовать узоры на стекле. Невидимые, не мороз же, но всё равно рисовал.

— Да, Володенька, так получилось. Организм дал сбой и на это были свои причины, — улыбнулась Маша.

— Какие же, моя девочка? Ты подцепила серьёзный вирус? Николай говорил об ангине.

— Да, но я старательно лечусь не только ради себя, — Маша осторожно повернулась на бок, посмотрела в окно, может, муж тоже сейчас смотрел в окно?

— Правильно, Машенька, ты же умница. Подожди, не только ради себя, — он удивился, — а ради кого же ещё?

— Ради ребёнка, — она улыбнулась.

— Ради какого ребёнка? Ничего не понимаю, — признался Владимир Григорьевич.

— Володенька, я беременна! — Маша почувствовала, как её буквально захлёстывает от счастья, именно сейчас, когда она сказала об этом мужу. — У нас будет ребёнок.

— Что? — он подумал, что ослышался. — Что ты сказала?

— У нас будет малыш, — уже тише повторила Маша, чувствуя, что устала, сил всё-таки маловато.

— Машенька... — Фертовский-старший понял, что плачет — впервые за много лет. Плачет от радости.

— Мне вот что непонятно, Игорь Петрович, — Турчанинов выслушал подозреваемого, кое-что всё равно не сходилось, — откуда твой подельник узнал о тебе? Кто его к тебе прислал? И почему ты за всё время вашей, так называемой подготовки к ограблению, даже не удосужился узнать его имя.

— Да кто прислал, Роня и прислал. К нему сначала приходил один фраерок — такой мелкая сошка, они гутарили на кухне, что-то выясняли. Потом Роне позвонил кто-то явно покрупнее, причём разговор был странный — Роня мекал на иностранном языке, а поскольку он в нём не очень силен, то без конца переспрашивал. Но вроде бы в итоге договорились. А на следующий день ко мне пришёл тот мелкий и сходу предложил дело. Пообещал полтинник. Сказал, что меня проинструктируют, что дело чистое, надо будет камеры вывести из строя, а потом вскрыть оружейный сейф. И всё. Что в квартире старуха да девка. Но они будут спать. Я сначала отказался, а потом подумал, что такая сумма мне сейчас не помешает. Но когда мы встретились с пацаном, которого мне фраерок дал в напарники, я опять дал задний ход.

— Почему? — Турчанинов сощурился.

— Да зелёный он, куда полез? И вообще какой-то странный, вроде русский, а говорит с акцентом, правда, не сильным. Но я последний срок мотал с одним ворюгой — знатным таким, так вот он как-то в настроении рассказывал про сына, который живет во Франции, и уже

давно, а когда приезжает к батю в Россию, то вроде по-русски говорит, а акцент всё равно дурацкий. Он ещё показывал так потешно. Вот примерно такой акцент у того парня и был. А ещё он сразу тон взял, мол, я — вошь, а он заказчик и крутой. Мы пока готовились, сто раз переругались.

— Опиши его внешность, — следовательно что-то писал в блокноте.

— Длинный такой, волосы не очень тёмные, лицо, — он задумался, — ничего особенного в лице. Нет, есть особенное — глаза. Я такого цвета глаз никогда не видел.

— То есть?

— Не поймёшь, что за цвет, какие-то прозрачные, и смотрит он ими — аж порой мурашки по коже. Наверное, у дьявола такие глаза. А сам ничего не смыслит в жизни — стручок. Но жадный, я сразу понял. И очень рвался в эту квартиру, говорил, что надо поскорее сейф вскрыть.

— Так, понятно. А что это за история с попыткой изнасилования?

— Да не было никакого изнасилования, гражданин начальник, — Бик аж подскочил, тут же сел на место, — попугать меня просили ту дамочку, просто попугать. Она этому зелёному, я так думаю, отказала, вот он и окрысился. И накинул мне ещё пару косарей, чтобы я её проучил. А она мне ногой так двинула, что я согнулся пополам. И слинять успела. Больно, между прочим.

— Ага, слиняла и справку твою прихватить успела. Бик, ты везде сумел наследить, — удивился Турчанинов. — Ох, и дурак же ты. Она ведь подаст на тебя, не надейся, что проскочишь. А пальчики как оставил на ручке в квартире? Ты — опытный вор и так прокололся.

— А опять же — шерше ля фам, — вздохнул Бик, — опять баба вмешалась. Эта девка, что в доме, не спала, и пришла в библиотеку, мы почти закончили, а она нарисовалась. А зелёный уже гарнитур к двери нёс, так мне пришлось обеспечить ему отход. Я её схватил, а она меня укусила, я руку одёрнул, перчатка слетела, я впопыхах и коснулся дверной ручки. А девку ударил, чтобы самому уйти. Она уже шум поднимать начала.

— Ты ей нанёс серьёзную травму головы, это твой срок увеличит, Бик.

— Но она же жива?

— Жива, слава Богу. И пришла в себя. Только всё равно тебе светит много. А вот если бы ты помог следствию найти своего поделщика, срок, глядишь бы, и скостили — немного.

— Да не знаю я, куда он подался, правда, — Бик вздохнул, очень хотелось курить.

— А, может, нас Роня просветит? Раз он такой умный и тебя втянул в это дело. Наверняка, знает, кто заказчик гарнитура, — Турчанинов размышлял вслух, — ты пойми, Игорь Петрович, это не просто банальная кража. Вещь-то раритетная и тот, кто заказал её, знал и стоимость, и историческую ценность. Осядет гарнитур в чьей-то частной коллекции за границей и пиши пропало. А ведь вещи в нём изготовлены в царской России, а клинок наградной вообще 1812 года. О камнях я и не говорю. Получается, уплывёт наше российское достояние за рубеж и всё. Где можно найти Роню? Ой, не верю я, что сейчас этот фраер сидит и дожидается нас дома. Диктуй адреса и явки, шерше ля фам.

Через полчаса по наводке Бика оперативники отправились по трём адресам — искать Роню. А Турчанинову доложили, что номер телефона, который он просил пробить — определён. Сим-карта зарегистрирована на имя Николая Фертовского. Турчанинов присвистнул. Пора поговорить серьёзно с членами этой семейки. А также настоять, чтобы доложили о случившемся хозяину квартиры. Рано или поздно он узнает. Лучше рано.

Глава 81

— Я бы хотела поговорить о своём сыне Дмитрие Данилевском, — Фаина Витальевна откинулась на спинку стула, стала тереть друг о друга кисти рук. Именно по этому жесту Мира поняла, что ничего хорошего разговор не принесёт.

— Я вас слушаю, — внешне довольно спокойно отозвалась она.

— Мой сын не далее как сегодня сообщил, что намерен жениться на вас, так ведь?

— Раз сообщил, значит, так, — Мира пожала плечами.

— А вы в курсе, что у него есть невеста? И что не за горами свадьба. Подготовка к ней в самом разгаре, — выстрелила первым аргументом Фаина Витальевна. Она пока не выбрала стратегию, как разговаривать с этой девочкой — начать прессовать её, задавить

фактами или же по-хорошему, покровительственно объяснить, что у неё нет никаких шансов стать невесткой Данилевских.

— Нет, я впервые об этом слышу, — Мира внимательно рассматривала эту женщину. Статная, красивая, молодящаяся, наверняка, по возрасту старше её матери, но выглядит моложе. Взгляд твёрдый, волевой, она знает, чего хочет. Пришла сюда бороться за сына. А Димка, похоже, пытается вырваться из-под её прессинга.

— Вот видите, уже обман. Я не хочу сказать, что мой сын лгун, но в случае с вами всё абсолютно несерьёзно, поверьте. Дмитрию захотелось экзотики, чего-то такого, чего в его жизни ещё не было, — слова звучали хлётко.

— Вы так думаете? — Мира сидела на стуле напротив и вела себя невероятно спокойно, не выказывая никаких эмоций. — Тогда почему он сделал мне предложение?

— Думаю, чтобы затащить вас в постель. Мой сын несколько старомоден в этих вопросах.

— Возможно, — Мира сдержала улыбку, подумав о том, что всё случилось с точностью до наоборот — сначала он её соблазнил, а потом предложил стать женой.

— Поймите, Мира, вы не пара Дмитрию, не пара, — Фаина Витальевна смягчила тон, — вы из разных миров, — она поднялась с места, подошла к окну, развернулась, обвела взглядом библиотеку, — я вижу, что у вас много книг. Наверняка, вы романтическая девочка, читаете любовные романы и, конечно же, мечтаете о принце. Да, вы ещё в таком возрасте, когда верят в принцев. Мой сын может вполне соответствовать этим мечтам, но сказка всегда остаётся сказкой. Жизнь — проза, практичная, жёсткая, беспощадная. И два человека из абсолютно разных социальных слоёв в браке просто обречены быть несчастными.

— Но бывает же по-разному, — возразила Мира, — да, есть условности, которых многие придерживаются, однако та же жизнь чаще всего диктует свои правила, свои законы. И они порой далеко не такие, какие придумали люди. Чувства вообще плохо подчиняются людским законам.

— Вот именно — чувства! — подхватила Фаина Витальевна. — Чувства, если они есть. А если то, что мы принимаем за чувства, на самом деле таковым не являются? Если простое увлечение застило

глаза? Романтизм неплох, но он искажает реальность, потом заставляя страдать. Вы же не хотите страдать, Мира?

— Не хочу, — ответила она.

— Вы не хотите, чтобы страдал мой сын? Насколько я поняла, Дмитрий вам симпатичен. Конечно, мой сын, кроме того, что материально обеспечен, внешне привлекателен, развит, эрудирован. Он не может не нравиться. Но всё это не столь важно, как общность того слоя, к которому, к примеру, принадлежит его же невеста. Да, они одинаково смотрят на мир, знают цену того, что имеют и того, что могут иметь. И всё это, начиная от мелочей и заканчивая недвижимостью, автомобилями, путешествиями, да и взглядами. Да, это сейчас вам вместе, может быть, весело и забавно, но скоро всё это перейдёт в другую стадию, и вот тогда начнутся проблемы.

— Но почему обязательно должны начаться проблемы именно из-за того, что, к примеру, ваш сын может отдыхать на Карибах, а я нет? Или из-за того, что он ездит на навороченной машине, а я в неё даже не садилась? Но ведь за этим, прежде всего, стоит человек — с его душой, умением прощать, искать и находить компромисс, быть надёжным, искренним, доверять, любить, наконец, — Мире было неудобно разговаривать с этой женщиной, потому что она стояла над ней, как бы давила не только своим авторитетом, но и ростом.

— Это всё идеалистический взгляд на жизнь, девочка. Вы слишком мало прожили и слишком мало видели, — она посмотрела в окно. Старый двор с плохо покрашенными лавками, голыми деревьями, старухами, которые прогуливались у подъезда. Когда-то и она — девочка Фая жила в похожем дворе. И ничего хорошего из той поры не помнит. И не хочет вспоминать.

— Этот недостаток со временем пройдёт, уверяю вас, — ответила Мира, — меня ждут и сомнения, и разочарования, и боль. Потому что это жизнь.

— Да, всё верно, — согласилась Фаина Витальевна, — только вот те же разочарования можно если не избежать совсем, то хотя бы минимизировать, если обдумывать свои поступки, если смотреть на жизнь не через розовые очки, а реально, отдавая себе отчёт в том, чего ты стоишь, на что можешь рассчитывать. А не бесплодно мечтать.

— Вы полагаете, что ваш сын для меня бесплодная мечта?

— В какой-то степени — да. Он не вашего круга, не вашего социума. Эта разница между вами очень скоро обнаружится.

— Так что конкретно вы хотите от меня, Фаина Витальевна? — Мире не терпелось уже закончить этот разговор, надоело слушать и спорить. Всё равно эта женщина не поймёт её, не примет, не смирится. Может, она права — они слишком разные? Сейчас, когда Мира влюблена в Диму, он и кажется ей идеалом, но вот потом... кто даст гарантии, что он не такой, как его мать? Ведь он вырос рядом, ею воспитан.

— Отпустите моего сына, я прошу вас, — она вернулась, села на стул, — вы видите, я пришла с миром, я пытаюсь вам объяснить свою точку зрения и то, что я, благодаря своему жизненному опыту, вижу намного дальше и знаю, чем всё может кончиться. Один мой сын уже сделал неверный шаг и не просто развёлся, а разочарован, Диме я не хочу подобного. Мира, прошу вас, подумайте над моими словами. И сделайте правильные выводы.

— А если ваш сын не захочет отпустить меня? — Мира пристально посмотрела ей в глаза.

— Вы умны, вы найдёте доводы, которые его убедят его, он послушает.

— Но я люблю вашего сына, — Мира впервые за весь разговор сказала о своих чувствах. Наивно подумала, что этот последний аргумент как-то смягчит мать Данилевского.

— Вот ради любви к моему сыну и отпустите его, дайте ему возможность стать по-настоящему счастливым. С вами он не будет счастлив. Надеюсь, вы подумаете над всем тем, что я вам сказала, — с этими словами она поднялась с места, вышла в коридор, холодно попрощалась с мамой Миры и покинула квартиру.

— Деточка моя, прости, но я почти всё слышала, — мама стояла на пороге комнаты. Мира протянула к ней руки. Они обнялись. — Не плачь, мое сокровище, не надо. Беды не случилось, все живы.

— Что мне делать, мамочка? — слёзы катились по щекам Миры. Опять она плачет из-за Данилевского, теперь уже из-за его матери и всего того, что ей было сказано.

— Ты, правда, любишь этого мальчика? — мама стала вытирать ей слёзы.

— Правда, мамочка, Димка мне бесконечно дорог. Я не хочу его отпускать, даже жить без него не хочу.

— А он? Он тебя любит?

— Любит, мама. А сегодня сделал предложение.

— Тогда береги своё счастье. Береги и, если понадобится, борись за него. Когда-то твоему отцу тоже говорили, что я ему не пара, он же из очень хорошей семьи, интеллигентной, а я из простых. Правда, тогда не было такой социальной разницы между людьми, так не кичились богатством. Однако твой отец никого слушать не стал, и мы прожили, пусть и не так много, но это были самые счастливые годы жизни. Мирочка, девочка моя, нет гарантий, как на счастье, так и на беду. Мы не обладаем даром прозорливости. Поэтому — иди вперёд, строй свою жизнь сама, ошибайся, обжигайся, но живи своим умом, слушай своё сердце, — она крепко прижала к себе дочь. — Мальчишка, правда, хороший?

— Хороший, мамуль, я тебя с ним познакомлю, — улыбнулась Мира.

— Вот и славно, приводи своего Димку.

Глава 82

— Надя, мне только что звонил следователь Турчанинов, он предлагает встретиться либо в парке недалеко от нашего дома — сегодня, сейчас, либо завтра к нему на допрос в отделение. Что делать? — Николай почувствовал, что новости будут плохими, но теперь уже готовился ко всему.

— Иди сейчас, — она обняла мужа, — всё равно, сколько верёвочке не виться. Иди, Николенька.

Фертовский вышел из дома, пересёк двор, завернул за угол. Турчанинов, подняв воротник куртки по самые уши, сидел на скамье в парке и курил, фигуристо выпуская колечки дыма.

— Здравствуйте, — сказал Николай, потоптался на месте.

— Присаживайтесь, — вместо приветствия сказал следователь. — Курите?

— Курю, но сейчас не хочу, — отозвался Фертовский и сел рядом с ним. Подул холодный ветер, закружился, заплутал между голыми деревьями.

— Зима скоро, — следователь затаился, выпустил дым, метко бросил потушенную сигарету в урну. — Вашему двоюродному брату Вадиму Зорину некоторое время назад звонили с незнакомого номера и обманным путём вынудили отправиться в Беляниново, — без предисловий начал он, — Зорин прокатился напрасно. Но это полбеда, а вот в этот же вечер недалеко от вашего дома на его супругу было совершено нападение, её пытались изнасиловать, хотя нападавший утверждает, что хотел всего лишь напугать. И сделать это его нанял некий человек, с телефона которого Виктории Зориной перед нападением тоже было прислано сообщение. Номер телефона, как можно догадаться, был один и тот же. То есть человек, нанявший насильника, и тот, кто звонил Зорину, одно и то же лицо.

— Зачем вы всё это мне рассказываете? — Николай сжался то ли от холода, то ли от напряжения, которое его охватило. — То есть мне, конечно, жалко крёстную моей дочери, Виктория — прекрасный человек и хорошая подруга моей жены. Но ведь вы вызвали меня для чего-то другого? Новости о моём брате и его супруге можно было бы сообщить по телефону.

— Вы нервничаете, значит, знаете, куда больше, чем говорите, — усмехнулся Турчанинов. — Зачем я всё это вам рассказал? Сим-карта телефона, с которого был сделан звонок и отправлено сообщение, зарегистрирована на ваше имя, вот так просто, — он повернул голову и посмотрел на реакцию собеседника.

Фертовский промолчал, на лице не дрогнул ни один мускул, хотя внутри всё клокотало.

— А кстати, где ваш сын, который приехал из Штатов? Мне бы хотелось поговорить с ним, давно намереваюсь, — Турчанинов опять закурил.

— И мне дайте, пожалуйста, сигарету, — попросил Николай, пальцы его дрожали. — Моего сына нет дома, — сказал он после паузы.

— А где он, позвольте узнать?

— Я не знаю ответа на этот вопрос, — Николай несколько раз подряд жадно затаился.

— То есть? — не понял следователь.

— Он уехал без предупреждения. Собрал свои вещи и уехал. Куда, я не знаю.

— Вы пытались ему дозвониться? Вы узнавали, может быть, он у своей матери в Америке?

— Там его нет, и не появлялся, — Николай стал тереть лоб.

— Это номер телефона вашего сына? — Турчанинов вытащил из кармана клочок бумажки и показал криво написанные цифры. — Вы покупали ему сим-карту, так ведь?

— Отрицать было бы бессмысленно, — Фертовский опустил голову, — да, сим-карту покупал я в телефон сына. Сделал это перед самым его приездом. Так проще для приезжающего из-за границы.

— А у вас есть с собой фотография сына? Кстати, как его имя? Кажется, я уже спрашивал, но мне нужно его имя в английском варианте.

— Вильям Фертовский, — ответил Николай, — а фотография... — он задумался, — да, есть совместный снимок, который мы сделали перед витриной одного торгового центра, — он вытащил телефон, полистал в нём галерею. — Вот фотография, — протянул телефон следователю.

— Сын похож на вас, но не совсем, — Турчанинов внимательно посмотрел фотографию, увеличил её. — Какой странный цвет глаз, или это искажает камера, — удивился он.

— У него светло-серый цвет глаз, совсем не мой, — согласился Фертовский.

— Да-да, глаза будто прозрачные, — что-то вспомнив, пробормотал следователь. — Мне необходим этот снимок. Будьте любезны, перешлите на телефон, — он посмотрел на Николая. Тот вздохнул. Ком уже катился с горы, и останавливать его не было смысла. Согласно кивнул. — Мне надо ещё кое-что проверить, я сообщу вам о результатах, — Турчанинов поднялся со скамьи. — Да, кстати, пришло время сообщить вашему отцу о случившемся, не стоит больше тянуть. Если вы не сделаете этого, я буду вынужден сам рассказать, потому что мне нужны и его показания. Они напрямую касаются истории гарнитура. А также системы безопасности и прочих нюансов.

— Хорошо, я расскажу отцу о том, что случилось, — кивнул Николай, — только о травме Маши говорить не буду, по крайней мере, пока.

— Хорошо, о Маше не говорите. Всё остальное ему должно быть известно, — Турчанинов поправил кепку, ссутулился. — До свидания!

— Евгений Борисович, — Николай остановил его, обратившись, следовательно не успел сделать и трёх шагов, — вы думаете, что мой сын... — он замолчал, не в силах озвучить то, что давно крутилось на языке.

— Моя профессия не думать, а доказывать. Фертовский, хотите откровенно? — он прищурился. — Я понимаю ваше желание защитить своего сына, попытаться скрыть то, что вам известно, но чем больше, таким образом, вы мутите воду, тем хуже не только для него, но и для всей ситуации. Вам самому приходится оправдываться в тех фактах, которые всплывают, а они ещё появятся, поверьте моему опыту. Если Вилли виноват, то примите это как есть. Да, мучительно и больно, но никуда не деться. Он взрослый человек и он должен отвечать за свои поступки. Ведь он так решил, он сделал выбор, а не вы.

— Вы будете искать его?

— Мы его уже ищем, не знаю, как далеко он ушёл и куда, но, похоже, что за ним стоят куда более влиятельные люди, и они за рубежом. И даже возможно, в США. Если гарнитур при нём, то они хорошо подготовили не только пути отхода парня, но и перепродажи раритета.

— Моя дочь слышала, как ему несколько раз звонил некий человек по имени Грум, — вспомнил Николай, — если это важно, то они говорили исключительно на английском языке.

— Хорошо, информация важная, спасибо, — кивнул Турчанинов, — если что-то вспомните ещё — звоните, не медля. Николай Владимирович, — он подошёл к нему, — я, правда, вам сочувствую, если бы с моим сыном случилось что-то подобное, не знаю, как бы я реагировал, но закон есть закон, поймите и меня.

— Да, я понимаю, — Николай опустил глаза.

— Держитесь, — он легонько хлопнул его по плечу, — у вас ещё разговор с отцом.

Глава 83

Данилевский всё утро не мог дозвониться до Миры, она не отвечала и на сообщения. Было какое-то странное чувство — со вчерашнего дня между ними что-то изменилось. По логике поведения

девушек в обычной жизни, это ей надо бы волноваться, а переживал он — после первого интимного свидания. А Мира будто замолчала. Он, уже раз, столкнувшийся с её молчанием и отчуждением, больше всего боялся повтора.

На завтрак неожиданно приехал Всеволод, привёз брату ключи от автомобиля. Уселся с огромной чашкой кофе за стол и болтал без умолку. Дима слушал его невнимательно ровно до того момента, когда старший брат упомянул вчерашнюю вечернюю поездку матери в район, где живёт Мира. Об этом Севе сказал шофёр матери, просто проболтался, без причины.

— А адрес! — заорал Дмитрий так, что Всеволод чуть не выронил из рук чашку, — точный адрес он назвал?

— Да я и не спрашивал точный адрес, — удивился брат, — а что ты так всполошился?

— Я вчера матери признался, что люблю Миру и намереваюсь на ней жениться, — Дима стал ходить по комнате взад-вперёд. — Сев, она была там, я уверен, что она поехала к Мире домой. Чёрт! Поэтому Мира не берёт трубку и не отвечает на сообщения. Я с ума сойду, если потеряю эту девушку, ты понимаешь?!

— Не ори так, я всё понял, — Всеволод отставил чашку, — да, мать вполне способна туда поехать и начать обрабатывать Миру. Она может. Но, я хочу сказать, что и твоя Мира не так проста, у неё характер будь здоров. И она легко не сдаст позиции. Я тебе уже говорил, что у этой девочки крепкий стержень.

— Но мать акула, она, если надо, проглотит, — он чуть не взвыл.

— Не преувеличивай, пожалуйста, — Всеволод допил свой кофе, ополоснул чашку. — Давай одевайся, поедem. Я отвезу тебя.

— К Мире? — Дима засуетился, надел одну водолазку, затем решил поменять на другую, затем достал из шкафа рубашку.

— К Мире, конечно. Не пойму, что ты там копаешься? На бал что ли собрался? Рубашки меняешь, — усмехнулся старший брат.

— Буду просить руки и сердца Миры у её матери, поэтому надо выглядеть презентабельно, — пояснил Дмитрий, наконец, нашёл рубашку нежно-лавандового цвета, к ней галстук, брюки классические чёрные.

— Красавец, — оценил Всеволод, — хоть сейчас под венец, не устоит.

— Хватит ёрничать, — он причесал волосы, — может, очки надеть? Чтобы солиднее выглядеть.

— Надевай-надевай, — закивал Всеволод, — ты в них производишь неизгладимое впечатление. Чистый Голливуд.

— Севка, у тебя длинный язык, — Дима надел очки, поправил их перед зеркалом, — когда-нибудь тебе его укоротят.

— И кто же осмелится на этот шаг? Кто этот смертный? — засмеялся старший брат.

— Не смотри на меня, не я, — Дима поправил галстук, — идём, пора. Надо как можно быстрее исправить всё, что успела наворотить мамочка.

В воскресенье утром пробок в столице нет — в принципе, а уж когда кончается дачный сезон, пустеют даже подмосковные дороги. Потому домчались быстро. Перед самым домом Миры Дима вспомнил о цветах, пришлось дать задний ход, выкатить на дорогу и в ближайшем цветочном магазине купить два букета.

В подъезд юркнули за какой-то бабушкой. Завидев двух молодых, явно щеголеватых молодых людей да ещё с большими букетами, она от любопытства открыла рот. Отследила, куда они направились, и покачала головой.

Дверь открыла мама Миры, Дима сразу догадался по тому, как они были внешне схожи, на него смотрели точно такие же красивые, но грустные, глаза.

— Доброе утро, — выдохнул Дмитрий, — вы — мама Миры? — уточнил он на всякий случай.

— Доброе утро, — удивлённо отозвалась она, — да, я её мама.

— А Мира дома?

— Нет, Мира ушла.

— Ушла, — у Димы всё опустилось. Всеволод толкнул его в бок.

— Простите, а куда она ушла? И скоро ли вернётся? — спросил он вместо брата.

— В магазин, ушла давно. Вернётся с минуты на минуту. Да вы проходите, что же мы в дверях стоим, — она спохватилась, — проходите, пожалуйста.

— Спасибо, — Всеволод протиснулся первым, за ним Дмитрий. — А, это вам, — он протянул ей один из букетов.

— Какое чудо! — женщина заулыбалась так светло, так искренне, — благодарю вас, наши неожиданные, но такие приятные гости. Позвольте узнать ваши имена. Хотя, дайте-ка я угадаю, кто из вас Дмитрий, — она внимательно посмотрела на обоих братьев, подошла ближе к Диме, — вы — Дмитрий? Тот самый юноша, которого любит моя дочь.

— Да, я — Дмитрий, — подтвердил он. — Любит? — до него дошёл смысл сказанной фразы.

— Любит, не сомневайтесь, — кивнула мама Миры. — А вы...

— Я — старший брат Димы — Всеволод, — он поцеловал ей руку.

— Очень приятно, разрешите представиться и мне — Анна Андреевна.

— Как Ахматова, — прокомментировал Всеволод. Ему сходу понравился этот дом, его скромная, но уютная обстановка, ароматы с кухни — пахло свежей выпечкой, и сама хозяйка дома — несмотря на сильную хромоту, красивая женщина, да ещё интеллигентная, сразу заметно.

— Верно, мне лестно напоминание об этой великой поэтессе, — заметила она, — а что если нам всем вместе попить чаю? Я только что заварила очень вкусный гречишный чай и вынула из духовки пирог с ежевичным вареньем и лимоном.

— Это лучшее из всех предложений за сегодняшнее утро, да, Димка? — Всеволода забавляла растерянность и смущение младшего брата. Он крутил в руках букет цветов и не знал, куда его девать.

— Да-да, — закивал, поправил очки.

— В таком случае, прошу в большую комнату, я накрою стол, — предложила хозяйка, открыв перед ними стеклянную дверь.

— Анна Андреевна, разрешите вам помочь, — спросил Всеволод.

— Почту за честь, — она опять улыбнулась своей тёплой улыбкой. Всеволод, подмигнув брату, последовал за ней.

Дмитрий вошёл в комнату, сел за большой круглый стол. Осмотрелся. На столе была постелена белая кружевная скатерть, у стены стоял буфет явно не современный, но в хорошем состоянии, в нём — посуда и несколько фигурок почему-то только танцовщиц и именно испанских. На стене картина-пейзаж, весьма неплохая живопись, у противоположной стены мягкий диван — самый обычный, небольшой такой, рядом табурет, на котором лекарства, их

довольно много. Остальное Данилевский рассмотреть не успел, потому что повернул голову и увидел Миру. Она стояла в дверном проёме и смотрела на него. В следующую секунду в комнату на всех парах влетел Беня, он после прогулки сразу рванул на кухню — поесть, а теперь учуял Данилевского. Пудель гавкнул и с разгону прыгнул Диме на колени, испачкал ему брюки, лизнул его в лицо и опять гавкнул.

Глава 84

Мира, наблюдая за этой картиной, не сдержала улыбки.

— Я не успела помыть лапы этому оболтусу, — сказала она виновато.

— Ерунда, — отмахнулся Дима, посмотрел на пуделя, — ты всё равно очень хороший пёс, правда? — Беня согласно гавкнул. Спрыгнул с коленей гостя и помчался на кухню. Там был ещё один гость, от него тоже хорошо пахло. С ним стоило познакомиться ближе.

— Я всё утро тебе звонил, — Данилевский поднялся со стула, подошёл к Мире, отдал ей цветы.

— Я ушла по магазинам, и телефон забыла дома, — она посмотрела в его глаза.

— Я тебя не видел целую вечность, — прошептал он, прижал ее к себе.

— Мы же расстались вчера вечером, — напомнила Мира.

— С того момента прошла вечность, — он стал приближаться к её губам, сначала прикоснулся к ним мягко, едва-едва. Затем раздвинул её губы своим языком и поцеловал горячо, соскученно.

— Ребята, а мы всё подготовили к чаепитию, — Всеволод появился в самый разгар поцелуев, — ой, опять я не вовремя, но вы нашли, где целоваться, прямо в дверях, — он нёс в руках поднос с заварочным чайником, чашками, сахарницей и сливочником, — потом доцелуетесь, помогайте нам накрыть стол, — добавил он. — Димка, шагай на кухню и неси оттуда пирог. Анна Андреевна тебе даст блюдо.

Дмитрий послушно отправился на кухню, увидев маму Миры, покраснел, засмутился. Подумал, видела ли она их с Мирой поцелуи?

— Анна Андреевна, я пришёл вам помочь принести пирог, — сказал он, пытаясь оправиться от смущения. Поправил очки, которые съехали на кончик носа.

— Хорошо, Димочка, держите, — он взял из её рук блюдо и ещё раз убедился, сколь мила и обаятельна эта женщина. Беня, увидев его, гавкнул, мол, и я тут. Дима улыбнулся.

А в комнате Всеволод смешил Миру, рассказывая анекдоты, расспрашивал её о пуделе, который, познакомившись с ним, тоже успел оставить пятно на его джинсах.

— Отлично, Димка, тащи сюда в центр стола пирог, — скомандовал Всеволод, увидев входящего брата, — ставь сюда. Я за чайником с кипятком и приведу хозяйку дома. Пора пить чай, — ушёл, что-то насвистывая. Как только брат исчез из поля зрения, Дима и Мира рванули друг к другу. Поцеловались быстро, но также горячо.

— Мы не просто так нагрянули к вам, — после поцелуя прошептал Данилевский.

— Да? — также шепотом сказала Мира.

— Да, скоро узнаешь. Я люблю тебя, моя девочка, — он отошёл к столу вовремя — появился брат и Анна Андреевна. Расселись за столом, налили душистый чай, хозяйка дома нарезала пирог внушительными кусками и сама лично разложила их по тарелкам, протягивая сначала Диме, потом его брату, затем уже дочери и себе. Беня улёгся под столом прямо на ботинки Димы.

— А давайте я скажу тост, — взяв чашку, громко произнёс Всеволод, он сегодня особенно много балагурил, за последнее время впервые чувствовал такой душевный подъём. Вот хорошо на душе, и всё тут. — Предвижу возражения, что у меня не рюмка, но с чаем тосты тоже можно говорить, разве есть запрет?

— Нет запрета, говори, Всеволод, — поддержала его Мира.

— Отлично, одобрение получено, говорю, — он приподнял чашку, — я хочу выпить за этот чудесный дом, за его хозяек, за тот уют и особый дух доброты и гостеприимства, который здесь чувствуется. За вас, красавицы и умницы — Анна Андреевна и Мира, моё восхищение! Ура!

Под весёлый смех поднялись чашки с чаем и аккуратно дзынкнули друг о друга. Данилевский не сводил глаз с Миры, в какой-то момент положил свою руку на её кисть.

— Это не пирог, — воскликнул Всеволод, откусив большой кусок, — это, — он щелкнул пальцами, подбирая слова, — это симфония! Анна Андреевна, вы уж не обессудьте, но я время от

времени буду навещивать к вам на пироги, не смогу забыть это пиршество.

— Приходите, Севочка, буду всегда вам рада, — на кухне он уже успел попросить её называть себя Севой.

— Всенепременно приду! И уже на правах не просто друга, а родственника, — он под столом толкнул ногу брата, мол, давай.

— Да, конечно, — Дмитрий поднялся из-за стола, — Анна Андреевна, — сделал паузу, вдохнул полной грудью, ослабил узел галстука, — я хочу попросить у вас руки и сердца вашей дочери. Я люблю Миру — искренне, по-настоящему.

А потом Анна Андреевна принесла икону и благословила ею свою дочь и Диму. Она пожелала им много хорошего, говорила о первом их единомышленном жизненно важном решении, о союзе мыслей, который необходимо сохранять все годы, которые им отпущены. Всеволод внимательно наблюдал за всем, в какой-то момент поймал себя на том, что вспоминает свою жизнь. Тот момент, когда позвал будущую жену замуж, как же всё было иначе! Начиная от помолвки и заканчивая свадьбой. Да, была шикарная церемония, всё дорого и красиво. Вот только перед этим они поссорились с Аллой, ей не нравилось то одно, то другое. Он тогда всё списал на волнение и капризы перед свадьбой. Только потом эти капризы стали регулярными. Капризы, недовольство, бесконечные претензии. А он угождал, подстраивался, опять угождал. Пока не послал всё к лешему. В один прекрасный момент собрал свои вещи и переехал в дом к матери. Алла будто и не заметила ухода мужа, они встретились лишь при разводе. Вот тогда он точно решил для себя — брак не для него, хватит, попытка не удалась. Можно жить и так. Чтобы мать не контролировала его жизнь, сняв квартиру, сначала переехал от неё, а потом неожиданно родственница с окраины столицы, скончавшись, оставила ему свою квартиру. Доплатив, Всеволод купил себе жильё ближе к центру.

Девушки, конечно, присутствовали в его жизни, но ни одна из них долго не задерживалась, он не хотел привязываться. А вот Димка захотел и сразу решил жениться на Мире. Ведь говорил ему ещё там, в больнице. Сначала Всеволод даже не поверил брату, а когда увидел Миру, познакомился с ней, сомнений не осталось.

А как они смотрят друг на друга! С особой нежностью и одновременно страстно. Димка накрыл руку Миры своей рукой и тихонько гладит. Одним словом — счастливый. Надо будет обсудить дату свадьбы. Как они захотят — так распишутся или с церемонией? А мама... вот о ком они забыли! Была вчера здесь, наверняка, но, похоже, Мира не изменила своего решения. Молодец, устояла. Хотя... мама так просто не сдаст свои позиции. Мире будет трудно, но рядом Димка, а у него верный старший брат, который тоже на их стороне. А остальное — преодолимо.

Он посмотрел на Анну Андреевну, несмотря на её болезнь, красивая женщина. И как же хорошо в её присутствии.

— Анна Андреевна — обратился к ней Всеволод, — вы обещали рассказать про гречишный чай. Что там за легенда, связанная с ним?

— Да, обещала, Севочка, — она подлила ему чая, предложила Диме, тот кивнул, у Миры чашка была полной, — как люди познакомились с гречихой? Существует легенда, согласно которой во времена правления Нефритового императора на Китай обрушилась страшная засуха. В течение длительного периода времени на землю не упало ни единой капли дождя. В стране начался голод.

Чтобы как-то помочь народу, император дал людям зерна гречихи, которые были способны выдерживать неблагоприятные погодные условия и давать урожай. Именно благодаря им, народ смог пережить нелегкие времена. Так у людей и появились семена гречишного чая.

Гречишный чай китайцы делают из семян татарской гречихи. Где впервые их начали выращивать — неизвестно. Одни ученые склоняются к тому, что это была Индия, другие уверены, что их родиной была Греция. Но широкое распространение они получили во времена монголо-татарских нашествий. Именно оттуда и пошло название сорта.

— Какая интересная легенда, — воскликнул Всеволод, — теперь всенепременно буду пить этот чай. Димка, купишь мне его в подарок на день рождения.

— А у вас скоро день рождения? — поинтересовалась Анна Андреевна.

— В следующем месяце, — ответил вместо него Дмитрий, они переглянулись с Мирой.

— Мы вас обязательно поздравим, Всеволод, и подарим чай, обещаем, да, Мирочка?

— Да, мама. Сева, жди подарков, — она улыбнулась.

— Ой, если честно, я сто лет не праздновал свой день рождения, я от него убегаю, но если вы испечёте такой вот пирог и заварите свой фирменный чай, то я изменю своей традиции.

— Тогда, Всеволод, мы официально приглашаем вас на ваш же день рождения, в этот дом! — сказала Анна Андреевна. — Если получится, приезжайте, добро пожаловать.

— Заманчиво, однако! — он задумался. — А приеду, зуб даю, — все засмеялись.

Глава 85

Вадим задержался на работе, затем на одном из проспектов попал в пробку, подъехал к дому ближе к одиннадцати вечера. В окнах горел свет, он постоял у подъезда, покурил. Сегодня позвонил Женька, сообщил, что нашли нападавшего на Вику, и он признался. Как и в том, что его наняли напугать её. Кто нанял — следователь предпочёл пока скрыть, сказав, что этого человека ищут. Предвидя желание Зорина дать в морду нападавшему, Турчанинов сказал сразу, что тот уже за решёткой, и Зорину до него не добраться, самосуд им не нужен.

Вадим с большим трудом успокоился. Полдня не мог нормально работать, психовал, выходил курить. Хотел ещё раз позвонить Турчанинову, но тот был вне зоны доступа. Зорин докурил, вошёл в подъезд.

— Ты не спишь? — спросил он у жены, она вышла в коридор встречать его.

— Тебя жду, — сегодня Виктория выглядела лучше, пушистые волосы лежали по плечам, на глазах лёгкий макияж, щеки разрумянились. — Ты голоден?

— Нет, ничего не хочу, — ответил Вадим, направился в ванную комнату мыть руки.

— Вадик, что-то случилось? — Вика встала у двери.

— Нет, а что? — он тщательно вытирал руки о полотенце. Посмотрел на жену.

— Ты задержался на работе, я звонила, но ты не брал трубку, — мягко укорила она.

— Не слышал, извини, — он чмокнул её в щёку и прошёл в комнату. Тут же лёг на диван, закинул ноги на боковой валик, закрыл глаза.

— Устал? — Виктория прошла следом, поправила ему подушку. — Отдыхай, не буду тебе мешать, — сказала тихо и ушла на кухню.

Зорин проснулся среди ночи, ноги затекли, да и вообще было неудобно. Он встал, размялся, поменял футболку, посмотрел на часы в телефоне.

На кухне был идеальный порядок, Зорин заглянул в кастрюлю с пловом — греть было лень, достал из холодильника сыр, масло. Сделал себе целую тарелку бутербродов, налил чай. Сел за стол, стал жевать.

— Давай погрею ужин? — Виктория вошла неслышно, даже испугала его.

— Я себе бутерброды сделал, — продолжая жевать, сказал он.

— Я погрею плов быстро, — она засуетилась.

— Подожди, — Вадим взял жену за руку и усадил себе на колени. Положил голову на плечо. — Моя Викуся, моя родная.

— Вадимыч, — она прижалась к нему, поцеловала в щеку. — У нас всё будет хорошо, правда? Главное, что мы вместе.

— Конечно, — он улыбнулся. — Я тебя люблю.

— И я тебя люблю, мой рыцарь без страха и упрёка. Знаешь, как я по тебе соскучилась? До самого неба, вот как, — она подняла руку вверх.

Они до утра так и не уснули, после ласк и поцелуев долго лежали, просто обнявшись.

— Вадюш, знаешь, что я подумала? — сказала Вика.

— Что, милая?

— Если до лета у нас не получится, давай возьмём ребёнка из детского дома? А? Ведь столько детям нужны родители, а мы сможем быть хорошими родителями. Сможем, Вадик?

— Сможем, — согласился он. — Давай так и решим, доживём до лета, а там посмотрим.

— Спасибо, мой Зорюшка, — она чмокнула мужа. — Я боялась, что ты будешь против ребёнка из детского дома. Станешь меня

отговаривать.

— Не, не стану. Для кого и для чего мы живём, Виктория? Сами по себе, день за днём, дом-работа-дом. А жизнь идёт. Ещё и всякие неприятности.

— Какие, Вадик? — она напряглась.

— Да уже никакие, слава Богу. А вот мы с тобой семья. И хорошая семья, правда, жена моя дорогая?

— Правда, мой любимый Зорин.

Сегодня Надежда опоздала на встречу с Викторией, та ждала в кафе, поглядывала на часы, помешивала ложкой в чашке.

— Привет, дорогая, — Надя чмокнула подругу в щёку, — прости за опоздание, Сашке перед моим уходом кое-куда приспичило, пришлось задержаться. Да ещё Николеньки нет дома. Он поехал в больницу к отцу.

— Кстати, как себя чувствует Владимир Григорьевич? — спросила Виктория. — Вадик намеревался к нему заехать завтра.

— Да более или менее, он же на обследовании, лечение будет потом. Правда, думаю, после сегодняшнего визита моего мужа ему станет хуже. Николя повёз плохие новости.

— О Господи, какие? Надя, все живы? — всполошилась Вика.

— Да живы, куда мы денемся. Дело в другом. Да, я же забыла спросить про твоё самочувствие, муж сказал, что ты болела. Прости, пожалуйста, я совсем закрутилась и в эти дни ни разу тебе не позвонила. А теперь уже поздно, но тебе явно лучше — вон какая красавица. Глаза блестят, личико свежее. Выздоровела?

— Да, сейчас я себя чувствую гораздо лучше, — улыбнулась Виктория, кокетливо поправила волосы. — Так что у вас за плохие новости? — напомнила она.

— Ты ведь в курсе, что ограбили квартиру моего свёкра? Вскрыли оружейный сейф, оттуда украли дорогостоящий сабельный набор. Это семейная реликвия Фертовских, — сообщила Надежда.

— Да, я слышала об этом, — подтвердила Виктория.

— Так вот, к ограблению причастен сын моего мужа — Вилли, — вздохнула Надя.

— Как это? — удивилась Вика. — Что значит, причастен?

— Грабителей было двое — один из них Вилли. Гарнитур он забрал себе, подельнику выплатил оговоренный процент. И исчез. Никто не знает, где он, куда увёз гарнитур. Полиция арестовала его подельника, он дал показания. Но нить оборвалась.

— Какой кошмар, Надя! Внук ограбил собственного деда? — поразила Виктория. — Как же так случилось?

— Всех подробностей я не знаю, но это уже установленный факт. Подельник опознал его по фотографии.

— Надя, а ведь всё это время он жил рядом с вами, ел, пил и обдумывал план ограбления, — Вика покачала головой. — Какой же удар для Николя. Столько лет не видеть собственного сына и получить такое. Мне, конечно, с самого начала не понравился этот парень, но чтобы вот такое сотворить в своей же семье... Надя, это слишком.

— Вилли никому не понравился, он ведь и Сашку обижал, это я уже потом узнала. У него не было чувство родства. Не знаю, кто в этом виноват, может, и мы. Мы не смогли стать для него семьёй, — грустно заметила она.

— Вот ещё, виноваты они! Глупости говоришь, вы прекрасно его встретили, приютили, даже ублажали. А он выкинул такое. Нет, подруга, этот парень с самого начала был не ко двору.

Глава 86

— Мамочка, я провожу ребят до машины? — крикнула Мира из коридора, пока они там одевались. Перед этим помогли Анне Андреевне убрать со стола, Бенья бегал вокруг и весело тявкал. Ещё немного посидели в гостиной, поговорили о поэзии Ахматовой, её тёзка даже прочла наизусть несколько стихотворений, чем вызвала искреннее восхищение обоих братьев. Прощаясь, они поочерёдно поцеловали ей руки.

— Хорошо, дочка, только одевайся теплее, — ответила Анна Андреевна и помахала рукой будущему зятю и его брату.

— Я подожду тебя в машине, — подмигнув Диме, сказал Всеволод, догадываясь, что ребятам хочется побыть вдвоём и обсудить случившееся.

— Хорошо, Сева, спасибо, — кивнул Дмитрий, они с Мирой остались в подъезде. Как только старший брат скрылся из виду, опять последовал поцелуй.

— Ммм, какой же ты горячий, Димка, — прервав поцелуй, сказала Мира, — а внешне весь такой сдержанный, с задатками аристократа, в лавандовой рубашке, в стильных очках — красивый, глаз не отвести. Ещё и пылкий. Принц, да и только.

— Моя дорогая насмешница, — он ещё крепче прижал её к себе. — Не хочу портить этот день, но не могу не спросить: Мира, моя мать была вчера у тебя? — он нервно поправил очки, стал серьёзным. — Только честно. Мне это важно знать.

— Была, — Мира опустила глаза.

— И что она хотела? — выдавил он из себя.

— Чтобы я тебя отпустила. Она много говорила, но всё свелось к тому, что мы не пара. Что мы не будем счастливыми. Что у тебя уже есть невеста и ты женишься на ней. Ну, вот, если кратко.

— Надеюсь, ты не поверила ей? — он пытался поймать её взгляд.

— Даже если у тебя и была невеста, то сейчас явно другая — я. Потому что ты не только сделал мне предложение, но и попросил об этом мою маму. Ты примчался сюда утром, думая обо мне, волнуясь, переживая. Значит, я для тебя важнее. Пара мы или нет — решит только время. Как и счастливую семейную жизнь, которую мы построим или не построим. Очень многое зависит от нас. А то, что между нами любовь, — она подняла на него глаза, — да это сразу видно, Димочка. Мы не можем друг без друга. И после этого я тебя отпущу? Куда, Данилевский? Я же люблю тебя всем сердцем.

— Мира... — он снял очки, покрыл поцелуями всё её лицо. — Давай поскорее поженимся? — попросил он. — Скажи, тебе нужна шикарная свадьба?

— Мне нет, а тебе?

— И мне тоже. Я знаю хороший ЗАГС, нас там быстро поженят. А? — сказал Данилевский.

— Хорошо, так и сделаем. Но у меня дома свадьбу мы отметим, в узком кругу, ладно? Маму порадуем.

— Всенепременно порадуем. У тебя прекрасная мама — нежная, солнечная. Я особенно рад буду помочь ей, — кивнул он.

— Помочь? В чём?

— Сделать счастливой её дочь, — выкрутился Дима, понимая, что чуть не проговорился.

— Спасибо, Димочка!

— За что?

— За всё! За то, что ты есть, — она чмокнул его. — Беги, а то Сева заждался.

— Тогда до вторника? Я заеду за тобой в обед, мы успеем подать заявление, хорошо?

— Хорошо-хорошо, — Мира улыбнулась. Данилевский ещё раз поцеловал её на прощанье и побежал по ступенькам. — Осторожно, милый, не спеши, — крикнула она вслед.

— Я люблю тебя, — услышала уже снизу.

Всеволод слушал в машине музыку. Завидев брата, уменьшил звук.

— Ну что, всё выяснил? Была наша мамочка там вчера или нет? — завёл автомобиль. Стал выезжать со двора.

— Была, — вздохнул Дима, надел очки, которые держал в руках, — и всё оказалось, как мы думали — давила, прессовала. Потом уговаривала. Просила Миру меня отпустить.

— Даже так, отпустить тебя? — Всеволод выехал на шоссе. Выключил в машине радио. — Мамочка по-прежнему считает, что может управлять не только людьми, но и судьбами. Величайшее заблуждение, отравляющее жизнь человечеству. Я через это прошёл и никому не желаю подобного.

— Поэтому ты и на моей стороне? — уточнил Дима.

— И поэтому тоже, и по многим другим причинам, — он проехал на жёлтый свет, увеличил скорость, обогнал впереди идущую машину. — Что ты мне шепнул в коридоре, когда мы одевались? Что-то насчёт денег?

— Да, ты можешь быстро продать мой опель, который стоит в гараже матери? Мне срочно нужны деньги, — Дмитрий стал копаться в айфоне, что-то искал.

— Могу, без проблем. Правда, он не на ходу, но это решимо. Тачка в хорошем состоянии. А зачем тебе срочно понадобились деньги? — поинтересовался он.

— Я хочу заплатить за эндпротезирование в одной из больниц — за саму операцию и за импортный протез, — не стал скрывать от брата.

— Благотворительность — это правильно, — одобрил Всеволод.

— Это не просто благотворительность, это на операцию Анне Андреевне. Мира рассказывала, что они ждут квоту на операцию, но в этом году не предвидится. Поэтому я принял решение быть той самой квотой. Чем быстрее пройдёт операция, тем лучше. Ты же видел, как она ходит. А ещё вторая нога. Нужны деньги и на реабилитацию. Я хочу, чтобы всё было на должном уровне. Я хочу, чтобы мама Миры ходила.

— Димка, я же тоже этого хочу и не меньше тебя! — он чуть не пропустил поворот. — Надеюсь, ты не будешь против, если и я приму участие в твоей квоте? Тебе даже не придётся продавать тачку.

— Принимай, только опель всё равно продай, он мне не нужен. Лишний.

— Ладно, сделаю. Тем более, для Анны Андреевны. Такая женщина — само очарование, — он даже засветился. Дима промолчал, лишь подумал о том, что старший брат давно так не отзывался о женщинах.

Глава 87

— Николя, — Владимир Григорьевич закрыл лицо руками, затем стал тереть виски, — неужели всё, что ты мне рассказал — правда? Я не могу поверить в то, что мой родной внук... у меня даже язык не поворачивается произнести эти слова. Мой внук меня...

— Пап, мне тоже больно. Он твой внук, а мой сын, родной сын, — Николай опустил голову. Он оттягивал этот разговор, но Турчанинов прав — всё равно когда-нибудь отец узнает. А следствию важно время и подробности, в курсе которых отец может быть. Подробности разговоров между ними, что конкретно он говорил и показывал внуку.

— Я знаю, сынок, — Фертовский-старший тяжело вздохнул, поднялся с места, отошёл к двери. Так щемило сердце, так щемило. Будто в грудь засунули горящие угли. Но раскисать нельзя, даже болеть теперь нельзя — у него и Машеньки будет ребёнок. Может, вырастить его он и не успеет, но хотя бы дожидаться рождения — обязан. После этих мыслей Владимиру Григорьевичу вдруг стало легче — сердце словно послушалось его и отпустило. — Пусть всё как есть. Примем случившееся со смирением, — сказал он, — знаешь, если быть откровенным, намучился я с этим гарнитуром. С того момента, как узнал о проклятии и понял, что оно повисло над Володей. А когда

он ещё и потребовал мне показать гарнитур, тут я вообще чуть с ума не сошёл. И ведь он и требовал бы дальше. А я бы сопротивлялся, не находя убедительных аргументов, в итоге всё равно бы что-то да прорвалось наружу. Я устал от этой истории с камнями, клинком, вообще всем, что связано с гарнитуром. Долго держать его дома тоже представляло опасность, я, конечно, подумывал о банке или подобном месте хранения, но почему-то тянул. Одним словом, что случилось, то случилось.

— Тебе не жаль гарнитур? — Николай внимательно посмотрел на отца. Тот на удивление внешне спокойно отреагировал на плохую весть. Нет, конечно, сначала расстроился, но быстро успокоился и принял как есть.

— Нет, не жаль, хотя это и твоё наследство, Николя, ведь ты мой сын, — ответил он.

— Я думал и об этом, — кивнул он. — Почему ты не рассказал мне обо всём, что касается гарнитура? Пап, а я ведь ничего не понял и про проклятие, связь с ним Володи.

— Я сам не знаю, почему тебе не рассказал, правда, сынок. Как-то не собрался, что ли. Тебе всегда некогда, работа, семья, да и я вечно занят. Хотя мы с Машей к вам приезжаем. Но в такие моменты рядом внучка, всё моё внимание ей. А тут необходимо было уединение и время. Знаешь, в связи со случившимся, я понял одну вещь: всегда находи время для родных, для детей, для внуков. Умей выслушать, понять, принять. Не ставь эмоции вперед, они мешают. Будь терпеливее. В этом проявляется вся мудрость, а также возможность понять того, кто рядом. Иначе возникнет непонимание, а потом и отчуждение. Не зря в нас течёт одна кровь, значит, нам Богом суждено быть рядом, близко. А мы, получается, порой ничего не знаем, что происходит с нашими родными, пропускаем важное, нужное. Главное.

— Странно, но меня в том же самом упрекнул следователь Турчанинов, который ведёт это дело, — сказал Николай. — Когда он стал задавать мне вопросы и не получил на них ответы, то возмутился моим безразличием к тебе. Неужели он прав, папа?

— Тогда в этом же можно упрекнуть и меня, — вздохнул Фертовский-старший, — если я раньше активно вмешивался в твою жизнь, нещадно критиковал тебя, диктовал свои правила, делал это исключительно в угоду своему эгоизму, консерватизму. Считая себя

истиной. То в последнее время скрыл от тебя такой важный факт, как история проклятия камней. Не посвятил в то, что в последнее время меня так мучило. Я склонен думать, если бы ты знал об этом, то, возможно, мы бы как-то сумели всё объяснить Володе, и не получилось бы этой ужасной истории с ограблением.

— Не знаю, папа, мне бы хотелось тебя утешить, но нечем. По предположению следователя Володе нужны были деньги. Кажется, он кому-то был должен. И за ограблением стоят люди, которые помогли его организовать. Они же, думает Турчанинов, продадут гарнитур. И, может быть, раритет уже за границей.

— Ну и пусть там остаётся, надеюсь, что подальше от Володи. Если предположения следователя верны, мой внук расплатится за свой долг гарнитуром, который больше не увидит. Остальное... — он замолчал. — Николя, я не хочу, чтобы Володю поймали, — Фертовский-старший вернулся и сел на свою кровать. — Да, то, что он сделал — отвратительно, мерзко, он нарушил закон. Но больше всего я не хочу, чтобы мой внук сидел в тюрьме, понимаешь?

— Понимаю, — ответил Николай, — а вообще, — он сделал паузу, — если натворил, надо отвечать за свои поступки, вот что я думаю! — сказал жёстко.

— Коленька, сынок, — Фертовский-старший растерянно заморгал, — но он же твой сын.

— Он совершил преступление, отец. Он должен понимать, что за это может получить срок. Поэтому я тебя прошу рассказать следователю всё, что ты знаешь. Я очень тебя прошу, папа.

— Но, сын...

— А ты знаешь, что он, проживая в моём доме, не единожды обижал Сашу? Мы просто не знали об этом, дочь не жаловалась. Она рассказала только теперь и то после уговоров.

— Володя обижал свою сестру?!

— Да, причём он говорил, что она ему вовсе не сестра. Пап, чем больше я обо всём этом думаю, тем больше разочаровываюсь в своём сыне. Да, родство, да, мы должны прощать, но как простить то, что он цинично и бессовестно обманул нас? Он ограбил не просто собственного деда, он украл семейную реликвию, то, что переходило по наследству стольких поколений. Переходило с благоговением, уважением к памяти предков. Если рассудить, то ты верно заметил —

гарнитур после тебя первым перешёл бы ко мне. А потом уже достался бы моему сыну. Конечно, достался бы. Я бы с радостью передал Володе эту семейную реликвию. Не думаю, что Саша стала бы возражать. Это такой мужской подарок — символ доблести, геройства, это защита Отчизны. Но теперь всё иначе. Я понял, что для моего сына слово «семья» ничего не значит. Как и Отчизна. Он жил в другой стране, стал всем нам чужим. И его приезд в Россию ничего не изменил. Увы.

— Как горько это не признавать, но ты, наверное, прав, — выслушав сына, сказал Владимир Григорьевич. — Я в своей слепой любви не заметил этого, а должен был. Господи, как же скверно на душе, сынок.

— Отец, надо жить дальше. Отряхнуться от этого мусора и идти дальше. У тебя будет ребёнок, тебе есть ради кого жить, — он впервые за весь разговор улыбнулся, — начинается новый виток твоей жизни. Учти, будет намного труднее, чем со мной.

— Мне с любимой женой ничего не страшно, вот только бы пожить подольше, — улыбнулся в ответ Фертовский-старший. — Да, придётся ещё взять в дом помощницу, Степановне прибавится хлопот. Кстати, как там моя старушка?

— Ничего, пока Маша в больнице, мы с Надей навещаем Елену Степановну, Сашку туда привозим. Поменяли замок в дверях. Пап, жизнь потихоньку налаживается. Главное, что мы все вместе.

— Можно? — в палату заглянул незнакомый мужчина. — Здравствуйте, Владимир Григорьевич, я — следователь Турчанинов, мне надо задать вам множество вопросов. Уделите, пожалуйста, мне время.

— Здравствуйте, проходите, — кивнул Фертовский-старший и предложил следователю стул.

— Мне уйти? — уточнил Николай.

— Если есть желание, оставайтесь, — разрешил Турчанинов, — в основном мы будем слушать вашего отца. Я так понимаю, вы ему уже рассказали о случившемся.

— Да, как вы и просили, Евгений Борисович, — подтвердил Николай.

— Спасибо за содействие. И так, начнём издалека — 1812 год. Клинок, подаренный вашему предку за храбрость самим генералом

Ермоловым...

Глава 88

Дмитрий стоял возле зеркала, поправлял галстук, потом оглядел себя с головы до ног — вполне прилично. Костюм, новый, правда, куплен не сегодня, но не надевал его ни разу. Главное, приобрели Мире платье невероятной красоты — цвета персикового айвори. Корсет утягивался шнуровкой, был декорирован кружевом кремового цвета, расшитым бисером, пайетками, стеклярусом. Таким же кружевом был декорирован и подол платья. Вообще-то сам Данилевский платья не видел, Мире его помогал выбирать Всеволод, он и рассказал, как выглядит покупка. Он же и оплатил. Мира сначала категорически отказывалась, но Сева сказал, что это его подарок ребятам на свадьбу.

Кольца, конечно же, покупали вместе, выбирали недолго, Мире понравились два тоненьких без изысков колечка. Всё вообще как-то быстро случилось — подали заявление, тут же помчались в ювелирный. Вечером Всеволод отвёз Миру в свадебный салон. На следующий день Мира всё рассказала Таисье. Та была в шоке. Никак не могла успокоиться и всё причитала: как же так, подруга выходит замуж, а она узнала под самый занавес. Мира оправдывалась, как могла. Сказала, что сама мало верит в происходящее, но факт есть факт — скоро она будет Данилевской. И что Таисья приглашена к ним как близкая и лучшая подруга. А свадьба? Это будет очень узкий круг, зато тёплый и без пафоса.

В первых числах декабря выпал снег и не растаял, он лежал на приготовившейся к зиме земле. Воздух будто очистился, хотя стал холоднее. Декабрь принёс не только дыхание зимы, но и начинающуюся подготовку к новому году. Да, потихоньку двигались к новой цифре, к следующей дате календаря. Световой день заметно укоротился и уже после четырёх дня везде включали свет — в помещениях, а на улицах зажигали фонари.

На следующей неделе Анне Андреевне планировали делать операцию, позвонили из клиники и сообщили, что пришли средства на счёт, поэтому есть возможность получить квоту сейчас и успеть лечь на операцию до нового года.

Мире казалось, что этот последний месяц уходящего года принёс ей особенно много хорошего, наверное, компенсация за весь год. В один из дней она в коридоре поточного корпуса неожиданно встретила Зорина. Первое, на чём себя поймала — при его виде она уже точно не испытала никакого трепета и волнения. Абсолютно ровно дышала и смотрела на него. Да и со дня их последней встречи она не вспоминала о Вадиме Георгиевиче, ни разу. Незачем. Увидев Миру, он искренне обрадовался, первым делом спросил, как её дела. Узнав, что его бывшая студентка выходит замуж, удивился, но тут же поздравил, сказав, что от души рад за Миру. Уверен — она будет счастлива, и сделает счастливым своего избранника. На этой ноте расстались как два старых знакомых, которые редко видят друг друга, но всегда рады встрече.

В этот же вечер Дима встретил её возле университета сразу после занятий. Он был на машине. Завидев Миру и её подругу, выходящих из здания, поспешил им навстречу.

— Добрый вечер, — поздоровался первым. На нём был нежно-сиреневой толстой вязки свитер, куртку и шарф оставил в машине, кружившиеся в воздухе снежинки искрились на его тёмно-русых волосах.

— Здравствуйте, — Таисья с любопытством рассматривала этого весьма элегантного молодого человека и вдруг вспомнила его: это же за ним они с Мирой следили тогда, в торговом центре. Вот оно что. А Мира так и не призналась, что это был именно он.

— Разрешите вас познакомить друг с другом, Дима, — это моя подруга Таисья. Та самая замечательная умница с математическим умом, участница всех наших общих авантур и просто очень хороший человек, — засмеялась Мира. — Таисья, это Дима.

— Вот так характеристику дала мне, — засмеялась в ответ Таисья.

— Очень приятно, наконец, вас увидеть — Таисья, — галантно сказал Дима.

— Взаимно, — она смущённо покраснелась. — А вы Дмитрий, так ведь? Тот самый лучший мужчина на земле?

— Неужели? — он хитро улыбнулся, перевёл взгляд на Миру.

— А кто-то сомневается? Лично я несколько, — пожала плечами она. — Таисья по-моему тоже. Она вообще склонна мне верить, да, подружка?

Под всеобщий смех сели в машину, Дима настоял, чтобы подвести Таисью до дому. Пока ехали, непринуждённо разговаривали обо всём на свете. Таисья заметила, что подруга впервые так влюблена. Да, она любит Дмитрия, её чувства заметны — можно не сомневаться. Хотя и прошло так мало времени. Однако в жизни бывает по-всякому, иногда любовь вспыхивает именно так — сразу — и охватывает всё твоё существо. Любовь, не страсть, не поверхностные чувства, а настоящие, глубокие. Это значит — два человека созданы друг для друга.

— Большое спасибо, что подвезли, — Таисья улыбнулась. — Метро, конечно, привычнее, но в нём нет такой чудесной музыки, как в вашем авто, и метро, увы, ещё не подвели к моей квартире, — пошутила она.

— Да, это большое упущение, — в тон отозвался Дима, — но кто знает, может, в будущем эту ошибку исправят?

— Надеюсь, — Таисья подмигнула Мире, показала поднятый вверх большой палец, попрощалась и упорхнула.

Данилевский поправил очки, посмотрел на часы.

— Так кто там у нас лучший мужчина на земле? — спросил он, повернулся к Мире.

— Вот уж не знаю, а что есть претенденты? — сдерживая улыбку, уточнила она.

— Есть один, я его знаю лично. И умный, и красивый, и хорошо воспитан.

— Ой-ой, не многовато ли достоинств? — усомнилась Мира.

— В самый раз, — он прижал её к себе и стал целовать. На секунду прервав поцелуй, добавил, — ещё и отменно целуется. — Мира хихикнула и чмокнула его в нос.

Дима лежал в кровати своей квартиры и вспоминал сегодняшний вечер. Ему понравился задор, непринуждённость и чувство юмора между Мирой и её подругой. До этого момента он не видел, как она общается с друзьями, какой может быть. Не видел и не задумывался. Он всё больше открывал для себя Миру и то, что видел, ему было по душе. Она представлялась ему чем-то вроде книги, которую чем больше читаешь, тем интереснее. И в какой-то момент понимаешь, что книга стала любимой. А некоторые её главы тебе особенно нравились.

И хочется их перечитывать. Но главное — всё впереди, потому что столько ещё не прочитано.

— Димка, не спишь? — неожиданно позвонил старший брат.

— Не, ещё не успел, — он сел в кровати, включил ночную лампу. — А почему тебе не спится?

— Да так, я всё думал, вспоминал о нашем первом визите в дом Миры. Как мы познакомились с Анной Андреевной. Чай этот гречишный, пирог — самый простой, квартира без современных девайсов, к которым мы у себя, конечно, привыкли. Но — с другой стороны — за всей этой техникой не потерялся ли сам человек? Его качества, умение согреть не только управлением микроклимата в доме, а словом, взглядом.

— Севка, да ты философ, — удивился Дима.

— Думаешь? А может, я просто старею? — засмеялся он.

— Или становишься мудрее. После знакомства с Мирой я сам как-то шире стал смотреть на жизнь, больше замечать, оглядываться, а ещё стараться видеть в людях их качества, а не социум, к которому они принадлежат.

— Да, соглашусь с тобой, брат, — он сделал паузу. — Мама больше не вмешивалась в вашу с Мирой жизнь? Не объявлялась?

— Нет, слава Богу, ни у меня, ни у Миры.

— Не нравится мне эта пауза, Дим. Будьте осторожнее. Как бы напоследок она не выкинула номер.

Глава 89

— Дима, простите, что я вмешиваюсь, — сказала Анна Андреевна, когда они все вечером собрались у них дома на чаепитие и становившийся уже традиционным пирог, обсудили подробности свадебной церемонии, точнее, просто росписи и домашнего фуршета. Платье Миры висело в её комнате, и как Дима не любопытствовал, его туда не пустили. — Но я всё-таки считаю, что вам необходимо оповестить свою маму о том, когда вы женитесь.

— Анна Андреевна, вы не знаете мою маму, — вздохнул он, — при всей моей любви и уважении, я предпочёл бы скрыть от неё дату. По своим соображениям. Она вполне способна помешать и сделать так, что у нас ничего не получится.

— Димочка, милый, вы не преувеличиваете? — она подлила ему чаю. — Безусловно, вы лучше знаете свою маму, и, может быть, у неё и были свои виды на вашу жизнь, но, в конце концов, она человек взрослый разумный и понимает, что нельзя за кого-то решать, с кем и как ему прожить жизнь.

— Боюсь, что Фаина Витальевна свои планы ставит превыше всего, — он почесал за ухом пуделя, который крутился под столом.

— И всё же, Димочка, пригласите её на свадьбу. Поверьте мне, спустя годы, вы будете сожалеть о том, что не сделали этого. А будет поздно, и раскаяние — страшная штука. Просто подумайте над моими словами. Вы молоды, но уже умны, я вижу. Умны и добры, а эти качества идут от сердца.

— Хорошо, Анна Андреевна, я подумаю над вашими словами, — закивал он. Мира сжала его руку.

На следующий день Данилевский позвонил матери и в обеденное время назначил ей встречу в кафе. Она пришла вовремя, пунктуальность всегда была её коньком. Быстро подошла к столику, скинула полушубок, поправила причёску, села напротив сына.

— Здравствуй, Дмитрий. Как твоя рука? — бегло просмотрела меню, отложила в сторону.

— Здравствуй, мама. Рука нормально, машину вожу, работаю. Всё хорошо, — ответил он, дал знак официанту. — Что будешь заказывать?

— Кофе по-восточному, — сказала она подплывшему официанту, тот кивнул. Дима нашёл в меню гречишный чай и заказал его. Ему вдруг подумалось, что, может, этот чудный напиток сегодня принесёт удачу?

— Итак, зачем ты хотел меня видеть? — Фаина Витальевна посмотрела на часы.

— Мама, дело в том, я хотел тебе сказать, я хотел тебя...

— Не мямли, пожалуйста, Дима, — она поморщилась, — никогда не можешь сам принять решение, ни на что решиться. Что за характер?

— Почему же — могу! — начиная злиться, сказал он. Эта злость придала ему решительности. — Именно поэтому ставлю тебя в курс, что через два дня я женюсь. На Мире, да, на той самой девушке, к которой ты ездила и уговаривала её отказаться от меня.

— Она сама сообщила тебе об этом?! — Фаина Витальевна ещё до конца не осознала сказанное младшим сыном.

— Какая разница? Дело не в этом. А в том, что я сам принимаю решение и сам строю свою жизнь. Ты теперь точно не будешь распоряжаться мной. Я беру в жены не Мишель, как ты хотела, а Миру. Этот вопрос решён и обсуждению больше не подлежит, — твёрдо сказал он.

— А ты на минутку представляешь себе, что твоя жизнь не просто изменится из-за того, что ты будешь женат? Я же ведь лишу тебя наследства и тех материальных благ, которые ты получал от меня, — она сделала глоток кофе, отставила чашку в сторону. Отвратительный вкус.

— Ну, я не жил иждивенцем, ты не можешь меня упрекнуть в этом. У меня есть жильё, работа. Причём работа не в твоей фирме, — заметил он.

— Но ты привык к шику, к роскоши, а этого у тебя теперь не будет, — сказала она.

— Зато у меня будет другое и оно, может, мне дороже во стократ, — был ответ.

— Иллюзии, наивные и губительные, я думала, что ты всё-таки умнее, Дмитрий Данилевский. Что ты нашёл в этой весьма средненькой девчонке? — она приблизилась к нему, пытаясь увидеть в его глазах сомнения, может, есть последний шанс уговорить, уломать, убедить?

— Наверное, самое главное, мама, — пожал он плечами.

— И что же самое главное?

— Любовь, нежность, искренность. Я почувствовал эту девочку уже давно, она приглянулась мне с первого дня нашего знакомства. Но тогда я ещё не осознал, насколько впоследствии она станет дорогá мне.

— А ты видел её дом? Это же убожество! Как и убожество вся её жизнь. Ко всему прочему больная мать. А ты представляешь себе, что за этой матерью нужен уход и чем дальше, тем больше. А где вы будете жить? Ты конкретно, где будешь жить? Там с тещёй в этой ужасной квартире? В крохотной комнатке? Или приведёшь эту Миру в свой дом? А она притащит туда свою мать? Вот тебе радость, сынок.

— Мама, прекрати сейчас же! — он повысил голос. — Заболеть может каждый человек, в том числе и ты. И может статься так, что и за тобой нужен будет уход.

— По крайней мере, ты и твой брат сможете нанять сиделку, — заметила она.

— Я не хочу обсуждать эту тему с тобой. И проблемы семьи Миры я буду решать тоже без тебя. Потому что это будут только мои проблемы. Мои и моей будущей жены.

— А ты умеешь решать чьи-то проблемы?

— Научусь, жизнь заставит, — он поднялся с места, бросил на стол купюру, — так и думал, что этот разговор не приведёт ни к чему хорошему. Не стоило и пытаться. Прощай, мама, — с этими словами он покинул кафе.

Фаина Витальевна достала из сумки телефон, набрала номер:

— Пробей по своим каналам, в каком из ЗАГСов на послезавтрашнее число расписывается мой сын, — обратилась она к кому-то. — Да, младший, конечно. Мне нужно знать точно ли там. Перезвонишь, да. И вот ещё что: записывай адрес, по которому надо будет кое-что сделать. Я позже расскажу тебе подробности.

Глава 90

Как только Данилевский поговорил по телефону с Мирой, пожелал ей хорошо выспаться перед завтрашним событием, послал много-много поцелуев, в дверь раздался звонок. Хозяин дома посмотрел на камеру: у подъезда стоял один из помощников матери в её фирме. Интересно, что ему понадобилось?

— Дмитрий, откройте, пожалуйста, мне надо кое-что передать вам от Фаины Витальевны, — попросил он.

— Гм, ладно, проходите, — он впустил нежданного гостя. Тот быстро поднялся на лифте, вошёл в открытую квартиру.

— Добрый вечер, — произнёс вежливо, не смея пройти дальше холла.

— Здравствуйте, — отозвался Данилевский. — Так что вы хотели? Точнее, Фаина Витальевна.

— Она просила передать вам подарок к завтрашнему событию, — он расстегнул куртку, стал копаться в её внутреннем кармане. — Простите, никак не найду. Разрешите пройти в комнату? А то неудобно в коридоре, — попросил он.

— Проходите, — разрешил Дмитрий. Молодой человек вроде как даже обрадовался, быстро разулся, прошёл в гостиную, куртку держал

в руке. Там внимательно ощупал и осмотрел карманы.

— А, вот она, — наконец нашёл то, что искал, — достал из кармана банковскую карточку, протянул её хозяину дома. — Фаина Витальевна просила вам отдать. Сказала, что дарит её на свадьбу.

— Зачем? — Дима смотрел на карточку в руках молодого человека и не брал её.

— Подарок, — почему-то виновато улыбался он, такой простачок, и всё ещё протягивал карту.

— Мне не надо никаких подарков, — Дима отошёл к дивану, будто опасался, что молодой человек заставит его взять карту.

— У меня задание, я не могу уйти, не отдав вам карты, пожалуйста, возьмите, иначе меня уволят, — ещё минута и он станет канючить. Только этого не хватало. Что за фортель выдумала мать? Сама же пару дней назад угрожала лишением средств и помощи. А тут карту дарит, да ещё парня подослала с ультиматумом. Может быть, вручи сама, знает, что сын не возьмёт. Гордый. А парня ставит в дурацкое положение. Как и сына. Впрочем, это её хобби — ставить людей в нелепые положения.

— Что за фигня, — он чуть не выругался. — Ладно, оставляйте карту вот здесь — на столике. Я потом разберусь со всем этим. Что-то ещё?

— А можно у вас попросить водички? — ошарашенный, сказал парень. — Очень хочется пить. Только можно — не сильно холодной? Добавить из чайника тёплой? А то у меня вечный ринит, — пожаловался он.

— Какое мне дело до вашего ринита? — буркнул Данилевский и ушёл на кухню, но всё-таки подогрел воду в чайнике. Тем временем гость быстро оглядел комнату, что-то взял с дивана и спрятал в карман куртки.

— Большое спасибо, вы так любезны, — расплывшись в улыбке, сказал парень. Выпил воду и заторопился к выходу.

— Чудной какой-то, — прокомментировал Данилевский и отправился в душ.

Мылся долго, воду сделал такой горячей, что распарился почти как в сауне. Потом растёрся полотенцем и, обмотавшись им, вышел из ванной комнаты. Из крохотного японского приёмника лилась тихая музыка, за окном вальсировал снег. Дима сначала лёг на диван, но

быстро почувствовал, что Морфей зовёт в свои объятия. Едва разлепив веки, отправился спать. Хотел было проверить звонки и сообщения на телефоне, но не нашёл его. Ладно, завтра, всё завтра... Ночь вступила в свои права.

Этой же самой ночью Мира проснулась от запаха гари. Сначала не поняла, что это. Перевернулась на другой бок, но запах не исчез. Через пару секунд до неё вдруг дошло — в доме что-то горит. Мира села в кровати и увидела, как дым стелется из-под двери. Она резко открыла дверь и увидела, что дым валит со всех сторон, но больше всего с кухни. Девушка побежала в комнату матери, Анна Андреевна крепко спала из-за того, что на ночь пила обезболивающее. Странно, что и Беня не проснулся, хотя должен быть почувствовать неладное первым. Увидев Миру, он загавкал и забился в угол.

— Мама, вставай, пожар, мы горим, — закричала Мира и стала её трясти, — мамочка, поднимайся, мы горим.

Анна Андреевна открыла глаза, в первую секунду спросонья ничего не поняла, затем до неё дошло. Тем более что дым уже валил и в комнату.

— О, Боже, Мира, — Анна Андреевна тяжело поднялась с кровати, накинула халат, обулась.

— Мама, я звоню пожарным! — Мира заметалась в поисках телефона, он остался в её комнате. Она рванула туда, но огонь с кухни уже переместился и в комнату Миры. Горело и платье, которое висело на двери. Языки пламени жадно лизали кружева. Мира попыталась спасти его, но поняла, что бесполезно. Самим бы не сгореть. Она выскочила в коридор.

— Мама, не могу добраться до телефона, — крикнула громко.

— Дочка, я уже вызвала пожарных, — ответила Анна Андреевна, пытаясь сообразить, что в таких случаях спасают первым. За стеной стали стучать. Проснулись соседи. Затем позвонили в дверь. Подхватив подмышку собаку, Мира почти на ощупь стала пробираться к входу.

— Мама, выходи из квартиры, выходи, горит сильнее и сильнее, всё охвачено огнём и дымом, — крикнула она, нащупав замок входной двери, открыла его и выбежала на лестничную клетку, выпустила с рук собаку и вернулась обратно. — Мама, ты слышишь меня? — ответа не

последовало. Зато слышался вой пожарной сирены. На лестничной клетке стояли соседи и охали. Мира опять стала звать маму, но закашлялась, дым наполнял лёгкие. В следующий момент Миру грубо оттолкнули, а кто-то схватил за руку и стал тащить из квартиры.

— Мама, там мама, — Мира заплакала, но, казалось, её никто не услышал.

— В квартире ещё человек, — сказал низкий хриплый голос, нет, слышали, конечно. Один из пожарных побежал в комнату, куда указала плачущая девушка.

Наступило утро нового дня, Данилевский превосходно выспался, встал у окна, посмотрел на город. Хорошо-то как! Сегодня самый счастливый день его жизни. После ночного снегопада земля особенно преобразилась, ещё и выглянуло солнце — правда, декабрьское, но яркое. Такое солнце бывает зимой. Зарядка, контрастный душ, завтрак — если влезет от волнения, и позвонить Севке, не проспал ли этот мудрец.

Дима сделал всё, кроме звонка брату. Завтракать, конечно же, не хотелось, но хотя бы чашку кофе всё же надо выпить. Он сварил себе кофе, уселся на высокий стул у стойки. Хлопнул себя по лбу. Звонок брату, хотя... ну надо же, вот о ком он, прежде всего, должен был вспомнить — так это о Мире. Услышать дорогой сердцу голос. Данилевский нахмурился — почему же со вчерашнего вечера молчит его телефон? Он ни разу не брал его в руки. Не допив кофе, направился сначала в спальню, потом вспомнил, что на ночь телефон туда не брал. Вернулся в гостиную. Стал искать, телефона нигде не было.

Глава 91

Таисья приехала, как только Мира ей позвонила. Подруга не стала дослушивать подробности, а взяла такси и примчалась. Дверь в квартиру, как и окна, были открыты, пахло гарью, везде пена или её остатки, стены копчёные, часть мебели подгорела, Бень сидел возле Миры, та устроилась на уцелевшем и даже не закоптившемся стуле и смотрела в одну точку. Рядом валялось обгоревшее свадебное платье.

— Мира, — Таисья обняла подругу, Бень прижался к её ногам. — Что с Анной Андреевной? Где она? — она обвела взглядом помещение.

— Увезли в больницу, отравление дымом, но пожарные прибыли вовремя, — одноцветно ответила Мира. — Как здесь холодно, — она задрожала.

— Конечно, будет холодно, окна открыты, — Таисья закрыла часть окон. — На улице всё-таки зима. Что это у тебя за тряпка? — Тая подняла обгоревшее платье. — Ничего себе! — воскликнула она. — Мира, так у тебя же сегодня свадьба.

— Ну да, — согласилась Мира, — только идти не в чем и мама в больнице. Значит, и свадьбы не будет.

— А ты звонила Диме? Где он? Он приедет?

— Звонила. Он вне зоны доступа, — Мира по-прежнему не проявляла никаких эмоций. Это хуже всего, Таисья знала. Значит, замкнётся в себе.

— Как это вне зоны доступа? Он собирается за тобой заезжать или нет?

— Не знаю, — она пожала плечами.

— Что за ерунда! Как ему звонить? Диктуй мне его номер, — Таисья набрала номер телефона Данилевского — результат тот же. Абонент вне зоны доступа. — Какой-то нонсенс! Недоступен, когда у вас сегодня свадьба и когда он сейчас так тебе нужен.

— Он, наверное, передумал, — вздохнула Мира.

— С ума, что ли сошла?! — возмутилась Тая. — Да влюблённое мужика я не видела. Вы когда в последний раз разговаривали? Он звонил тебе вчера вечером?

— Да, — коротко ответила Мира, подробности ей рассказывать не хотелось, как и вообще это обсуждать.

— Ну вот, видишь, — Таисья закатала рукава, пошла за ведром и тряпкой. Можно долго сидеть и ныть, а дело с места всё равно не сдвинется.

— А за ночь он передумал, — крикнула ей вслед Мира.

— Угу, только по ночам люди спят. И твой Данилевский наверняка спал как агнец. Хватит рассиживаться, давай хоть что-то попытаемся отмыть в этом доме, — решительно сказала она. — У нас до приезда жениха есть время, платье всё равно испорчено, поедете в ЗАГС так, по-простому. Или если он приедет раньше, успеете в какой-нибудь торговый центр, — предположила она.

— Он не приедет, — Мира упрямо гнула своё.

— Если ты ещё раз скажешь такое, я швырну в тебя мокрую тряпку! — повысила голос Таисья, — надо же так не верить человеку, который тебе без пяти минут муж. Живо иди сюда и помогай мне, — добавила она. — Потом позвоним в больницу и узнаем, как там Анна Андреевна. А позже, когда прибудет Дима, съездим к ней все вместе. Рот закрой — про тряпку помни.

Мира, молча, повиновалась. Таисья могла расшевелить кого угодно. Через час Бенья попросился гулять, так она пошла и с ним на улицу. Мира набрала номер Димы — по-прежнему вне зоны доступа. Неожиданно ей пришла в голову мысль позвонить Всеволоду. Они, когда ещё были в салоне, обменялись номерами телефонов. Так, на всякий случай.

Данилевский-старший трубку не брал, но хотя бы был доступен. Мира позвонила ещё раз — тщетно. Тогда она, памятуя совет Таисьи отвлекаться физическим трудом, опять взялась отмывать от копоти то, что уцелело. Больше всего пострадала кухня, там Мира и тёрла до тех пор, пока без сил не села на пол. Хлопнула дверь, пришла Таисья с Бенджамином.

— Ты что не слышишь, — она сунулась в кухню, — у тебя телефон разрывается.

Мира рванула в комнату, схватила трубку телефона, даже не глянув на его экран.

— Алло, — туда выдохнула. Таисья показала ей сделать громкую связь.

— Мира, привет, — на том конце провода был Всеволод, — прости, пожалуйста, я только сейчас увидел твои звонки. Что-то случилось?

— Севочка, милый, ну наконец-то, — она даже заплакала от радости, — а то пустота и такое страшное молчание. Будто всё вымерло. Только и я Тайка.

— Подожди, что вымерло? Кто такой Тайка? — ничего не понял он. Но она только всхлипывала. Таисья вырвала у подружки трубку.

— Здравствуйте, с вами говорит не кто такой Тайка, а Таисья — подруга Миры. Вы — брат Димы? — деловито спросила она.

— Да, Всеволод — брат Дмитрия Данилевского. А что, собственно говоря, случилось? Таисья, объясните мне толком.

Выслушав лаконичные и без эмоций объяснения подруги Миры, Всеволод схватился за голову. Попытался сам позвонить брату — то же самое, Дима был по-прежнему вне зоны доступа.

— Ничего не понимаю, — сказал он, перезвонив уже Таисье, она дала ему свой номер, в сложившейся ситуации с ней было легче решать вопросы. — Димка, действительно, вне зоны доступа. Я должен за ним заехать только через час, в таком случае отправлюсь немедленно. А вы пока утешьте Миру, пожалуйста. И позвоните в больницу, узнайте, в каком состоянии Анна Андреевна. Я тоже волнуюсь за неё.

— Хорошо, всё сделаю, как вы просите, Всеволод, — согласилась Таисья. — У нас тут работы непочатый край, нам есть чем себя утешить и отвлечь. Да, вот ещё что: свадебное платье тоже пострадало от огня, Мира по нему особенно горюет, говорит, что это ваш подарок. Придумайте что-нибудь, всемогущий Всеволод, а?

— Таисья, у меня ощущение, что мы быстро найдём общий язык, — улыбнулся он, — мне нравится ваша деловитость и чувство юмора.

— Мне тоже. Итак, на связи?

Всеволод быстро оделся, сел в машину, по дороге к брату звонил несколько раз — ничего нового, Димка был по-прежнему недоступен. Димка, его младший брат, кристально честный, на редкость порядочный. Ну не мог он ничего такого выкинуть, не мог. И Миру он любит по-настоящему. Только и говорил о том, как они будут вместе.

Всеволод въехал во двор, припарковал машину. Выскочил, к подъезду чуть ли не бегом, поскользнулся, едва удержал равновесие. В этот момент из подъезда выходила женщина с коляской, Всеволод помог ей спустить коляску по ступенькам крыльца. За это женщина ему открыла подъезд. Он помчался к лифту.

По привычке толкнул дверь в квартиру брата, обычно, когда знал, что зайвится брат, держал её открытой. Сегодня дверь была заперта.

— Сто чертей тебе в печёнки, открывай, что у тебя случилось? — заорал он, забыв о том, что можно позвонить. Затем дал кулаком в дверь. Поскольку дверь у младшего брата в квартире была дорогой и основательной, лупить по ней кулаками было, по меньшей мере, смешно. Не услышит. Всеволод спустился вниз и, наконец, догадался позвонить.

— Димка, какого ляда ты забаррикадировался за своей дверью?
— Сев, что ты буянишь? — отозвался в трубку домофона Дима.
— Ну, наконец-то! — завопил старший брат. — Мира права, ты будто испарился, исчез. Мы вообще подумали худшее.
— Что подумали и почему мы? — не понял Дима.
— Ты откроешь мне или мы так, и будем общаться через улицу? — Всеволод стал раздражаться. Бестолковый младший брат, он даже не подозревал, что случилось. Ещё и телефон выключил.
— Я бы рад тебе открыть, да не могу, — сказал Дима.
— Что значит, не могу? Ты что плетёшь?
— Сев, у меня замок в двери опять заклинило, я не могу её открыть, ума не приложу, что делать, — объяснил Дима.
— А позвонить в ремонтную службу твой ум не догадался? — Всеволод никак не мог успокоиться, так разозлился.
— Дело в том, что я не могу найти телефон, Сева. Всё утро его ищу, обыскал квартиру вдоль и поперёк. Нет телефона и всё тут.
— Тьфу, какой же дурак, — выругался Всеволод. — Дверь у него заклинило, телефон он потерял. У Миры ночью дома был пожар. Анну Андреевну увезли в больницу.

Глава 92

— Итак, я собрал всех участников событий, чтобы рассказать весьма любопытную историю, части которой мне удалось собрать воедино и докопаться до истины, — Турчанинов обвёл взглядом присутствующих в библиотеке дома Фертовского-старшего. — Многое из того, что я расскажу, известно хозяину дома, в том числе и от него самого, поэтому я прошу вас, Владимир Григорьевич, набраться терпения. Остальным будет интересно.

Фертовский-старший кивнул. Его после обследования и назначенного лечения выписали из клиники, а вот жене разрешили побыть дома только в выходные — Маша чувствовала себя лучше.

Приехали Николай с Надеждой, Сашу оставили дома с бабушкой. Вадим и Виктория сидели на диванчике возле стены. Елена Степановна скромно устроилась на стуле в углу.

— ... В 1812 году ваш предок Александр Астафьев был удостоен нескольких наград, одной из которых был клинок с инициалами его имени, — продолжил Турчанинов. Он прошёл вдоль стола,

остановился возле кресла. — Клинок был прекрасен, но не совершенен.

Так решила Беата Фертовская, урожденная Блажевич — ваша, Владимир Григорьевич, и твоей мамы — Вадим, прабабушка. Личность была неординарная, образованная, знала шесть языков, одна из самых красивых женщин в Европе. Она вызвала настоящий шок своим решением выйти замуж за обедневшего русского дворянина. На самом деле, всё просто — она потеряла голову от любви. Потеряла голову, но не практичность и деловой подход. Часть своего капитала она перевела в Россию, удачно вложила в дело.

Блистала она и в высших кругах. Была представлена Императорскому двору и даже завела дружбу с принцессами Милицей и Станой. У первого супруга принцессы Станы Беата однажды увидела гарнитур мужских украшений — пояса, аграф, шпоры, бляшки, и загорелась занять такой же гарнитур в своей семье. Недолго думая, она заказала гарнитур, очень похожий на княжеский, но решила добавить туда ещё клинок, который хранился в семье её супруга. Полька была тщеславной, она хотела, чтобы её гарнитур превосходил оригинал.

Однако клинок на фоне содержимого гарнитура выглядел бедновато, поэтому по совету ювелира Беата решила инкрустировать его рукоять и ножны дополнительно драгоценными камнями кроваво-красной шпинели. По заказу Беаты ножны клинка ещё обтянули тем же синим бархатом, которым изнутри был обит ларец.

По утверждению Владимира Григорьевича его прабабушка до определённого момента не знала истории, тянущейся за шпинелью.

— Да, именно так, — подтвердил он, пока, всё, что рассказал следователь, совпадало с теми сведениями, которые были известны Фертовскому-старшему.

— Хорошо, я продолжу, — сказал Турчанинов, — встреча и разговор Беаты с медиумом Низье Ангельмом Филиппом принесли ей душевную боль. Рассказав о проклятии, которое тянется за камнями, Низье напугал её. Она пожалела, что инкрустировала клинок шпинелью. Поэтому, пытаясь предупредить о грозящей опасности, Беата решила оставить послание своим потомкам.

Когда я разбирался в этом, то заметил: вроде как всё убедительно — на первый взгляд, пусть даже и замешана мистика, связанная с

проклятьем, хотя я лично большой скептик в этих вопросах. Быть реалистом обязывает профессия. Да, мне не давали покоя эти камни. И все истории, с ними связанные. Полные статистические данные собрать, конечно же, не удалось, так — отдельные истории, и те разнились в своих подробностях. О них сейчас я рассказывать не стану, займёт много времени. Понятно, что изначально камней было восемь, поэтому им и дали прозвище «Проклятие восьми». Однако к Беате попало всего четыре камня. Откуда тогда появилась формулировка — «Проклятие восьмого»? Что это — лингвистическая игра медиума? Допускаю неточность перевода, всё-таки Низье был не русским. А ещё странно, почему к проклятию вдруг стал привязан именно род Фертовских?

— Потому что камни были инкрустированы в клинок, принадлежащий нашему роду, — вставил Владимир Григорьевич.

— И что? Проклятие каким-то образом «перескочило» на него? Это же не вирус и не три условия в сказке, которые злой волшебник может поменять по своему умыслу. Владимир Григорьевич, вы хоть раз задумывались именно над этими фактами? Ведь таким образом можно притянуть и подогнать самые нелепые утверждения под любую удобную версию?

— Но это сказал не я, а Низье, — возразил он. — А потом Беата оставила нам послание.

— Вот теперь мы подошли к самому главному. А вы уверены, что знаете содержание послания вашей прабабушки?

— Конечно, знаю, — он пожал плечами.

— Разве вы читали оригинал? Вы знаете польский язык? Ведь Беата оставила послание на польском, — спросил следователь.

— Нет, польского языка я не знаю, поэтому даже не пытался прочесть, да ещё с витиеватым почерком прабабушки, я справедливо решил обратиться к специалисту, — пояснил хозяин дома.

— И специалист предоставил вам перевод? Тот самый, который вы мне дали, верно? — уточнил следователь.

— Да, так и есть.

— Дело в том, что я отдал оригинал нашим специалистам и разница в переводах между ними очевидна, — усмехнулся Турчанинов.

— Что вы хотите этим сказать? — Фертовский-старший даже поднялся со своего места. — Переводчик — сын моего давнего знакомого. Михаил филолог, лингвист. Ко всему проявляет живой интерес, весьма образованный молодой человек.

— А он проявлял интерес к вашему гарнитуру?

— Конечно, проявлял. Спросил результаты пробирной и геммологической экспертизы, был в абсолютном восторге от уникальной исторической ценности гарнитура, особенно — клинка.

— Так я примерно и думал. А он просил показать гарнитуру?

— Просил, даже сам приехал в мой дом, долго рассматривал его, восхищался отдельно каждой вещью, — сказал Владимир Григорьевич.

— А спрашивал ли, что вы собираетесь делать с гарнитуром? Каким образом хранить его дома?

— Конечно, его это интересовало. Он несколько раз подчеркнул, что хранить дома гарнитур небезопасно — могут украсть, а ещё может сбыться проклятие. Но я посчитал — восьмым в нашем роду является мой внук, а тогда Володя жил в США, так далеко отсюда, что ему точно не грозила опасность. А вот когда внук приехал в Россию, не сразу, но я понял — в чём-то Михаил прав. И решил ничего не рассказывать Володе. Но он случайно узнал о существовании гарнитура и стал настаивать, чтобы я ему показал эту семейную ценность. Вот тут я испугался по-настоящему.

— Напрасно испугались, Владимир Григорьевич, — отозвался следователь.

— Как это напрасно? Над моим внуком нависла угроза, проклятие камней, а я, по-вашему, должен спокойно реагировать на это? Ещё и сам подтолкнуть его к краю?

— Послушайте меня внимательно, Владимир Григорьевич, — попросил Турчанинов, сложил руки в замок. Все остальные сидели, не шелохнувшись. — За обивкой ларца было не послание вашей прабабушки, а самое обыкновенное письмо своим кузинам. Поэтому оно на польском языке.

Глава 93

— Как письмо кузинам? — воскликнул Владимир Григорьевич.

— А вот так. Там стоит обращение «*Moi drodzy*» — мои дорогие. Это относилось к двоюродным сёстрам Беаты, а не к потомкам, как можно подумать. В начале письма она кратко сообщила о здоровье сына и мужа, там всё в порядке. Потом было упоминание о каких-то векселях и обязательствах. А вот дальше Беата рассказала своим кузинам о гарнитуре, в частности о том, что встретила здесь, при Дворе Низье Филиппа, которому похвасталась драгоценностью. Медиум пригласил Беату на свой ближайший спиритический сеанс, где поведал ей все истории, связанные с «преступлениями» шпинели. И само собой разумеющееся, о проклятии, которое преследовало их владельцев. Всё это он увидел своим внутренним взором и порекомендовал Беате «*pozbyć się*»¹¹ от гарнитура. Это слово было подчёркнуто в письме. Сначала Беата поверила предсказателю, его авторитет при Дворе был несомненен. Но буквально через несколько дней Низье, видя отчаяние и смятение Беаты, пожалел её и чистосердечно признался в том, что ему хорошо заплатили за обман. Кто заплатил и зачем, Беата так и не узнала, Низье умолял её не допытываться и не искать, иначе им обоим грозит смерть. Но то, что на клинке нет никакого проклятья, он повторил несколько раз. А камни? Люди сами придумали им истории, придумали и поверили. Он утверждал, что мы всегда несём ответственность за поступки, и потому необходимо думать, прежде чем действовать.

— Но ведь Михаил утверждал совсем другое. Он даже показывал мне в письме некоторые ключевые слова, которые говорили о возможности выбора, к примеру, тьмы или света, — горячо возразил Фертовский-старший, всё ещё не веря в то, что сын его друга мог так обмануть.

— Какие слова он показывал — напомните, пожалуйста, — попросил Турчанинов.

— Вот слово — элигия, в переводе с польского оно означает «выбор» или же люцина — «свет».

— Владимир Григорьевич, кузин вашей прабабушки звали Элигия (*eligia*) и Люцина (*lucyna*). Это польские женские имена. Да, они означают — выбор и свет, но в данном письме это всего лишь обращение по именам. Вот и вся история про послание, камни и проклятье, которого не было, — закончил Турчанинов.

— Господи, — Владимир Григорьевич схватился за сердце.

— Володя, тебе плохо? — встревожилась Маша.

— Сейчас отпустит, Машенька, не волнуйся, — ответил он.

— Владимир Григорьевич, может, правда, успокоительного или таблетки? — Надя встревожилась не меньше, она-то знала все подробности и особенно страхи свёкра.

— Нет-нет, мои дорогие, уже отпустило, — он откинулся на спинку кресла.

— Пап, давай я принесу хотя бы воды? — предложил Николай и ушёл в столовую вместе со Степановной.

— Жень, мне непонятно вот что, — вступил в разговор Зорин, когда Николай принёс воды отцу, тот отпил глоток, поставил бокал на стол. Вадиму и Виктории всё, что они слышали, было в настоящую диковинку. Оказывается, вот какие страсти кипели вокруг семейной реликвии. — Каким образом письмо Беаты попало под обивку ларца, если оно предназначалось для её кузин?

— Ответа на этот вопрос у меня нет, но я могу предположить, что ваша с Николаем прапрабабка просто перепутала письма. Может, и было от неё какое-то послание потомкам, кто знает. И куда оно делось — загадка. Зато у нас есть письмо с правильным переводом, которое, кстати, разъяснило все тайны. Так что, его вполне можно считать посланием потомкам. Как ты думаешь, Вадим?

— Да, пожалуй, соглашусь с тобой, господин сыщик, — усмехнулся Вадим.

— Владимир Григорьевич, может быть, в другой раз договорим? — предложил Турчанинов, видя, как он нервничает.

— Нет, Евгений Борисович, давайте уж закончим сегодня. Я в порядке, правда. Постараюсь свои эмоции сдерживать. Но вы поймите и меня — такой удар, начиная от внука и заканчивая ложью переводчика Михаила. Как он мог? Чего добивался?

— Чего добивался? — следовательно задумался всего на секунду. — Он хотел напугать вас, да так, чтобы вы избавились от гарнитура. Зависть. Всё та же чёрная зависть. Низье хотя бы признался, что ему заплатили, и покался, сумев всё исправить. А вот ваш переводчик не пошёл по этому пути. Он намеренно исказил факты, усилив информационный негатив, таким образом, подталкивая вас к мысли, что вам ничего не остаётся, как избавиться от раритета. У нас был

разговор с этим молодым человеком, под нажимом он во всём признался.

— Мне так трудно это понять, ощущение, будто я совсем не знаю людей, — признался Фертовский-старший, — я столько лет прожил на свете, и, оказывается, ничего не понял в этой жизни. Я наивен, как младенец.

— Это не наивность, а, скорее, порядочность, честь, искренняя вера в людей, в человечество, — ответил Турчанинов, — мне-то как раз этого не хватает. Я везде вижу преступников, всех подозреваю — издержки профессии. Что поделать. Главное, не совершить ошибки, иначе страдает невинный.

— Жень, а что будет этому переводчику Михаилу? — спросил Вадим.

— Да ничего, мы ничего не можем ему инкриминировать. Плохой перевод письма? — он опять усмехнулся. — За это у нас в стране не сажают. Хотя я бы поговорил наедине с этим мальчиком, и кое-что объяснил бы ему. Но боюсь, что слишком поздно. Он уже испорчен. Как и ваш внук, простите, Владимир Григорьевич, но я вынужден сказать о нём. Хотя мы так и не нашли Вилли Фертовского — ни его, ни гарнитур, который он выкрал у вас со своим подельником, мы узнали некоторые подробности его жизни. Вы готовы их услышать?

— Говорите, — обречённо вздохнул Фертовский-старший.

— Ваш Вилли игрок, он подсел на это недавно, но успел задолжать довольно крупную сумму. Его подцепил на крючок некий инспектор в казино по имени Грум. Естественно, всё это там, в Штатах. Грум также связан со скупщиками краденого, в том числе, и произведений искусства, кражи которых — один из самых прибыльных видов преступлений в мире. По данным Интерпола, они стоят на третьем месте по доходности после торговли оружием и наркотиками. Как правило, здесь воровство осуществляется под заказ «чёрных» коллекционеров. Полагаю, что кому-то из них ваш гарнитур пришёлся по душе. Они навели справки, у таких везде есть связи. Хотя вы официально и не выставляли гарнитур, всё же проводилась экспертиза, его видели. Одним словом, вашему внуку предложили украсть у вас гарнитур, и, таким образом, отработать свой долг. Что он и сделал. Но поскольку Вилли не профессионал, ему дали напарника, а

точнее, поделщика в краже — вора-рецидивиста Игоря Бика. Кстати, он же и напал на Викторию — жену Вадима.

Надя переглянулась с Викторией. Вика ей единственной призналась, что её пытались изнасиловать, Надежда была в ужасе. Но обещала сохранить тайну подруги.

— Зачем? — удивился Николай. Фертовский-старший молчал, от услышанного он был в таком шоке, что предпочёл больше ничего не комментировать.

— А затем, чтобы отомстить. То есть у самого-то нападавшего Бика мести никакой не было, его опять же наняли. И нанял Вилли Фертовский.

— Что? — теперь бурно отреагировал Зорин, сжал кулаки.

— То, что слышишь. Бик признался: Вилли его нанял, желая отомстить непокорной «бабёнке», как он выразился, простите, Виктория.

— Я убью его! — Вадим покрылся пятнами.

— Вадик, я понимаю твою ярость, но убить ты его в любом случае не сможешь. Парня слишком хорошо спрятали, если он ещё... — тут Турчанинов замолчал, понимая, что все, кто сидит в этой комнате, так или иначе, являются родственниками преступника. А родные самыми последними отрекаются. Если отрекаются. Любовь — странная штука, она ищет оправдания, она часто отрицает очевидное, предпочитая «розовые» очки. Она прощает даже тогда, когда, кажется, нельзя простить.

— Наверное, на сегодня, хватит об этом деле, — тихо подвёл итог хозяин дома. Следователь понимающе кивнул.

Глава 94

— Мамочка, как ты себя чувствуешь? — Мира вошла в палату, увидела маму возле окна. Та лежала на кровати лицом к двери. Не спала.

— Лучше, дочка, всё хорошо, — улыбнулась, протянула ей руку. Мира поспешила взять руку матери в свою. — Слава Богу, я опасалась, что вы перенесёте свадьбу, — она заметила на правой руке дочери обручальное кольцо.

— Я хотела, но они сказали, что если перенесём, ты расстроишься. А так — добрая весть тебе будет на пользу, — Мира

покраснела.

— Они? — улыбаясь, переспросила Анна Андреевна.

— Да, эта сплотившаяся банда стоит за дверью.

— Сколько членов в банде? — не выдержав, засмеялась больная.

— Трое, утром к ним присоединилась Тайка. Они удивительно единодушно понимают друг друга, — ворчливым тоном заметила Мира.

— Так зачем же ты держишь их за дверью? Скорей приглашай сюда, — попросила Анна Андреевна. — Это мои доктора.

— Уверена? — Мире тоже стало весело. Она открыла дверь. — Заходите, по вас соскучились и утверждают, что вы все трое — лучшее средство от болезней.

— Добрый вечер, — первым вошёл Дима, в руках крохотный, но очень изящный букет цветов, — это вам, Анна Андреевна, — протянул букет. Она тепло поблагодарила теперь зятя и попросила сесть рядом с кроватью.

— Димочка, мой хороший, если бы вы знали, как я рада, что вы стали мужем моей дочери. О лучшей партии Мире и не мечтать. Добрый, порядочный, умный. Вы напоминаете моего мужа. Я хочу, чтобы вы были счастливы с моей дочерью. Мира, пообещай мне любить, жалеть и заботиться о Дмитриии. От тебя будет зависеть очень многое.

— Обещаю, мамочка, конечно, — Мира взяла его за руку.

— Анна Андреевна, я тоже, в свою очередь, обещаю сделать всё, чтобы ваша дочь была счастлива, — сказал Дмитрий, — можно я буду вас называть — мама Аня?

— Всенепременно, Димочка, — в её глазах блеснули слёзы.

— А что тут случилось? Почему плачем? — в палате появились Всеволод и Таисья. — Анна Андреевна, не слушайте вы их, Димку вообще надо слушать и делить надвое, да? — Всеволод подошёл к её кровати. — Он у нас сегодня отличился по всем пунктам.

— Севка, я хотел взять тебя в разведку, но опасаясь, что ты, хоть и заболтаешь врага насмерть, но и выдашь все наши тайны, так, ненароком, — пошутил Дима.

— Молчу-молчу, — примирительно сказал Всеволод, — я лишь хотел сказать, что ты успел по всем пунктам — заехал за невестой, купил ей по дороге платье, не свадебное, но очень красивое, забежал в

ЗАГС, быстренько сказал «да», надел Мире колечко и себе, кстати, тоже. Потом опрокинул с нами бокал шампанского и даже успел заказать в магазине кое-что для ремонта. Молодец, что ещё сказать.

— Так вы собираетесь делать ремонт? — уточнила Анна Андреевна. — А как же «медовый месяц»? Мирочка, ведь так положено.

— Мама, ну какой «медовый месяц»? У меня конец семестра, скоро зачёты, потом экзамены. Ты в больнице, дома разгром. Мы с Димой, пока тебя нет, решили там делать ремонт. Как раз успеем к твоему приходу, ведь у тебя скоро операция на суставе, помнишь? Квота выделена. Тянуть не стоит.

— Правильное решение, — поддержал Всеволод, — и мы с Таисьей поможем в ремонте, верно?

— Поможем, конечно, Анна Андреевна, не волнуйтесь, — кивнула Тая.

— Тогда вы не банда, а союз, альянс, — сказала она, — замечательные, дружные. Как же мне хорошо, когда вы рядом — мои дорогие.

Первой домой отвезли Таисью, ей уже несколько раз звонили из дома, волновались, она, как уехала с раннего утра, так больше и не появлялась. Особенно волновался друг её брата, которому на завтра надо было уезжать, а он так и не объяснился с Таисьей. Молодой человек подумывал о женитьбе, и сестра его друга показалась ему самой подходящей кандидатурой. После командировки он решится с ней поговорить серьёзно.

Всеволод последним покинул палату Анны Андреевны, сидел возле её кровати, о чём-то шептался, смешил, затем попрощался, поцеловав ей руку. Дима с Мирой лишь переглянулись. По дороге Всеволод вдруг замолчал, о чём-то задумался, на вопросы отвечал рассеянно. Довёз ребят до дома брата.

— Сева, всё нормально? — спросил Дима, они с Мирой ещё не вышли из машины.

— Ты ведь так и не нашёл свой айфон? — вместо ответа спросил Всеволод. Положил обе руки на руль.

— Нет, мне так странно это, — помотал головой Дима, — моя квартира не бездонный колодец, а я точно помню, что в последний раз

говорил по нему дома. Я звонил Мире.

— Послушай, а к тебе же домой приходил некий тип — один из помощников матери в её конторе? Ты утром мельком мне что-то говорил о нём, и о карте, которую этот тип принёс, якобы как подарок от матери.

— Ну да, он принёс эту карту, ещё попросил меня водички попить. Станный такой, мол, пьёт только тёплую воду, нельзя ли подогреть.

— То есть ты некоторое время оставил его в комнате без присмотра? — уточнил Всеволод. — Пока подогревал воду.

— Да, но я не слишком задержался, — пояснил Дмитрий.

— А твой айфон в это время где находился? В гостиной? В спальне?

— В гостиной, — сразу сказал он. — Да, в гостиной, я с Мирой разговаривал, лёжа там на диване.

— И ты, конечно, первым делом обшарил диван?

— Да сто раз! Чуть обивку не порезал, так отчаялся. Да ещё потом эта дурацкая дверь. Всё к одному. Если бы я только знал, что случилось у Миры, выпрыгнул бы в окно.

— Слава Богу, что не знал. Нам только твоих травм не хватало, — встала Мира, прижала его руку к своей щеке. Какой же долгий день, и сколько событий — и горестных, и счастливых.

— Да, Мира права. Собирать нам тебя по косточкам — перспектива мрачная. Так, ответь мне ещё на один вопрос: как быстро после ухода неожиданного визитёра ты обнаружил пропажу айфона?

— Если честно, то далеко не сразу — только утром, — ответил Дима, — я принял душ и лёг спать. Меня клонило в сон ещё при нём. А вот утром я и стал искать айфон.

— А что с дверью? Ты же закрыл за ним дверь и тоже больше к ней не подходил?

— Нет, больше не подходил. Сев, а почему ты задаёшь мне эти вопросы? — он нахмурился.

— Да, так, есть у меня на этот счёт кое-какие мысли. Видишь ли, когда я вызвал представителя из службы ремонта, то мужичок, потом занимающийся замком в твоей двери, утверждал, что поломка не случайная, — выдал Всеволод.

— То есть? — не понял Дима.

— Его намеренно вывели из строя, так он сказал. Замок очень хороший, не так давно было сделано перепрограммирование. Поэтому поломка в данном случае очень странная. Тебе не кажется, что всё это звенья одной цепи? — он посмотрел на брата.

— Айфон и замок? — уточнил Дмитрий.

— Ну да, — подтвердил Всеволод, — ладно, уже поздно. Во всём этом будем разбираться завтра. Я хочу поговорить и с полицией насчёт пожара, у меня и там есть кое-какие мысли. Бегите, ребятки, домой. Всё-таки у вас первая брачная ночь, — улыбнулся он.

Глава 95

Мира с удовольствием приняла душ, его мощные струи с множеством режимов повеселили её. Прозрачно-голубое мыло пахло морем, а полотенце было таким огромным и пушистым, что она обернулась в него несколько раз.

Дверь в спальню была открыта, Дима уже лежал на кровати поверх одеяла. Мира вошла неслышно, посмотрела на мужа, он, кажется, задремал. Вот так брачная ночь. Мира усмехнулась, сложила руки на груди и стала наблюдать, гадая, как скоро он почувствует её взгляд. Он лежал на спине, положив ногу на ногу, одна рука под головой, вторая покоилась на прессе. Весь такой расслабленный, умиротворённый. Мира даже залюбовалась, захотелось подойти, но она не сдвинулась с места. Продолжала наблюдать. Вдруг вспомнила, как они впервые встретились в метро при забавных обстоятельствах. А потом были ещё встречи, и как ей не нравился Данилевский, ровно до того момента, как они вместе не попали в аварию. А может, раньше? Когда он ей рассказывал о Шереметьеве? Ведь тогда в кафе ему звонила экс-невеста, а он ей не перезвонил и потом в машине тоже. Потому что ему уже тогда была важнее Мира. Её это подкупило.

А в больнице она поцеловала его сама. Зачем? Повинуясь сиюминутному порыву, ну и желанию тоже. Ей хотелось его поцеловать, Мира тогда почувствовала нежность. А потом опять пауза, вслед за которой неожиданная встреча в торговом центре. И ревность. Ух, как тогда Мира заревновала, она была готова придушить соперницу. А Данилевский всё понял, поэтому опять и появился. Именно тогда Мира поняла, что по-настоящему влюблена в него. Дима, Димочка...

Прошло несколько минут, он открыл глаза, увидел стоящую у двери Миру.

— Ой, прости, пожалуйста, я вроде задремал, — произнёс смущённо, сел в кровати.

— Задремал. Ещё немного и ты бы проспал брачную ночь, Дмитрий, так нельзя, — строго сказала Мира и тряхнула влажными волнистыми волосами.

— Как я люблю этот жест! — воскликнул он. — Люблю твои волосы, сделай так ещё раз, пожалуйста, — попросил ласково. Мира засмеялась, тряхнула волосами.

— Красиво, — он поднялся с кровати, подошёл к жене. — В тебе всё красиво, каждая твоя черточка.

— Не преувеличивай, муж, — она усмехнулась.

— Муж, — он задумался, — звучит очень симпатично, — сделал вывод, — мне нравится это слово. А ещё мне нравится слово — жена. Моя любимая жена. Моя Мира. Кстати, ты ведь по паспорту Мирослава?

— Да, Мирослава, но меня так никто не зовёт.

— Можно я буду звать тебя Мирослава?

— Можно, зови, как тебе хочется, — она посмотрела в его глаза.

— Тогда иди сюда, моя Мирослава, — крепко обнял жену. Затем взял её на руки и отнёс на кровать. Полотенце быстро оказалось на полу. А губы обожгли её тело...

Всеволод проснулся раньше обычного, у него теперь была забота — на несколько дней приютил у себя Беню, поэтому надо пуделя выгуливать. Бенджамин весьма быстро освоился в чужом доме, и решил спать исключительно в ногах нового временного хозяина. Всеволод махнул рукой, пусть делает, что хочет.

Ранним холодным утром они вышли на улицу, Бенья, быстро перебирая лапками, сбегал в кусты, сделал там свои дела и рванул к подъезду. Но новый хозяин не торопился домой, хотя и продрог, это было видно невооружённым глазом — он съёжился, уши без шапки сразу покраснели, как и нос. Пудель вопросительно гавкнул, встал у подъезда. Всеволод всё ещё стоял в задумчивости. Бенья гавкнул громче.

— Иду-иду, — наконец отозвался Всеволод и к радости пуделя направился к дому.

Позвонив на работу, Всеволод предупредил, что с утра задержится. Сам же поехал в офис к матери. В приёмной никого не было, поэтому Всеволод сразу решительно вошёл в кабинет. Фаина Витальевна сидела за столом и разговаривала по внутреннему телефону. Увидев старшего сына, она несколько растерялась, но быстро взяла себя в руки. Показала ему знаком сесть. Он сел, пока мать разговаривала по телефону, невольно взглядом окинул большой полукруглый стол, который она занимала. Она любила всё крупное, масштабное. На столе было довольно много предметов — папки, файлы, принтер, футляр с перьевой ручкой и прочее, но только один из них привлёк внимание Всеволода. Айфон. Он мог дать голову на отсечение, что этот айфон принадлежит Димке, потому что заднюю панель-крышку они выбирали вместе. Брат, как увидел её, сразу загорелся купить, хотя Всеволод насмешничал — кожа буйвола со вставкой под кожу рептилии в синем цвете. Слишком фасонисто, а Димка сказал, что элитно. На том и сошлись. И вот теперь на краю стола матери под бумагами выглядывала часть этой самой синей рептилии.

— Я слушаю тебя, Всеволод, — Фаина Витальевна закончила разговор по телефону, повернулась к сыну.

— Мама, ответь мне честно: это ты же дала задание выкрасть накануне свадьбы Димкин айфон? — он взял со стола карандаш и стал вертеть его между пальцами.

— Что за нелепые фантазии приходят в твою голову? — на её лице не дрогнул ни один мускул.

— Фантазии? — удивился он. — А как тогда ты объяснишь наличие вот этого на твоём столе? — отодвинул бумаги и быстро вытащил из-под них айфон.

— Кто дал тебе разрешение трогать вещи на моём столе? — непритворно возмутилась Фаина Витальевна.

— Ты не ответила на мой вопрос, — Всеволод держал в руках айфон и уже не сомневался в том, что тот принадлежит брату.

— Что ты себе позволяешь? — Фаина Витальевна стукнула по столу так, что часть бумаг чуть не слетела на пол.

— Пока ничего, — невозмутимо отозвался Всеволод, — а вот то, что делаешь ты, меня, честно говоря, приводит в недоумение. Это я мягко выразился. Чего ты хотела добиться тем, что выкрала айфон у собственного сына? Не удивлюсь, если ты ещё и причастна к поломке замка входной двери, так ведь?

— Да, это сделали по моей указке, — она вдруг перестала отпираться. Поднялась с места, подошла к окну, повернулась спиной к сыну. — Тебе не понять, когда ребёнок на твоих глазах же совершает роковую ошибку, — сказала глухо.

— Интересно, в чём же его, как ты выразилась, роковая ошибка? В том, что он захотел связать свою жизнь с той, которую по-настоящему любит?

— Что вы знаете о любви? — она резко обернулась. — Сопливые романтические бредни о рае в шалаше? Жизнь — проза, наполненная буднями, проблемами, болезнями, ошибками, разочарованиями. Скоро, очень скоро Дима поймёт, как ошибся, женившись на этой плебейке. Хорошо, если она не успеет ему родить, и мой сын спокойно её бросит. По крайней мере, за ним не будет никаких обязательств.

— С чего ты взяла, что Димка бросит Миру? — удивился Всеволод.

— Потому что они не пара, не надо быть провидцем, чтобы понять это.

— А мы посмотрим, кто кому пара, кто кого бросит или будет жить счастливо до старости, — заметил Всеволод. Поднялся с места. — Мам, я от тебя многое мог ожидать, ты бескомпромиссная, авторитарная, но чтобы додуматься украсть у собственного сына айфон, а потом запереть его в квартире, и всё это ради того, чтобы он не женился на неуютной тебе девушке... Знаешь, это уже слишком. На что ты рассчитывала? Ну не в этот день, так в другой, Димка всё равно женился бы на Мире.

— У меня появилось бы время его отговорить, — жёстко сказала она.

— Нет, ты бы просто потеряла это время. Когда же ты поймёшь, что в жизни не всё происходит по твоим правилам? Отпусти Димку, смились с тем, что он решил жить так, как хочет.

— Нет!

— В таком случае, я буду вынужден ему рассказать про айфон и замок в двери, — предупредил Всеволод. Она ответила не сразу. Задумалась.

— Поступай, как хочешь, у меня есть оправдания. А теперь иди, у меня очень много работы. Не люблю праздность.

Всеволод направился к выходу, не успев закрыть за собой дверь, вспомнил о пожаре. Молча, махнул рукой, хватит уже разочарований.

Глава 96

— Ну, как тебе ремонт, нравится? — спросил Дима, они с Мирой зашли в квартиру посмотреть, как продвигаются работы. Часть мебели уже заказали, обещали привезти к окончанию ремонта. Мира прошла в кухню, которая пострадала больше всего. Уже было красиво, несмотря на то, что обои только начали клеить. В гостиной делали натяжной потолок — Дима настоял. В общем, дела шли весьма неплохо. Мира только иногда вздыхала по испортившимся памятным вещам, будь то старинный сервант или антикварная этажерка, которую подарила семье дальняя родственница из Санкт-Петербурга.

— Нравится, спасибо тебе, мой дорогой, — она поцеловала мужа и прошла дальше.

— Мирослава, я не совсем понял, почему комната мамы Ани такая маленькая? — крикнул Дима из коридора.

— Это вообще-то часть гостиной, мы просто её разделили на две неравные части. Квартира на самом деле двухкомнатная. Я уговаривала маму жить в моей комнате, она ни в какую, выбрала ту маленькую часть гостиной, — пояснила Мира, она нашла уцелевший альбом с фотографиями и на какой-то доске примостилась смотреть его.

— Понятно, — отозвался Дмитрий, — Сева приедет через полчаса, тоже захотел посмотреть, как продвигается ремонт. Настаивает, чтобы закончили до нового года, но я не уверен, что успеют. В любом случае, нам есть, где жить и где праздновать новый год, верно? Хотя, лучше бы закончили до нового года — маму Аню, может, отпустят на каникулы домой. А ты в курсе, что я нашёл для неё великолепный санаторий? Там и отдых, и реабилитация после операции.

— Мне иногда кажется, что ты — волшебник, — Мира подняла глаза, супруг стоял в дверях, наблюдал за тем, как она разглядывает старый альбом и бережно гладит некоторые фотографии.

— Не, я всего лишь твой любящий муж, — улыбнулся.

— Любящий волшебный муж, — она улыбнулась в ответ. — Я не привыкла на кого-то надеяться, от кого-то ждать, я всё решала и делала сама. А теперь мне ужасно нравится, что это делаешь ты. Но не, потому что я лентяйка или трусиха, а потому что я знаю — рядом со мной настоящий мужчина.

— Ммм, во сколько, я сказал, придет Севка? — он посмотрел на часы, потом перевёл хитрый взгляд на Миру.

— Через полчаса, — вспомнила она. — А что? Димка-а-а, что ты задумал? Это же вулкан какой-то, — она захихикала, потому что он подскочил и стал её целовать, между поцелуями щекотать.

— В гостиной, между прочим, диван вполне себе уцелевший и даже очень приличный, — шепнул Мире на ухо.

— Ой-ой, что ты делаешь, Данилевский.

— Соблазняю тебя...

Утомленные, но счастливые лежали на маленьком диване. Дима гладил и целовал руки жены. Она чувствовала тепло его плеча, крепко прижималась к нему.

— Знаешь, я подумал про фотоальбомы, — сказал Дмитрий. — У нас ведь когда-то тоже были подобные альбомы, маленьким я любил их рассматривать. А потом они почему-то исчезли. Когда мы переехали в большой загородный дом, альбомов уже не было. Потом мы ещё раз поменяли место жительства, так хотела мама, и стали появляться уже современные фотографии. Но мне всегда нравились те, старые, где были удивительной красоты лица, настоящие, что ли. Они не умели позировать, наверное, может, поэтому казались настоящими. Бабушки, дедушки, тётушки, какие-то дети, я их плохо помню, кто кому и кем приходился. Мама очень не любила рассказывать об этом. Сейчас я думаю, что ей хотелось поскорее забыть своё прошлое и своих предков.

— Почему? — Мира внимательно посмотрела на супруга.

— Её семья не была богатой, хотя и не особо бедной, скорее, среднего достатка. Но она почему-то всегда стыдилась этого, —

ответил Дима, — я как-нибудь расскажу тебе подробнее об этом, всё, что вспомню.

— Митюша, а ты ни разу не упомянул своего отца, где он, что с ним? — спросила Мира.

— Как ты меня назвала? Митюша? — он засмеялся.

— Не нравится? — Мира смутилась.

— Нравится и даже очень. У меня до школы была няня и гувернантка в одном лице, которая так меня называла. Это когда бизнес матери пошёл в гору, она и наняла нам с Севкой её — Ксению Давыдовну. Прекрасная была женщина, образованная, интеллигентная. Вот Ксения Давыдовна и звала меня Митей, Митенькой, Митюшей. Ровно до того момента, как услышала мама. Ох, и скандал она закатила. Больше Ксения меня так не звала. А мне очень хотелось услышать из её уст мягкое — Митюша. Вот ты сказала, что я — волшебник, а мне всё больше кажется, что это ты — моя волшебница. Благодаря тебе, моя дорогая жена, во мне проснулась не просто любовь, а нежность, чуткость, сердечность, ты мой свет, — он вздохнул, но не печально, а счастливо. — Насчёт отца? Они давно развелись с матерью. Я его помню плохо. Он вроде уехал за границу. По крайней мере, никогда о себе больше не напоминал. Надеюсь, что он жив.

— Да, пусть он здравствует, даже вдали от вас. Вот моего давно нет на свете, а мама всё помнит о нём, — сказала Мира.

— А ты замечала, как она оживляется, когда Севка рядом? — вдруг спросил Дима.

— Да, замечала. Только я подумала, что мне это кажется, — Мира подняла голову. — Димк, уж не хочешь ли ты сказать...

— Не знаю, не хочу ничего надумывать, сказал лишь то, что вижу. Мы сами себя порой не знаем. А теперь быстренько поцелуй меня и будем вставать, а то с минуты на минуту нагрянет Севка.

И, правда, через пять минут раздался звонок, появился Всеволод.

— Привет честной компании, — крикнул он ещё в дверях, — у вас обоих такие лица, будто вы делали что-то запретное, — сходу определил он.

— Вот никогда не промолчит, — покачал головой младший брат.

— Чего, угадал? В яблочко? — он спрятал улыбку. — Ребятки, простите старого болтуна. Честное слово, брякнул просто так.

— Привет, — Мира чмокнула его в щёку, пошла на кухню. — Может, чай заварить, кто будет чай? Между прочим, у меня в сумке есть целый пакет ватрушек, — крикнула уже оттуда.

— Золото, а не женщина, я же лучший в мире ценитель и поедатель ватрушек, — шутливо ответил Всеволод. Повернулся к брату. — Что с причиной пожара? Выяснили?

— Да, проводка подвела, — ответил Дмитрий. — Давно надо было менять. Но сам понимаешь, две женщины.

— Хорошо, что так. А то могло быть и другое, — кивнул Всеволод.

— Что ты имеешь в виду? — не понял младший брат. — Да, кстати, ты мне так и не рассказал, где нашёл мой айфон. Я ничего не понял из твоих намёков.

— Я тут подумал, что иногда не знать правду куда лучше и спокойнее, — Всеволод взял табурет и сел на него. — Меньше разочарований. Знаешь, есть такая штука — доверие. Это открытые и положительные взаимоотношения между людьми, содержащие уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека. Но когда доверие теряется, оно подобно утраченной жизни — невосвратно. А я хочу, чтобы ты был счастлив, ни в ком не разочаровался и не потерял то самое доверие, которое подобно жизни.

— Сев, я мало что понял, ты иногда любишь говорить загадками, — признался Дима.

— Потому что я стар и мудр, а ты наивный мальчишка. Нет, теперь ты уже не мальчишка, раз решил жить так, как считаешь нужным. Ты сделал свой выбор, Димка, иди теперь своей дорогой. Живи своей жизнью. Не думаю, что всё будет легко и просто, но знай одно наверняка — у тебя есть старший брат, который всегда поможет, всегда придёт на помощь. Ты мне веришь?

Вместо ответа он обнял брата. Подумал о том, что Всеволод ему больше, чем брат, он заменил отца — родной, преданный.

Глава 97

На майские праздники решено было отправиться на Кипр, давно собирались, но всё откладывали. Получилось так, что и Зорины заговорили о том, как хорошо бы где-нибудь отдохнуть. Прошлый год был тяжёлым для всех.

Посоветовавшись, собрали чемоданы и впятером отправились к Средиземному морю. Саша радовалась больше всех, в аэропорту она скакала на одной ножке, а в самолёте активно перемещалась по салону. До Ларнаки летели чуть больше четырёх часов. За это время успели посмотреть фильм «Всадник без головы», причём особенно увлечённо смотрела мужская часть компании — Николя и Вадим, женщины же больше разговаривали, периодически разыскивая Сашу. Та успела сблизиться с каким-то мальчиком и устраивала игры между рядами. Пристрелить Александру удавалось на 5-10 минут, не более.

Наконец вышли из самолёта, вдохнули тёплый воздух Кипра. Хватило сорока минут, чтобы добраться до Лимассола — одного из крупнейших городов острова. Там их ждал прекрасный отель на первой береговой линии. Заселились уже поздно вечером, поэтому, отложив на завтра поход на море, легли спать.

Зато рано утром обе семьи быстро искупались в Средиземном море и устроились на пляже под бархатным майским солнцем. Договорились, что на экскурсию поедут на третий день пребывания на Кипре, а пока — купание, солнечные ванны, прогулки, тем более что остров в мае ещё утопал в цветах.

Олеандры, которые сажали вдоль дорог и на разделительных полосах магистралей, были красивы, правда, ядовиты, но любоваться ими вполне безопасно. Окутывая улицы сиреневым туманом, поражали взор жакаранды. Один из местных жителей, разговарившись с Николаем, когда тот гулял с Сашей по улочке за отелем и остановился, чтобы полюбоваться настоящими «джунглями» жакаранды, рассказал, что это растение родом из Южной Бразилии. Оно настолько популярно в мире, что, к примеру, в Австралии при рождении ребёнка в роддоме вместе с младенцем выдавали саженец жакаранды. Саша заявила, что им тоже нужен саженец, да и младенец не помешает.

А когда они гуляли всей компанией, видели дурман-цветок. Тот самый, который изваял Данила-мастер для хозяйки Медной горы. Это от названия цветка на санскрите «Датура» произошёл глагол «одурманивать». Дон Хуан, учитель Карлоса Кастанеды, использовал дурман для достижения эффекта полёта.

Вся женская часть компании была в невероятном восторге от цветущей баугении. За красоту цветков его называли «Орхидным

деревом». А каллистемон за его тычинки мужчины смешно окрестили «ёршиком». Его деревья, как и эвкалипты, почти не отбрасывали тень.

Надежда узнала, что скоро в Лимассоле пройдёт фестиваль цветов. Они всенепременно туда пойдут. А пока лежали на пляже, неспешно прогуливались по берегу, плавали наперегонки — Николя и Вадим. Виктория много возилась в воде с Сашей, учила её плавать, а потом они на берегу собирали мелкие ракушки и разглядывали разноцветные камешки.

— Вика, из тебя получится идеальная мамочка, — заметила Надя, наблюдая за подругой и дочерью. Тему детского дома они обсудили ещё на Родине. Виктория улыбнулась.

— А вот и мы, — Николя и Вадим вышли из воды, оба стали подпрыгивать, вытряхивая воду из ушей — много ныряли. Надя посмотрела на мужа и вдруг вспомнила их «медовый» месяц на Сейшелах. Сколько же лет прошло? Семь. А кажется, всё было недавно. Ей вспомнилось, как именно там она по-настоящему влюбилась в собственного супруга, открыв в нём множество достоинств. Поймав внимательный взгляд жены, Фертовский улыбнулся, пятернёй убрал со лба мокрые волосы.

— Хочешь, угадаю, о ком ты думала? — всё ещё улыбаясь, спросил тихо.

— Так-так, и о ком же? — Надежда прищурила один глаз.

— Обо мне, конечно. Ты вспоминала наш «медовый» месяц на Сейшелах.

— Невероятно! Как ты догадался? — удивилась она. Николай взял её руку и поднёс к своим губам.

— Всё просто: солнце, море, пляж и мне напомнили о том периоде, о начале нашей счастливой семейной жизни, — ещё раз поцеловал руку своей жены. Надел тёмные очки, удобно устроился в шезлонге рядом. Надя поднялась со своего места, теперь она наклонилась над мужем:

— И я ни разу не пожалела, что стала твоей. Люблю тебя, — быстро поцеловала Николая в губы и пошла к воде, там веселились подруга и дочь.

— А кто нам принесёт мороженое? — крикнула Виктория, держа в руках на воде Сашу. — Дядя Вадим, наш коллектив возлагает на тебя большие надежды.

— Придётся их оправдать, — он поднял очки на лоб, послал воздушный поцелуй жене и Саше, те послали ответный, засмеялись.

Вадим пошёл вдоль берега по самой кромке воды. Мягкий жёлтый песок, тёплые волны, солнце не палящее — мягкое. Далеко на горизонте моря стояли несколько кораблей. Вадим с Николя хотели доплыть до них, но решили, что не стоит.

Зорин вдруг вспомнил роман Миры, где она отвела ему роль главного героя, точнее, он стал его прототипом. Время от времени Вадиму нравилось тайком перечитывать любимые моменты той немудрёной истории. А ведь там тоже был пляж, солнце и чувства.

— Димка, я так хорошо задремала, а ты меня поливаешь, — Вадим вдруг услышал знакомый голос, повернул голову, остановился как вкопанный. Не может быть... минуту назад он вспоминал о Мире и неожиданно услышал её голос. Так далеко от Москвы, от России, на солнечном острове. Поразительно...

Заметно постройневшая Мира в белом купальнике, с красивым бронзовым загаром, с распущенными длинными волосами — вскочила со своего шезлонга и бросилась догонять молодого человека, который перед этим, набрав в маску ныряльщика воды, окатил её. Вадим глаз с них не сводил. Миру он не видел с нового года. Знал, что она вышла замуж и счастлива. Теперь убедился в этом. Муж Миры, а это, скорее всего, был он, позволил себя догнать, а потом схватил её на руки, закружил, и они вместе упали в воду. Смеялись от души, смеялись и целовались. Девочка-креолка, девочка-студентка, девочка с редким именем. Она одна из немногих, кого Зорин будет помнить долго. Ведь никто и никогда не писал роман, посвящённый ему.

Вадим пошёл дальше, позволил себе только раз обернуться — Мира так и не заметила его, они с мужем вышли из воды. Он взял большое махровое полотенце и стал вытирать ей волосы — ласково, бережно, что-то шептать на ушко, от чего та, зажимая ладошкой рот, хихикала. Эти два человека были счастливы. Зорин поймал себя на мысли, что рад за них.

Через нашу жизнь проходит множество людей, но не каждый оставляет о себе тёплые воспоминания или светлые чувства, или благодарность, которая умиляет сердце. Порой упоминание одного

лишь имени человека согревает душу. Память подобна сосуду, чем мы её наполняем, тем она впоследствии наполняет и нас.

Глава 98

Раньше всех проснулась Виктория, ей не терпелось отправиться на сегодняшнюю экскурсию, приятное томление началось ещё со вчерашнего вечера. Она не могла себе объяснить, почему, но была уверена, именно эта поездка принесёт ей что-то очень хорошее. Вадим же, напротив, с утра никак не мог проснуться, он до последнего лежал в кровати, до тех пор, пока Фертовские уже не постучали в дверь. Внизу в отеле их ждал завтрак, а потом экскурсионный автобус, просили не опаздывать.

— Зорин, ты собираешься с нами ехать или нет? — Вика стояла уже в коридоре и закалывала волосы в хвост, положила тонкий газовый платок в сумочку.

— Собираюсь, куда я денусь, — проворчал Вадим, быстро принял душ, почистил зубы, стал натягивать шорты.

— Нет уж, надень, пожалуйста, те светлые брюки, которые висят на стуле, я тебе приготовила, — попросила Вика. — Мы всё-таки едем в монастырь, и я не знаю, можно ли там в шортах.

— Хорошо, — он не стал спорить.

— Я пошла вниз завтракать, наши уже там. Поторопись, пожалуйста, — с этими словами Виктория подняла вместо ободка на лоб тёмные очки.

— Как можно быть такой бодрой в эту рань? И ещё меня торопить, — Зорин надел брюки, прежде чем надеть рубашку с короткими рукавами, посмотрел на себя — загар уже окрасил его плечи, грудь и руки, красиво вообще-то. Правда, нос шелушился, но это мелочи. Он покопался в кремах жены, нашёл какой-то особенно вкусно пахнущий крем и намазал им нос. Остался довольным своей внешностью и пошёл вниз. Завтракать.

Саша сидела за столом одна и болтала ногами, её нос тоже блестел от крема.

— Привет, шеф, — сказал Вадим, сел напротив племянницы.

— Шеф? — хихикнула девочка.

— Конечно, ты же главная у нас. А как называют главного? — Вадим был сама серьёзность.

— Главгад? — предположила Саша.

— Кто-о-о? — Вадим чуть не поперхнулся, взял со стола стакан с соком и успел отпить глоток. — Откуда ты взяла это слово?

— Ну, так однажды сказала мама, она по телефону обсуждала с какой-то тетёнкой фильм и говорила, что главгад очень хорош, — пояснила Саша.

— Сашк, понимаешь, это мама так выразилась, на самом деле, главгад — это главный гад, то есть плохой человек, — Вадим едва сдерживал смех. С Сашкой надо держать ухо востро. — А вот и наши, чего принесли вкусного? — он взял из рук жены поднос.

— Всё, как ты любишь — омлет, салат, паштет, кофе, — ответила Вика. — Кстати, здесь просто божественные вяленые оливки. Хочешь попробовать?

— Хочу, всем доброго утра, — Вадим увидел Николая и Надю.

— Доброе утро, Вадик, — отозвалась Надежда, — как спалось?

— Спал как убитый, — ответил он.

— Оно и видно, никак не могла тебя разбудить, — Вика взяла оливку и сунула в рот мужу. Он закивал, жуя оливку. Потом большим пальцем руки показал восторг.

Через полчаса к гостинице подкатил большой комфортабельный автобус и Фертовские-Зорины удобно устроились на лучших местах. Их ждала северо-западная часть Троодосских гор. Присутствующая поприветствовала миловидная средних лет женщина, назвавшая себя Екатериной. Она рассказала немного о себе: живёт на Кипре уже пять лет, дочь учится здесь в школе, а сын пошёл в Кипрскую армию, которая разительно отличается от российской, конечно, в лучшую сторону.

Рассказала Екатерина и о Кипре, его истории, знаменательных датах, праздниках. Что климат здесь позволяет снимать до трёх урожаев в год.

Впереди путешественников ждала дорога в виде горного серпантина, но очень хорошая — широкая, без узких разъездов, по обочинам много мест для парковки и отдыха. Но они останавливаться не стали, потому что в месте, куда они направлялись, любили встречать ранних гостей.

Монастырь Киккос находился на высоте почти 1200 метров над уровнем моря, всего в 18 км от самой высокой горной вершины Кипра

— Олимпа. Построили его в лесах Троодосса, где невероятно чистый воздух и потрясающе красивая природа. Пока ехали, Екатерина успела рассказать и историю монастыря. Саша слушала внимательнее всех, поэтому гид часто обращалась именно к ней, называя лучшей в мире туристкой.

... Величественная обитель была основана в 1110 году. Именно она объединила греков и киприотов в борьбе с иноземными захватчиками. Происхождение названия «Киккский» имело несколько версий. Согласно распространённой точке зрения, оно восходило дикого кустарника, произрастающего в данной местности, называемым также коккос. Предание связывало название «Киккский» и с пением некоей птицы, которая в византийские времена облетала окрестные горы и предвещала основание монастыря такими стихами:

*На Киккской, Киккской горе будет обитель,
Золотая Госпожа в неё войдёт и никогда не выйдет.*

За свою долгую жизнь монастырь четырежды страдал от пожаров. История его основания неразрывно связана с иконой Богородицы Елеусы Милостивой, написанной апостолом Лукой с образа самой Богородицы.

— Вот мы и подъехали, — оповестила Екатерина, прерывая свой рассказ, — выходим и направляемся в соборный храм в главный придел, — сказала она. — Там я расскажу об иконе Богородицы. Затем дам вам время погулять самим по территории монастыря, зайти в музей, посетить торговые лавки. О времени встречи договоримся. Все поняли?

— Да! — громко и первой ответила Саша.

— Мне определённо нравится эта девочка, может, оставить её на Кипре? — пошутила гид и легонько дёрнула Сашу за косичку.

— Я бы осталась, — вздохнула Саша, — но без меня мама и папа жить не смогут, — привела она серьёзный аргумент. Николай и Надя переглянулись и засмеялись, как и все члены группы.

— Итак, мы в главном приделе соборного храма, — стала рассказывать Екатерина, когда они вошли в храм, — пожалуйста, подходите ближе, видите, уже довольно много народу, — попросила она. — Храм каменный. В нём три придела, южный посвящён Всем Святым, северный — Архангелам Михаилу и Гавриилу. Главный

придел, как я уже говорила посвящён Божьей Матери. В иконостасе она слева от Царских врат третья по счёту. Покрыта дорогим расшитым узором покровом. Именно такая Киккская икона Божьей Матери. Привезена была на Кипр из Византии, подарок императора как условие выздоровления его дочери. По легенде во время шествия от побережья с гор Троодосс деревья склонялись в знак уважения и почтения Святой иконе. С какого времени икона под покровом, точно никто не знает. Известно лишь, что патриарх Александрии в XVII веке попытался приподнять покров, но в ту же секунду был наказан слепотой. Хотя монахи обители рассказывают, что бывали случаи, когда перед некоторыми паломниками покров чуть приподнимался, это расценивалось как чудо и особая благодать. А вообще все чудеса, сотворённые иконой, отражены в летописях монастыря.

— Смотри, справа от иконы чёрный слепок руки, — шепнула Надежда Вике.

— Да, точно, — кивнула она.

— Вы верно подметили, — услышала их экскурсовод, — это напоминание об отсохшей руке человека, пытающегося своими помыслами и прикосновением осквернить лик Богородицы. — А теперь можете походить по храму, а затем и по территории обители, — добавила она.

Глава 99

— Надюш, я постою у иконы Богородицы? — сказала Виктория.

— Крёстная, я с тобой, ладно? — попросилась Саша.

— Дочь, ты будешь мешать крёстной, — возразила Надя.

— Мешать не будет, всё хорошо, — уверила её Виктория. — Мы с Сашей тихонько постоим, и каждая подумает и попросит о своём, да?

— Да, — кивнула девочка, взяла крёстную за руку и встала рядом. Надя отошла в сторону. Николай и Вадим отправились смотреть архитектуру монастыря.

На них произвели колоссальное впечатление фрески и мозаичные росписи на стенах монастыря, трапезной. А многочисленные переходы между ними запечатлели не только жизнь обители, но и историю христианства, сцены из Ветхого и Нового Заветов.

— Смотри, — сказал Николай, — каждый образ выложен цветной мозаикой так, что на расстоянии пары метров кажется — он выполнен

кистью художника, а не маленькими каменными осколками.

— Невероятно, правда, здорово! — подтвердил Вадим, он, то приближался к мозаичным полотнам, то отходил. — Вика ещё вчера весь вечер говорила об этом месте, я как-то скептически отнёсся к поездке, но сегодня понял, что мне здесь очень нравится. В обители дух особый, что ли?

— Дух, намоленная атмосфера, — пояснил Николай, — мне в таких местах очень спокойно, я ощущаю особую тишину, не пустоту, а тишину внутри себя. Прекращается внутренний диалог. Ты будто замираешь и чувствуешь себя, того, настоящего.

— Надо же, мы с тобой никогда не обсуждали подобные темы, — удивился Вадим.

— Наверное, пришло время, чтобы обсудить, — улыбнулся Николай.

За разговором они дошли до музея во внутреннем дворе.

— Пойдём в музей? — предложил Николай. Вадим с готовностью кивнул.

Тем временем Виктория стояла у иконы Богородицы, левой рукой сжимала ладошку крестницы, правой крестилась. Она не обращала ни на кого внимания, так была сосредоточена. А чуткая Саша не мешала. Она просто смотрела. В какой-то момент девочка вдруг заметила, что покров на иконе стал приподниматься — совсем немножко, но он точно двинулся вверх. Потом застыл.

— Вика, — тихо позвала Саша, — посмотри...

Виктория подняла глаза и тоже увидела, что покров чуть приподнят. В таком положении он продержался ещё несколько секунд, затем опустился и занял своё обычное место.

— Ох, — выдохнула Виктория. — Ты мой ангел, это из-за тебя произошло чудо, — они стояли у покрова как вкопанные и смотрели-смотрели, не в силах отвести взгляд. Но теперь покров был уже неподвижен. — Мне что-то не хорошо. Сашенька, давай пойдём на воздух? — попросила Виктория. Она переволновалась, ноги почему-то стали ватными и лоб покрылся испариной. Девочка кивнула.

Они вышли из храма и увидели открытую калитку в сад.

— Думаю, нам разрешат немножко посидеть в саду, — предположила Вика. Они сели на ближайшую скамью под

развесистым деревом, тень от которого не просто защищала от солнца, а создавала облегчающую прохладу.

— Нравится тут у нас? — неожиданно за спиной раздался вопрос на ломаном, но понятном английском языке. Виктория вздрогнула, обернулась. Старенький худой монах в потёртой рясе стоял возле дерева и приветливо улыбался.

— Простите, наверное, здесь нельзя находиться? — всполошилась Вика.

— Конечно, можно, отдыхайте, — он сделал знак рукой. — Как зовут вашу девочку?

— Александра, — ответила Вика. — Она моя крестница.

— Добрая девочка, светлая, — он погладил Сашу по волосам. Достал из кармана крохотный деревянный крестик, протянул его Саше.

— Спасибо, — она положила подарок на ладонку и стала внимательно рассматривать. — Крёстная, можно я погуляю по саду? — обратилась к Вике, потом перевела взгляд на старичка.

— Можно? — уточнила у него Виктория, он быстро закивал головой. — А как к вам обращаться? — спросила после того, как Саша вприпрыжку поскакала по саду.

— Отец Спиридон, — отозвался монах. — Я садовник, присматриваю за монастырским садом.

— Ах, вот оно что, — поняла Вика.

— Вижу, вам не терпится задать мне вопросы, — он опять улыбнулся. Смотрел так, будто уже знал все ответы. Взгляд проникающий и одновременно отеческий.

— Да, — Вика смутилась, — мне и, правда, надо кое-что узнать у вас, отец Спиридон, — она помедлила. — Почему в саду так пахнет водкой? — выдала первое, что было на уме.

— Дело в том, что я добавляю в опрыскиватель Зиванию — водку, — сел на скамью рядом.

— Зачем? — удивилась Вика.

— Чтобы отогнать мошек, которые портят цветы на деревьях, — застенчиво объяснил он, — мошки — Божьи твари, убивать их нельзя, а от водки они захмелеют и не помешают деревьям цвести в полную силу.

— Как это хорошо придумано, отец Спиридон, — засмеялась Виктория.

— И, правда, Бог надоумил, — закивал монах.

— Мы, когда с Александрой были в храме и стояли возле иконы, видели, как на ней совсем чуть-чуть приподнялся покров, отец Спиридон, — Вика решила, что надо рассказать об этом.

— Да, такое бывает. Редко, но бывает. Значит, Матушка решила особым образом вас отметить, — спокойно отозвался он. Добрые чуть прищуренные тёмные глаза смотрели внимательно.

— И вы так спокойно об этом говорите? — поразилась Виктория.

— «Чудеса, возбуждая удивление, мало содействуют святой жизни» — сказал преподобный Иоанн Кассиан, — процитировал отец Спиридон, — если дано, значит, так угодно. А причины нам искать незачем. Молились у иконы? От души молились, вот и пришло.

— Но, батюшка Спиридон, я молилась совсем о другом, — пояснила Виктория. — Мы после этой обители планируем заехать ещё в монастырь Троодитиссы, там есть пояс, который надевают женщинам, мечтающим о детях. Я тоже мечтаю о ребёнке, хотя мы с мужем уже думаем взять из детского дома, меня не оставляет надежда иметь своего ребёнка.

— Что же, желание иметь детей похвально, — согласился отец Спиридон, — только... — он сделал паузу, — поезжайте в монастырь Троодитиссы, но не за тем, чтобы просить, а чтобы поблагодарить, — сказал он и поднялся со своего места.

— Поблагодарить? — переспросила Вика. Она то и дело переспрашивала, боясь, что не до конца понимает английский язык кипрского монаха.

— Поблагодарить, — подтвердил он. — То, что так долго ждёте, в вас уже есть. Маленькое живое чудо в чреве. Будущей зимой у вас родится девочка, — сказал он и бесшумно ушёл в глубину сада. Опешившая Виктория ни посмела не переспросить, не задержать монаха. Через минуту прибежала Саша и преподнесла ей цветок, который нашла под одним из деревьев, рвать она не посмела. Девочка села рядом с крёстной и мягко прижалась к её плечу.

— Вот вы где, я вас уже потеряла, — появилась Надя, бегая по территории монастыря, она даже запыхалась.

— Мама, а мне дедушка крестик подарил, — Саша показала подарок матери.

— Какой красивый, — восхитилась Надя, — а что за дедушка?

— Отец Спиридон, — ответила за Сашу Виктория, она сидела задумчивая. — Он садовник в монастыре. Но, кажется, не только, ещё и провидец.

— Почему ты так решила? — Надя села рядом с ними на скамью.

— Он сказал, что в моём чреве уже ребёнок, что зимой родится дочка... — Виктория посмотрела на подругу, — Надя, это значит, что я...

— Это значит, что ты беременна, Вика! — Надя чуть не закричала от радости. — Ты же раньше скрупулёзно следила за своим циклом. А сейчас?

— В последние три месяца я перестала считать, следить, я уже смирилась... Надя, неужели я беременна?

— А вот зайдём в городе в аптеку и проверим.

Вечером все пять тестов, которые Вадим купил в аптеке, показали положительный результат.

Глава 100

Самолёт прилетел почти вовремя, Всеволоду не пришлось долго ждать. Дима и Мира увидели его первыми, они уже с багажом бодро шагали навстречу.

— Всеволод, разрешите засвидетельствовать вам своё почтение, — весело сказал младший брат.

— Привет, Севочка, — Мира улыбнулась.

— Привет, ребятки, — Всеволод взял из её рук багаж. — Какие вы красивые, — оценил он сходу, — загорелые, задорные, даже нос Димки не обгорел, что бывает редко.

— Узнаю юмор старшего брата, — хлопнул его по плечу, — да, мы здорово отдохнули, в том числе и мой нос.

— А мы привезли тебе подарки, — сообщила Мира, — выбирали продуманно, хотели угодить.

— Да вы что? Тогда, я нагряну к вам в ближайшее время. Ребята, честное слово, вы такие отдохнувшие, выглядите на все сто. Ну, Мира, понятное дело, всегда была красавицей, а тут даже Димку хоть снимай на обложку журнала, — без зависти отметил Всеволод.

— Мы просто счастливые, братик, — резюмировал Дима. Они все прошли к машине, пока мужчины укладывали багаж, Мира отошла в сторону, чтобы позвонить.

— Как дома? Что мама? — тихо спросил Дима, пока Мира не слышит. Всеволод обернулся, тоже посмотрел на невестку.

— Всё без изменений. Когда узнала, что вы улетели отдыхать, разразилась гневной тирадой, — Всеволод вздохнул, — она всё ждёт, когда вы разбежитесь, разведётесь. Она думала, что через какое-то время ты без её финансовой поддержки сдашься, признаешь свою неправоту и вернёшься в семью. Но ошиблась. И теперь лютует ещё больше.

— Понятно, ничего нового, — пожал плечами Дмитрий. — А ты как сам? Мне показалось, что у тебя-то как раз настроение не очень, это ты стал хорохориться, когда нас увидел.

— Заметил, — усмехнулся Всеволод, — не хочу сейчас обсуждать эту тему. Давай как-нибудь потом, ладно? — он опять посмотрел на Миру. Та уже закончила разговор по телефону и направлялась к ним.

— Мальчишки, мама приглашает нас к себе, она накрывает стол, наготовила много вкусного. Я, правда, попыталась отказаться, она чуть ли не в слёзы. Говорит, так давно всех не видела, что искренне соскучилась. Даже Бенджамин гавкал в телефон. Едем?

— Поезжайте, конечно, — Всеволод сел за руль.

— Что значит — поезжайте? — удивилась Мира. — Речь шла и о тебе, — села на заднее сиденье автомобиля.

— Мира, я сяду впереди, — уточнил Дима. — Да, Сев, куда мы без тебя?

— Я довезу вас до дома Анны Андреевны, не волнуйтесь, а сам ... у меня дела ещё есть, да и кое с кем надо встретиться, — он завёл машину, стал выезжать на шоссе.

— Это так срочно? Нельзя отложить? — Мире показалось — он ищет предлог, чтобы отказаться. — Мама сказала, что давно тебя не видела.

— Я как-нибудь потом к ней заеду, — он прятал глаза.

— Ладно, как хочешь, — Мира озадачилась, Дима обернулся, посмотрел на неё, помотал головой.

Ехали почти два часа, на одном из проспектов попали в «пробку», потом стояли на светофоре, который завис на красном свете. За всё это время брат с женой рассказали много интересного о Кипре, не удержались и признались, что один из подарков для Севы — это несколько бутылок вкуснейшего вина Коммандария.

— Его традиционно изготавливают в регионе Коммандария у подножия горного хребта Троодос, — Мира с удовольствием делилась сведениями, — оно было известно ещё в античные времена, когда на греческих празднествах в честь богов подавалось сладкое кипрское вино из изюма. Своё современное название оно получило от крестоносцев, рыцарей ордена Св. Иоанна. Его подавали на церемонии венчания Ричарда Львиное Сердце и Беренгарии Наваррской. Позднее король продал местность, где производят это вино, ордену Тамплиеров и Ги де Лузиньяну, но сохранил за собой поместье "La Grande Commanderie" неподалеку от Лимассола.

— Как интересно, — удивился Всеволод, — я на своём веку дегустировал много вин, но кипрское ни разу не попадалось. Спасибо, ребята, за ваше здоровье выпью с удовольствием.

Наконец подъехали к дому, где раньше жила Мира и где теперь их ждала Анна Андреевна.

— Сева, может, всё-таки зайдёшь? — спросила Мира, помогая Диме вытащить чемоданы из багажника. — Маме будет очень приятно тебя видеть, я уверена.

— Ну, я не знаю, стоит ли, — он поднял голову, посмотрел на окна квартиры. Тут же нахлынули воспоминания, будто и не было тех двух месяцев борьбы с самим собой и своими чувствами, когда он пытался забыть их последний разговор. Забыть эту женщину...

После операции и переезда Миры к Димке Всеволод стал появляться у Анны Андреевны часто. Они ездили по очереди, ей требовалась помощь, реабилитация шла не быстро. Мира, конечно, бывала у матери сначала почти каждый день, потом реже из-за начавшегося нового учебного семестра. Дима заезжал после работы, Всеволод мог иногда появиться даже в обед. Его бизнес, наконец, стал полностью автономным от матери и шёл в гору, появились новые перспективы, вышли на новые рынки. Димка устроился работать к брату.

Анна Андреевна радушно принимала и мужа своей дочери, и его старшего брата. Но до того момента, как почувствовала, что Всеволод не просто приезжает ей помогать, он ждёт чего-то большего, чем благодарность с её стороны. Нет, Всеволод не позволял себе ничего такого, что могло бы её оттолкнуть, но в его глазах она часто видела то

ожидание, то невероятную нежность, то отчаяние. Это не могло её не смущать.

Однажды, когда Всеволод заехал к Анне Андреевне в обеденное время и привёз целую сумку дорогих продуктов, позволил себе задержать в своей руке её руку дольше положенного, она решилась на разговор. Сказав, что любит его как сына, что благодарна за внимание, которое он ей уделяет. За то время, которое он тратит на неё. Что всю жизнь будет помнить о том, как они с Димой внесли необходимую сумму на операцию и оплатили все расходы, в том числе и эндопротезы. Что лучше Всеволода нет человека на свете, его и Димы. И она так рада, что Мира счастлива.

— А ты? Разве ты не хочешь быть счастливой? — перебил её Всеволод, впервые переходя на «ты». Слушая речи Анны Андреевны, он мрачнел.

— Теперь моё счастье — это счастье дочери, — ответила Анна Андреевна и опустила глаза.

— Но ты не можешь жить только этим! Ты же красивая ещё молодая женщина, — возразил Всеволод.

— Я не красивая и уже не молодая, — смущённо ответила она, — перенесла две сложные операции, а до них я ходила уже как старуха.

— Но ведь всё позади, ещё немного времени, и ты совсем поправишься. И никто не догадается, Аннушка, — Всеволод опять взял её за руку, но она аккуратно высвободилась. — Ты достойна, чтобы тебя любили, — добавил тихо.

Глава 101

— У меня была любовь — моего мужа, — напомнила она.

— Но его нет на свете уже много лет! Да, я понимаю, любовь не умирает, она переходит в светлую и добрую память, но живым живое, — он стал горячиться. — Неужели ты не видишь, какие я испытываю к тебе чувства?

— Севочка, милый, мне нечего тебе дать, — она покачала головой. — Я всегда буду тебе благодарна, но и только. Не теряй со мной время, ты молод, прекрасен, тобой хочется любоваться, в тебе столько энергии, любви, подари её той, которое выберет сердце.

— Оно уже выбрало, Анна Андреевна.

— Ты ошибаешься, ты принял за любовь заботу, сострадание, милосердие. Но всё это любовь другого рода. Может быть, она не менее важная и нужная. Но ты должен выбрать ту, с которой проживёшь всю оставшуюся жизнь. Я тебе желаю этого от души.

Всеволод больше не проронил ни слова, он поднялся со своего места и покинул квартиру. Сказал брату, что в ближайший месяц не сможет посещать Анну Андреевну, на что Дима не удивился, он понимал, что хлопот всем хватает. И потом маме Ане становилось лучше и лучше, она могла уже выйти из дома и даже дойти до ближайшего магазина.

Всё это Всеволод вспомнил сейчас, глядя на окна той, которую поклялся забыть. Он понимал, что совсем вычеркнуть её не получится — она мать Миры, но свести к минимуму визиты и общение необходимо. Что он и делал до сегодняшнего дня.

— Так ты идёшь? — Димка и не подозревал, какие страсти кипели в душе брата. Всеволод предпочёл не посвящать его в свои сердечные муки. Неизвестно, как бы он отреагировал, поддержал бы? Ведь Анна для него как мама. Он тут же подумал о своей матери. Да, Фаина Витальевна так и не приняла Миру, так и не смирилась с выбором младшего сына. Она ещё пару раз пыталась поговорить с Мирой, но наткнулась на достойный отпор. Один раз Мира просто не стала её слушать, в другой — парировала очередные высокомерные доводы своими аргументами. На что Фаина Витальевна пришла в ярость. Дима потом даже ездил к матери и просил её оставить в покое их семью. Особенно не трогать Мирославу, он теперь часто называл жену полным именем, уж очень нравилось. А для Всеволода она так и осталась Мирой, той девочкой, которую он впервые увидел в больнице у кровати брата. А ещё, у неё были глаза матери. Точно такие же. Самые красивые глаза, какие он когда-либо видел.

— Иду, но только ненадолго, у меня много дел, — всё-таки сдался.

— Тогда какого ляда мы вытащили чемоданы? — Димка стал запихивать их обратно. — Мог бы и пораньше решить. А то уговаривай, как красну девицу.

— Кажется, кто-то давно не получал в ухо, — Всеволод выразительно приподнял одну бровь. Дима машинально схватился за мочку своего уха.

Анна Андреевна не успела толком открыть дверь, как оттуда с радостным лаем выскочил Бенья, первой лизнул Миру, затем прыгнул на Диму и закончил Всеволодом. Никого не забыл, всем оказал внимание.

— Мамочка, мы приехали, все честной компанией, — Мира обняла Анну Андреевну, расцеловала в обе щёки.

— Вот и хорошо. Здравствуйте, мои дорогие. Проходите скорее, нечего толпиться в коридоре. Димочка, я испекла твой любимый пирог, — она с нежностью посмотрела на зятя.

— Спасибо, мама Аня, ты меня балуешь, — он обнял её. — Как ты себя чувствуешь? Ноги не болят?

— Всё хорошо, Дима, правда, — она перевела взгляд на его брата. — Добрый вечер, Всеволод, рада вас видеть, — вдруг её щёки залил румянец. — Прошу всех к столу.

Уговаривать долго не пришлось, быстро сели за стол, причём так, что Всеволод и Анна Андреевна оказались рядом. Всеволод тут же предложил открыть вино, которые привезли ребята с Кипра, но Мира сказала, что это подарок и тем более, сейчас его Сева не сможет попробовать, он же за рулём. Они соберутся как-нибудь вместе, когда он будет без машины, и уж тогда точно продегустируют Коммандарию.

— Тогда все пьём сок, — сказала Анна Андреевна, — в знак солидарности с Всеволодом, да? — она посмотрела на него и первой подняла бокал.

— Ура-ура! За наш приезд, — предложила Мира и тоже подняла бокал с соком.

Через некоторое время из кухни потянулись запахи жаркого, да ещё какие.

— Ой, у меня же в духовке индейка, — всплеснула руками хозяйка дома. Поторопилась на кухню. Через минуту появилась в дверях, — кто мне поможет вытащить её?

— Мамочка, я помогу, — вызвалась Мира, вскочила с места и готова была уже бежать, но муж её остановил.

— Ты нужна мне здесь, подготовим стол под большое блюдо, — Дима многозначительно посмотрел на Миру, — а маме Ане поможет Севка, да? — он повернулся к брату. — Ты же не откажешься помочь? Знаешь, мама Аня, у нас в семье Всеволод всегда был самым галантным и воспитанным.

— Почему это был? — возразил старший брат.

— Вот и докажи, что и сейчас ты не растерял своих положительных качеств, — тут же нашёлся Дима, — шагай на кухню, тебя ждут, — он даже подтолкнул брата.

— Как вкусно пахнет, — Всеволод посмотрел на хозяйку дома, они встали возле духовки. Анна Андреевна открыла дверцу, потыкала мясо, затем взяла со стола кухонные рукавички.

— Наденешь? — она подняла на него глаза. И, не дожидаясь ответа, сама стала надевать на руки Всеволода две крупные рукавички в горошек. Он остановил её, сдержанно улыбнулся. Затем притянул к себе. Такой большой сильный и одновременно чувственный. Тёмно-серые глаза, на подбородке едва заметная ямочка. Всегда гладко выбрит и ироничен. А ещё — он настоящий мужчина, во всём.

— Ты думала обо мне? — спросил он.

— Да, — она не сводила с него глаз. Настоящий мужчина позволил себе мягкий и короткий поцелуй, но ей и этого было достаточно, чтобы понять, как она соскучилась по нему. Эти два месяца его отсутствия дали ей возможность как следует обо всём подумать.

— Аннушка, — произнёс он почти шепотом.

— Молчи, — она кончиками пальцев закрыла ему рот, прижалась сильнее. — Сева, что же мы делаем? Уму непостижимо! Я же намного старше тебя.

— Всего лишь на одиннадцать лет, моя дорогая, это так мало по сравнению с тем счастьем, которые мы можем дать друг другу. Пока способны, пока хотим. Ты можешь мне не верить, но я люблю тебя...

— Ты будешь ждать, когда я решусь тебе сказать то же самое? Я пока не готова признаться в любви, но я осознаю, как эти два месяца мне тебя не хватало. Ты мне нужен...

— Димка, тебе не кажется, что жаркое всё-таки подгорело? — Мира повела носом. — Чего они оба там застряли?

— Кажется, сегодня я более внимателен, чем ты, жена моя недогадливая, — усмехнулся Дима. — Пожертвуем индейкой, зато они, наконец, разберутся в своих чувствах, — добавил он, зевнул. Всё-таки после перелёта надо отдыхать, дома ждёт такая мягкая и уютная кровать, что хоть сейчас сбегай туда. Но их вещи в машине Севки.

— Ты заметил и давно? — Мира в удивлении уставилась на мужа.

— Конечно, давно. А потом видел, как брат переживает после того, как перестал сюда ездить. Однако у нас не принято расспрашивать и лезть в душу.

— Но со мной ты тоже это не обсуждал, — заметила Мира. — Зато теперь сделал всё, чтобы помирить их.

— Ты первой начала, — указал он, — ты же придумала притащить сюда Севку?

— Дима, да мы с тобой стратеги, ещё какие! Предлагаю выпить этот сок за счастье наших любимых родственников, которые, надеюсь, будут вместе, — Мира подняла бокал.

— Принято! — согласился Дима, потом зевнул. — Девочка моя, давай, как только Севка отвезёт нас домой, завалимся спать? Ещё немного и я лягу прямо под столом, рядом с Беней.

— Неа, и не мечтай, — Мира смешно наморщила нос.

— То есть? Почему я не могу мечтать о крепком, здоровом сне?

— Потому что у тебя есть молодая и красивая жена, которая будет тебя соблазнять. Ляжешь на кровать и будешь мной наслаждаться. Так и быть, сегодня я твоя искустельница.

— М-м-м, это мне по душе, — он сразу приободрился. Притянул Миру к себе и поцеловал в губы. — Как же я тебя люблю, Мирослава.

— И я тебя люблю, Дмитрий Данилевский.

А индейка всё-таки сгорела...

Глава 102

— Вика, ты не устала? Может, посидим вон на той скамье? У тебя ничего не болит? — Зорин суетился с самого утра, ещё там, в отеле. Он вообще после того, как узнал о беременности жены, стал похож на наседку. Без конца спрашивал у Вики о её самочувствии, не жарко ли ей, не дует ли. Можно ли теперь плавать и загорать.

— Вадик, пожалуйста, перестань волноваться, — Виктория и подумать не могла, что Зорин будет так переживать. — Я прекрасно себя чувствую, у меня ничего не болит и мне можно, если не всё, то хотя бы многое, — уверила она супруга.

— Вот, значит, что-то тебе всё-таки нельзя, — он схватился за голову и полез в интернет читать всё о беременных. Пришёл в ужас, пошёл советоваться с Николя, как тот переносил беременность

Надежды. Николя ответил, что спокойно. Женщины сами знают, что и как. Он лишь помогал тогда, когда она о чём-то просила. Вадим возмутился таким хладнокровием, больше похожим на равнодушие. Обозвал брата чёрствым и засел опять читать о беременности. Ему пришло в голову, что пойти на фестиваль цветов Виктория не может — вдруг устанет? На это заявление супруга отреагировала довольно эмоционально, сказав, что из них беременным получается Зорин, а не она. Вот он и останется в гостинице.

А на улицах Лимассола праздник Анфестирия был в самом разгаре. По всему городу организовали выставки цветов и цветочных панно, звучала музыка, работали палатки с угощениями, аттракционы для детей. Саша в абсолютном восторге бегала от одного аттракциона к другому, тянула за собой, то маму, то папу. Она уже так наелась жареной на углях кукурузы, орехов, что сладкую вату отдала крёстной и умчалась к очередным каруселям, а потом вместе с кучей детишек встала возле музыкантов и приплясывала в такт весёлой музыке. Воздушные шары под радостное «ура!» взмывали в воздух. А под ногами было множество цветочных бутонов. Всё это создавало особую атмосферу, праздничную, будто спустилась на землю сама Весна.

— Что ты прочитала об истории праздника? Просвети, — попросил Николай жену, она первой узнала про Анфестирию. Они все вдвоём стояли возле большого цветочного панно и внимательно разглядывали его. Неподалёку Вика и Вадим наблюдали мастер-класс по флористике, который давали местные жители.

— Название праздника «Anthestiria» происходит от греческого слова «anthos» — άνθος, что означает «цветок», — начала рассказ Надежда, одновременно наблюдая за дочерью, которой уже кто-то надел на голову веночек из полевых цветов. — На самом деле Анфестирия — это праздник, который имеет религиозную подоплеку, пришёл сюда из Древней Греции. Согласно легенде Дионис — бог виноделия и театрального искусства каждую осень умирает и каждую весну возрождается. Именно его возрождение, а также обновление природы и возрождение всего человечества и празднуют на Анфестирии. У киприотов этот праздник — один из самых любимых. Причём в центре внимания те растения, которые произрастают именно на Кипре, более двух тысяч видов, из которых сто пятьдесят в мире абсолютно уникальны. К обеду всегда проводят парад цветов. Мы

скоро его увидим, — улыбнулась Надя, заметив, что Саша бежит уже не только в венке, а ей вплели цветы и в косу.

Вадим махнул рукой Николаю и Наде, мол, идите сюда. Они подошли.

— А вы в курсе, что по традиции праздника надо всенепременно подарить цветы тому, кого любишь? — спросил он. — На ярмарке нарочно сбавляют цену, чтобы каждый мог сделать подарок любимым. — С этими словами он купил целую корзинку ирисов и преподнёс её Виктории. Николай же предпочёл подарить жене орхидею. Прибежавшей Саше от папы и дяди Вадима достались ромашки и лаванда.

— Ой, смотрите! — закричала Саша, увидев, как по улице начало движение карнавальное шествие — колесницы и платформы, декорированные цветами. Между ними шагали дети, наряженные в костюмы Весны. Часть из них сидела по бокам платформ. А вот на самом красивом цветочном корабле сидела королева праздника, она и девушки из её свиты осыпали гостей лепестками роз. — Мамочка, пойдём вместе с ними? — попросилась Саша, заметив, что дети из толпы присоединяются к шествию. Надя засмеялась, покачала головой, но дочь стала настаивать, тянула её за руку.

— Сходи с ней, Надюш, — посоветовал Николай. — Это будет воспоминание на всю жизнь.

— Ну, ладно, убедили оба, — сдалась Надежда и вместе с Сашей присоединилась к фестивальному шествию, посадила дочь на одну из цветочных платформ, сама шла рядом. Кто-то из девушек свиты королевы надел на голову Нади венок и осыпал лепестками роз. Она счастливо засмеялась.

Николай в это время потихоньку двигался за ними и любовался. Неожиданно его кто-то толкнул в спину, а затем обогнал. Молодой человек обронил через плечо:

— I'm sorry, — и поспешил дальше. Фертовский в первую секунду обомлел. Потом рванул за ним. Хотя извинившийся и торопился, Николай смог не упустить его из виду. Затылок, волосы, рост, фигура, даже голос — всё это принадлежало Вилли. Он почти догнал сына, но тут его окликнул Вадим, который решил что-то спросить, они с Викой тоже любовались племянницей, которая уже сидела рядом с цветочной королевой. Николай повернулся и махнул

рукой в сторону Вадима, мол, не до тебя, и ... потерял из виду Вилли. Тот исчез, будто растворился в толпе. Фертовский кинулся в одну сторону, потом в другую, тщетно. Вилли нигде не было видно. Николай остановился в нерешительности. То ли показалось, то ли, правда, это был сын. Если он, то жив, хотя уже полгода от него нет никаких вестей. Маргарита теперь звонит чаще, переживает. История с сабельным гарнитуром стала забываться. Отец успокоился, теперь у него совсем другие хлопоты. Хотя, время от времени он вспоминает внука и тяжело вздыхает. Непросто пережить подрыв доверия, предательство близкого человека. Доверие. Оно несоизмеримо ценно и одновременно хрупко. От слова «вера» — в слова, мысли и поступки другого человека, в его честь и честность.

Николай ещё раз провёл глазами по толпе, нет, никого, похожего на Вилли видно не было. В груди вдруг так защемило, что захотелось уйти с праздника, но он вовремя вспомнил о том, что здесь не один, тем более что его дочери было так весело. Она с цветочного корабля махала ему рукой и кричала «папочка!». Нет, ничего в жизни не потеряно, пока у него есть дочь, жена, пока есть те, кому он верит, кого любит, и кто любит его.

— Я не знаю, что делать с этой женщиной, — подошёл возмущённый Вадим, — посмотри, что она делает, — показал на Вику, которая танцевала возле музыкантов, рядом кружились наряженные дети.

— Любить её, Вадим, любить, — улыбнулся Николай. — Не переживай, всё у вас будет хорошо. И ребёнок родится крепким и здоровым.

— Вот верю тебе, потому что ты старший брат и у тебя уже есть дети, — сказал Зорин. — А вообще, ты прав, Николя, любить душой и сердцем. Тогда можно всё преодолеть.

А вечером, когда Надя и Вика отправились вместе с Сашей на дискотеку, посвящённую празднику, а Николя и Вадим, сидя в кафе напротив, наблюдали за ними, позвонил Владимир Григорьевич Фертовский. Несколько часов назад его супруга Маша родила мальчика...

24 августа 2019 год.

notes

Примечания

1

Песня французской вокалистки ZAZ.

Боковая сторона клинка холодного оружия, ограниченная лезвиями или же лезвием.

Незаточенная часть клинка, прилегающая к эфесу или непосредственно к рукояти.

4

Металлический щиток для защиты кисти руки.

Монахи, отрёкшиеся от мира и отказавшиеся от материальных наслаждений. Они живут в пещерах, лесах или храмах по всей Индии.

Песня в исполнении Татьяны Булановой.

Воровской инструмент/отмычки.

Джеффри Гитомер.

Спектакль «Мой бедный Марат», рождённый в стенах МТЦ «Вишнёвый сад», теперь идёт на разных площадках Москвы и Подмосковья. Постановщик спектакля — режиссёр Вера Анненкова.

Исполнительница роли Лики — ведущая актриса МТЦ
«Вишнёвый сад» Алина Мазненкова.

Избавиться (польск.)